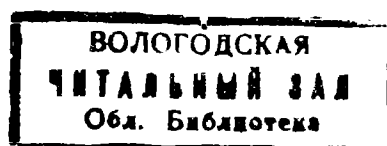

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5—6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1945

СТАТЬИ

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

(1918—1920 годы)

Д. Баевский

Великая Октябрьская социалистическая революция привела в октябре 1917 года к свержению власти помещиков и капиталистов и созданию могущественной социалистической державы.

В такой отсталой, мелкокрестьянской стране, как Россия, на путях к победе социалистической революции было немало трудностей.

Все враги ленинизма, все сторонники сохранения (а затем реставрации) капитализма в нашей стране считали, что «камнем преткновения» в осуществлении ленинско-сталинского плана построения социализма должна явиться «кондовая избяная Русь», сила многовековых традиций мелких собственников-крестьян, которые якобы являются сплошной реакционной массой противников социализма.

Товарищ Сталин на VI съезде партии (август 1917 г.) доказал несостоятельность троцкистско-бухаринской контрреволюционной схемы неизбежности столкновения между вступившим на путь социалистической революции пролетариатом и сплошной якобы реакционной массой крестьянства. Он показал, что в крестьянстве есть «верхи» и «низы», что врагами социализма и союзниками империализма являются только кулацкие верхи деревни. В заключение он сказал: «Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»¹.

Торжеством ленинско-сталинского творческого марксизма была победа Великой Октябрьской социалистической революции. На II Всероссийском съезде советов 8 ноября 1917 г. Ленин предложил решить вопрос о земле с учётом пожеланий самого крестьянства, выраженных в 242 наказах местных советов крестьянских депутатов. Уничтожение частной собственности на землю и превращение её во всенародное достояние советским правительством были проведены в соответствии с крестьянским наказом о земле. Таким образом, краеугольный камень в фундамент будущей социалистической деревни был заложен в полном согласии с волей самого крестьянства. Это было явным поражением врагов социализма.

В числе этих врагов не последнее место занимала партия эсеров, претендовавшая на роль «мужичьих радетелей». В программе этой партии в качестве социалистического мероприятия фигурировало уравнительное землепользование. Будучи у власти, эсеры ничего не сделали для проведения в жизнь своей аграрной программы, а крестьян, посягнувших на помещичью землю, усмиряли с помощью карательных отрядов.

Большевики ещё в период революции 1905 г. разоблачали мелкобуржуазную сущность лозунга уравнительного землепользования, но признавали его революционно-демократическое значение. Придя к власти, они в феврале 1918 г. издали декрет о социализации земли. При этом

¹ И. Сталин «На путях к Октябрю», стр. 138. М. 1925.

коммунисты «с полной точностью и определённою заявили: эта идея не наша, мы с таким лозунгом не согласны, мы считаем долгом проводить его, ибо таково требование подавляющего большинства крестьян. А идея и требования большинства трудящихся должны быть и ж и т ы и м и с а м и м и; ни «отменить» таких требований, ни «перескочить» через них нельзя. Мы, большевики, будем помогать крестьянству изжить мелкобуржуазные лозунги, перейти от них как можно скорее и как можно легче к социалистическим»¹.

Ленин считал, что социалистическая перестройка деревни возможна лишь при активном участии самого крестьянства. Лишь из собственного опыта крестьянских масс, говорил он, может вырасти движение их вперёд—к социализму. Партия большевиков было чуждо доктринёрство, стремление учить трудящихся, как школяров. Ей чужда была недооценка трудностей, стоящих на пути социалистического перевоспитания мелких товаропроизводителей. Ленин в 1918 г. говорил, что если сравнительно легко было «сместить врага вроде царизма, вроде власти помещиков, вроде помещичьего землевладения», то в области социалистической перестройки деревни «нам предстоит борьба шаг за шагом, вершок за вершком»².

Анализируя опыт первого года социалистического строительства в деревне, Ленин указал участникам этого строительства, съехавшимся на I Всероссийский съезд земельных отделов, комбедов и коммун, что партия большевиков считает возможным проводить ломку вековых устоев старой деревни и возведение фундамента новой лишь при участии самих крестьян-тружеников, лишь в согласии с их волей, «настойчиво, терпеливо, рядом постепенных переходов пробуждая сознание трудящейся части крестьянства»³.

С учётом успехов в пробуждении сознания крестьянства было издано в феврале 1919 г. Положение о социалистическом землеустройстве:

Этот новый законодательный акт был подготовлен практическими участниками социалистического строительства в деревне, делегатами I съезда комбедов, земотделов и коммун. Проект Положения был принят в пленарном заседании этого съезда 19 декабря 1918 года. После внесения в него незначительных изменений он был рассмотрен и принят ВЦИК 14 февраля 1919 года. Этот новый аграрный закон «есть суммированный результат опыта, проделанного самими низами»⁴,— писал один из руководящих работников Наркомзема. Народный комиссар земледела Середя в конце 1919 г. говорил, что уравнительная делёжка земли привела к распылению её и не оправдала надежд крестьян, так как в их руки «перешло 23 млн. десятин земли, но в большинстве губерний пришлось меньше десятины на едока»⁵. Бедняки и маломощные середняки на опыте убедились, что «социализация земли» не даёт им возможности поставить на ноги своё хозяйство, не уравнивает бедняка с богачом.

Меньше года понадобилось для того, чтобы значительная часть крестьянства изжила мелкобуржуазные иллюзии о спасительности уравнительного землепользования. Уже в ходе реализации первых советских земельных законов, в ходе раздела помещичьей земли весной 1918 г. обострилась классовая борьба в деревне. Летом 1918 г. в ходе ожесточённой борьбы с голодом и контрреволюцией и дальнейшего обострения борьбы между беднотой и кулачеством, по инициативе бедноты в деревне развернулось глубоко народное комбедовское движение. Оно было крупнейшим успехом ленинской линии на укрепление социалистиче-

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 398.

² Там же, стр. 423.

³ Там же, стр. 398.

⁴ «Еженедельник «Правды» № 9 от 23 августа 1919 г., стр. 7.

⁵ «Правда» от 2 декабря 1919 года.

ского государства, оно открывало новые перспективы в деле социалистического перевоспитания основного отряда крестьянства — середнячества.

Летом 1918 г. в обстановке голода, борьбы с контрреволюцией и интервенцией, когда кулаки поднялись с оружием в руках против советской власти, «середняк хныкал и колебался между революцией и контрреволюцией, пока свергали буржуазию, пока власть советов не была ещё упрочена, ввиду чего и приходилось его нейтрализовать»¹. Когда стало ясно, что «буржуазия свергнута «всерьёз», что власть советов упрочивается, кулака одолевают, Красная Армия начинает побеждать на гражданских фронтах»², — середняк начал поворачивать в сторону советской власти, что сделало возможным переход партии от политики нейтрализации середняка к политике союза с ним.

Ленин в конце ноября 1918 г. и выдвинул свой исторический лозунг — «уметь достигать соглашения с средним крестьянином — ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту»³. Последовательное проведение в жизнь этого лозунга стало необходимым условием социалистического перевоспитания среднего крестьянства, возможного лишь при активном участии его самого в социалистическом строительстве. Мелких товаропроизводителей можно «переломать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой»⁴, — писал Ленин. И эту ленинскую линию социалистического воспитания крестьянских масс, подготовки перехода их от единоличного к коллективному хозяйству проводили в жизнь все органы советского государства: земельные и продовольственные, финансовые и военно-политические, просветительные, и все массовые организации трудящихся и, в первую очередь, советы.

Естественно, что в начале нового периода социалистического строительства в деревне, связанного с переходом партии от политики нейтрализации середняка к политике союза с ним, встал вопрос о дальнейшем, более широком вовлечении среднего крестьянства в советское строительство. Между тем к этому времени комитеты бедноты, сыгравшие большую революционную роль в деревне и проделавшие значительную работу по завоеванию середняка на сторону советской власти, сплошь да рядом превращались из опорных пунктов диктатуры пролетариата в органы государственной власти. Создалось известное раздвоение власти в деревне, которое не только нарушало единство государственного аппарата, но и было чревато опасностью раскола между беднотой и середняком.

Над разрешением этого острого и сложного вопроса в октябре 1919 г. работало междупредоместное совещание при участии председателя ВЦИК Я. М. Свердлов, паркомов земледелия и внутренних дел и представителей Наркомпрода, Наркомфина, Наркомгосконтроля. Окончательное решение этого вопроса было дано лишь в постановлениях ЦК ВКП(б) (конец октября 1918 г.) и VI Всероссийского съезда советов, в которых ясно было сказано, что двоевластие между советами и комбедами может быть устранено путём перевыборов волостных и сельских советов и слияния комбедов со вновь избранными советами.

VI Всероссийский съезд советов 9 ноября 1918 г. постановил: «Незамедлительно приступить к перевыборам всех волостных и сельских советов, возлагая непосредственное проведение в жизнь перевыборов на комитеты бедноты»⁵. По поручению съезда, ВЦИК выработал и утвердил 2 декабря 1918 г. подробную инструкцию по проведению перевыборной кампании, в которой дана следующая мотивировка необходимости про-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 165 11-е изд.

² Там же.

³ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 294.

⁴ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 190.

⁵ «VI Всероссийский Чрезвычайный съезд Советов РК и КД», стр. 18. М. 1919.

ведения перевыборов в кратчайший срок: «Внешний нажим союзного капитала и попытки белогвардейских организованных союзниками восстаний требуют, чтобы по всей стране был быстро создан крепкий и единый аппарат рабоче-крестьянской власти»¹.

Таким образом, ВЦИК поставил в порядок дня ликвидацию «двоевластия» в деревне как неотложную задачу. В своей инструкции он подчеркнул: «Перевыборы должны состояться даже там, где деревенские советы удовлетворительны по своему составу»². Это указание имело особенно важное значение, так как кое-где на местах наметилась тенденция переизбирать только кулацкие советы, а надо было не только закрепить завоёванное комбедами, но и сделать новый шаг вперёд — повсеместно избрать советы при активном участии не только бедноты, но и середняков.

Антибольшевистскую, троцкистскую позицию в этом вопросе заняли зиновьевцы, пробравшиеся в руководство партийными и советскими органами Петроградской губернии и союза коммун Северной области. Вопреки решению ЦК РКП(б) они провели на созванном в Петрограде в начале ноября 1918 г. областном съезде комитетов деревенской бедноты резолюцию о том, что в деревне должна быть одна власть — власть бедняков; что комбеды не ликвидируются, а меняют своё название, превращаясь в «советы деревенской бедноты».

Эти попытки исказить политику партии в отношении союза с середняком встретили отпор со стороны советских работников Петроградской губернии. Чрезвычайный уездный съезд волостных советов Петроградского уезда 16 января 1919 г. постановил: не дожидаясь инструкции губисполкома, посланной на утверждение в Москву, «руководствоваться инструкцией, опубликованной ВЦИК»³.

По инструкции ВЦИК, руководство и контроль над проведением перевыборов осуществляли вышестоящие органы. Губернские органы утверждали состав уездных избирательных комиссий, а уездные — волостных. Так должно было быть обеспечено пролетарское руководство перевыборной кампанией.

В ходе перевыборов (январь, февраль 1919 г.) разгорелась острая классовая борьба в связи с проверкой списков избирателей и очищением сельских организаций от кулаков. Во время перевыборов избиратели — бедняки и середняки — спланивались в борьбе против кулаков. Кулаки, лишённые избирательных прав, кое-где пытались «прорваться» на избирательные собрания. Так, в селе Сланском, Лебедянского уезда, кулаки добивались допущения их в школу, где происходили выборы. Но, видя твёрдость избирателей, они не решились идти дальше словесных угроз и не переступали порога школы.

Во время перевыборов избиратели — бедняки и середняки — спланивались в борьбе против кулаков. В постановлениях волостных и сельских сходов в Тамбовской губернии неоднократно подчёркивается, что в выборах должны принять участие бедняки и середняки, а кулаки должны быть лишены права голоса. В этих документах заметно стремление уточнить понятие «середняк». Так, в постановлении собрания граждан деревни Балабановка, Ширяевской волости, Борисоглебского уезда, говорится, что «выборы должны производиться из трудового беднейшего крестьянства и среднего, которые не эксплуатируют и не эксплуатировали чужой труд, а живут своим трудом»⁴.

¹ Собрание узаконений за 1918 г., № 86, ст. 901.

² Там же.

³ «Советы в эпоху военного коммунизма».

⁴ «Материалы Института права АН СССР». Рукопись подготовленного Аверьевым III тома «Комитеты бедноты». док. № 703. Любопытна имеющаяся там же резолюция крестьян деревни Храпуныха того же уезда, в которой говорится, что в выборах

В ходе перевыборов середняки убеждались в том, что они такие же полноправные граждане, как и бедняки, что их не смешивают с кулаками-эксплуататорами. Это способствовало закреплению поворота середняка в сторону советской власти. Избранными в новый состав советов обычно оказывались крестьяне — бедняки и середняки.

Исход перевыборов зависел от того, насколько было обеспечено в данной волости или селе большевистское влияние. В сообщении из Богородской волости, Осташковского уезда, Тверской губернии, об искажениях советской политики говорилось: «Одна надежда на скорые перевыборы, в которых собирается принять участие ячейка коммунистов»¹. Крестьяне доверяли коммунистам, которые проявили себя идейными борцами за советскую власть. Они рассчитывали в ходе перевыборов очистить деревенские органы власти от примазавшихся и головотяпов.

Однако законное недовольство крестьянина-середняка вызывали не только чуждые, враждебные элементы в местных советских органах, но иногда и преданные советской власти бедняки и сельские коммунисты, которые из-за недостатка опыта и политической подготовки допускали ошибки, перегибы и головотяпство.

М. И. Калинин в одной из бесед с крестьянами в 1919 г. объяснил им, почему некоторые сельсоветчики-бедняки, недавно ещё забытые и бывшие «тысячи лет в угнетении», придя к власти, «разгулялись». «Не удивительно, — говорил он, — что разыгралось сердце у бедняка, который попал в исполком. Естественно, сжимает кулаки и говорит: «Я вас подожму». И поджигает не только кулаков, но и остальных крестьян»².

Такого типа работники, увлечённые борьбой с кулачеством, нередко применяли репрессии и по отношению к середнякам, причисляли трудовика-крестьянина к разряду кулаков, нарушали интересы среднего крестьянства.

О наличии ошибочных установок в этом вопросе в некоторых губернских партийных организациях свидетельствует принятая 4-й вятской губернской конференцией РКП(б) в марте 1919 г. резолюция, в которой говорится, что одной из важнейших практических задач в деревенской работе партии является «объединение пролетарских и полупролетарских элементов в деревне в производственные профсоюзы»³.

Линия на объединение бедноты и середняков в переизбранных советах для борьбы с кулачеством подменяется здесь противопоставлением организованной в профсоюзы бедноты всей остальной массе крестьянства. Сталин и Дзержинский в своём докладе в ЦК (начало 1919 г.) показали, как в той же Вятской губернии искажение политики советского правительства привело к тому, что «революционный декрет о чрезвычайном налоге, призванный вбить клин в деревню и поднять бедноту за советскую власть, — этот декрет превратился в опаснейшее оружие в руках кулаков для сплочения деревни против советской власти»⁴.

Были губернские организации РКП(б), где не было подобных искажений, но где в директивных документах губкомами РКП(б) допускались серьёзные политические ошибки. Ленин в своей речи на VIII съезде РКП(б) привёл следующую ошибочную формулировку в инструкции о постановке партийной работы Нижегородского губернского комитета РКП(б): «Декрет о чрезвычайном налоге должен всей своей тяжестью лечь на плечи деревенских кулаков, спекулянтов и вообще средний элемент крестьянства»⁵. Подобные ошибки мешали укрепле-

примет участие беднейшее и среднее крестьянство, которое не эксплуатирует таковое и только живёт личным трудом, кто бы он ни был, не считаясь с наружностью».

¹ «Беднота» от 10 января 1919 года.

² Калинин М. «За эти годы». Кн. III, стр. 101.

³ «Правда» от 16 марта 1919 года.

⁴ Ворошилов К. «Сталин и Красная армия», стр. 89. Воениздат. 1937.

⁵ Ленин Н. Соч. Т. XXIV, стр. 165.

нию союза с середняком, срывали мероприятия, направленные к изоляции кулачества, к ослаблению его влияния и к усилению влияния большевистской партии на трудящихся крестьян.

Искавления линии партии в деревне создавали угрозу срыва союза с середняком. Из деревни поступали жалобы на местных работников. Так, крестьяне Гжатского уезда, Смоленской губернии, писали о том, что «большое количество крестьян-трудовиков причислено к разряду кулаков»¹. «Сплошь и рядом, — говорил Ленин на VIII съезде РКП(б), — по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство»².

VIII съезд РКП(б) в резолюции об отношении к среднему крестьянину признал: «В настоящий момент особо важное значение имеет правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления к соглашению с ним»³.

Для того чтобы обеспечить проведение в жизнь решений VIII съезда РКП(б), надо было укрепить и перестроить местные партийные организации и низовые органы власти, в первую очередь сельские, волостные и уездные советы. Прошедшие накануне VIII съезда РКП(б) перевыборы советов сделали первый шаг в укреплении сельских советов и создали предпосылки для дальнейшего вовлечения середняка в советское строительство.

Решения VIII съезда РКП(б) стали программой действий советского правительства и всех местных партийных, советских и других массовых организаций. Быстрое и правильное проведение их в жизнь в момент нового натиска интервентов и белогвардейцев «было условием существования республики и медленного, но зато тем более прочного внедрения советской власти в деревне»⁴.

Центральный Комитет партии большевиков, придавая большое значение реализации решений VIII партийного съезда о союзе с середняком, дал директивные указания советскому правительству о срочной разработке таких мероприятий, как амнистия крестьянам — рядовым участникам выступлений против советской власти; льготы середнякам по чрезвычайному и натуральному налогам; снабжение крестьян лесом на льготных условиях; содействие развитию кустарной промышленности в целях «облегчения снабжения населения продуктами кустарной и мелкой промышленности» и «устранения произвольных препятствий в деле развития мелкого кустарного и ремесленного производства», увеличение пособия семьям красноармейцев⁵.

В претворении в жизнь решений VIII съезда РКП(б) и в сближении советской власти с середняком огромную роль сыграл М. И. Калинин. Через неделю после закрытия VIII съезда РКП(б), 30 марта 1919 г., на заседании ВЦИК В. И. Ленин, выдвигая кандидатуру М. И. Калинина на пост председателя ВЦИК, заявил: «Нужно... чтобы средние крестьяне увидели

¹ «Правда» от 20 марта 1919 года.

² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 127.

³ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 315. М. 1936.

⁴ Отчеты ЦК РКП(б) с VIII по X съезды РКП, стр. 18—19.

⁵ Эти директивные указания ЦК РКП(б) нашли отражение в советском законодательстве в виде следующих декретов: 1) «О льготах крестьянам-середнякам в отношении взысканий единовременного чрезвычайного революционного налога» и «О льготах по натуральному налогу». Оба декрета приняты ВЦИК в апреле 1919 г. («Собрание узаконений» за 1919 г. № 12, ст. 121, и № 14, ст. 142); 2) «Постановление ВЦИК 25 апреля 1919 г. об амнистии трудящимся, примкнувшим к выступлениям против советской власти по неосознанности» (СУ за 1919 г. № 14, ст. 138, 139); 3) декрет ВЦИК и СНК «О мерах содействия кустарной промышленности» (опубликован 26 апреля 1919 г., см. СУ за 1919 г. № 14, ст. 140) и «Об отпуске трудовому населению леса и пользовании лесами» (СУ за 1919 г. № 26, ст. 265) и ряд декретов и постановлений о помощи семьям красноармейцев (см. СУ за 1919 г., ст. 93—95, 220, 307 и др.).

в лице высшего представителя всей Советской республики своего человека, чтобы наше партийное решение о том, что к среднему крестьянину нужно подойти умеючи... чтобы это решение не оказалось на бумаге». Т.э.в. Калинин «поможет нам практическим путём организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя советской власти со средним крестьянством, поможет нам сблизиться с ним»¹.

М. И. Калинин несколько дней спустя писал в «Правде», что считает своё избрание символическим: «Я и рабочий и крестьянин. Я олицетворяю союз города с деревней»².

Одной из очередных задач М. И. Калинин намечал «привлечение в исполком и беспартийных средних крестьян, как людей, хорошо знакомых с местной жизнью и её условиями»³.

Улучшению работы местных исполкомов, сближению средних крестьян с советской властью много содействовали поездки М. И. Калинина по России на литературно-инструкторском поезде имени Октябрьской революции. Этот поезд справедливо называли «ВЦИК на колёсах». Главу советского правительства сопровождали полномочные представители многих наркоматов и ВЧК, которые не только ревизовали, обследовали, разбирали жалобы населения, но и инспектировали местные организации и принимали на месте решения об отстранении от работы, предании суду виновных, освобождении неправильно арестованных, исправлении недостатков, устранении злоупотреблений и нарушений революционной законности и пр.

В первую поездку М. И. Калинин выехал 29 апреля 1919 г., вскоре после своего избрания на пост председателя. За 20 дней он объехал большой прифронтовой район в тылу у войск восточного фронта, ведших напряжённую борьбу с наступающими армиями Колчака. (Маршрут этого первого рейса «поезда Октябрьской революции» — Москва — Муром — Арзамас — Казань — Свияжск — Рузаевка — Симбирск — Мелекесс — Рязань — Москва.) Работниками поезда было обследовано 34 волостных и уездных исполкома и 15 комитетов партии. Политико-массовой работой «поезда Октябрьской революции» было охвачено 114 тыс. человек.

В следующие поездки (с 13 июля по 13 августа и с 30 августа по 26 сентября 1919 г.) М. И. Калинин особое внимание уделил укреплению советской власти в тылу войск юговосточного (кавказского) и южного фронтов, боровшихся против перешедшего в наступление Деникина. На этот раз Михаил Иванович побывал сначала в районе Козлов — Тамбов — Саратов, а затем в районе Тула — Серпухов — Моршанск — Пенза — Самара.

Эти поездки М. И. Калинина, по выражению М. С. Ольминского, имели целью «сближение центральной советской власти с её местными органами и с массой населения, разбросанной по бесчисленным сёлам и городам страны»⁴.

В распоряжении ВЦИК было несколько поездов и пароходов, подобных поезду М. И. Калинина. В принятом президиумом ВЦИК положении о литературно-инструкторских поездах (или агитпоездах) говорится, что они создаются «для установления связи центра с местами, для агитации, пропаганды, информации, инструктирования и снабжения литературой»⁵.

Эти поезда направлялись главным образом в прифронтовую полосу и вновь освобождённые от белых районы. Для помощи строительству советской власти в освобождённых от чехословаков и колчаковцев районах

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 190.

² «Правда» от 5 апреля 1919 года.

³ «Известия ВЦИК» от 6 апреля 1919 года.

⁴ «Речи и беседы М. И. Калинина». Вып. 1-й, стр. 3—4. Предисловие М. С. Ольминского. М. 1919.

⁵ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 1235, оп. 29, д. № 14, л. 7.

Поволжья и Прикамья был создан агитпароход «Красная звезда», политкомом которого был В. М. Молотов. На другой день после прибытия парохода в Самару (7 сентября 1919 г.) выступивший на городском партийном собрании тов. Молотов в своей речи указал на необходимость укрепления связи центра с местами и вовлечения масс в социалистическое строительство.

Описывая свои впечатления от поездки на этом пароходе, Н. К. Крупская писала: «Главная задача «Красной звезды» была не агитационная, а организационная»¹. Эта организаторская работа обеспечивала быстрое и правильное проведение на местах директив партии большевиков и советского правительства, оздоравливая и укрепляя местные государственные органы. Работники агитпоездов после обследования и инструктирования местных советов обменивались мнениями на совещании при политкоме поезда (или парохода), после чего проект предложения выносился на рассмотрение представителей наркоматов и местных работников.

Особенности советской государственной системы позволяли находить гибкие и эффективные формы сотрудничества работников центральных учреждений и местных низовых организаций. Местные работники под руководством более опытных и лучше подготовленных партийных товарищей на основе директив партии и советских законов учились государственному управлению.

М. И. Калинин уделял много времени и внимания борьбе с нарушениями революционной законности. Вскоре после VIII съезда РКП(б), 8 мая 1919 г., в беседе с крестьянами Исской волости, Рузаевского уезда, Пензенской губернии, он говорил, что «наша задача теперь, чтобы всюду и везде такую власть вводить в законные рамки». Крестьяне «должны принимать сами участие в работе этих советов, контролировать эти учреждения»², так как без самокритики, без контроля масс не мыслима работа государственных органов советской власти.

Борьба со злоупотреблениями и нарушениями советских законов должна была сыграть большую роль в укреплении союза с середняком и вовлечении его в социалистическое строительство. Ленин на VIII съезде РКП(б) говорил: «У нас нет таких благ, которые мы могли бы дать среднему крестьянину... Но мы можем многое сделать в нашей административной практике: улучшить наш аппарат, исправить массу злоупотреблений»³. От советских работников Ленин требовал, чтобы они подавали «пример добросовестности и строгого исполнения законов»⁴.

VI Всероссийский съезд советов вынес специальное решение о необходимости строжайшего соблюдения законов. 22 ноября 1918 г. НКВД телеграфировал губернским и уездным советам: «К стыду республики, есть места, где многие безобразия свили себе прочное гнездо. На этой почве строят контрреволюционеры свою коварную деятельность»⁵.

Вскоре после VIII съезда партии ЦК РКП(б) обратил особое внимание на устранение причин законного недовольства крестьян-середняков в тех районах, где кулаки и белогвардейцы пытались использовать это недовольство для дезорганизации тыла Красной Армии. Вот почему ЦК РКП(б) и ВЦИК послали в прифронтовые поволжские губернии специальную комиссию под председательством члена ВЦИК П. Г. Сидовича. «Комиссия эта, устанавливая на месте злоупотребления, отстраняла и арестовывала виновных, иногда тут же на месте судила и карала их и тем наглядно показывала крестьянам, что они легко могут найти защиту от всякой обиды»⁶.

¹ «Еженедельник «Правды» от 12 октября 1919 г., стр. 13.

² «Речи и беседы М. И. Калинина» Вып. 1-й, стр. 35; «XV лет на посту председателя ВЦИК», стр. 138. М. 1934.

³ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 127.

⁴ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 508.

⁵ ЦГАОР, ф. 393, оп. I, д. № 51, л. 239—240.

⁶ Отчеты ЦК РКП с VIII по X съезды, стр. 6. М. 1921.

Необходимо было создать у крестьянина-середняка уверенность в том, что в лице советской власти он всегда найдёт защиту, что всякая его справедливая жалоба не останется без последствий. В этом направлении работали уполномоченные ЦК РКП(б) и ВЦИК, поезд, а затем и приёмная тов. Калинина и, наконец, бюро жалоб при Наркомате государственного контроля и местных исполкомах.

Товарищ Сталин в своём выступлении на заседании ВЦИК 4 апреля 1919 г. указал на необходимость провести реорганизацию органов государственного контроля для сближения их с массами рабочих и крестьян. Выполнению этой задачи должны были способствовать также ревизии с участием рабочих организаций и центральное и местные бюро жалоб.

В подписанном товарищем Сталиным декрете от 4 мая 1919 г. о создании бюро жалоб говорится, что в их задачу входит рассмотрение жалоб и сообщений, «в которых содержатся указания на незаконность, нецелесообразность и несогласованность обжалованных действий с декретами, распоряжениями и общим направлением политики центральной власти, а также жалобы на злоупотребления, канцелярскую волокиту, грубое обращение и т. п.»¹.

В Центральное бюро жалоб приезжало из провинции больше всего крестьян. «Правда» отмечала, что для поданных ими заявлений характерен «тон полного доверия и надежды»² на то, что «в центре» можно добиться справедливости. Делегация ВЦИК, выехавшая летом 1919 г. в Вятскую губернию, была «засыпана жалобами и заявлениями; доверие к ней со стороны населения самое трогательное»³.

Решающее значение имели быстрое рассмотрение жалоб трудящихся и исправление указанных ими недостатков и злоупотреблений. Ленин рекомендовал местным советским работникам о принятых ими по заявлениям трудящихся мерах сообщать в печати, выпускать специальные листки по волости или уезду, «ибо обязательно приучить население к тому, что дельные жалобы имеют серьёзное значение и приводят к серьёзным результатам»⁴. Известное значение в борьбе за революционную законность имели организационные выводы: снятие с постов и предание суду виновных в беззакониях и искривлениях политики партии и советской власти. Однако главная, ещё не решённая задача работы в деревне заключалась в том, чтобы привить сельским работникам новый, большевистский метод руководства крестьянством, основанный на разъяснении и убеждении. Эта задача требовала подготовки новых работников, способных усвоить большевистский, советский стиль партийной и государственной работы.

Необходимо было решить исключительно сложную проблему кадров в пролетарской революции, происшедшей в отсталой, мелкокрестьянской стране. Низкий процент грамотных, особенно в сельскохозяйственных районах восточных и юговосточных окраин, затруднял выдвижение из народных низов руководителей нового типа.

Ещё в начале 1919 г. товарищи Сталин и Дзержинский в своём докладе ЦК РКП(б) о причинах наших неудач под Пермью сделали важные выводы для разрешения проблемы кадров советских работников. Они показали, что там, где на местах остались старые чиновники или служащие земской управы, там, «попросту говоря, старые царские, земские учреждения были просто переименованы в советские»⁵. Товарищи Сталин и Дзержинский предложили не ограничиваться очищением государствен-

¹ Собрание узаконений за 1919 г. № 23, стр. 271.

² «Правда» от 15 мая 1919 года.

³ «Известия ВЦИК» от 8 июня 1919 года.

⁴ Ленинский сборник XXI, стр. 227.

⁵ Ворошилов К. «Сталин и Красная армия», стр. 90.

ного и партийного аппарата ст негодных работников, чужаков и врагов, а позаботиться о передаче опыта строительства социалистического государства работникам, ещё не опытным, но горящим желанием помочь пролетариату. В выводах комиссии Сталина и Дзержинского было выдвинуто предложение «создать школу партийных работников (главным образом из рабочих) и организовать правильное распределение работников»¹. Эта сталинская идея стала партийным законом после VIII съезда РКП(б). Съезд поручил ЦК РКП(б): «1) организовать высшую партийную школу при ЦК; 2) выработать общую программу и план занятий в местных партийных школах; 3) помочь местным партийным школам присылкой соответствующих лекторов»².

Ещё до VIII съезда РКП(б) местными парторганизациями были созданы курсы агитаторов и партийные школы не только в промышленных районах, но и на таких далёких окраинах, как село Кончозеро, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии, или Великий Устюг, Северодвинской губернии. С первых дней существования советской власти потребность в агитаторах-организаторах была огромна. Столичные рабочие, посланные на места ВЦИК или ЦК РКП(б), в своих письмах Ленину и Свердлову просили помочь им присылкой литературы и лекторов. Из Кириллова товарищ, именующий себя «заведующим партий коммунистов-большевиков», в письме в ЦК партии просил помочь организовать курсы агитаторов»³. «Только тогда, — пишет он, — сможем быть самостоятельными агитаторами»⁴. Это сознание своей неполноценности как агитаторов и организаторов советской власти, тяга низовых работников к учёбе были важнейшей предпосылкой успеха мероприятий, намеченных партией в области подготовки кадров советских и партийных работников. Когда по всей России была разослана радиограмма за подписью Я. М. Свердлова о присылке в школу инструкторов при ВЦИК по одному учащемуся от комбеда, наплыв был так велик, что пришлось экстренно сократить число курсантов. И всё же съехалось до 700 курсантов.

Я. М. Свердлов придавал исключительное значение подготовке из рабочих и крестьян работников государственного и партийного аппарата. Он сам набросал учебный план школы инструкторов при ВЦИК, позднее Центральной школы советских работников, преобразованной затем в Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова.

Крестьяне и рабочие, учащиеся в Центральной школе ВЦИК, жадно слушали лекторов, засыпали их вопросами. Величайшим событием в жизни школы были лекции Ленина. Судя по воспоминаниям слушателей, Владимир Ильич предостерегал их от увлечения администрированием, командованием, говорил о том, что нельзя разговаривать с крестьянином-середняком «посредством нагана» — надо уметь убеждать его в правильности мероприятий партии и советского правительства. Ленин требовал усвоения методов работы в деревне, которые соответствовали духу решений VIII съезда РКП(б).

Проведение в жизнь решений VIII партийного съезда потребовало перестройки работы деревенских организаций и заставило губернские и уездные комитеты РКП(б) принять меры для улучшения качественного состава деревенских организаций, повышения политического уровня их членов и изменения методов их работы. Посылаемым в провинцию уполномоченным ЦК РКП(б) дал задание проинспектировать местные партийные организации, особенно с точки зрения соответствия направлению этой работы духу постановлений VIII съезда партии.

Руководители губернских партийных организаций возглавляли многообразную работу по реализации решений VIII партийного съезда. Боль-

¹ Ворошилов К. «Сталин и Красная армия», стр. 91.

² «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 313.

³ Архив ИМЭЛ, ф. XVII, д. № 64а, л. 3; д. № 52, л. 417.

⁴ Там же, д. № 52, л. 13.

шую организаторскую работу проделали нижегородские губернские организации под руководством Л. М. Кагановича. В своём выступлении на объединённом заседании губкома РКП(б), губисполкома и губпрофсовета 16 апреля 1919 г. он говорил: «Нам необходимо... действовать так, чтобы середняк почувствовал, что мы изменили к нему своё отношение. Мы должны прежде всего положить конец действиям зарвавшихся властей по отношению к середняку»¹.

Речь Ленина на VIII съезде в Нижегородской губернии была отпечатана тиражом в 30 тыс. и распространена в деревне. Каждый из командированных в уезды и волости вёз с собой тюки листовок и брошюр. Губернские и уездные ответственные работники выезжали в деревню на две недели, чтобы помочь низовым партийным организациям, проинструктировать и проинспектировать их, очистить волостные и сельские советы и партийные ячейки от чуждых элементов и коммунистов-головотяпов. Но даже здесь не всегда работа шла успешно. Н. А. Семашко, посланный ЦК РКП(б) после VIII съезда в Нижегородскую губернию, писал, что в практике местных организаций было много противоречившего духу постановлений VIII съезда. Лозунг союза с середняком, по словам Н. А. Семашко, «ещё не достаточно переварен» даже уездными работниками-коммунистами. Непонимание поворота в политике партии в отношении середняка отмечалось и в других местах. Так, в Рязанской губернии некоторые работники «вели недопустимую критику»² резолюций VIII съезда РКП(б).

Отказаться от привычных методов работы для некоторых деревенских коммунистов было нелегко. Но заминка, вызванная перестройкой, была непродолжительной. Деревенские и уездные коммунисты вскоре убедились, что постановления VIII съезда дают ключ к решению труднейших задач, что работа по-новому даёт замечательные результаты. В конце 1919 г. один из сельских коммунистов говорил: «Теперь, когда мы глубже окунулись в эту работу, когда получили первые плоды её, крестьяне стали иначе относиться к коммунистической партии... стал замечаться рост коммунистических организаций в деревне. Мало того, получается рост качественный»³.

Переход к новым методам работы содействовал очищению сельских организаций от случайных и чуждых элементов и качественному росту организаций. После очищения партийных организаций отношение крестьян к коммунистам стало лучше.

Изменение характера агитации способствовало сближению партийных и беспартийных в деревне. «Митинговая» агитация после VIII съезда РКП(б), по директиве ЦК, была подкреплена групповой и одиночной. Самарский губком РКП(б) дал директиву проводить беседы с трудящимися в избе, и на завалинке, и в чайной, и на мельнице — везде, где крестьяне обсуждают свои дела, свои нужды.

М. И. Калинин требовал, чтобы деревенские работники хорошо знали нужды крестьян, умели практической работой завоевывать их доверие. «Мало, — говорил он, — быть хорошим оратором, чтобы привлечь крестьян; необходимо быть и хорошим хозяином»⁴. Пропаганда практическим делом, агитация на близкие крестьянину темы начинали внедряться в практику партийной работы в деревне. Образцы пропаганды и агитации среди крестьян показали политработники Красной Армии, где в этот период были сосредоточены лучшие пропагандистские силы партии. Партийные ячейки красноармейских частей, политотделы соединений проделали в 1918—1920 гг. огромную работу по социалистическому перевоспитанию трудового крестьянства. Они вели пропагандистскую, агита-

¹ «Профсоюзы СССР в создании Красной армии», стр. 99.

² I Всероссийское совещание по партийной работе в деревне, стр. 45. М. 1929

³ Там же, стр. 46.

⁴ Речи и беседы М. И. Калинина. Кн. 1-я, стр. 26.

дионную и организационную работу не только в армии, но и в деревне, особенно прифронтовой.

Политотдел VIII армии даже выделил специальную «крестьянскую секцию», агитаторы и организаторы которой «переизбирают неправильно избранные советы, организуют ячейки коммунистов и сочувствующих, открывают избы-читальни, устраивают митинги... раздают литературу. Зачастую тут же организуется запись добровольцев в Красную Армию»¹.

Лучшим подтверждением правильности решений VIII съезда РКП(б) о союзе с середняком были победы Красной Армии над Колчаком и Деникиным.

Показательна так называемая «волостная мобилизация» бедняков и середняков по постановлению ВЦИК 26 апреля 1919 года. Партия и советское правительство обратились с призывом к партийным организациям, профсоюзам и волостным исполкомам выделить из среды бедняков и середняков «стойких и надёжных защитников советской республики»² и послать их на фронт. Вскоре в печати появились сообщения о том, что в ряде волостей «крестьяне-середняки добровольно мобилизуются»³.

После VIII съезда, для руководства партийной работой в деревне, ЦК РКП(б) создал отдел по работе в деревне. Оргбюро ЦК РКП(б) 19 мая 1919 г. вынесло решение созвать совещание при участии В. И. Ленина для обсуждения плана работы в деревне⁴. 25 июля 1919 г. оно утвердило Положение о работе в деревне⁵. В этом Положении волостному организатору рекомендовалось добиваться распространения влияния партийных ячеек на среднее крестьянство и пользоваться «всякими поводами и удобными случаями для агитации и пропаганды середняка»⁶.

ЦК РКП(б) руководил партийной работой в сельских районах через губернских организаторов по работе в деревне и через посылаемых на места инструкторов ЦК РКП(б), уполномоченных ВЦИК и ЦК РКП(б). Для подытоживания опыта этой работы 15—20 ноября 1919 г. ЦК РКП(б) проводил первое всероссийское совещание по работе в деревне. На нём были представлены все входившие в то время в состав РСФСР губернии, кроме Оренбургской, Уральской и Донской областей и Орловской, Воронежской, Астраханской и Архангельской губерний, т. е. районов, недавно (или ещё не полностью) освобождённых от врага.

На совещании обсуждались вопросы: организационные, о работе среди крестьянок и молодёжи, об организации сельскохозяйственной работы, о земельной политике, о культпросветработе, о партийной неделе. Выступали Ленин, Калинин, Середа, Луначарский, Семашко, Крупская, Коллонтай и др.

Ленин в своей речи подчеркнул, что «вопрос о работе в деревне у нас сейчас является всё-таки основным вопросом всего социалистического строительства»⁷, указал, что привычка у миллионов крестьян к одиночному хозяйству создаёт громадные трудности и требует больших усилий партии в деле социалистического перевоспитания крестьянина—середняка и бедняка. Всё же, говорил Ленин, «движение к устройству земледельческих коммун и артелей за эти два года было громадно»⁸.

Не менее трудно было преодолеть привычку миллионов крестьян свободно торговать хлебом. «Длительная и упорная борьба с этими привычками, агитация и пропаганда, разъяснения, проверка того, что сделано,— вот в чём состоит наша политика по отношению к крестьянству»⁹. В сво-

¹ «Еженедельник «Правды» № 9 за 1919 г., стр. 19.

² СУ за 1919 г. № 14, ст. 137.

³ «Беднота» от 22 марта 1919 года.

⁴ См. «Известия ЦК РКП(б)» № 2 от 7 июня 1919 года.

⁵ См. «Протоколы VIII конференции РКП(б)», стр. 231. М. 1931.

⁶ Там же.

⁷ Ленин. Соч. Г. XXIV, стр. 536.

⁸ Там же, стр. 539.

⁹ Там же, стр. 541.

ём выступлении на совещании М. И. Калинин отмечал, что бедняки и середняки начинают «привыкать к тем основным декретам, признание которых по существу несёт признание коммунистического строя»¹. Крестьянство начало привыкать к новым, социалистическим отношениям, к новому, советскому строю. М. И. Калинин в этой своей речи также показал, что укреплению советского строя способствовал рост новых, советских кадров, выкованных в тяжёлых условиях гражданской войны, когда создавался и укрепился военно-политический союз рабочего класса с крестьянством. Свежие силы выдвигались из среды не только столичных рабочих, но и крестьянства медвежьих углов.

Рабочие, двинувшиеся в деревню ещё летом 1918 г., вели большую организаторскую и строительную работу и втягивали в неё крестьян-бедняков, а затем и середняков.

Иллюстрацией того, каких результатов добился пролетариат в деле вовлечения трудового крестьянства в социалистическое строительство, в творчество новой жизни, может служить сообщение о съезде советов Чистопольского уезда, Казанской губернии. Представители волостей на этом съезде нарисовали картину «огромной организационной работы, проделанной за это время самой крестьянской массой. Крестьянство даже в глухих чувашских деревнях... активно встало на путь советского строительства»².

Большевики не смогли бы пробудить инициативу в крестьянстве и совершить социалистическую революцию, «если в рабочем классе не накоплено столько сил, чтобы руководить десятками миллионов забитых капитализмом, измученных, неграмотных и распылённых деревенских людей»³.

В ряды строителей социализма пришёл середняк, который недавно ещё выжидал и сомневался в прочности советской власти и всего нового уклада жизни. «Дружно берутся за перестройку деревни те слои крестьянства, что до сего времени нерешительно выжидали, присматривались да приглядывались к начатому рабочими в городах строительству новой жизни»⁴. Такой вывод сделала редакция газеты «Беднота» на основании анализа писем из деревни.

Постепенное и планомерное втягивание крестьянина-середняка в «строительство новой жизни» шло не только по линии усиления участия его в работе сельских советов. Развивая успехи по завоеванию середняка, партия большевиков и советское правительство в конце 1918 и начале 1919 г. наметили и осуществили ряд мероприятий, стимулирующих переход бедняков и середняков к общественной обработке земли. Важнейшими из них являются декрет о создании миллиардного фонда помощи сельскому хозяйству и введение в действие положения о социалистическом землеустройстве. В обоих законодательных актах много внимания уделено коммуна, совхозам и другим формам социалистического земледелия. При этом партия не забывала о крестьянине-единоличнике.

Используя такой рычаг, как аграрное законодательство, большевистская партия и советская власть стремились доказать основной массе крестьян — середнякам — преимущества коллективного хозяйства перед единоличным. В 1918 г. господствующей формой коллективного хозяйства были коммуны, куда вступали главным образом крестьяне, лишённые (или почти лишённые) средств производства.

Положение о социалистическом землеустройстве даёт гибкие формы постепенного перехода к обобществлению крестьянских средств производства. Оно указывает путь перехода от временной и частичной к пол-

¹ I всероссийское совещание по работе в деревне, стр. 186.

² «Правда» от 29 июня 1919 года.

³ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 74.

⁴ «Беднота» от 8 июня 1919 года.

ной и постоянной общественной обработке земли. Последнее понятие получает в Положении следующую трактовку: «Общественная обработка земли производится целыми обществами путём совместного приложения труда и общего использования средств и орудий производства при запашке и засеивании земель, уборке урожая»¹ и т. п. Целое сельское общество может вынести постановление об объединении труда и средств производства в целях частичной, временной общественной обработки земли (например для уборочных работ). Но затем всё село или часть крестьянских хозяйств его может перейти к полной и постоянной общественной обработке всех полевых и луговых угодий; причём в этом случае «все необходимые для того машины и орудия, имеющиеся в отдельных хозяйствах, обращаются в общественное распоряжение»². Так, постепенно крестьянин-единоличник превращается в члена коллективного хозяйства. Формы этого хозяйства различны: простейшие товарищества, артель, коммуна.

Этот новый законодательный акт подчёркивает принцип добровольности вступления в колхозы, в частности в коммуны, которые «суть добровольные союзы трудящихся». Крестьянину предоставлена свобода выбора форм землепользования³. Положение показывает, что все формы социалистического земледелия пользуются преимуществами, предоставляемыми советским правительством. К числу этих преимуществ относились внеочередные отводы земель социалистическим хозяйствам. Землеустроительные работы на основе проведения этого Положения в жизнь были разбиты на две категории: очередные — «волостные отводы» 1071 волости на площади в 56 371 тыс. десятин; эти земли, по словам наркома земледелия, были «предположены к отводу в пользование крестьян-единоличников»⁴, внеочередные — отвод земель социалистическим хозяйствам (885 тыс. десятин — совхозам, 201 тыс. десятин — коммунам, 186 тыс. десятин — артелям, 327 тыс. десятин — прочим типам коллективных хозяйств и по несколько десятков тысяч десятин — для нужд государственных предприятий, школ, агрономических участков и т. п.).

Предоставляя преимущества совхозам и колхозам, Положение требовало от них помощи окрестному крестьянству. Так, в статьях 58 и 59 его говорится, что с созданием совхозов и коммун «должно быть связываемо устройство ветеринарных, случных, прокатных и семенных пунктов, улучшение местных дорог, оказание агрономической помощи» и всякой другой помощи «в деле ведения хозяйства на правильных и лучших началах».

Помогая коммунам, советская власть требовала от них образцовой постановки производства, которая докажет окрестным крестьянам преимущества крупного, социалистического хозяйства. Воздействовать на крестьянина-середняка силой примера — такова была цель этих мероприятий. Смысл их разъяснил Ленин, говоря, что закон о миллиардном фонде помощи сельскому хозяйству «показывает, что мы хотим больше всего силой примера, силой привлечения к улучшению хозяйства, действовать на массу средних крестьян и рассчитываем лишь на постепенное действие такого рода мер для этого глубокого и важнейшего переворота в хозяйстве земледельческой России»⁵.

Эти меры помощи социалистическим формам сельского хозяйства дали свой непосредственный эффект весной и летом 1919 года. Число коммун по 41 губернии РСФСР⁶ с октября 1918 г. по февраль 1919 г.

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства за 1919 г., § 4, ст. 43.

² Там же.

³ Это было дополнительно разъяснено циркуляром Наркомзема 16 мая 1919 года.

⁴ «Известия ВЦИК» от 7 сентября 1919 года.

⁵ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 428.

⁶ По данным Б. Книповича. См. сборник «О земле», стр. 37. М. 1921.

остаётся неизменно равным 950. В марте 1919 г. оно возрастает до 1491, а в июле того же года — до 2168. Проведение в жизнь разобранных выше законодательных актов порождает скачкообразный подъём кривой: в марте прирост числа коммун достигает 50%, в июле — 120.

Наибольший прирост числа коммун с 1918 по 1920 г. даёт нечерноземная полоса, в 21 губернии которой за это время число их возросло с 471 до 1182. В 22 губерниях чернозёмной полосы мы имеем соответственно увеличение с 479 до 718. Таким образом, наиболее насыщенная промышленными предприятиями «потребляющая полоса», бедняки и бывшие фронтовики которой особенно страдали от голода и разрухи, даёт за эти два года максимальный прирост коммун. При рассмотрении динамики развития артелей мы встречаемся с иной картиной.

Число артелей

В 1919 г. В 1920 г.

В нечернозёмной

полосе . . . 2 141 4 937

В чернозёмной

полосе . . . 1 421 3 350

Темп роста артелей в чернозёмной полосе не меньше, чем в нечернозёмной.

Если от приведённых выше данных Центрального статистического управления¹ перейти к статистике Наркомзема², то и здесь мы видим, что в 1920 г. наибольшее число коммун даёт Центрально-промышленный район. Одно из первых мест по числу коллективных хозяйств занимает Петроградский район. В последних рядах коллективного движения идут такие районы, как Заволжский (Екатеринбургская, Оренбургская, Уфимская, Челябинская губернии), Приволжский (Казанская, Нижегородская, Симбирская, Самарская и Саратовская губернии) и Юговосточный (Астраханская, Царицынская и Уральская губернии). Не случайно в число передовых по коллективизации районов попали те губернии, где сильно влияние московского и петербургского пролетариата, где преобладает однородное русское население. Не случайно центр опередил окраины.

В Донской области и на Кавказе коллективное движение началось в 1920 г., на два года позднее, чем в центральных губерниях. В то время как в центре России комбедовское движение развернулось ещё летом и осенью 1918 г., комнезамы (комитеты бедноты) на Украине начинают создаваться в 1920 г., а союзы бедноты («кошчи» и т. п.) в среднеазиатском ауле зарождаются спустя ещё несколько лет. Следовательно, всё, что до сих пор говорилось о комбедах и коммунах, о бедняках и середняках, относится в первую очередь к той «внутренней России», о которой товарищ Сталин в конце 1918 г. сказал: «Внутренняя Россия с её промышленными и культурно-политическими центрами — Москва и Петроград, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, — превратилась в базу революции»³. Опорой советского государства в критические месяцы 1919—1920 гг. были прежде всего пролетариат центральной России и руководимая большевистской партией основная масса крестьянства.

Застрельщиком колхозного движения явилась беднота деревень внутренней России. Она стала большой политической силой, когда связалась с пролетариями города. При советском строе связи пролетариата с деревенской беднотой содействовала «государственная власть, которая прежде этому мешала»⁴.

¹ «Статистический ежегодник, 1918—1920 г.». Вып. 2-й, стр. 112, 113. М. 1921.

² Книпович Б. «Очерк деятельности Наркомзема за три года (1917—1920)», стр. 44. М. 1921.

³ Ворошилов К. «Сталин и Красная армия», стр. 109.

⁴ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 70.

Советское правительство не только оказывало содействие середнякам и полупролетариям, объединившимся в коммуны, но и требовало, чтобы они в свою очередь помогали крестьянам-единоличникам¹. Социалистические формы сельского хозяйства должны были быть опорными пунктами пропаганды идей коллективизации прежде всего среди основной массы крестьянства — крестьян-середняков.

Как надо вовлекать середняка в коллективные хозяйства, об этом ясно и исчерпывающе сказал VIII съезд РКП(б). Съезд одобрил создание миллиардного фонда помощи сельскому хозяйству и введение в действие Положения о социалистическом землеустройстве и подчеркнул в решениях, что, «поощряя товарищества всякого рода, а равно сельскохозяйственные коммуны средних крестьян, представители советской власти не должны допускать ни малейшего принуждения при создании таковых»². Вскоре советское правительство за подписями председателя СНК и народного комиссара земледелия дало соответствующую директиву местным советским органам.

Партийная и советская печать взяла под огонь самокритики всех, кто нарушал эти директивы партии и советского правительства. Такие люди вели «вместо агитации усиленную провокацию»³, как выразился один из сельских корреспондентов «Известий ВЦИК». Во многих письмах из деревни рассказывалось, как кулаки убеждают крестьян в том, что у них отберут всё хозяйство и насильно загонят в коммуну.

Слово «коммуна» было непонятно крестьянину, пугало его. Вот почему ЦК РКП(б) поставил перед ВЦИК вопрос о необходимости во изменение декрета СНК от 20 марта 1919 г. называть сельские кооперативы не «потребительскими коммунами», а «потребительскими обществами», так как у крестьян могло создаться неправильное представление о том, что кооперирование населения по этому декрету означает принудительное насаждение сельскохозяйственных коммун и уничтожение всякой частной собственности в деревне. 30 июня 1919 г. ВЦИК вынес постановление о замене наименования реорганизованных сельских кооперативов «потребительская коммуна» на «потребительское общество».

Наиболее целесообразной формой перехода крестьянина-середняка от единоличной собственности к коллективной была не коммуна, а артель, товарищество по совместной обработке земли, или другие первоначальные формы совместного труда. Артель, правильно сочетая личные и общественные интересы крестьянина, вступившего на путь коллективизации, облегчала тем самым «воспитание единоличника в духе коммунизма»⁴.

Косвенным показателем втягивания передовых середняков в ряды колхозного движения являлись рост числа артелей и повышение удельного веса этой формы коллективного хозяйства.

Статистика Наркомзема показывает, что кривая числа коммун после июля 1919 г. идёт вниз, тогда как кривая числа артелей в первой половине 1919 г. круто подымается вверх и в течение 1919, 1920, 1921 гг. продолжает непрерывно расти (число артелей возросло с 420 в марте 1919 г. до 3708 в ноябре 1919 г. и до 7349 в ноябре 1920 г.)⁵.

Один делегат от Московской губернии на I Всероссийском съезде

¹ Об этом свидетельствуют выступление Ленина на I съезде сельскохозяйственных коммун (см. Соч. Т. XXIV, стр. 581) и решение СНК от 28 августа 1919 г. о привлечении к суду управлений теми совхозами, которые не докажут фактически выполнение ими ст. 59. «Положения о социалистическом землеустройстве, об оказании помощи местному крестьянству» (ЦГАОР, ф. 130, оп. 4а, д. № 206, л. 391).

² «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 316.

³ «Известия ВЦИК» от 20 мая 1919 года.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 581. 10-е изд.

⁵ Книпович Б. «Очерк деятельности Наркомзема», стр. 20. «О земле». Вып. 1-й, стр. 36; ср. Отчёт Наркомзема к XII съезду советств, стр. 77; К о н ю к о в «Коллективное земледелие», стр. 41; «Статистический ежегодник». Вып. 2-й за 1918—1920 гг., стр. 112, 113.

сельскохозяйственных коммун отмечал, что «число коллективов возросло за счёт артелей, в которые идут средняки»¹.

Лишь ничтожное меньшинство средних крестьян в те годы перешло от единоличного хозяйства к коллективному. Для широкого массового колхозного движения надо было создать такие материальные предпосылки, о которых в условиях разорения и нищеты тех лет можно было лишь мечтать. Ещё на VIII съезде РКП(б) Ленин говорил, что середняк высказался бы за коллективное хозяйство, «если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов», причём он тут же предупредил, что «пока это — фантазия»².

Накануне X съезда РКП(б) Ленин в числе очередных задач партии после окончания гражданской войны намечает и «Укрепление связи Советской власти с крестьянством. Тракторы и колхозы»³.

Мысль об использовании тракторов для быстрого восстановления разорённого белыми крестьянского хозяйства Царицынского уезда была высказана товарищем Сталиным ещё в конце 1918 года. В это же время на Всероссийском съезде земстделов, комбедов и коммун Ленин доказал крестьянам-передовикам, что сейчас, «когда страна потерпела такое гигантское разорение», перед крестьянством «встаёт сознание того, что нужны чрезвычайные усилия», чтобы избавиться от порождённого войной разорения, что «жить по-старому, как жили до войны, нельзя», что надо перейти от единоличного хозяйства к коллективному, использовать «чудеса техники», которые «должны пойти в первую голову на преобразование самого общественного, занимающего более всего людей, наиболее отсталого производства — земледельческого»⁴.

Война вырвала миллионы крестьян из привычного уклада жизни, познакомила их с невиданной техникой, зародила среди наиболее сознательных крестьян, и в первую очередь среди фронтовиков, мысль о применении этой техники в крестьянском хозяйстве. В газетах того времени сообщалось, что солдат-большевик у себя на родине, в Сибири, с помощью своих земляков оборудовал небольшую электростанцию и осветил «лампочкой Ильича» избы в целой округе. Характерно и письмо крестьянина в журнал Наркомзема с просьбой помочь деревне техникой. «Шлите, — пишет он, — все излишки техники в деревню... У нас автомобиль будет и молотить и пахать»⁵.

Какой отклик вызвала среди передовых крестьян ленинская мысль об оснащении сельского хозяйства современной техникой, можно судить по следующему эпизоду, рассказанному одним из курсантов Центральной школы советской работы. Ленин прочитал в этой школе лекцию об американском земледелии. «Говорилось в ней, — пишет один из слушателей, — исключительно об Америке, о прериях, тракторах, но все слышали за каждым словом об этой Америке только Россию. «Хорошо бы и у нас», — шепчет кто-то. Ильич одобрительно взглядывает на шепчущего: «И у нас будет. Загонять в коммуну мы никого не хотим, но когда деревня поймёт, что такое настоящее научное земледелие, она сама потянется в коммуну. Только при коммунальном землепользовании возможно применить и у нас эту американскую технику»⁶. Ленин говорил, что надо убедить крестьянина в том, что коллективизация это — не блажь партии, это — хозяйственная необходимость»⁷.

Доказывать хозяйственную необходимость коллективизации бедняку было легче, чем середняку. Пролетарии и полупролетарии деревни ещё в 1918 г. пришли к выводу, что отобранную у помещика землю «зубами

¹ «Красный Архив» № 5 (96) за 1939 г., стр. 18.

² Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 170.

³ Ленинский сборник XXXIV, стр. 371.

⁴ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 424.

⁵ «Красный пахарь» № 6 — 7 за 1919 г., стр. 13.

⁶ «Известия ВЦИК» от 23 апреля 1920 года.

⁷ Там же.

грызть нельзя», что необходим сельскохозяйственный инвентарь, который можно было получить лишь в коллективное пользование. Советское государство обеспечивало сельскохозяйственными машинами в первую очередь коммуны. Это ускорило вступление многих бедняков в ряды коммунаров — первых колхозников.

В первые годы советской власти, когда в европейской и американской печати было много выступлений по поводу «большевистских экспериментов», «фанатизма» и «утопизма» коммунистов, апостол тупых немецких социал-демократических мещан, Карл Каутский в своей брошюре «Диктатура пролетариата» иронизировал по поводу того, что большевики-де — утописты, они надеются, что крестьянин откажется от единоличного хозяйства в результате лишь «теоретического убеждения». Отвечая ему, Ленин писал: «А что, любезный Каутский, если у крестьян не хватает орудий для мелкого производства, а пролетарское государство помогает им доставать машины для коллективной обработки земли, есть ли это «теоретическое убеждение»?»¹. Ленин показал, как велика роль «пролетарской государственной власти, имеющей в руках и заводы, и товары»², в подготовке перехода крестьян от единоличного к коллективному хозяйству.

VIII съезд РКП(б) указал на необходимость широчайшей помощи социалистического государства середняку путём снабжения его «продуктами городской промышленности и в особенности улучшенными сельскохозяйственными орудиями»³.

Во время непродолжительной передышки весной 1918 г. на производство сельскохозяйственных орудий были переключены даже заводы, выполнявшие военные заказы. По данным Наркомзема, было распределено сельскохозяйственных орудий:

плугов	32.049
борон	10.253
серпов	72.350
кос	104.016

Таким образом, в 1918 г. и особенно в 1919 г. преобладали серпы и косы. И эти простейшие орудия деревня получала в недостаточном количестве.

Но непрекращавшийся и всё нараставший натиск иностранных империалистов и русских белогвардейцев вынудил Советскую Россию почти всю машиностроительную промышленность поставить на службу интересам обороны. Интересами обороны, военными обстоятельствами был вызван переход к продразвёрстке (январь 1919 г.). За сдаваемый по продразвёрстке хлеб крестьянин получал всё более обесценивавшимися деньгами в пределах твёрдых государственных цен. Промышленные товары выдавались главным образом в виде премии сельским обществам, выполнявшим план заготовок в установленный срок.

Хлеб крестьянин должен был давать пролетарскому государству в ссуду, причём у крестьян изымались не только излишки, но подчас и продукты, входившие в минимальную норму потребностей самого хозяйства крестьянина. Надо было убедить крестьянина в необходимости этой ссуды в форме продразвёрстки. Реализация продразвёрстки была делом большой политической важности. Результатом этой важнейшей хозяйственно-политической меры было не только получение необходимого для армии и промышленности продовольствия и сырья, но и большие сдвиги в вовлечении крестьянства в социалистическую систему учёта и распределения продуктов.

Обеспечить разъяснительную работу среди крестьян должны были

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 400.

² Там же, стр. 403.

³ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 1-я, стр. 316.

десятки тысяч агитаторов и из среды посланных в деревню рабочих¹ и из местных коммунистов. Их задачей было показать, что «развёрстка согласована с интересами малоимущих слоёв населения»², что крестьянин должен дать своему правительству хлеб для защиты завоеваний рабочих и крестьян.

Перенесение основной части тягот продразвёрстки с малоимущих хозяев на наиболее зажиточных в глазах крестьянина было справедливым. Крестьянин понимал также необходимость помочь рабочим, вынесшим на своих плечах основную долю трудностей и опасностей борьбы с помещиком и капиталистом. При этом крестьянин, как ему тяжело ни жилось в те годы, знал, что рабочие питаются хуже крестьян. Мысль о необходимости помочь пролетариату, ведущему за собой всех трудящихся и стоящему на страже завоеваний Октябрьской революции, ярко выражена в наказе крестьян Баландинского уезда, Саратовской губернии, своему представителю, сопровождавшему посылаемый хлеб для пролетариата Москвы. В этом документе говорится: «Шлём московским рабочим 30 тысяч пудов хлеба, для того, чтобы они могли обходиться без жмыха, а с хлебом и крепко держали в своих руках винтовки для уничтожения всех врагов советской власти»³.

Убеждение крестьян в необходимости дать ссуду своему правительству, помочь рабочему классу отразить натиск всех врагов советской власти обеспечивало успех советской продовольственной политики. Несмотря на то, что на втором году существования республики Советов она была отрезана от многих богатых продовольствием районов, количество собранного государством хлеба возросло по сравнению с предыдущим годом.

С ноября 1917 г. по август 1918 г. было собрано 30 млн. пуд., с 1 августа 1918 г. по 1 августа 1919 г. — 111 млн. пуд., с 1 августа 1919 г. по 1 августа 1920 г. — 212 млн. пудов⁴.

Ленин, приведя данные Наркомпрода о заготовке хлеба в 1917—1919 гг., писал: «Эти цифры ясно говорят о медленном, но неуклонном улучшении дел, в смысле победы коммунизма над капитализмом»⁵.

Враги советской власти пытались реставрировать капитализм, установить через «Сухаревку» «вольный рынок» и свободу торговли, смычку крестьянства с белогвардейцами и интервентами. Победа советской продовольственной политики была их поражением. Вовлекая крестьянство в социалистическую систему учёта и распределения продуктов, пролетариат перевоспитывал бедняка и середняка на социалистический лад. Сбор хлеба некапиталистическим путём, говорил Ленин, «требует перестройки устоев сельскохозяйственной жизни, которые сложились веками, если не тысячелетиями»⁶. Преодолевая силу привычки миллионов крестьянства распоряжаться своим хлебом путём купли-продажи, партия большевиков медленно, но верно продвигалась вперёд по пути перевоспитания середняка.

В условиях гражданской войны речь могла идти лишь о первых шагах социалистического перевоспитания среднего крестьянина. Задачи вооружённой борьбы с врагами советской власти отодвигали на второй план культурно-воспитательную и хозяйственно-организаторскую работу советского государства. Подавление сопротивления эксплуататоров и

¹ ЦК в одном из своих отчётов после VIII съезда РКП(б) указывает как форму массовой работы в деревне посылку уборочных и заготовительных рабочих отрядов (см. Отчёты ЦК с VIII до X съезда, стр. 20).

² «Известия ЦК РКП(б)» от 4 сентября 1920 года.

³ ЦГАОР, ф. 1943, д. № 34. Ч. 1-я, л. 139.

⁴ По данным НКПрода; см. «Три года борьбы с голодом», стр. IV. М. 1920.

⁵ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 509.

⁶ Там же, стр. 407.

оборона страны — эта двуединая цель определила формы советской демократии в 1918—1920 годах. Гражданская война породила специфическую форму заготовки продуктов — продразвёрстку. Она ограничила возможность снабжения сельского хозяйства машинами и тем самым сузила размах коллективизации.

Вовлечение середняка в социалистическое строительство в 1918—1920 гг. происходило в обстановке военного коммунизма, чреватой такими противоречиями, как противоречие между невиданным в истории ростом самостоятельности масс и народной инициативы и необходимостью местами заменять выборность назначенчеством и проводить не только военные, но и трудовые мобилизации, как противоречие между потребностями в денежно-товарном обороте мелкотоварного хозяйства и запрещением частной торговли продуктами и промышленными товарами.

Крестьянин-середняк в результате победы Октябрьской социалистической революции получил помещичью землю и освобождение от старых, кабальных отношений. Но хозяйственно укрепнуть ему мешали и продразвёрстка, и поставка в армию лошадей, и потеря ушедших на фронт необходимых в хозяйстве рабочих рук, и недостаток сельскохозяйственного инвентаря, и гужевая повинность, и многие другие обстоятельства, порождённые войной и разрухой. М. И. Калинин на II Всероссийском съезде по работе в деревне (10—15 июня 1920 г.) говорил, что крестьянин сначала относился отрицательно к хлебной монополии, гужевой повинности и т. п., но он понял «государственные нужды, понял политическую необходимость этих мероприятий. Они заставили «крестьянина мыслить государственно»¹, содействовали приобщению его к строительству социалистического государства.

Бесчисленные трудности крайне осложняли борьбу за социалистическое перевоспитание среднего крестьянина в годы гражданской войны. И всё же, вопреки трудностям, наперекор врагам, большевистская партия уже в эти первые годы советской власти добилась значительных успехов и в деле вовлечения среднего крестьянина в социалистическую систему учёта и распределения продуктов и в области советского строительства в деревне. Достижения в развитии коллективного хозяйства были менее значительны, затрагивали лишь ничтожное меньшинство крестьян. Для создания условий поворота основной массы середняков на путь коллективизации понадобилось десятилетие. Но и в те трудные годы уже зарождались ростки новой социалистической, колхозной деревни, которая в расцвете своих сил стала одним из неиссякаемых источников мощи советского государства. Её, эту колхозную деревню, начиная с 1917 г., камень за камнем, упорно и настойчиво, терпеливо и осторожно строило советское государство, его ведущая сила — партия большевиков.

---

¹ Архив ИМЭЛ, ф. XVII, оп. I, д. № 5, л. 7.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА НА УКРАИНЕ

Л. Иванов

Одним из важнейших итогов буржуазно-демократической революции 1905 г. было вовлечение в массовое революционное движение народов национальных районов царской России. Русский пролетариат не только поднимал их на революционную борьбу против самодержавия, но и вёл за собой, открывая революционно-историческую перспективу и предостерегая от опасностей, кроющихся в маневрах национальной буржуазии.

Политическое значение этого факта весьма велико. Включение многомиллионных масс в революционное движение во много раз увеличивало силу революции, силу напора революционных масс на самодержавие. Это означало крушение политики самодержавия, направленной на разобщение и вражду между народами России, крушение попыток национальной буржуазии, выдававшей себя за выразителя национальных и политических интересов своих народов, пойти за спиной этих народов и за их счёт на сговор с самодержавием против революции.

В революцию 1905—1907 гг. Украина в наибольшей степени из всех национальных областей России была охвачена могучим дыханием революционной борьбы. Капиталистическое развитие Украины было очень значительным и выдвигало её на одно из первых мест в России в области крупного промышленного производства. «Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определённого населения»¹, — писал Ленин, объясняя причины быстрого развития промышленности юга России сравнительно с Уралом. Этому способствовали и природные условия Украины — наличие богатых запасов топлива и естественных ископаемых — железной руды, марганца; близость моря, наличие судоходных рек, крупных морских портов. В значительной степени капиталистическое развитие Украины облегчалось притоком иностранного капитала в Россию, а также наличием огромных земельных массивов, которые стали усиленно обрабатываться только после реформы 1861 года.

Наиболее интенсивно на Украине развивалась угольная, металлургическая и машиностроительная промышленность. В последние десятилетия XIX в. создаётся и быстро развивается капиталистический Донбасс, представляющий комплекс угледобывающего района и тяжёлой металлургической и металлообрабатывающей индустрии. Рядом с Донбассом не менее быстро шло развитие Криворожского железорудного бассейна. Особо благоприятные условия для развития создаются с постройкой Екатеринбургской железной дороги, которая, связав эти два бассейна, облегчила доступ железной руды и металла в Донбасс, а угля и машин из Донбасса — во все промышленные центры России. Добыча каменного угля с 1895 по 1904 г. увеличилась почти в три раза: с 298,3 млн. пудов до 803,3 млн. пудов, а железной руды — почти в четыре раза — с 59,1 млн.

¹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 379.

пудов до 218 млн. пудов, что способствовало росту металлургии и машиностроения. В последние годы XIX и в первые годы XX в. в Донбассе, Екатеринославе, Киеве, Николаеве, Харькове и других местах начинается постройка крупнейших машиностроительных и металлургических заводов: в 1895—1897 гг. один за другим вступают в строй паровозостроительные заводы в Луганске и Харькове, судостроительный — в Николаеве, несколько ранее — Брянский в Екатеринославе и т. д. Такие города, как Харьков, Екатеринослав, Киев, Одесса, Николаев, из административных центров с ремесленной, полукустарной промышленностью становятся крупными промышленными и торговыми центрами. В Донбассе вокруг шахт и заводов вырастают чисто промышленные посёлки и города. Сильно возросший спрос на свободные рабочие руки удовлетворялся за счёт разоряющегося местного крестьянства и притока рабочей силы из центральных и юго-восточных губерний России.

Южнорусская промышленность по своему объёму и удельному весу в это время выходит на первое место в России. За пятнадцатилетие (1887—1902) доля Юга в общероссийской выплавке чугуна поднимается с 11,1% до 53,1%¹; добыча каменного угля — до 63,8%, а железной руды — до 46%². Одновременно растёт, хотя и в меньшей степени, пищевая и обрабатывающая промышленность.

Бурный рост промышленности на юге России и высокие прибыли, которые она приносила, привлекали сюда капиталы из России и главным образом из-за границы. Французские, английские, бельгийские и немецкие предприниматели и дельцы в погоне за высокими дивидендами создавали акционерные компании и общества, выпускали акции и, пользуясь особым покровительством царского правительства, вкладывали значительные средства в южнорусскую промышленность. Предприятия промышленников, особенно тех, которые были связаны с выполнением государственных заказов, процветали. Благодаря крупным правительственным ссудам и заказам они получали огромные барыши. В особенно благоприятных условиях находились предприятия иностранных капиталистов. Южно-днепровское металлургическое общество при капитале в 5 млн. руб. за годы 1893—1901 выплатило дивидендов около 15 млн. рублей. Правительственные заказы получали судостроительный завод Бельгийского акционерного общества в Николаеве, завод Гартмана в Луганске и др.

Положение рабочих было крайне тяжёлым. В своей массе рабочие не имели ещё опыта борьбы с капиталистами за свои интересы, профессиональных союзов ещё не было, — они создались только в ходе революции. Рабочий день достигал в среднем 12 час., а на рудниках Криворожского бассейна — даже 13. Заработная плата была низкой и часто, особенно в Донбассе, выдавалась в натуральной форме, что позволяло производить всяческие махинации за счёт рабочих, дополнительно выжимая из них прибавочную стоимость. Рабочие жили в скверных условиях, в сырых, холодных землянках, на окраинах городов, которые в Донбассе носили такие «звучные» наименования, как «Шанхай», «Пекин», «Собацеевка» и т. п.

Положение рабочих резко ухудшалось интенсификацией труда, которая вводилась в первую очередь на предприятиях иностранцев. Путём замены повременной оплаты сдельной и введением премиальной системы предприниматели достигали увеличения производительности труда. Силы рабочих выматывались до крайнего предела, и это ни в какой мере не компенсировалось ничтожным увеличением оплаты. Сопротивление рабочих таким формам эксплуатации было огромным: так, в течение революции 1905 г. на всех фабриках, где были введены названные системы, рабочие требовали их отмены.

¹ Ленин. Соч. Т. III, стр. 380.

² «Статистика Украины». Серия III, выпуск 3, стр. 221, 234. Харьков. 1922.

С наступлением промышленного кризиса девятисотых годов положение рабочих значительно ухудшилось. Капиталисты повели наступление на заработную плату, пользуясь всяким поводом для её снижения. Наличие всё возрастающей армии безработных позволяло предпринимателям выкидывать с заводов всякого, проявившего недовольство каторжными условиями труда. Происходило абсолютное обнищание рабочего класса.

Несмотря на значительные успехи промышленного развития Украина продолжала оставаться аграрной страной. По переписи 1897 г., население деревни на Украине преобладало над городским и промышленным. Наиболее низкий процент городского населения был в Черниговской губернии — 9, и наиболее высокий — в Херсонской — 29¹.

Однако капитализм быстро проникал в сельское хозяйство Украины. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» ясно показывает, что на Украине уже в конце XIX в. преобладающей системой хозяйства была капиталистическая². Процесс перехода на капиталистические рельсы захватывал и помещичьи и крестьянские хозяйства и несмотря на задерживающее влияние таких остатков крепостничества, как насильственное прикрепление крестьян к земле и крестьянское малоземелье, протекал быстро. Кулацкая и зажиточная верхушка, особенно в степных губерниях, всё больше сосредоточивала в своих руках массу посевов, покупную землю, сельскохозяйственные машины. В Екатеринославском уезде среди крестьян, засевавших до 3 дес. земли, было 46,2% безлошадных, в то время как у засевавших свыше 25 дес. — более 90% дворов имели по 4 лошади и больше. Появление кулацко-фермерских хозяйств, переход крупных помещичьих имений на капиталистическое производство, общий рост числа хозяйств, работающих на рынок, — всё это ломало замкнутые натуральные формы сельского производства и в громадных размерах повышало спрос на сельских рабочих.

Этой дифференциации украинского крестьянства и росту сельскохозяйственного пролетариата в значительной мере способствовала специализация Украины в связи с развитием капиталистической системы хозяйства, особенно в Полтавской, Харьковской, Киевской, Херсонской и (в материковой части) Таврической губерниях. Крупные помещичьи и кулацкие хозяйства становились зерновыми и свёклосахарными фабриками, поглощавшими в летний период массу наёмных рабочих. Не только местное крестьянство, но и пришлое из других губерний Украины и России массами собиралось на «рабочих рынках», откуда расходилось по имениям. Такими рынками в Киевской губернии служили местечки Шпола и Смела (центры свеклосахарной промышленности), в Таврической губернии — Каховка, в Херсонской губернии — торговые сёла Новоукраинка, Бирзула, Мостовое и др.³.

Эти временные формы капиталистической организации производства глубоко переплетались с отсталым, аграрным характером общероссийской экономики, так как самодержавие сознательно задерживало развитие капитализма, всемерно поддерживая дворянско-помещичьи имения и средневековые, полуазиатские способы ведения хозяйства.

Одна треть земли на Украине — 9 978 409 дес. — находилась в руках 30 982 помещиков, а две трети — 18 114 620 дес. — в руках 2 857 570 крестьянских хозяйств. Преобладали крупные поместья — латифундии, — 2301 помещичье хозяйство владело 6 095 030 дес. земли, т. е. в среднем по 2649 дес. на поместье⁴, причём некоторые крупные имения, расположенные на Правобережной Украине и в степной полосе, насчитывали по

¹ В Херсонской губернии, кроме Одессы с её 405 тыс. жителей, было несколько крупных промышленных и торговых городов, как Николаев, Херсон и др., что увеличивало общий процент городского населения по губернии.

² Ленин. Соч. Т. III, стр. 143—144.

³ Там же, стр. 185.

⁴ «Статистика земледелия в 1905 г.». Вып. 9, 14, 16, 33, 41, 43, 47, 48. СПб. 1906.

несколько десятков тысяч десятин. Достаточно указать, например, на имение Фальцфайнов, владевших более 107 тыс. дес., на поместья великого князя Михаила Николаевича, имевшего 75 тыс. дес., и т. д. Рядом с ними существовали мелкие и мельчайшие крестьянские хозяйства. По данным земельной статистики, в 8 украинских губерниях 45,6% всех крестьянских дворов имели на двор менее 5 десятин¹. Больше всего безземельных и малоземельных было в губерниях Киевской, Черниговской, Подольской и Полтавской. По данным земской статистики в 1900 г., в Полтавской губернии из общего числа 451 145 крестьянских хозяйств было 64 944, не имеющих скога, и 115 334, не имеющих посевов².

«Таков основной фон того поля, на котором развёртывается крестьянская борьба за землю. На этом основном фоне,— писал Ленин,— неизбежна поразительная отсталость техники, заброшенное состояние земледелия, придавленность и забитость крестьянской массы, бесконечно разнообразные формы крепостнической, барщинной эксплуатации»³.

Земельная теснота повышала требования на землю. Цены росли быстро. Если в 1898 г. десятина земли в Полтавской губернии продавалась в среднем за 114 руб., то в 1903 г.— уже за 243 руб., причём по ряду уездов её цена была значительно выше, например в Миргородском достигала 340 руб., в Полтавском — 350 руб. и т. д.⁴. Такое повышение цен отмечалось во всех губерниях Украины и являлось следствием недостаточности капиталистического развития. Херсонская земская управа, приводя подобные примеры по Херсонской губернии, признавала, что «цены эти ненормальны, не соответствуют производительности земли и вздуты ажиотажем»⁵. В этих условиях шло обирание деревни небольшой кучкой земельных магнатов.

Теми же причинами вызывалось и возрастание арендных цен. В 1900 г. аренда за землю в среднем по Украине была равна 10—12 руб. за десятину, а к 1905 г. она поднялась до 20—30 рублей. В ряде уездов, например в Полтавской губернии, она достигла 35—40 рублей. На примере Днепропетровского уезда, Таврической губернии, В. И. Ленин показал, что арендаторами главным образом выступают зажиточные и кулацкие хозяйства, которые, арендуя большие участки «оптом», платят за землю значительно дешевле⁶.

Втягивание Украины в орбиту капиталистического развития ускоряло разрушение крепостнических остатков в деревне, влекло за собой образование пролетариата, свободного от замкнутости и сословной ограниченности. Однако на Украине этот процесс происходил в уродливых формах на почве, не расчищенной от средневековья, и тяжело отзывался на положении трудовых масс рабочих и крестьян, всячески угнетаемых и эксплуатируемых буржуазией и помещиками.

Описанное выше состояние Украины накануне революции 1905 г. вкратце подводит нас к причинам революции и объясняет, почему Украина явилась крупнейшим очагом массового революционного движения, которое в декабре переросло в вооружённое восстание. Если пролетариат Украины начал своё выступление в революции с массовой политической стачки, то и украинская деревня, где преобладали организованные на капиталистический лад хозяйства помещиков и кулаков, также дала специфические формы борьбы.

Массовое распространение в ходе буржуазно-демократической революции забастовок и стачек в украинской деревне значительно отличало Украину от остальных районов России и было прямым следствием капиталистической организации сельского хозяйства.

¹ «Статистика земледелия в 1905 г.». Вып. 9, 14, 16, 33, 41, 43, 47, 48.

² Савицкие З. и Н. Земские подворные переписи 1880—1913 гг., стр. 167.

³ Ленин. Соч. Т. XI, стр. 337.

⁴ Газета «Полтавщина» № 282 за 1905 год.

⁵ «1905 год. Революционное движение в Одессе и на Одешине», стр. 103. Одесса. 1920.

⁶ Ленин. Соч. Т. III, стр. 52.

Однако своеобразие обстановки на Украине этим не ограничивалось. Развитие капитализма на Украине вызвало рост местной национальной буржуазии, главным образом в области сельского хозяйства и в мелкой пищевкусовой и обрабатывающей промышленности. Но большая часть крупной тяжёлой промышленности находилась в руках не украинской и русской, а главным образом иностранной буржуазии, которая, опираясь на свой опыт и финансовую мощь, держала в своих руках командные высоты в промышленности.

Городское население Украины, особенно крупных промышленных центров и, в первую очередь, вновь возникавших около заводов посёлков, в значительной своей части состояло не из украинцев, а из русского населения, привлечённого сюда бурным развитием промышленности в последние десятилетия XIX века. Так например в Киеве было 134 тыс. русских и 55 тыс. украинцев, в Харькове соответственно — 109 и 45 тыс., в Николаеве — 61 и 7 тыс., в Екатеринославе — 47 и 23 тыс., в Одессе — 192 и 37 тысяч. Отсюда видно, что промышленный пролетариат и прежде всего пролетариат тяжёлой промышленности формировался главным образом за счёт русского населения. Этот процесс проходил в условиях, когда деревня по составу своего населения оставалась украинской. Это наряду с проникновением в украинскую промышленность русской и иностранной буржуазии создавало на Украине своеобразную обстановку и нашло отражение в ходе развёртывания революции в городе и деревне.

В статьях о русской культуре Ленин не раз указывал на существование национального гнёта на Украине. Самодержавие «всё сделало для взаимотчуждения народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹. Особо тяжёлым гонениям самодержавие подвергало украинскую культуру и язык. Украинский народ рассматривался царским правительством не как вполне сложившаяся нация, украинский язык считался не самостоятельным национальным языком, а всего лишь небольшой этнографической разновидностью русского языка. Его употребление допускалось лишь там, где он был связан с показом «малороссийства» на сцене.

Украинские меньшевики также отрицали наличие самостоятельной украинской культуры. Лидер «Спілки» П. Тучапский-Лукашевич, в самый разгар революции 1905 г. на страницах меньшевистского журнала «Вестник жизни» без всяких обиняков заявлял, что «украинской культуры не существует», что «рядом с русской культурой всякое произведение Нечуя-Левицкого, Панаса Мирного и даже Франко и Стефанюка является чем-то добавочным, хотя и интересным, но не вносящим в её жизнь ничего, без «чего бы жизнь не была полна»². На IV (Объединительном) съезде РСДРП представитель «Спілки» утверждал, что «украинский пролетариат совершенно обрусел».

Отрицая существование украинской культуры, Тучапский делает вывод о ненужности борьбы против национального гнёта, ибо «уничтожение национального гнёта на Украине не даёт пока в отношении повышения культурного уровня населения никакого плюса». Правда, меньшевики в целом не осмеливались отрицать наличие на Украине национального гнёта, но тем не менее они считали, что это «не мешало и не мешает ни развитию производительных сил, ни развитию классово-борьбы». Украинский рабочий, по мнению меньшевиков, читать Маркса будет охотнее по-русски, чем по-украински, и его, рабочего, степень сознательности «вовсе не стоит в большой зависимости от того, на каком языке идёт преподавание в учебных заведениях и существует ли полная свобода украинской печати»³. Эта откровенно оппортунистическая и по отношению к украинскому

¹ Ленин. Соч. Т. XX, стр. 534.

² «Вестник жизни» за 1905 г. № 1, стр. 39—40.

³ «Вестник жизни» за 1906 г. № 9, стр. 33.

народу предательская политика находила открытую поддержку среди русских меньшевиков.

В то же самое время украинская буржуазия объявляла себя защитницей поправных прав украинского народа, его национальной культуры. Своей программой защиты народа от «московского влияния», а украинской культуры от русской культуры она пыталась увлечь украинский народ под свои знамена. Это было нужно украинской буржуазии для того, чтобы протестовать украинский народ русскому народу, посеять к нему недоверие и вражду, отвлечь украинский народ от классовых задач и общерусской борьбы против помещичье-самодержавного строя в националистическое русло, с тем чтобы в конечном счёте подчинить его своему влиянию и, опираясь на него, сделать Украину местом своего monopolного экономического и политического господства.

Украинский народ, как не раз заявляла украинская буржуазия устами своих вождей и в своих программах, не имеет эксплуататорских классов, ни буржуазии, ни помещиков, не имеет и рабочего класса, а поэтому ему совсем не к чему участвовать в общероссийском демократическом движении. Демократическая конституция, утверждала украинская буржуазия, нужна только «москалям» и совсем не нужна украинскому народу, ибо она нисколько не улучшит положения украинского народа². Украинский народ должен бороться за свои национальные интересы, прежде всего за создание собственного государства от «Карпат до Кавказа»³.

Буржуазно-демократическая революция 1905 г. революционной практикой пролетариата и крестьянства показала, что ни украинской буржуазии, ни самодержавию не удалось добиться разобщения двух братских народов — русских и украинцев, дружно поднявшихся на героическую, самоотверженную борьбу против своего злейшего врага — царизма. Именно революция показала украинскому народу, что только совместной борьбой всех народов России, и прежде всего совместно и во главе с русским народом, можно добиться свержения самодержавия и разрешить задачи, стоявшие перед рабочим классом и крестьянством.

Украина, представлявшая в экономическом отношении неразрывное целое с остальной Россией, в начале XX в. переживала бурное время. Успехи промышленного и аграрного капитализма приводили к резкому обострению классовых противоречий в городе и деревне. Это нашло отражение в росте рабочего и крестьянского движения, в возникновении и укреплении социал-демократических организаций. Социал-демократическая пропаганда всё шире проникала в среду рабочих и оказывала влияние на крестьянство. Большинство социал-демократических комитетов Украины признавало ленинскую «Искру» своим руководящим органом.

Весной 1902 г. в ряде губерний Украины вспыхивает крестьянское движение. Среди крестьян велась социал-демократическая агитация. У крестьян находили номера ленинской «Искры», брошюру Ленина «Новый фабричный закон», социал-демократические листовки. Начавшись в Полтавской губернии, движение крестьян перебросилось в Харьковскую губернию и распространилось на соседние районы. Крестьянские выступления захватили огромную территорию не только в украинских губерниях, но и в Саратовской, Курской, Воронежской губерниях. Крестьяне нападали на имения, прогоняли управляющих, забирали хлеб. «Они пытались отобрать землю у соседей-помещиков и поделить между своими братьями,

¹ Лозунг национальной культуры в условиях капитализма есть лозунг «буржуазного национализма». Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 66.

² Справа української інтелігенції в програмі української народної партії, стр. 30. Чернівці.

³ Там же, стр. 1.

они увозили хлеб из экономий на свои дворы», — рассказывает листовка харьковского комитета РСДРП, выпущенная в момент суда над крестьянами осенью этого года¹. Самодержавию удалось справиться с движением лишь при помощи военной силы: карательные отряды жестоко расправились с крестьянами. Осенью в разных городах Харьковской и Полтавской губерний судили при закрытых дверях участников этого движения, несколько сот крестьян было приговорено к разным срокам наказания.

В следующем году вспыхивает всеобщая стачка на юге России, первоначально начавшаяся в Закавказье, где борьбу рабочих возглавил И. В. Сталин. Массовые демонстрации и митинги рабочих, кровавые столкновения рабочих с полицией и казаками происходят в Одессе, Киеве, Николаеве, Екатеринославе и других городах. «Чувствуется, что мы накануне баррикад»², — писал Ленин, оценивая значение всеобщей стачки 1903 года.

Опыт борьбы 1903 г. показал пролетариату Украины значение массовой стачки, ставшей важнейшей формой борьбы рабочих против самодержавия в революцию 1905 года.

Успех всеобщей политической стачки на Украине являлся лучшим свидетельством торжества идей ленинской «Искры». Разоблачение ленинской «Искрой» «экономистов», апологетов «стихийности рабочего движения» и её призывы к возглавлению социал-демократами рабочего движения сыграли огромную роль в ходе этой забастовки. «Независимый рабочий комитет», созданный по указке Зубатова в Одессе, пытался овладеть рабочим движением, выхолостить его политическое содержание и превратить всеобщую стачку в мирную экономическую забастовку. Эта затея «независимцев» провалилась. Рабочие, руководимые ленинской «Искрой», на своём опыте убедились, что собой представляют «независимцы».

Общий революционный подъём, который испытывала Украина в начале XX в., вызвал оживление и буржуазно-демократического национального движения.

В связи с военными неудачами в русско-японской войне и под влиянием большевистской пропаганды против самодержавия и его военной авантюры рабочее и общественное движение усиливается, особенно начиная со второй половины 1904 года. Экономический кризис, переживаемый страной в связи с войной, не был ликвидирован, и Россия гигантскими шагами приближалась к революции.

На Украине обстановка становилась всё напряжённее. Всё чаще вспыхивали забастовки. Растущее недовольство захватывало и украинских крестьян. Украина вместе со всей Россией шла к революции.

Известие о расстреле рабочих Петербурга в «кровавое воскресенье» нашло горячий отклик на Украине, где революционная почва была подготовлена. Рабочие Украины сразу же стали готовиться к выступлению. Во главе подготовки стояли большевики, которые призывали рабочих ко всеобщей стачке, к поддержке выступавших на борьбу с самодержавием рабочих столицы.

«Товарищи, настала пора действовать... Питерские и кавказские рабочие поднялись на борьбу не за свои маленькие интересы, а за интересы всего борющегося российского пролетариата», — говорила листовка екатеринославских социал-демократов³. «Присоединим свой голос к общему голосу рабочих всей России. Прекратим работу немедленно на всех фабриках и заводах»⁴, — призывала листовка николаевской организации РСДРП. В листовке, носящей заголовок «В Петербурге восстание», киевские социал-демократы призывали: «Бросайте немедленно работу. До-

¹ «Крестьянские движения 1902 г.», стр. 41. Центрархив. 1923.

² Ленин. Соч. Т. VII, стр. 106.

³ «1905 год на Украине». Хроника и материалы, стр. 5—6. 1926.

⁴ «1905 год на Николаевщине», стр. 343. 1925.

лой самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует всеобщая стачка!»¹.

Рабочие немедленно откликнулись на призыв большевиков, и в январе на Украине широкой волной прокатились забастовки и демонстрации рабочих. Наряду с требованиями экономического порядка рабочие Украины заявили о своей политической солидарности с рабочими всей России.

Первыми выступили рабочие тяжёлой промышленности. Металлисты Донбасса, Екатеринослава, Киева, Харькова подали пример и своей борьбой увлекали других. Власти принимали все меры для подавления начавшейся борьбы. В Харькове 9 января были арестованы собравшиеся представители разных заводов². Такие же аресты социал-демократических рабочих прошли в Киеве, Одессе, Екатеринославе и других городах. В ряде мест были приведены в готовность войска.

Забастовки рабочих были решительнее и успешнее там, где руководство революционной борьбой находилось в руках большевиков. В среде рабочих тогда ещё не были целиком изжиты отсталые настроения, — отдельные слои пытались уклониться от борьбы, отказывались от участия в забастовках. Меньшевики поддерживали эти настроения, ограничиваясь в своих листовках призывами вырабатывать одни лишь экономические требования. В начальный период в духе меньшевистских призывов проводилась борьба в таких крупных центрах, как Одесса, Киев и другие города, где в комитетах РСДРП преобладали меньшевики. Большевики Украины не могли охватить организационным руководством вспыхнувшее массовое движение, социал-демократические организации были тогда ещё слабы. Но несмотря на свою организационную слабость большевики идейно возглавляли начавшуюся революцию, несли в массы лозунги Ленина, указывая, что главный враг рабочих — самодержавие, призывали к массовой политической борьбе. Под влиянием большевиков на крупнейших заводах Харькова, Екатеринослава, Николаева, Донбасса происходят длительные и упорные забастовки рабочих, закончившиеся в Николаеве кровавой схваткой рабочих с казаками. Такую же упорную борьбу вели и рабочие Луганска.

С 1903 г. партийную работу и революционное движение в Луганске возглавлял К. Е. Ворошилов, имевший к тому времени опыт борьбы на ряде заводов и шахт Донбасса. Благодаря ему первая забастовка луганских рабочих в 1905 г. прошла организованно, показав пример сочетания стихийного напора масс и руководства ими со стороны большевистски настроенных рабочих. Луганский комитет РСДРП, руководителем которого являлся К. Ворошилов, подготавливая забастовку, провёл 15 февраля собрание рабочих-организаторов, на котором был избран стачечный комитет, в состав которого вошёл и К. Ворошилов. Это собрание тщательно обсудило план забастовки, распределило свои силы.

В ночь на 16 февраля по Луганску были расклеены прокламации с призывом начать борьбу. И уже днём, после разъяснения требований, которые выдвигала прокламация комитета РСДРП, рабочие бросили работу. Первым начал забастовку механический цех паровозостроительного завода Гартмана, где по поручению большевистской организации поднял рабочих А. Я. Пархоменко.

Гартмановский завод был построен в последние годы XIX века. Дела его в связи с постройкой сибирской железной дороги, а затем с заказами во время войны шли прекрасно. Бельгийские капиталисты, получавшие огромные прибыли, создали на заводе невыносимый режим. Пользуясь кризисом, они сокращали заработную плату, выкидывали с завода всех

¹ Центральный архив Октябрьской революции (ЦАОР). Департамент полиции (ДП), 1905 г., листовка № 18831.

² ЦАОР, ДП, 1905 г., д. № 4, ч. 53. «О волнениях и стачках среди рабочих по Харьковской губ.», л. 1.

недовольных, заменяя их безработными¹. На заводе к моменту забастовки было около 3 тыс. рабочих. На заводе существовала социал-демократическая организация, работавшая под руководством К. Ворошилова. Гартмановцам удалось увлечь всех рабочих Луганска, организовать мощную политическую демонстрацию, которая произвела огромное впечатление на весь город. Только 19 февраля, после удовлетворения основных требований, гартмановцы приступили к работе.

Подъём массового рабочего движения на Украине активизировал социал-демократическую работу. Нередко рабочие сами искали связи с большевиками. Начавшаяся революция выдвигала перед партией задачу выработки тактики на период революции.

Опыт революционной борьбы на Украине настоятельно выдвигал задачу объединения социал-демократических организаций на основе большевистской программы. После опубликования (в феврале) извещения о созыве III партийного съезда, подписанного тремя украинскими социал-демократическими комитетами — одесским, николаевским и екатеринославским, — на Украине разгорелась борьба между большевиками и меньшевиками за созыв съезда.

Большевики Украины, вдохновлённые Лениным, развернули огромную работу. На помощь им в начале года приезжали товарищи Ем. Ярославский — в Одессу, Артём — в Харьков, Лепешинский — в Екатеринослав. Непосредственную помощь украинским большевикам оказывал Ленин. Одесский комитет через Н. К. Крупскую получал от него директивы и указания в работе. Такую же переписку и связь с Лениным имели большевики Луганска и Екатеринослава. Всё это не замедлило сказаться. В Харькове благодаря огромной работе Артёма скоро образовалась группа «Вперёд», получившая после III съезда права комитета. В Екатеринославе после ареста в феврале социал-демократической организации создан новый комитет, получивший название екатеринославского комитета «большинства» РСДРП. Об этом 15 марта было сообщено Ленину².

Этот успех большевиков на Украине содействовал созыву съезда партии, на котором представителями от украинских большевистских организаций были В. И. Ленин и В. В. Воровский. Съезд и его решения имели огромное значение для укрепления позиции украинских большевиков. После съезда работа социал-демократических большевистских комитетов развернулась во всю ширь.

С приближением 1 мая большевики усилили работу среди пролетариата. Уже со второй половины апреля по всей Украине проходили митинги и массовки рабочих, где вырабатывались требования, главнейшими из которых были: установление восьмичасового рабочего дня, прекращение войны с Японией, политические свободы и созыв Учредительного собрания. После такой подготовки забастовки рабочих начались уже 30 апреля: Застрельщиками выступали металлисты Одессы, Киева, Харькова, Николаева и других городов.

1 мая в Екатеринославе большевики организовали демонстрацию рабочих, несмотря на все усилия властей не допустить её. На трубе железопрокатного завода рабочие вывесили красный флаг с надписями «Долой самодержавие!» и «Да здравствует революция!» Флаг этот днём был снят полицией при громадном стечении народа³. Красные флаги были вывешены и на других заводах. Демонстрация в этот день закончилась кровавым столкновением с казаками и полицией.

Первомайское выступление рабочих Екатеринослава нашло широкий отклик на всей Украине. Вообще значение екатеринославских революционных событий для Украины, особенно Донбасса, чрезвычайно велико. Екатеринослав был рабочим городом с многими заводами тяжёлой промыш-

¹ «Искра». Вып. 6, стр. 49—50 (№ 39, 1 мая 1913 г.) 1925 г.

² «Пролетарская революция» № 4 (51), 1926 г., стр. 13.

³ ЦАОР, ДП, 1905 г., д. № 4, ч. 17, т. II. «О волнениях и стачках рабочих по Екатеринославской губ.», л. 52.

ленности и дал ряд примеров последовательной революционной борьбы на всём протяжении революции.

Первомайская борьба украинских рабочих положила начало длительной забастовочной волне на Украине и через «потёмкинские дни» в Одессе и через новый подъём рабочего движения в столицах России подвела к всеобщей стачке в сентябре.

14 июня, ночью, в Одессу пришёл броненосец «Потёмкин» с восставшими против самодержавия матросами. Приход крупнейшего военного корабля Черноморского флота совпал с восстанием рабочих Одессы. Город уже с утра 14 июня был покрыт баррикадами, во многих местах происходили кровавые стычки рабочих с полицией и казаками, невооружённые рабочие отбивались чем могли от озверевших пьяных полицейских.

Приход броненосца «Потёмкин» влил новые силы в рабочих, события в Одессе приковали к себе внимание всей России. Городские власти и буржуазия растерялись. Весь день 15 июня в порту, у тела убитого матроса Закулинчука, одного из организаторов восстания, происходили митинги при огромном стечении народа. Рассчитывая на помощь матросов, рабочие готовились к захвату города, но они упустили удобный момент. Кроме того большевистская организация была тогда ослаблена арестами, а меньшевики и не помышляли о решительных действиях. Среди восставших матросов не было сплоченного большевистского ядра, способного, преодолев отсталые настроения части матросов, увлечь за собой весь экипаж. Матросы не решались сойти на берег и помочь рабочим, они рассчитывали на восстание всего флота.

17 июня в открытом море произошла встреча эскадры Черноморского флота с броненосцем «Потёмкин». Командование эскадры не решалось открыть огонь по восставшему броненосцу, но и восстания на судах, которого твёрдо ожидали матросы «Потёмкина», не произошло. Присоединившийся к «Потёмкину» броненосец «Георгий Победоносец» уже 19 июня сдался властям в Одессе.

Неудача восстания на флоте и нерешительность матросов броненосца «Потёмкин» окрылили власти. Воспользовавшись провокационной проделкой черносотенных банд, поджёгших вечером 15 июня склады в порту, полиция устроила кровавый расстрел рабочих, которые находились в это время на территории порта и прилегающих к нему районов. Самодержавие, объявив город и уезд на военном положении, наводнило его уже 16 июня войсками, которые расположились с артиллерией на улицах и площадях в боевом порядке. Специальная батарея была выставлена на косе при входе с моря в порт. 19 июня «Потёмкин» ушёл из Одессы. Всеобщая забастовка пошла на снижение.

Несмотря на неудачу восстания, значение одесских событий для развития общего революционного движения на Украине и в России было очень велико. «Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потёмкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперёд в развитии революционного движения против самодержавия»¹, — так оценивал великий стратег революции В. И. Ленин одесские события.

Одесские события произвели огромное впечатление на рабочих Украины и показали на наглядном примере революционный путь к свержению самодержавия. Известие о «потёмкинских днях» ускорило выступление рабочих, подготовляемое после III съезда партии большевиками в ряде мест Украины. По всей Украине в знак солидарности с матросами «Потёмкина» и рабочими Одессы и в целях их поддержки проходили массовые политические выступления рабочих.

В Николаеве уже 14 июня вспыхнула всеобщая забастовка. Несколько позднее началась всеобщая забастовка в Екатеринославе. В Харькове по призыву большевистского комитета, рабочие в знак солидарности с потёмкинцами с 26 по 29 июня не выходили на работу. Забастовки солидарности проходили по многим шахтам и заводам Донбасса.

¹ Ленин. Соч. Т. VII, стр. 379.

Одесские события наглядно показали значение армии и роль вооружённого восстания рабочих в ходе борьбы с самодержавием. Этот урок был учтён большевиками уже в ходе подготовки к политическим забастовкам солидарности с рабочими Одессы. В Николаеве и Харькове, Екатеринославе и Донбассе большевики усилили массовую работу среди солдатской массы. Обращаясь «Ко всем солдатам и матросам г. Николаева», листовка николаевского комитета РСДРП ставила перед ними вопрос: «Выбирайте, с ними или с нами» — и предлагала, «отбросив всякую нерешительность», последовать «примеру славных севастопольцев». «Вы слышали, что эти матросы — герои с «Потёмкина» остановились в одесском рейде и помогают нашим одесским товарищам в их трудной борьбе. И там рабочие вступили в открытую борьбу». Харьковские большевики, обращаясь к солдатам, звали их «поддержать народное дело»¹.

Во всех перечисленных случаях забастовок рабочие проявили высокую организованность и выдержку, наглядно показав самодержавию силу рабочей солидарности. Оценивая июньское выступление рабочих как «пробную мобилизацию», имевшую «исключительно политический характер», харьковские большевики призывали готовиться к следующему выступлению «вместе со всем рабочим классом России»².

Самодержавие, напуганное общим подъёмом рабочего движения и волной крестьянских выступлений, прокатившейся по всей России, пыталась сорвать поднимающуюся революцию и внести разложение в ряды её борцов, выступило с манифестом о созыве думы, известной под именем «булыгинской». Этот маневр помещиков был разгадан Лениным, и, по его призыву, большевистские организации по всей стране ответили на манифест организацией активного бойкота. «Долой Государственную думу, потому что она обман и издевательство над народом, потому что она выдумана царским самодержавием для ещё большего угнетения и подавления народа»³, — говорили в своей листовке одесские большевики и от имени рабочих призывали украинский народ ответить на этот политический акт самодержавия бойкотом, организацией забастовок, стачек и митингов.

В тот момент, когда «приближается время всенародного восстания против самодержавия», «царское правительство прибегает к разным обманам и уловкам». Но мы, говорили от имени рабочих харьковские большевики, «ни на какие сделки и уступки самодержавию не пойдём», в ответ на этот обман мы будем вооружаться, чтобы «захватить власть в свои руки»⁴.

Под влиянием одесских событий и борьбы против «булыгинской думы» среди рабочих Украины становится популярным лозунг массовой политической стачки и вооружённого восстания. Подготовка ко всеобщей стачке проходила повсеместно на Украине; её предвестником служили проходившие в разных местах забастовки и митинги рабочих. В Екатеринославе 3 сентября забастовали рабочие машиностроительного завода б. Эзау, добиваясь разрешения на организацию выборной комиссии рабочих⁵. Затем забастовка произошла в Харькове, где 5 сентября поднялись рабочие депо юговосточных железных дорог, поддержанные впоследствии рабочими паровозостроительного завода. Затем забастовки перекидываются на другие предприятия.

С 12 по 15 сентября была забастовка на чугунолитейном заводе Трепке, 20 сентября она вспыхнула вновь⁶. 24 сентября началась забастовка

¹ «1905 год на Николаевщине», стр. 355.

² «1905 год в Харькове», стр. 314—316. 1925.

³ «1905. Революционное движение в Одессе», кн. 2, стр. 311.

⁴ «1905 год в Харькове», стр. 335—336.

⁵ ЦАОР, ДП, 4-е делопроизводство, 1905 г., д. № 4, ч. 17, т. IV. «О волнениях и стачках среди рабочих по Екатеринославской губ.», л. 53, 56, 61.

⁶ ЦАОР, ДП, 4-е делопроизводство, 1905 г., д. № 4, ч. 53. «О волнениях и стачках рабочих по Харьковской губ.» лл. 134, 135, 139—140, 143—141.

3 «Вопросы истории» № 5—6.

ставка 1300 рабочих Киевского сахарного завода в Демиевке¹. В Донбассе 1 октября начали борьбу рабочие Рутченковского каменноугольного товарищества и Лидиевского рудника Днепровского завода в ответ на объявление о понижении с 1 октября заработной платы на 10—11%².

Начавшаяся всеобщая политическая забастовка в Москве и Петербурге влила новые силы в рабочих Украины. В начале октября забастовки прокатываются по всей Украине, превратившись в дальнейшем во всеобщую политическую забастовку, которая слилась с всероссийской. Если в сентябре в забастовочной борьбе участвовали главным образом мелкие предприятия, то теперь включаются и крупные заводы. В Екатеринославе в октябре забастовка началась вывозом на тачке мастера тендерного цеха паровозных мастерских Екатерининской железной дороги³. 4 октября в Харькове забастовали рабочие железнодорожных мастерских и конки, а 8 октября на паровозостроительном заводе состоялось совместное собрание рабочих ряда заводов и учащихся средних и высших школ⁴. В Николаевском порту забастовка началась 4 октября⁵. 10 октября остановилось движение железных дорог, парализовав сообщение по Донбассу. Забастовали рабочие Екатеринослава, Харькова; 11—12 октября начались забастовки в Одессе и Киеве. Политическое движение рабочих в это время захватывает городские демократические слои и перекидывается в деревню.

Напуганное самодержавие пыталось сперва силой оружия подавить забастовку. Вооружённые столкновения и баррикадные бои рабочих с полицией и войсками проходят на Украине в Харькове и Екатеринославе. В Харькове рабочим удалось пробиться в центр города, в район университета, там, на баррикадах, они были окружены казаками и полицией. Слабо и плохо вооружённые дружины рабочих не могли оказать сопротивление войскам и, потеряв до 89 человек ранеными, вынуждены были покинуть университет и примыкающие к нему кварталы. Не менее остро протекали октябрьские события в Екатеринославе. 10 октября в районе Брянского завода рабочие воздвигли баррикады на случай нападения полиции и, не ожидая его, сами перешли в наступление на войска. В разных районах города происходили демонстрации рабочих. На Военной улице казаки организовали нападение на рабочих, в результате которого было несколько десятков убитых и раненых.

В Киеве и Одессе при огромном стечении народа происходили митинги, на которых раздавались призывы к свержению самодержавия. Остро протекала забастовка в Донбассе, где рабочие, остановив движение по железной дороге и став её хозяевами, рассылали делегации по станциям и заводам в целях общей мобилизации. Власти спешно стягивали войска, мобилизовали все силы, ожидая дальнейшего развёртывания борьбы.

Массовый политический подъём рабочего движения захватил широкие слои украинского народа. Осенью в университетах Киева и Харькова проходят совместные митинги рабочих и студентов. В дни октябрьских боёв в Киеве, Екатеринославе, Одессе вместе с рабочими в дружинах самообороны участвуют студенты, революционная часть интеллигенции.

Революционное движение перекинулось и в деревню. Большевики говорили, обращаясь к рабочим и крестьянам: «Пусть каждый сознательный рабочий и крестьянин готовится стать солдатом революции; пусть все сознательные рабочие и крестьяне объединятся в одну могучую революционную армию»⁶.

¹ ЦАОР, ДП, 1905 г., д. № 4, ч. 24. «О волнениях и стачках среди рабочих по Киевской губ.», л. 125.

² ЦАОР, ДП, 1905 г., д. № 4, ч. 17, т. IV, л. 65.

³ Там же.

⁴ Там же, д. № 4, ч. 53, л. 153, 157.

⁵ «1905 год на Николаевщине», стр. 162.

⁶ «1905 г. Революционное движение в Одессе». Т. II. Приложение, стр. 310.

В этих условиях, когда всеобщая политическая стачка рабочих всей России смыкалась с растущим крестьянским движением, напуганное самодержавие выступило 17 октября с манифестом, который обещал политическую свободу и созыв Государственной думы. Обмануть этим манифестом рабочих не удалось. «Пока существует самодержавие, пока власть в его руках, а не в руках народа, до тех пор пролетариат не сможет воспользоваться даже теми свободами, которые самодержавие теперь даёт»¹, — делали вывод николаевские большевики. «Поэтому прежде всего нужно свергнуть царское самодержавие и заменить его Временным революционным правительством»², — констатировала листовка одесской организации. Самодержавие и не думало выполнять данные в манифесте обещания, оно расценивало его, говоря словами Ленина, как средство перехода «на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной, и на которой он надеется собрать более надёжные силы, сплотить и ободри-ть их, выбрать лучший момент для нападения»³.

Царский манифест 17 октября ободрил притаившиеся и растерявшиеся в октябрьские дни силы реакции. На другой день после выхода манифеста начались погромы. За короткий срок погромная волна захватила многие города и местечки Украины и перебросилась в деревню. Только в Харькове, Луганске и некоторых других местах, благодаря сопротивлению организованных рабочих, удалось предотвратить кровавые побоища. В Луганске черносотенные банды были разогнаны рабочими дружинами, которые возглавлял А. Я. Пархоменко.

Октябрьская всеобщая политическая стачка имела огромное значение. Она показала рабочим, что самодержавие само не уйдёт, что его надо свалить. Этот наглядный политический урок рабочие быстро усвоили.

Ещё в ходе октябрьских и последующих боёв рабочие создали советы рабочих депутатов, этот, по определению Ленина, «зародыш временного революционного правительства»⁴. Весной, как следствие забастовочного движения, в Луганске и во многих других пунктах возникли выборные рабочие комиссии, депутатские и делегатские собрания. Они оправдали себя, сплачивая и организуя рабочих на борьбу с самодержавием. На новом, более высоком этапе борьбы на смену им приходят советы, за короткий срок созданные почти во всех крупнейших городах Украины — Киеве, Одессе, Николаеве, Екатеринославе, Мариуполе, — на заводах и шахтах Донбасса. Рабочие видели в них органы руководства борьбой, зачаточные органы будущей власти народа. По-разному возникая, — в одних случаях по инициативе социал-демократических организаций, как в Николаеве, Одессе и др., в ходе забастовочного движения рабочих, как например в Киеве, — по-разному проходя путь своего развития, советы логикой революционных событий становились во главе революционной борьбы, в центре нарастающей схватки с царизмом.

Крупными вехами на пути к восстанию на Украине были события в конце ноября в Киеве и демонстрация 23 ноября в Харькове. 18 ноября в Киеве, в условиях недовольства и революционного брожения среди рабочих произошло выступление сапёрных войск. Вооружённые солдаты во главе с революционно настроенным офицером Б. П. Жадановским покинули казармы и направились демонстрацией по городу. На пути они были встречены верными правительству частями, которые открыли стрельбу залпами. Киевский совет рабочих депутатов, в котором засели меньшевики, не сумел соединить революционное выступление солдат с всеобщей стачкой рабочих. Подъём среди рабочих был настолько велик, что они, вопреки указаниям совета депутатов, немедленно начали выступ-

¹ «1905 год на Николаевщине», стр. 364.

² «1905 г. Революционное движение в Одессе», кн. 2, стр. 314.

³ Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 354.

⁴ «Правда» от 5 ноября 1940 года. Статья Ленина «Наши задачи и Совет рабочих депутатов».

ление, известное в истории под названием «Шуляевской республики» (по имени городского района, ставшего центром борьбы).

Вслед за этим развернулись события в Харькове, где во главе с Артёмом большевики уже давно готовили харьковских рабочих к вооружённому выступлению. В знак протеста против готовящейся расправы с революционными матросами в Севастополе харьковские рабочие объявили забастовку. 23 ноября с оружием в руках на улицу вышли Старобельский, Луцкий, Лебединский и Богодуховский полки, которые вместе с рабочими города под охраной вооружённых дружин прошли демонстрацией по всему городу. Растерявшиеся власти сделали попытку расколоть демонстрацию. На Павловской площади, под прикрытием спешно вызванной пулемётной команды, к демонстрирующим солдатам вышел командир их дивизии генерал Нечаев. Солдаты стали зачитывать ранее выработанные требования. Рабочие тем временем окружили пулемётчиков, смяли их, и демонстрация двинулась дальше. В колоннах демонстрантов с рабочими шёл Артём. Поднятый на руки, он не раз обращался к рабочим, разъясняя им смысл происходивших событий, призывая к дальнейшей борьбе. Правительству не удалось сорвать демонстрацию. Пройдя через весь город, солдаты поздно вечером вернулись в казармы.

Эти события показали назревание вооружённого восстания, идея которого находила широкое признание и сочувствие в среде трудящихся масс. В Донбассе, Харькове, Одессе рабочие организовали «красные сотни», рабочие дружины, для вооружения которых проводили сбор средств для покупки оружия, выделывали холодное оружие. Рабочие не только сами готовились к борьбе, но вели соответствующую подготовку и среди армейских частей и крестьян.

Подготовка к вооружённому восстанию проходила в условиях острой политической борьбы. Против большевистской идеи свержения самодержавия восставшим народом и передачи помещичьей земли народу, как необходимого условия демократического преобразования России, на Украине выступили российские меньшевики, эсеры, украинские социал-демократы. Они были против свержения самодержавия, но, не выступая открыто против этого, из страха перед революционным народом, они предлагали рабочим путь реформ, путь исправления и улучшения существующего политического строя.

Весь ход революции 1905 г. показал рабочим, на чьей стороне правда. Большевики сумели охватить своим влиянием значительные слои рабочих, наиболее прочные позиции они имели в крупных промышленных центрах — Донбассе, Екатеринославе, Харькове, Николаеве. Большевистская пропаганда проложила себе путь и в украинскую деревню, где идея революционной национализации земли находила всё большее число сторонников.

Самодержавие видело нарастание революции и готовилось к встрече её. Манифест 17 октября был вынужденной политической уступкой самодержавия революции. После октябрьской всеобщей забастовки усилилась военная подготовка к вооружённому восстанию.

По всей России рабочие готовились к схватке с самодержавием. Сигнал к выступлению дала Москва. Украинские рабочие немедленно подхватили призыв. Первыми откликнулись рабочие Екатеринослава. 8 декабря город был охвачен забастовкой. Для руководства борьбой был создан боевой стачечный комитет. Отсюда забастовка перебросилась на Екатерининскую железную дорогу, затем — на Харьковско-Николаевскую, Харьковско-Севастопольскую и на остальные железные дороги Украины. 11 декабря началась забастовка в Одессе, 12-го — в Киеве и Харькове, 13-го — в Николаеве. Забастовки рабочих охватили весь Донбасс. Так началась декабрьская всеобщая политическая стачка на Украине, в ряде мест переросшая в вооружённое восстание.

Самодержавие в этих условиях прибегло к решительным мерам.

12 декабря харьковские рабочие предприняли попытку вооружённого захвата города, но с самого начала рабочих постигла неудача. Меньшевистская фракция Федеративного совета комитетов РСДРП сделала всё, чтобы помешать вооружённому восстанию, всячески оттягивая день выступления. Тем временем воинские части, выступление которых предусматривалось планом, были разоружены. Дружины, засевшие на заводе Гельферих Саде, после артиллерийского обстрела завода вынуждены были сдаться. Направившиеся к ним на выручку 3 тыс. рабочих паровозостроительного завода, которых вёл Артём, были встречены войсками и подверглись обстрелу.

Наиболее упорная и длительная борьба развернулась в Донбассе. На всех заводах и станциях по линии Екатерининской железной дороги были созданы комитеты, взявшие в свои руки власть. Рабочие дружины во многих посёлках и сёлах разоружили полицию. На станции Ясиноватая, где находился крупный отряд солдат, рабочие, вызвав на помощь дружины соседних станций, разоружили его, добыв таким образом 54 винтовки. Движение по железной дороге допускалось только с разрешения рабочих. Это затруднило переброску властями воинских частей и на короткий срок отдало Донбасс в руки рабочих. Кульминационным пунктом вооружённого восстания на Украине были события на ст. Горловка в Донбассе. В ответ на расстрел рабочих 16 декабря при выходе смены со двора машиностроительного завода распорядительный комитет вызвал на помощь дружины соседних заводов Харцызска, Ясиноватой, Дебальцево и др. Во главе этих дружин находились большевики. Так, вместе с дружиной Петровского завода прибыл её организатор рабочий-литейщик большевик Г. Ткаченко-Петренко. Получив подкрепление, рабочие на другой день перешли в наступление. Им удалось занять казармы и выгнать из посёлка солдат и драгун. Но закрепить свою победу рабочим не удалось. Бежавшие солдаты и драгуны, получив поддержку из Енакиево, напали ночью на рабочих, оружие которых состояло из охотничьих ружей, револьверов и самодельных пик¹.

Осмелев после разгрома горловского восстания, местные власти, подхлёстываемые из центра, перешли в наступление. Во все крупные города были введены войска. Им было предписано расправиться с рабочими любыми средствами. 18 декабря артиллерийским обстрелом была разгромлена станция Люботин, где после неудачи в Харькове собрались рабочие дружины. В Киеве рабочие кварталы были окружены войсками. В течение суток шли повальные обыски и аресты. В Екатеринославе против рабочих тоже двинули артиллерию. Вооружённой силой расправились с рабочими и в Александровске. Таким путём самодержавию удалось подавить восстание рабочих на Украине. «Декабрьское восстание 1905 года было высшей точкой революции. В декабре царское самодержавие нанесло восстанию поражение. После поражения декабрьского восстания начался поворот к постепенному отступлению революции»².

В ходе декабрьских боёв крупную роль в деле мобилизации сил революции на Украине сыграли созданные творчеством рабочих советы рабочих депутатов. Рабочие видели в них органы своей, ещё зачаточной власти и принимали в их работе активное участие. Меньшевики и эсеры всячески стремились принизить значение советов, считая их только «представительством рабочих»³. Они всячески тормозили работу советов, стре-

¹ Самодержавие жестоко расправилось с организаторами восстания. В 1909 г. по приговору суда были повешены: Г. Ткаченко-Петренко, А. Кузнецов-Зубарев, электротехник А. Ф. Щербаков, машинист И. Д. Метусов, слесарь В. П. Григорщенко, стрелочник Е. Н. Черняков, слесарь П. Л. Бабич и слесарь В. В. Шмуйлович.

² «История ВКП(б)». Краткий курс, стр. 80. 1938.

³ Манилов В. Киевский совет рабочих депутатов в 1905 г., стр. 23. ГИЗ Украины, 1925.

мьсь повернуть их от вопросов подготовки революции к вопросам разбора конфликтов на предприятиях между рабочими и предпринимателями, к вопросам экономического положения рабочих.

Несмотря на все эти происки меньшевиков и эсеров, советы являлись организующими центрами революционных рабочих, органами подготовки восстания. Николаевский совет, возникший 20 ноября, сразу же взял курс на вооружение рабочих в форме боевых дружин и народной милиции. Совет стал силой, с которой считались городские власти. В декабре по призыву совета рабочих депутатов рабочие бросили работу 13-го числа и также по его призыву прекратили забастовку 20 декабря.

Екатеринославский совет после длительной борьбы с либералами и меньшевиками выбрал исполнительный комитет из семи человек, из которых четверо были большевиками¹. В декабре совет, получив известие о начале забастовки в Москве и Петербурге, по инициативе большевистского комитета, выделил для руководства политической забастовкой боевой стачечный комитет (БСК) в составе представителей совета от объединённого комитета РСДРП, от совета Екатерининской железной дороги и представителя стачкома почтово-телеграфных служащих. Этот боевой стачечный комитет и осуществлял руководство борьбой всех рабочих города, распространяя своё влияние на Донбасс.

По линии Екатерининской железной дороги были разосланы телеграммы с объявлением повсеместной забастовки. БСК объявил себя единственной властью в городе. Выпущены были «Бюллетени БСК», в которых публиковались постановления совета и боевого стачечного комитета. В № 2 бюллетеня было опубликовано заявление солдат гарнизона о том, что «если полиция и хулиганы будут что-либо предпринимать против рабочих, то солдаты выступят с оружием в руках»².

По существу, рабочие в лице БСК сделались хозяевами в городе. В Киеве совет рабочих депутатов, оказавшийся в хвосте событий 18 ноября, во время выступления сапёр, позднее с уходом меньшевиков и колеблющихся элементов, встал во главе руководства Шуляевской республикой и декабрьскими боями с самодержавием.

Душой советов и главными их организаторами были рабочие-большевики. Они вели борьбу с меньшевиками и либералами, пролезшими во многие советы на Украине, и добивались превращения советов в органы восстания. В екатеринославском и николаевском советах, в депутатских советах Донбасса рабочие шли за большевиками, и это сказалось на поведении советов в дни вооружённого восстания. В Луганске председателем депутатского собрания рабочих Гартмановского завода был К. Ворошилов.

Но не везде руководство советами было достаточно решительным, чтобы поднять рабочих на восстание. В советах тогда наряду с большевистски настроенными рабочими находились меньшевики, бундовцы, эсеры, всячески оттягивавшие объявление о восстании. Рабочие Одессы говорили: «Дайте оружие», — но совет, в котором преобладали меньшевики, не решался призвать их к восстанию.

Украинское крестьянство на всём протяжении революции активно выступало против помещиков, являясь ближайшим резервом революции. Первое крупное выступление крестьян начинается нападением в феврале на экономию сахарозаводчика Терещенко в Черниговской губернии, откуда крестьянское движение распространилось в соседние губернии. Летом и осенью 1905 г. крестьянское движение распространилось по всей Украине. Крестьяне захватывали помещичьи имения, отказывались работать в экономиях, боролись против штрейкбрехеров. Более двух третей уездов было охвачено крестьянским движением. До 200 имений помещиков было

¹ «Материалы по истории екатеринославской социал-демократической организации 1904—1905 гг.», стр. 140. 1924.

² «1905 г. Советская печать и литература о советах». стр. 208. М. 1925.

разгромлено крестьянами в 1905 году. Наиболее массовой формой борьбы крестьян на Украине были забастовки. Наиболее упорные и массовые забастовки крестьян и сельскохозяйственных рабочих были в губерниях Право- и Левобережной Украины. Начавшись в 1905 г. в Подольской и Екатеринославской губерниях, забастовки перебрались в Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губернии. В них участвовали не только местное крестьянское население и сельскохозяйственные рабочие, работавшие по найму в крупных экономиках, но и пришедшие на заработки из других губерний сезонные рабочие.

Большевики проводили на Украине большую работу и в деревнях, направляя туда рабочих-агитаторов, листовки и прокламации, призывая крестьян к выступлению против самодержавия совместно с рабочим классом. «Нехай же спалахне всенародне оружє повстання на щастя всього трудящого народу і на загибель всіх ворогів народньої волі і долі», — обращалась к крестьянам листовка, распространяемая в декабре 1905 г. в Екатеринославской губернии¹. Эта работа не пропала даром. Наиболее отчетливо смыкание рабочей и крестьянской струи в революции проявилось во время декабрьских событий в Донбассе. В Юзовке, Дебальцево, Авдеевке, Ясиноватой и других местах Донбасса крестьяне посещали митинги рабочих, привозили продукты рабочим, совместно участвовали в укреплении станции на случай нападения войск и т. д.

Самодержавие боялось крестьянского движения, видело в нём главного после рабочих своего врага.

В октябре в Полтавскую и Черниговскую губернии был командирован генерал-адъютант Дубасов (впоследствии назначенный московским губернатором) на усмирение крестьян. Наиболее свирепая расправа с крестьянами стала применяться после подавления рабочего движения в декабре. В Черниговской губернии свирепствовал карательный отряд Филонова, сжигая «для примера» крестьянские избы и гумна, подвергая порке «агитаторов» и «зачинщиков». В селе Большие Сорочинцы, где крестьяне, прогнав местные власти, создали революционно-народный комитет, карательная экспедиция произвела наступление на село по всем правилам военного искусства, с двух сторон. В результате стычки солдат с крестьянами, вооружёнными кольями и вилами, было убито до 70 человек. Но этого показалось мало, и из Полтавы была отправлена новая карательная экспедиция, на этот раз усиленная двумя орудиями. Такие же карательные экспедиции с приданной им артиллерией действовали и в Екатеринославской губернии.

После поражения рабочих в декабре революционное движение на Украине пошло на убыль. Значительно снизилось количество стачек, уменьшилось число участников в них. От открытой борьбы с самодержавием рабочие стали переходить к легальным формам борьбы, участвуя в работе профсоюзов, которые возникли на Украине в это время, в кооперативах, в ссудо-сберегательных кассах.

Как продолжение революционных боёв 1905 г. на Украине в 1906—1907 гг. вспыхнули отдельные, разрозненные забастовки. В значительной мере в них участвовали рабочие тех предприятий, которые не выступали в боях 1905 года. Увеличились забастовки в Волынской, Подольской и Херсонской губерниях. В 1907 г. возросло забастовочное движение в Харьковской и Екатеринославской губерниях (Донбасс).

С ноября 1906 по февраль 1907 г. длилась борьба портовых рабочих и моряков. В стачечный комитет проникли эсеры и анархисты, которые вносили разложение в среду забастовщиков, и, деморализованные их действиями, рабочие на этот раз проиграли забастовку. «Регистрация» перестала существовать.

¹ ЦАОР, ДП, ОО, 1905 г., д. № 1350, ч. 3. «О беспорядках и демонстрациях в Екатеринославской губ.», л. 174.

В Донбассе в эти годы центром движения являлся Луганск, где местные власти вынуждены были считаться с созданными рабочими организациями. К. Ворошилов, возглавлявший тогда революционное движение рабочих Луганска, позднее в приветствии к своим соратникам писал, что «весь 1906 г. и первые три месяца 1907 г. в Луганске и уезде фактически существовала своеобразная диктатура рабочих»¹.

Победа царизма в декабре 1905 г. глубоко отразилась на украинской деревне. Крестьянское движение резко пошло на снижение. Почти прекращаются нападения на экономии, самовольные захваты и распахки помещичьей земли. Украинские крестьяне стали связывать надежды на получение земли с Государственной думой. По всей Украине проходят митинги крестьян, расширяется деятельность крестьянских союзов. Разгон Думы нанёс удар по этим иллюзиям, но не развеял их до конца. Вновь усилившееся крестьянское движение летом 1906 г. под влиянием репрессий вскоре затихает и к концу 1907 г. сходит на-нет.

Значительное место в общедемократическом движении на Украине занимала борьба широких слоёв украинского населения против национального гнёта. «Среди угнетённых народов России вспыхнуло освободительное национальное движение. В России больше половины, почти три пятых (точно: 57 проц.) населения подвергается национальному угнетению, они не пользуются даже свободой родного языка, их насильственно русифицируют»², — говорил Ленин в докладе о революции 1905 года.

Национальные притеснения наиболее тяжело отражались на крестьянском населении Украины. Украинское крестьянство страдало от национальных ограничений, оно не имело права учить детей на родном языке, не имело права обращаться в государственные учреждения на своём языке, не имело права пользоваться родным языком на собраниях и т. д. Поэтому, наряду с требованиями ликвидации помещичьего землевладения, в своих приговорах крестьяне выставляли требования всеобщего бесплатного обучения на родном языке, право пользования родным языком в государственных учреждениях и т. п.

Депутат 2-й Государственной думы крестьянин Е. А. Сайко получил письмо от крестьян села В., Переяславского уезда, в котором они требовали бесплатного обучения в низшей и высшей школах на родном языке³. Об этом писали крестьяне из К-ской волости депутату Гриневичу, требуя введения украинского языка также в судах, в учреждениях и церкви⁴. С протестом против национального гнёта на Украине и с изложением своих требований во 2-й Государственной думе выступали от имени «Украинской трудовой Громады» депутаты Думы Сайко, Хвост и Лосик. Эти требования сводились к следующему: 1) бесплатная школа на родном языке, причём русский язык изучается как особый предмет; учебники должны быть составлены заново на родном языке; 2) для переподготовки учителей должны быть открыты специальные курсы по украинскому языку, истории Украины и литературы, а в существующих семинариях должно быть введено изучение этих предметов; 3) в университетах на Украине должны быть созданы кафедры по этим предметам⁵.

Признание правомерности этого требования проникло и в консервативную среду духовенства Украины. Осенью 1906 г. съезд духовенства подольской епархии высказался за обучение в церковных и церковно-

¹ Ворошилов К. Статьи и речи, стр. 531. Партиздат. 1937.

² Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 354.

³ «Рідна справа — вісти з думи». 1907 г. № 10, стр. 3.

⁴ Там же, № 12, стр. 4.

⁵ Государственная Дума. Второй созыв. сессия 2-я. Стенографический отчёт. Т. II стр. 543—547. СПб. 1907.

учительских школах на украинском языке и за чтение лекций по истории Украины в семинариях¹.

Ожесточённая борьба развернулась вокруг вопроса украинизации университетов. Решение студентов Киевского университета, принятое весной 1906 г., об открытии украинских кафедр было встречено в штыки ректором университета и реакционной частью профессуры. В ответ почти повсеместно проходили собрания и митинги учащихся и интеллигенции, на которых выражались сочувствие и призывы к поддержке киевских студентов.

Благодаря этой всенародной поддержке удалось сломить сопротивление, и весной 1907 г. началось чтение лекций на украинском языке по истории Украины, литературы и языка, сперва в Одесском, затем в Харьковском и Киевском университетах².

Украинская буржуазия и националистическая интеллигенция пытались использовать возмущение народа против национального гнёта в своих интересах. С. Ефремов, один из лидеров Украинской радикально-демократической партии (УРДП), в самый разгар революционной борьбы в 1905 г. писал, что «на отрицательном отношении к ограничениям украинского слова во всех отношениях действительно, надо полагать, сходятся все, кому дорого будущее народа, без различия партийных и личных взглядов»³. Используя эту заинтересованность украинского народа в уничтожении национального гнёта, УРДП пыталась столкнуть украинский рабочий класс и крестьянство с революционного пути на путь мирной, реформистской борьбы за интересы украинской буржуазии. В этом ей помогла и Украинская социал-демократическая рабочая партия, которая объявила крестьянское движение, в частности захват помещичьих земель, выражением «мелкобуржуазных инстинктов» и добивалась раздробления революционного движения в России по национальностям и организациям⁴.

В аграрном вопросе украинские националисты стояли за создание в деревне крепкого, зажиточного мужика-кулака. Эти узкоэгоистические цели тщательно вуалировались общенациональными интересами и задачами украинского возрождения. Украинские националисты боялись революционного движения и прилагали все усилия к тому, чтобы потушить революцию. Они рассчитывали получить удовлетворение своих требований из рук самодержавия. Ещё накануне революции журнал «Киевская старина», ведущий орган украинских националистов, писал в связи с приходом в правительство Святополк-Мирского, что «при обещанном доверии к обществу можно надеяться, что вопрос о самостоятельной малорусской прессе будет разрешён, наконец, в положительном смысле»⁵. Отсюда шли заигрывания буржуазных националистов с российскими либералами, земскими деятелями, участие в их съездах, совместные с ними выступления несмотря на то, что российские либералы являлись противниками автономии Украины и свободы развития украинской культуры.

Созыв 1-й Государственной думы, а затем и 2-й ещё более оттолкнул украинских националистов от демократического движения и бросил их в объятия самодержавия. Сразу же после манифеста 17 октября якобы от имени всего украинского народа они обещали быть «щирими синами і оборонцями імперії» и высказали надежду, что теперь «не буде ні народних бунтів, ні революцій»⁶.

Украинская буржуазия выступала в буржуазно-демократической революции 1905 г. с программой автономии Украины в составе конституционной России. Это была буржуазная программа. Этим путём украинская

¹ «Рада», 1906 г., № 8, стр. 1.

² «Рада», 1907 г., № 63, стр. 3; журнал «Украина», 1907, сентябрь, стр. 38.

³ «Киевская старина», 1905 г., май, стр. 191 — 192.

⁴ «Вільна Україна», 1905 г., № 3, стр. 108, 110 — 111.

⁵ «Киевская старина», 1904 г., ноябрь. Отд. II, стр. 71.

⁶ «Рідний край», 1906 г., № 6, стр. 4.

буржуазия рассчитывала добиться участия в управлении Украиной. В остальных вопросах она придерживалась кадетской программы.

Созданная украинской буржуазией Украинская радикально-демократическая партия широким влиянием не пользовалась, ведя работу главным образом среди украинской интеллигенции и кулачества. Основное внимание украинская буржуазия направляла на охват своим влиянием украинской деревни.

В ходе революции УРДП заметной роли не играла, подъём её деятельности начинается после поражения декабрьского вооружённого восстания.

Добиться некоторого ослабления национального гнёта украинский народ смог только благодаря революционной борьбе русских рабочих и крестьян. В конце 1905 г. появились первые газеты на украинском языке, как «Рідний край» (Полтава), «Громадська думка» (Киев) и др. В то же время делаются попытки организации культурно-просветительных обществ («Просвіти»). С выходом в марте 1906 г. закона о союзах и обществах организация их на Украине пошла довольно быстро, хотя власти всячески её тормозили, видя в этом угрозу «общественному спокойствию»¹, но помешать возникновению этих организаций они были бессильны. За короткий срок «Просвіти» были созданы в Киеве, Одессе, Чернигове, Каменец-Подольске, Екатеринославе и других городах и местечках.

В 1907 г. в Киеве начало работать Научное товарищество имени Шевченко, председателем которого был избран видный украинский историк-националист М. Грушевский.

Все эти «Просвіти» играли заметную роль в подъёме культурно-общественной жизни на Украине. Каменец-подольская «Просвіта» развернула довольно широкую сеть сельских читален. Библиотека-читальня была открыта екатеринославской «Просвітой». Почти все «Просвіти» проводили вечера самодеятельности, много читалось на специально подобранную тему докладов и лекций. Усилилась издательская деятельность.

Руководство «Просвітами» находилось в руках украинских националистов из УРДП. Значительное участие в их работе принимали и меньшевики из УСДРП. Они все усилия прилагали к тому, чтобы превратить «Просвіти» в рассадник украинского национализма.

Уступками в области национальной политики самодержавие рассчитывало удовлетворить узкие интересы украинской интеллигенции и буржуазии, но не всего народа в целом. Оно всячески препятствовало распространению газет на украинском языке среди сельского населения. Пользуясь тем, что в 1906 г. многие районы Украины были объявлены на военном положении, власти запрещали выход неугодных им газет. Так, прекратили выход в Одессе газеты «Народна справа» и «Вісті», выпускаемые местной «Просвітой». В Харькове на том же основании были запрещены «Запорожжя» и «Добра порода». Не избегли преследования и крупные газеты, например «Рідний край»: для того, чтобы разделаться с неугодной газетой, власти прикрыли типографию, где печаталась газета, и таким образом прекратили её выход. «Громадська думка» дважды подвергалась репрессиям, пока наконец, 18 августа 1906 г. после произведённого в редакции обыска её не запретили на всё время военного положения. Гонения против украинской прессы и культурно-просветительных обществ резко возросли после разгона 1-й, потом 2-й Государственной думы.

Революционное и демократическое движение на Украине по своему удельному весу и значению занимало крупное место в буржуазно-демократической революции 1905 г. в России. Начиная с январской забастовки и кончая декабрьскими боями, рабочие и крестьяне Украины находи-

¹ «Рідний край» 1906 г., № 37, стр. 11.

лись в первых шеренгах революционных бойцов, дав на протяжении всей революции ряд примеров последовательной и решительной борьбы с самодержавием. Наряду с петербургскими и московскими пролетариями рабочие Украины ясно отдавали себе отчёт в том, что борьба велась не за частные и мелкие задачи сегодняшнего дня, а за коренной поворот в дальнейшем историческом развитии России. Большевики видели, что именно рабочий класс является исторически прогрессивной силой, способной вывести родину из тупика, куда загнал её господствующий класс помещиков и капиталистов, что от успеха его борьбы зависит дальнейшая судьба родины. — оставаться ли ей под властью крепостников-помещиков и быть обречённой на прозябание или, свергнув эксплуататоров, выйти на дорогу прогресса. Именно эта историческая перспектива борьбы воодушевляла рабочих всей России. Во имя этой цели рабочие Украины шли на баррикады, на тяжёлую борьбу с самодержавием.

В ходе революционной борьбы 1905 г. закладывались основы боевого союза рабочих и крестьян. Украинское крестьянство по мере развития революции всё решительнее выступало против самодержавия. Лозунги перехода власти в руки народа и национализации земли, всё шире проникали в крестьянскую массу.

Союз пролетариата и крестьянства укреплял на новой, более высокой социальной основе исторически сложившуюся дружбу украинского и русского народов. Промышленный пролетариат Украины по своему национальному составу был преимущественно русским, а крестьянство — украинским. Уничтожение самодержавия, к чему звали рабочие, означало решение аграрного, а также национального вопросов.

Самодержавие, видя в укреплении революционных и демократических сил приближение своей гибели, всячески стремилось внести раскол в складывающийся революционный союз между рабочим классом и крестьянством, посеять рознь между народами России, между украинским и русским народами.

В этом ей помогали украинская буржуазия и украинские националисты, которые выступили со своей программой, направленной на срыв дружбы украинского и русского народов, а тем самым и союза русского пролетариата и украинского крестьянства.

Самодержавию удалось задавить революцию. Неудача, постигшая рабочих и крестьян, коренилась в недостаточной сплоченности их, в недостаточной решимости крестьян на борьбу против самодержавия, в недостаточной организованности рабочих в борьбе с самодержавием. Значительная часть рабочих тогда ещё прислушивалась к меньшевикам.

Несмотря на неудачу, значение революции было чрезвычайно велико. Она прежде всего показала рабочим Украины и крестьянам, что только соединёнными усилиями можно свалить самодержавие, что без этого нельзя серьёзно говорить о каких-либо завоеваниях в интересах трудящихся масс. Революция также показала необходимость укрепления союза украинского народа с русским в борьбе против царизма, против господства помещиков и буржуазии.

Не удалось тогда, в буржуазно-демократической революции 1905 г., пролетариату и крестьянству довести дело до конца, до свержения самодержавия. Но опыт, полученный в борьбе, не прошёл даром. Опираясь на него, рабочие и крестьяне, русский и украинский народы стали готовиться к новым классовым битвам, приведшим к победе сначала буржуазно-демократической, а потом и социалистической революции в октябре 1917 года.

СТРОИТЕЛЬСТВО ПЕРВЫХ УРАЛЬСКИХ ЗАВОДОВ *

Б. Кафенгауз

I

Первым заводом, возникшим на Урале при Петре Великом, обычно признаётся Невьянский завод; несколько позднее был начат постройкой Каменский завод, обогнавший его по времени выпуска продукции,— он не менее Невьянского имеет право на почётное звание первенца уральской металлургии.

При изучении истории первых петровских заводов на Урале важнейшей задачей является выяснение производственной базы, на которой они строились. Можно ли согласиться, что петровские заводы выросли «искусственно», как иноземная новинка, перенесённая на Уральские горы властной рукой преобразователя, как считали А. Корсак и П. Милюков? Немногим отличается от них М. Туган-Барановский, который считал, что не только в России, но и в других странах крупная промышленность возникала искусственно, силой одного лишь государственного воздействия¹. Новейший исследователь Д. Кашинцев считает предшественниками крупных уральских заводов мелкую крестьянскую промышленность, широко развитые на Урале металлические промыслы, а также первые опыты создания с 30-х годов XVII в. на Урале более крупных предприятий². С этим новейшим взглядом также нельзя согласиться без больших оговорок и дополнений. Вопрос о предпосылках появления крупной промышленности как в России в целом, так и на Урале не может считаться решённым.

Прежде всего напомним общие условия Урала в конце XVII в. и степень его хозяйственного освоения накануне петровского промышленного строительства. Наиболее заселённым был Средний Урал, где и были впоследствии построены первые заводы. Здесь проходили в XVII—XVIII вв. важнейшие пути в Сибирь. Река Чусовая, верховья которой находятся в горном районе Урала и Зауралья, впадает в Каму и, следовательно, пересекает Уральский хребет. Благодаря ей с древнейших времён был установлен сплошной водный путь, соединяющий центр страны с Уралом и Сибирью. По горной и быстрой реке Чусовой ездили торговые люди, этим же путём пробирались в Сибирь беглые крестьяне и «гулящие люди», строгановские крестьяне возили хлеб на продажу. Путь по Чусовой шёл до устья р. Утки, где путешественники высаживались и продолжали путь на восток сушей, к р. Реже, и далее направлялись на р. Нейву, в Невьяновскую слободу, откуда также водным путём шли к Тюмени³. По рекам Чусовой, Каме, Волге и Оке в XVIII—XIX вв. сплавливали с Урала на

* Настоящая статья является главой из подготовляемого автором исследования по истории русской горной промышленности «Хозяйство Демидовых в XVIII—XIX вв.»; глава печатается со значительными сокращениями.

¹ Корсак А. «О формах промышленности в Западной Европе и России», стр. 126—131. М. 1861; Милюков П. «Очерки по истории русской культуры». Вып. 1-й, стр. 86—89, 289—292. М. 1918; Туган-Барановский М. «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Т. I. Введение. М. 1922.

² Кашинцев Д. «История уральской металлургии». Т. I. Гл. 2-я. М. и Л. 1935.

³ Бахрушин С. «Очерки по истории колонизации Сибири», стр. 101—102. М. 1928.

запад пушки и железо. Ещё большее значение имела другая дорога из европейской части государства в Сибирь — севернее Соликамска на Верхотурье и через деревню Павдинскую — этим путём пользовались в зимнее время. Верхотурье являлось «воротами» в Сибирь.

Был ещё третий путь — через уральские степи и далее, по Кунгурскому уезду, к верховьям р. Чусовой, откуда дорога раздваивалась: одно направление шло на северо-восток, к р. Утке и р. Реже, к Ирбиту; другое шло на юг от р. Чусовой, на р. Исеть, к Арамильской слободе и к Далматову монастырю. После основания при Петре I города Екатеринбурга этот путь стал основным для едущих в Сибирь.

Средний Урал изобилует мелкими речками, на которых можно было поставить плотину для крупного завода. Вместе с тем этот район был удобен для земледелия, и благодаря раннему заселению его создавались условия для снабжения заводов рабочей силой и продовольствием. После покорения Зауралья русскими там возникали волости, центрами управления которых являлись слободы. Крестьянская колонизация края шла не только самотёком: она направлялась в известной мере правительством, которое вызывало сюда «охочих людей» для занятия земледелием или «переведенцев» из других мест и строило здесь укрепленные остроги.

Военно-административная и экономическая задачи шли рука об руку. Во главе слобод стояли приказчики, иногда те же люди, которые приводили сюда первых поселенцев; каждая из слобод имела ещё деревни. В острогах, за деревянными стенами и башнями, располагались гарнизоны из беломестных казаков, получавших за свою службу земельный надел.

Приказчики, являвшиеся начальниками гарнизона, подчинялись военным, которые управляли уездами из Верхотурья, Тобольска и Кунгура. Крестьяне, селившиеся здесь, наряду с «государевой пашней» облагались ещё денежными и натуральными сборами: они должны были поставлять в казну муку, солод, толокно, крупу, возить дрова, выполнять «изделье».

В 1624 г. в Верхотурском уезде были две слободы: Невьянская и Ямская — и 149 деревень; в них было 278 дворов, и в г. Верхотурье было 109 дворов — всего 387 дворов крестьянского и посадского населения и служилых людей. Население уезда состояло из 1273 душ мужского пола и 49 бобылей и половников; они пахали пашни доброй 3165 четей в одном поле, перелог составлял 5978 четей, наезжая пашня — 152 чети, сена накашивали 49 415 копён. Таким образом, на уральских просторах перелог ещё преобладал над трёхпольем¹.

Колонизация края шла быстро: за последующие 20 лет (1624—1645) в северной части Верхотурского уезда возникло 10 новых слобод; в южной части уезда, по течению рек Исети и Чусовой, в районе будущего города Екатеринбурга, с 1645 до конца века выросло 19 новых слобод. По переписи 1666 г., в Верхотурском уезде насчитывалось уже 1040 дворов и в г. Верхотурье — 196. В 1680 г. в Верхотурском уезде уже имелось 13 слобод, 338 деревень, 2 села, 6 погостов с деревнями, заимка, 2 монастыря — всего 362 населённых пункта. В них писцы насчитали 1980 дворов, в которых жило 6218 душ мужского пола. За 14 лет после предыдущей переписи число дворов и количество населения уезда увеличились почти вдвое, а с 20-х годов XVII в. — почти в пять раз².

Вслед за этой волной крестьянской и военно-административной колонизации на Средний Урал пришли представители крупного феодального земледелия в лице хозяина — монастыря. Приёмы заселения и хозяйствен-

¹ Это составит в среднем около 39—40 четей или 20 десятин на один двор, с учётом трёхполья.

² Дмитриев А. «Пермская старина». Вып. 7-й. Верхотурский край в XVII веке, стр. 57, 98, 102. Пермь. 1897. Большой материал для изучения процесса колонизации Урала напечатан в «Актах исторических». Т. III, №№ 121, 148, 152, 153, 172, 211, 222; Т. IV, №№ 5, 33, 65, 217; Т. V, № 257; Шишонко В. «Пермская летопись». Памятники сибирской истории.

ные методы уральских монастырей вскрываются в документах по земельным спорам монастырей с крестьянами. Приведём одно из таких неизданных дел. Ещё в 1622 г. здесь был основан Невьянский Богоявленский монастырь; в 1677 г. монастырь предъявил верхотурским властям претензии на земли по р. Реже, занятые крестьянами Арамашевской слободы. Между тем арамашевские крестьяне уверяли, что земли эти являются их наследственным владением, и заявляли властям, что у них имелись документы, «отводные» грамоты на спорные земли, но при нападении башкир дома их были сожжены и грамоты сгорели, об утере документов они своевременно, по их словам, заявили властям. Крестьяне говорили, что спорные земли исстари принадлежали им и их отцам и были формально отданы им ещё лет за десять до основания первой монастырской заимки.

Монастырь противопоставил словесным заявлениям крестьян «данную» грамоту, в которой спорная земля «вся объявилась», как выразительно говорили крестьяне, отведённой монастырю будто бы взамен другой земли, отнятой у него в казну. На спорной земле была крестьянская пашня в 2,5 десятины и покосы на 400 копён сена, но это была лишь ничтожная часть обширной спорной территории, распахка которой едва началась; эти земли, по словам производивших обследование служилых людей, составляли свыше 9 тыс. десятин, пригодных для поселения и обработки: «Те все земли годны под пашню и под сенные покосы». Здесь же протекали две речки, удобные для постройки мельниц: «Годно то всё место под государевы слободы, можно на том месте вновь слободы построить и крестьян поселить».

Верхотурская приказная изба распорядилась произвести расследование, «сыск», и все свидетели-крестьяне согласно показали, что спорная земля была прежде «порозжей» государевой, а не монастырской. Среди свидетелей нашёлся участник отвода земли монастырю, происходившего ещё в 1650 году. Он утверждал, что монастырь был наделён землёй не более чем под одну монастырскую заимку. Но верхотурские власти отвергли устные доводы крестьян и поверили лишь письменному документу — «данной» грамоте, предъявленной монастырём. Спорные земли по р. Реже были признаны монастырской собственностью.

Но арамашевские крестьяне решительно отказались вернуть землю монастырю и продолжали после суда обрабатывать её. В 1678 г. монастырь жаловался на «озорничество» крестьян, которые на спорной земле «ярв взорали и хлебом своим посеяли и сенные полосы, как приспееет время, кссить хотят»¹. В 1685 г. крестьяне Невьянской слободы также терпели насилие от Богоявленского монастыря и также жаловались, что монахи пашут на их земле, а монастырские крестьяне из села Покровского захватили их пашни².

Таким образом, в середине XVII в. на «порозжие» земли сажались крестьяне и казаки. Жизнь поселенцев была полна опасностей. Во время частых нападений и восстаний башкир новые поселенцы на время разбегались, если не были убиты или увезены в плен башкирами. Вслед за крестьянами на «порозжие» земли потянулись и крупные землевладельцы — монастыри. Монастырские старцы ловко пользовались утратой крестьянами документов (если они у крестьян были) и предъявляли свои сомнительные права на огромные, удобные для земледелия земли. Правительственные органы защищали притязания монастыря против крестьян.

На этой же территории, частично уже освоенной, поблизости от оживлённых торговых путей, на землях, пригодных для заселения и устройства мельниц, возникли впоследствии чугунолитейные заводы. В числе

¹ Нижнетагильский музей краеведения. Рукописи библиотеки музея, д. № 1.

² Шишонко В. «Пермская летопись». У период. Ч. 1-я, стр. 141. Здесь же другие «данные» грамоты на земли крестьянам Невьянской слободы и ямским охотникам по рекам Тагилу и Туре, стр. 127 и 129.

их был построен и Невьянский завод, отданный затем тульскому заводчику Демидову.

Казну и частных заводчиков привлекали сюда руда, лесные массивы, сплавные реки, наличие рабочих рук в лице крестьянского населения и благоприятные условия для земледелия. На мелких речках, где стазились мельницы, можно было строить плотины для приведения в движение заводов силой воды. Борьба за землю и рабочие руки продолжалась в новых условиях, но на этот раз не только крестьянам, но и монастырю приходилось защищаться от притязаний более сильного землевладельца — заводчика Никиты Демидова. Впоследствии Демидов получил в своё владение также и монастырское село Покровское, которое было приписано к заводу вместе с крестьянами «в работу», а монахам Невьянского Богоявленского монастыря предписано было переселиться отсюда в Далматов монастырь, в Тобольском уезде, или в Никольский монастырь, в Верхотурском уезде.

То же самое можно проследить в отношении Далматовского монастыря на Урале. Он захватывал крестьянские земли, судился из-за них, но сам в конце концов вынужден был уступить новой силе, появившейся на уральских просторах, — казённому заводу и заводской администрации. Игумен Успенского Далматова монастыря Исаак с братьей ещё «в давние годы», вероятно в 80-х годах XVII столетия, «били себе челом во владенье о речке Железянке». В связи с этой просьбой тобольские власти приезжали для отвода земель монастырю, но крестьяне и казаки «у отводу не были и к межевым книгам руку не прикладывали и тое речку спорили, что та речка Каменка, а не Железенка и насильством (монастырские власти. — Б. К.) построили монастырский двор и крестьян поселили 40 дворов». Но монахи не ограничились захватом земель по р. Каменке и устройством на спорной земле слободы. В 1682 г., по словам казаков и крестьян, тот же игумен Исаак с братьей обратился к властям с просьбой пожаловать монастырю новые земли. Он писал, что «приискали они в Сибири вверх по Исете реке на правой стороне выше Колчеданского острогу 15 вёрст в пустых местах на речке Железенке руду железную, а та-де речка никому русским людям и иноземцам не вдаче, лежит в пусте». Неизвестно, получили ли на этот раз монахи новые земли, но они здесь построили небольшой железный завод. Когда в 1699 г. был поднят вопрос о строительстве казённых заводов на Урале, власти не хотели считаться с сомнительными правами монастыря и использовали доводы крестьян в интересах зарождавшейся крупной промышленности. Из Сибирского приказа была отправлена грамота в Тобольск к воеводам. После пересмотра спорного земельного дела Далматову монастырю было запрещено владеть землёй, крестьянами и заводом. Монастырская слобода была отдана в казну: «А Далматова монастыря игумену с братьею тою слободою и землями и заводом владеть не велено, потому что те земли и речка им в дачах не явились»¹. Сибирский приказ потребовал описать слободу и монастырский завод и выслать в Москву образцы руды и железа. Здесь был построен при Петре Великом большой казённый Каменский завод.

Уральская железная руда в течение XVII в. привлекала не только хозяйственников в монашеской рясе. С заселением края здесь стала распространяться мелкая кустарная выплавка железа. Наиболее раннее свидетельство о развитии кустарной плавки железа относится к 20-м годам XVII столетия, оно показывает деятельное участие правительства царя Михаила в распространении на Урале и в Сибири мелких металлических промыслов. В сентябре 1628 г. царю Михаилу Фёдоровичу было доложено, что в Верхотурском уезде, в семи верстах от Невьянского острога, найдена железная руда. Тобольский воевода отправил для даль-

¹ Центр. Гос. архив древних актов (ЦГАДА). Дела о горных промыслах и заводах, ф. 190, д. № 48 Ч. 2-я, лл. 332—333 об. и 293 (выписки о Каменских заводах).

нейших поисков залежей железной руды невьянского кузнеца Богдашко Колмогора, открывшего руду. Вместе с ним выехал мастер по железнному делу из гулящих людей в сопровождении сына боярского Ивана Шульгина. Они нашли железную руду в другом месте, в 15 верстах от того же. Невьянского острога, и произвели опытную плавку найденной руды. «Тоё железную руду варили и железо плавили на Верхотурье и в Тобольску на опыт». Образцы уральского железа были отосланы в Москву, и при этом была определена его цена, или, вернее, себестоимость, оказавшаяся весьма низкой — «по гривне и в 5 алтын» (10—15 коп.) за пуд. Кроме того были найдены новые залежи руды — «другой кряж» железной руды — в пяти верстах от Верхотурья. Правительство очень заинтересовалось известиями об уральском железе. Царской грамотой, посланной в Тобольск, было предложено отыскать в сибирских городах «рудознатца» и двух — трёх кузнецов для посылки их на Урал, в район р. Нейвы.

Ещё ранее «для железного дела» были посланы в Томск два кузнеца из Устюжны Железопольской: Ивашко Бармин вместе с семьёй и Вихорка Иванов. Они отправились «со всею кузнечной снастью» и получили дозволено большое жалованье и подъёмные деньги, однако выплавка железа в Томске оказалась невыгодной из-за дороговизны рабочих рук. Согласно первоначальным сведениям, пуд железа обходился в Томске в 1 р. 4 алт., но затем оказалось, что стоимость его будет ещё выше — 3 р. 45 к. и даже 5 р. 75 к. Вследствие этого решено было отказаться от плавки железа в Томске, и было приказано посланных туда устюжских кузнецов отпустить в Москву или на родину.

Но, получив сведения о том, что на Урале, близ Невьянской слободы, найдено железо, правительство указало, что если эти кузнецы ещё не выехали из Сибири, то следует послать их в Верхотурье, «в прибавку» к тем кузнецам, которые будут вызваны из сибирских городов, чтобы «на Нейве железную руду варити и железо плавити и в том железе в сибирские города пушки и всякое железное дело делати»¹.

Таким образом, ещё в 20-х годах XVII в., до основания в центре страны первых крупных железных заводов — тульских и каширских, — правительство принимало меры для разработки сибирских и уральских железных руд, собирало сведения о залежах руды, приказывало производить опытную плавку. При этом ставились обширные задачи, вплоть до производства пушек, но препятствием явился недостаток кузнецов, и правительство вынуждено было послать в Сибирь и на Урал опытных кузнецов из центра. Из грамоты верхотурскому воеводе Стрешневу в 1645 г. узнаём, что невьянские и ирбитские крестьяне нашли медные руды, причём испытание руды производилось в Москве².

К концу XVII в. на Среднем Урале уже было немало мелких промышленных предприятий. В Москве хорошо об этом знали, и в одном из указов 1697 г. верхотурскому воеводе было дано приказание подыскать подходящее место для постройки большого завода; ему было поручено также описать, «где небольшие железные заводы у мужиков были и ныне есть»³. Этот указ предшествовал основанию Невьянского завода. В другом указе — от 1 июня того же года — воеводе предписывалось «собрать лутчих тамошних железных мастеров и с ними удобные места к большим заводам близ больших рек осмотреть и описать и чертёж учинить»⁴.

В 1699 г. «железные заводчики Архипка Пятого с товарищи 17 человек, да рудоплавители Степан да Логинко Пятого с товарищи 27 человек» принимали участие в обследовании и описании рудных мест под заводы в районе Невьянской слободы.

К обследованию в другом районе, у Краснопольской слободы, были

¹ ЦГАДА. Сибирский приказ, д. № 15—16, лл. 187—190.

² «Акты исторические». Т. III, стр. 403

³ Там же Т. V, № 267, стр. 491.

⁴ ЦГАДА, ф. 190, д. № 48, л. 258.

привлечены «кузнецы и рудоплавщики Лёнка Новосёлов с товарищи 4 человека, да крестьяне Микишка Кочин с товарищи 10 человек». Район Аяцкой слободы обследовали «железные заводчики и рудоплавщики Савка Копаев с товарищи 16 человек». В осмотре района рек Тагила и Выи принимали участие уже упомянутые выше «кузнецы и рудоплавщики Леонтей Новосёлов с товарищи 7 человек». Всего, следовательно, в обследовании принимало участие не менее 65 местных людей — кузнецов, заводчиков и рудоплавщиков¹. При строительстве Каменского завода «для дела железа» были собраны кузнецы из 6 слобод (Багорятской, Катайской, Арамашевской, Камышевской, Колчеданской и Каменской).

Позднее, когда Невьянский завод уже был отстроен, в 1703 г., верхотурский воевода отослал 40 слободских кузнецов на Невьянский завод учиться и при этом «велел собрать всех» кузнецов с Верхотурского уезда². Точного количества кузнецов указать нельзя, но на основании имеющихся данных можно сделать вывод, что к этому времени их было довольно много.

Среди монастырских крестьян Невьянского Богоявленского монастыря также имелось много кузнецов. При строительстве казённого Каменского завода «им велено до указа кормитца собою своими малыми доменными горнами, а исподволь, как заводы поспеют, тогда велено им кормитца у тех заводов в молотовой и у доменной и у прочих нужных надлежущих к заводам надобных дел»³.

Итак, к концу XVII в. на Урале было значительное количество кузнецов и мелких металлопромышленников. Они принимали участие в обследовании рудных мест, помогали выбирать место для постройки казённых заводов, их использовали при строительстве заводов; для повышения квалификации кузнецов и мелких промышленников посылали учиться на первые крупные петровские заводы.

На Урале были также небольшие заводы. Выше упоминалось о заводе, принадлежавшем Далматовскому монастырю, который был предшественником казённого Каменского завода. Имеется описание его, сделанное в 1691 году. Этот завод не был доменным, железо плавилось прямо из руды в горнах, или домницах, сыродутным способом. Таким образом, завод не отличался от крестьянских промыслов; повидимому, он не был также и вододействующим, так как в описании его не упомянута плотина⁴.

Попытки построить на Урале крупные заводы делались ещё в XVII в., но они были неудачны. Первым уральским заводом был Ницынский завод, основанный в 1631 г. на берегу р. Ницы; он также был не доменным, а сыродутным. Относительно организации и оборудования его можно только делать предположения; возможно, что он просуществовал около полувека. В 30-х годах XVII в. на Урале возник первый казённый медный Пыскорский завод на р. Камгорке, близ Соликамска. Этот завод трижды переносили с места на место, но всё неудачно; в 60-х годах он был закрыт. Позднее, при Петре Великом, здесь снова возник завод. В Чердынском уезде, к югозападу от г. Чердыни, находился Краснобарский железный завод; в нём были две сыродутные печи, из них непрерывно работала лишь одна. Существование этого завода было также кратковременным. К концу XVII в. на Нижней Каме, близ Елабуги, на р. Сарали, возник медный завод Кулагина; в 1698 г. он был взят в казну, но работал плохо: Просуществовал он до 1730 г.; на нём также не применялась движущая сила воды⁵.

Таким образом, все возникавшие в XVII столетии на Урале заводы были мелкими и примитивными предприятиями, мало отличавшимися от

¹ ЦГАДА, ф. 190, л. № 44, лл. 260 об., 232 об.

² Там же, л. № 50, л. 178 об.

³ Там же, л. № 48 (т. II), л. 376 об.

⁴ Шишонко В. «Пермская летопись», V период, стр. 515.

⁵ См. Кашинцев Д. Указ, ссч., гл. 2-я.

крестьянских кузниц. Они не были вододействующими и оказались недолговечными.

Каково историческое значение этих мелких заводов и крестьянских промыслов на Урале, можно ли считать их предшественниками заводов петровской эпохи? Для ответа на этот вопрос следует напомнить недолговечность этих примитивных заводов. Их значение, повидимому, состояло в том, что они помогли найти подходящие точки для будущих крупных петровских заводов, их возникновение в определённом пункте указывало на наличие здесь руды и других благоприятных условий для развития крупных заводов. Мелкие кустарные промыслы, как мы увидим, также сыграли свою роль в разведывании руд, а также в подготовке кадров для будущих крупных заводов. Но и в этом отношении значение их невелико, так как уральским кузнецам надо было переучиваться на первых заводах XVIII столетия, чтобы стать квалифицированными заводскими мастерами.

Необходимо подчеркнуть крупнейшее значение для развития промышленности Урала другого фактора — именно крупных заводов: тульских, каширских, подмосковных и др., выросших в течение XVII в., — а также значение высокоразвитого ремесла Тулы и других центральных районов. Отсюда вышли руководители, строители первых уральских петровских заводов, мастера и другой персонал, перенёсший на Урал свой опыт; отсюда на первых порах доставлялись оборудование и железо. Значение этого передвижения промышленности из центра на Урал, проводимое правительством Петра Великого, становится ясным при изучении архивных материалов о возникновении Невьянского, Каменского и других первых уральских заводов.

Здесь нельзя дать полную характеристику крупной металлопромышленности центра. Укажем только, что к концу XVII в. существовало не менее 20 заводов: 9 заводов разных владельцев (Нарышкиных, Меллера и др.) имелись в Тульско-Каширском районе, 2 завода — в Малоярославском и Боровском уездах, 2 звенигородских завода, основанных гостем Ворониным (Павловские), ружейный завод Избранта под Москвой, на р. Воре, Пушечный двор в Москве, завод Акина на р. Яузе, 2 железных завода Бутенанта в Олонецком крае, заводы Борина и Аристова в Липецко-Воронежском районе. Из них не менее 6—7 заводов были чугуноплавильными, снабжавшими чугуном другие заводы. Это были типичные мануфактуры с применением разделения производственного процесса и специализации рабочих. Наряду с ними широко развито было ремесло по обработке металла, в особенности в Туле, Устюжне, Москве. Кузнецы и оружейники не были однородной массой: из них выделились уже мастера — предприниматели и скупщики, и наряду с ними была масса кузнецов, лишённых собственных «снастей», т. е. средств производства, и вынужденных наниматься на работу к хозяевам. Большую роль в быстром развитии промышленности Урала сыграла острая потребность в железе в связи с Азовскими походами, особенно усилившаяся с началом Северной войны.

II

Строительство первых уральских заводов при Петре I было делом крупного государственного значения. Им руководил Сибирский приказ, он проводил политику регулирования, опеки, покровительства и контроля над производством и сбытом уральских заводов. Пётр Великий поставил во главе Сибирского приказа думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса, одного из ближайших сотрудников преобразователя. Он был сыном заводчика А. Д. Виниуса, основателя первого крупного завода под Тулой (1638). А. А. Виниус, как и его отец, начал свою карьеру с должности переводчика Посольского приказа. Тридцати лет он был отправлен за границу (в 1672 г.) послом, побывал в Лондоне, Мадриде и Париже. Но его дипломатическая миссия большого успеха не имела. По возвращении

в Москву Виниус был пожалован в московские дворяне и поставлен во главе почтового ведомства, которым он управлял затем в течение более четверти века. Кроме того он заведывал Аптекарским приказом, а впоследствии Сибирским и приказом Артиллерии.

А. А. Виниус — крупный и влиятельный вельможа и политический деятель конца XVII и начала XVIII века. Пётр Великий поручил Виниусу руководить Сибирским приказом в 1694 году¹. После пленения под Нарвой начальника Пушкарского приказа царевича Александра Арчиловича Виниус был назначен также надзирателем приказа Артиллерии, ему было поручено возместить потерю артиллерии под Нарвой, он строил сибирские заводы и дважды с этой целью побывал на Урале и в Сибири. Его усилия увенчались успехом. Но Виниус навлек гнев Петра за медлительность в доставке артиллерии и снарядов на фронт и лекарств для армии и в 1703 г. получил отставку.

В архивных материалах имеется весьма интересный наказ Виниуса верхотурскому воеводе от 8 декабря 1702 года. Наряду с разнообразными предписаниями, как-то: расследовать «вправду» злоупотребления, построить каменные стены города, крестить вогуличей, «смирять» подьячих и т. п., — в наказе большое место занимают поручения, связанные с развитием промышленности. Воевода должен стараться, чтобы «молодые ребята» обучались «кузнечным, оружейным, плотничьим, столярным, токарным делам», чтоб никто «даром не гулял и хлеба чужого не поедал»; предписывалось заботиться о построенных уже железных заводах и заводить новые. Во время своей поездки на Урал Виниус выразил типично меркантилистические идеи, указав, что новые заводы должны способствовать прекращению импорта и сохранению денег в стране: «Чтобы из других государств покупать и на то деньги истощать было не надобно» и т. п.².

В своём письме к Петру, отправленном с Урала в тот же день, когда был подписан воеводский наказ, Виниус сообщал, что рассчитывает завести на Урале 10 домен, «которые в год чугуну дадут, буде помешек не явится, с 1 400 000 пуд».

Незадолго до своей отставки Виниус писал, что за два года управления его Сибирским приказом вылиты 400 пушек, выстроено 2 завода и строятся ещё 3 завода, а «когда всё устроится, то можно чугуну быть в год 1 500 000 пуд»³.

Эти обширные задачи, экономические и административные, Сибирский приказ должен был выполнить через местные власти. Управление Сибирью было в известной мере централизовано ещё до деления страны на губернии. Среди сибирских уездов главную роль играл Тобольский уезд, хотя Сибирский приказ сносился непосредственно и с воеводами других уездов, но предпочитал подчинять их Тобольску. Это проявилось особенно при строительстве первых заводов, так как верхотурский воевода, в ведении которого находился строившийся Невьянский завод, был подчинён тобольскому воеводе. В соответствии с различным объёмом власти воеводские посты занимали люди, имевшие различное положение в обществе. В Тобольске долго правил князь М. Я. Черкасский и его сы-

¹ И. Козловский в своей ранней биографии Виниуса считал датой назначения его дьяком Сибирского приказа 1697 г., но в работе о первых почтах в России он приводит более правильную дату — около 1694 г. См. Козловский И. «Андрей Виниус — сотрудник Петра Великого», стр. 29. СПб. 1911; его же «Первые почты и первые почмейстеры в Московском государстве». Т. I, стр. 204. Варшава. 1913.

² ЦГАДА, ф. 190, д. № 48, лл. 115 об. и 131.

³ Можно удивляться, что письмо к Петру и записка Виниуса о необходимости построить 10 доменных заводов до сих пор не привлекали внимания историков русской металлургии. Между тем большой интерес представляет предполагаемая Виниусом цифра продукции 1,4—1,5 млн. пудов чугуна. Она близка к нечисленной Д. Кашинцевым продукции 1718 г. (1,6 млн. пудов по всей стране) и может служить также доводом против цифры Голикова (6,5 млн. пудов) для того же года. Письма и бумаги Петра Великого. Т. II, стр. 413.

новья, из богатейшей семьи, состоявшей в близком родстве с царями. Он начал службу стольником при дворе Петра, затем был воеводой в Новгороде, а в 1697 г. стал воеводой в Тобольске. С Черкасским не могли равняться более скромные и часто менявшиеся верхотурские воеводы. Сначала в Верхотурье был Д. Протасьев. Затем воеводой был назначен Козьма Козлов, которого сменил зять Виниуса — Алексей Калитин. Смена воевод, как увидим, отразилась и на строительстве заводов. Тобольский воевода непосредственно ведал строительством Каменского завода, расположенного на его территории, и Черкасские сделали всё возможное, чтобы скорее отстроить и пустить в ход Каменский завод, даже в ущерб Невьянскому.

Для изучения истории строительства первых уральских заводов имеется исключительно ценный и обширный источник в виде особого «Горного дела», состоящего из переписки Сибирского приказа с воеводами о железных заводах, она сохранилась в фонде Посольского приказа и состоит из четырёх томов, охватывающих 1700—1703 годы¹.

Историю первых уральских заводов следует начинать с 26 июня 1696 г.: в этот день Пётр, находясь под Азовом, предписал верхотурскому воеводе осмотреть, «в которых местах камень магнит и железная добрая руда есть ли». Эти изыскания заняли полгода у местных властей. 23 января 1697 г. верхотурский воевода Протасьев сообщил об их результатах. Магнитная руда была найдена в двух верстах от р. Тагила, у Краснопольской слободы, а простая железная руда разведена была в четырёх местах: в 20 верстах от Невьянской слободы, в горе, поросшей сосняком и мелким березняком; вверх по р. Зыряновке, также в лесных местах; по левому берегу р. Нейвы, в 15 верстах от Невьянской слободы, причём было указано, что река весной не зативает рудных мест, и у той же р. Нейвы, в 2 верстах от деревни Федьковки². Взятые образцы руды были подвергнуты испытанию на Верхотурье, а затем были отправлены в Москву для подробной экспертизы.

20 февраля 1697 г. московским мастерам-бронникам, т. е. мастерам, изготовлявшим броню, иноземцу Тимошке с товарищами, было поручено «отведать, годятца ли те железа в оружейное дело». Они сделали из присланного железа два ружейных (пищальных) винта и заявили, что «те железа против тульского, а свицкого пожесточе», т. е. что сибирское железо одинаково («против») с тульским и лишь труднее в плавке («пожесточе») чем шведское. Испытание образцов руды дало ещё более благоприятные результаты. Иноземец Тимошка заявил, что то железо «будет против свицкого», т. е. одинаково со шведским, «и во всякие оружейные стволы и замки годитца». Камень-магнит был послан в Голландию к амстердамскому бургомистру Николаю Витцену. А присланная из Верхотурья в Москву железная руда (4 пуда 35 фунтов) 5 марта была отдана для испытания «тульскому железных заводов мастеру Никите Антufьеву», будущему знаменитому Никите Демидову. Он переплавил сибирскую руду и получил 2 пуда железа, сделал из него два ружья (фузеи) с ружейными замками и два копия и заявил: «Железо самое доброе, не плоше свицкого, а к оружейному делу лутче свицкого»³.

Николай Витцен сообщил из Голландии, что он подыскал уже для службы в России мастера в «Свейской земле», т. е. в Швеции, который «будет годен быть у железных заводов» и охотно поедет в Москву. На запрос о качестве железа Витцен сообщал, что «сибирское железо в деле

¹ ЦГАДА, ф. 190. Посольский приказ и канцелярия иностранных дел, дела о горных промыслах. «Книга о делах железных заводов с 700-го (года) декабря 20 до декабря по 29-е число 703 года».

² Там же, д. № 48, л. 256 сл.

³ Эти сведения содержатся также в указах на Верхотурье 10 и 15 мая 1697 г., напечатанных в «Актах исторических». Т. V, стр. 487—491. СПб. 1842.

так презрительно, что отнюдь лучше того добротой и мягкостью быть невозможно». Железо оказалось «ровно» с лучшими сортами шведского железа, а также «из верхотурской магнитной руды лутчую сталь делать возможно».

Виниус писал Петру I, находившемуся за границей, 7 апреля 1697 г., что он сыскал «зело добрую руду из магнита железную, и такова, что писали из Галанской земли, лучше быть невозможно». Он просил Петра допустить за границу «самого доброго мастера», который бы из магнитной руды умел плавить сталь, лить пушки, гранаты и бомбы. Виниус считал, что когда будет выстроен завод на Урале, «от того места во все русские и сибирские города всякое ружьё и железо мочно водою спроводить. К тому та магнитная руда, сказали опытки, такова богата, что из 100 фунтов руды выходит 30 или 40 фунтов самого доброго железа. И то дело будет в такое диво, что по всей вселенной не бывало, чтоб из магнита железо плавить»¹.

Указы от 10 и 15 июня 1697 г., изданные в «Актах исторических» и в полном собрании законов, содержат некоторые дополнительные сведения. Николай Витцен прислал из Амстердама письмо мастера-испытателя, что из 100 фунтов уральской магнитной руды выйдет 45 фунтов «самого доброго железа» и что ввиду богатства этой руды железом «с прибылью заводы заводить мочно». Иоганн Миллер писал из Риги, что из 100 фунтов уральской руды вышло 30 фунтов самого лучшего железа; в железной руде обнаружена была небольшая примесь серебра.

В июньских указах 1697 г. говорилось, что в Верхотурском уезде, по р. Реже, имеются серебряная, медная и иные руды и что Сибирский приказ распорядился послать из Верхотурья в указанные выше районы, по рекам Нейве и Тагилу, боярского сына Михаила Бибикова для подыскания места, пригодного для строительства большого завода. При выборе места для будущего железного завода учитывались следующие необходимые условия: завод должен стоять на речке, пригодной для устройства плотины как гидросиловой установки; он должен находиться недалеко от места добычи железной руды, должен быть обеспечен древесным топливом, т. е. расположен вблизи лесов; надо учитывать расстояние от судоходных рек для отправки будущей продукции; наконец, завод должен быть построен в населённых пунктах, богатых продовольствием. Предписывалось выяснить расстояние от судоходной р. Чусовой и от Уткинской слободы, расположенной на берегу её, а также описать путь — сухой и водный — на восток, к Тобольску, и сделать чертёж расположения будущего завода². Предписывалось также при выборе места для завода учитывать близость слобод и прислать сведения о количестве дворов и о ценах на хлеб в этих местах.

После того как были установлены отличные качества руды и общие благоприятные условия для строительства завода, надо было выбрать определённое место для будущего завода. Однако было приказано не приступать к постройке плотины и завода впредь до особого распоряжения и присылки мастеров.

После июньских указов верхотурский воевода произвёл новое обследование рудных мест, на этот раз в более широких размерах; оно охватило четыре района, причём были привлечены местные кузнецы и крестьяне, как это было предписано из Москвы. Обследование производилось весьма обстоятельно, с полным знанием дела; местные жители указали наиболее удобные места для постройки будущих заводов и сообщили сведения о ценах на хлеб, о заработной плате, о населённости слобод и т. п. В результате этого обследования были определены пункты, где

¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I, стр. 623, 629.

² «Акты исторические». Т. V, стр. 487 сл. СПб. 1842. Полное собрание законов. Т. III, № 1588, указ от 10 июня 1697 года.

вскоре и были выстроены первые уральские заводы. Надо отметить большое участие уральских властей и мелких промышленников и кузнецов в разведывательной работе. Изыскания заняли довольно много времени, а лишь спустя полгода после июньских указов, 26 декабря 1697 г., верхотурский воевода Д. Протасьев выслал результаты обследования.

В обследовании района рек Нейвы и Алапаихи, близ Невьянской слободы, принимали участие 44 «железных заводчиков и рудоплавщиков». В 15 верстах от Невьянской слободы они указали Кабаковскую железную рудную гору у деревни Кабаки. Затем отметили рудную гору у Сухого лога, в версте от деревни Алапаихи, при впадении р. Алапаихи в Нейву; здесь было много леса и можно было построить плотину. Кроме того была отыскана руда по другую сторону деревни Алапаихи, в 31 версте от Невьянской слободы. Обследованная Зыряновская железная рудная гора, в 35 верстах от Невьянской слободы, при впадении р. Зыряновой в Нейву, оказалась неудобной для сооружения завода: Зыряновая летом высыхает.

Жители указали, что завод можно строить у Алапаихи, где имеется довольно много леса и откуда суда могут идти водой по Нейве. Здесь вскоре и был выстроен Алапаевский завод.

Другое обследование было произведено при участии 14 кузнецов и крестьян; они также указали подходящее место для будущего завода, богатое рудой, — у деревни Федыково, по р. Нейве, в 20 верстах от Краснопольской слободы. Было выяснено, что «под деревней Федыковкой на Невье-реке для железного завода и молотовых больших мехов подъёму плотину построить мочно и угодно». Отсюда зимой можно было ездить в Тобольск и до Соликамска. Судоходная р. Чусовая находится от деревни Федыково в 36 верстах. Удобные транспортные условия представляли преимущества по сравнению с предыдущим районом. Таким образом, была намечена площадка для строительства Невьянского завода, который в первое время нередко назывался также Федыковским.

Третья группа местных «заводчиков и рудоплавщиков» из 16 человек указала район вверх по Нейве, в 30 верстах от Аяцкой слободы. Они также дали все необходимые сведения: о числе дворов в слободе (90 крестьянских дворов), о ценах на хлеб, о заработной плате; отметили в качестве преимущества «удобные леса» и пришли к выводу, что «плотину на р. Нейве строить мочно».

Наконец, во время четвёртого обследования был указан район будущего Нижнетагильского завода: «Гора Магнитная в ясашных вотчинах вверх Тагильской волости вниз Тагила-реки на левой стороне, гора по-верх длиннику 300 сажен, поперёк 30 сажен, в вышину от Тагила-реки 70 сажен, в другую сторону тож, а среди горы пуловина чистого магнита». Магнитная гора расположена в полуверсте от р. Тагил и на расстоянии одной версты от вогульских юрт.

К северу от горы Магнитной (ныне Высокой) течёт р. Выя, приток Тагила. По берегам этих рек были тогда «леса тёмные и боры и горы каменные и круг горы бор большой». Досмотр производили 7 кузнецов и рудоплавщиков, Леонтий Новосёлов с товарищами. Они сделали заключение, что на реках Тагил и Выя можно построить плотины и что транспортные условия удобны для перевозки железа зимой до Тобольска, а летом до Чусовой, а оттуда водным путём до Казани и Нижнего. Этот интереснейший материал обследований не был известен исследователям¹.

Таким образом, во время разведок, организованных воеводой Д. Протасьевым и осуществлённых М. Бибиковым и местными кузнецами в Верхотурском уезде, были намечены пункты для строительства заводов.

Вслед за обследованием правительственные учреждения в Москве

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. № 48, лл. 256—262 об.

должны были вынести решения о месте будущего завода и сроках постройки. Однако с этим не торопились. Задержка была, видимо, связана с тем, что Пётр в это время находился за границей вместе с «великим посольством». Во время своего пребывания за границей Пётр живо интересовался проектами сибирских железных заводов. В 1698 г. Виниус послал ему за границу чертёж Магнитной горы у р. Тагила, с указанием рудных жил, лесов и водных путей, что, по его мнению, способствовало строительству здесь заводов¹.

Пётр вернулся в Москву 25 августа 1698 г., а уже спустя две недели он «слушал выписки» о мерах, принятых по подготовке к строительству железных заводов, и принял решение о постройке завода: «И сентября в 11 день великий государь, слушав выписки, указал по именному своему великому государя указу в тех вышеписанных местах, где пристойнее и к железным рудам ближе и дров больше не в дальном расстоянии от магнитной руды... завод завести»².

Пётр I распорядился набрать с подмосковных заводов мастеров для отправки их на Верхотурье, им поручалось прежде всего осмотреть места, намеченные для постройки завода, и, повидимому, окончательно определить подходящее место для завода. Вот как это записано в изложении приказного дьяка: «А для того заводу указал великий государь взять добрых и нужных мастеров, доменного с подмастерьем, в молотовую два или три человека, да мехового (для выделки воздухоудных мехов.— Б. К.) доброго мастера, да которой бы был искусен лить пушки и гранаты большие и малые, а иного, чтоб стал и уклад делал, одного человека угольника, а тех мастеров взять з железных, тульских, коширских, Ярославца Малого, с Ыгоцких, с Павловских заводов, и тех мастеров по зимнему пути сего 207 (1698-99) году послать на Верхотурье, и там угодные места велел осмотреть. А приставить к тому делу с Верхотурья доброго сына боярского и грамотного, которого бы с такое дело стало»³.

Это была целая программа, в которой важнейшее место занимало привлечение мастеров с крупнейших заводов центральной России. Но осуществление этой программы несколько задержалось; только четыре месяца спустя, в январе 1699 г., в Сибирский приказ были направлены мастера с подмосковных заводов; каждого из них расспрашивали о размерах его заработной платы, денежного и хлебного оклада; консультировались с ними о том, какие меры надо принять и как вести строительство новых заводов. Опрошенные мастера должны были отправиться на стройку сибирских заводов.

Заводчик-иноземец Вахрамей Меллер 19 января 1699 г. прислал в Сибирский приказ доменного мастера Филиппа Дементьева. 1 февраля другой знатный заводчик, боярин Л. К. Нарышкин, прислал со своих Соломенских заводов (в Тульском уезде) «мехового» мастера Ивана Января, делавшего воздухоудные мехи. Кроме того, по распоряжению Сибирского приказа и приказа Большого дворца, с Павловских заводов, находившихся в Звенигородском уезде и принадлежавших вдове гостя Владимира Воронина, также прислали нескольких мастеров: специалиста по выделке железа, угольного мастера, специалиста по строительству плотин (плотинный мастер), доменщиков, несколько молотовых мастеров с подмастерьями и др. Опрос мастеров продолжался в течение полугода.

Начинали с биографии мастеров. Доменный мастер Филипп Дементьев рассказал о себе в Сибирском приказе: «В прошлых-де годах отец его Дементей выехал из Свицкой земли и, по указу великих государей заводил Павловские и на Поротве и в Соломенской волости железные заводы, а жил на Павловских заводах и на тех на всех заводах делал всякие

¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I, стр. 728 и 732.

² ЦГАДА, ф. 190, д. № 48, т. II, л. 263 и 315.

³ Там же, л. 263.

снасти, домны и мологовые и колёса и мельницы и железо плавил. И прошлых-де годов, тому лет 20, отец его умре, а он-де Филипп после отца своего жил на тех же Павловских заводах, а после того с тех заводов шёл на Поротовские заводы и живёт у иноземца у Вахрамея Меллера. А умеет-де он, Филипп, делать домны, гранаты и пушечные станки, и что лют пушки и гранаты, и железо плавит...»¹.

Специалист по воздуходувным мехам иноземец Ивэн Янвер рассказывал, что он выехал из Швеции «тому лет с сорок» и работал на разных заводах, а теперь на Соломенском заводе «надсматривает над мастерами мехового мастерства, а сам мехового мастерства за старостью делать не может и мало видит». Мастера с Павловских заводов, принадлежавшие вдове гостя В. Воронина, сообщили, какие мастера нужны для будущего завода в Сибири. Молотовый мастер Степан Петров сказал, что на железных заводах «делает он из криц, рассекает и куёт связное и прутовое железо, а иного опричь того мастерства не делает», чинит горны и молоты, получает по 6 денег с пуда, а во время остановок завода из-за недостатка угля или чугуна получает за такие прогульные дни по полтине за неделю.

Угольный мастер с Павловского завода Артемий Здор «знает уголи и плетёт коробки для носки угля», получает по 3 алт. 2 д. (10 коп.) в день. Плотинный мастер Ермола Яковлев с того же завода сообщил, что он «делает плотины, колёса и молотовую всякую починку», получает по 2 гривны в день, а за починку — по гривне в день. Доменный мастер Яков Фадеев сказал, что на Павловских заводах «делал он домны и переплавлял из руды чугунное железо, а иных дел не делает». Вызванные в приказ угольные, молотовые и прочие мастера называли других мастеров, участие которых в сооружении нового завода считали необходимым. Так Семён Петров назвал 34 имени, включая доменного мастера, молотовых мастеров и подмастерьев, кузнецов, угольщиков и работников, и просил, чтобы именно они были посланы в Сибирь.

Кроме мастеров нужны были материалы и оборудование. Доменный мастер Яков Фадеев заявил, что «надобно сначала к заводам 200 пуд железа связного да доменной порог чугунный... 2 трубы железных да в доменный вал 2 шипа, 2 подшипника весом 10 пуд».

Мастер Павловского завода Аверкий Тумаков, специалист по связному и прутовому железу, говорил, что если не удастся закупить в Верхотурье железо, нужное для постройки сибирского завода, то надо везти его в Сибирь из Москвы. Он рассчитал, какое количество рабочих нужно для завода с одной домной; производительность такого завода он определял в 50 тыс. пудов чугуна. Из этого количества чугуна можно выковать на 5 или 6 молотах 80 тыс. пудов прутового железа. Для этого нужны были к домне 20 человек, в том числе 1 доменный мастер с окладом в 60 руб. в год, 2 подмастерья с платой по 5 алт. на день, 4 рудника, 2 угольных мастера, 1 меховой мастер и 1 подмастерье к нему, 2 человека жечь уголь и 1 кузнец. Аверкий Тумаков подсчитал, что на заработную плату будет израсходовано 3288 р. 26 алт. 4 д., не считая дров и добычи руды и т. п., издержки по оплате труда на пуд железа составят 3 алт. 4 д. (11 коп.). Не был забыт даже мелкий инструмент, необходимый для завода. Доменный мастер Ф. Дементьев сказал, что для домны нужны 10 ломов железных, 8 кочерёг, железная доска для формы и т. п. Наконец, собирали сведения о стоимости провоза готовой продукции от завода до Москвы, а также до Архангельска через Верхотурье, Соликамск, Нижний Новгород и т. д.

Сборы мастеров шли медленно. Для их отъезда в Сибирь был назначен определённый срок: они должны были собраться в Москву для отъезда к 6 декабря 1699 г. (к Николину дню). Несмотря на вызов многие

¹ ЦГАДА, ф. 190, л. № 48, л. 264.

не являлись в приказ, и приказчика Павловского завода («который за дела ходит») допрашивали в приказе относительно неявки мастеров, но, повидимому, остальные мастера отправлялись охотно.

Несмотря на то что сбор мастеров был назначен на 6 декабря 1699 г., отправка в Сибирь началась значительно позднее. Только в январе 1700 г. последовал соответствующий указ Петра: «И в 1700-м году генваря в 19 день великий государь указал мастеров з женами и з детьми для железных заводов послать на Верхотурье, а с Верхотурья в те места, где железным заводам быть пристойно и они сами согласно выберут. А как вода скроется велеть руды копать и в груды большие для возки метать и на анбары и строение плотников со слобод собрать на поденщины... и постройка плотину и колёса и анбары и всякой камень и известь им давать, чтоб без остановки вскоре завести. А на тех заводах горы и домну и всякие снасти, что на те заводы надобно построить, а постройка, из руд из магниту железо плавить и делать им, мастерам, всякому мастеру, хто что умеет».

В этом указе были определены подъёмные деньги: 6 мастерам, доменщику, 3 молотовым, одному кузнецу и мастеру дошатого железа был установлен высший оклад — по 10 руб. каждому; подмастерьям — половина этой суммы, работникам и рудникам — треть. По приезде на место женатым полагалось по осьмине ржи и столько же овса в месяц, холостым назначался половинный паёк. Мастерам на одежду и корм по 10 денег в день, подмастерьям — по 6 денег, холостым — по 4 деньги. Эта оплата устанавливалась временно, пока не будет пущен завод. После пуска завода размер жалованья должен был быть таким же, как на подмосковных заводах, «и тогда им будет дача, также применяясь к таким же мастерам, как деют годового и с пуда на иных заводах русских городов».

Одновременно с этими мерами решено было выписать иностранных мастеров — специалистов по стали, саблям и пушкам — и с этой целью обратиться к польскому королю Августу II. В Польшу было послано предписание «к резиденту к дьяку Алексею Никитину, чтоб он доносил королевскому величеству о присылке к Москве мастеров к железным заводам и которые б умели делать сталь и сабли и копыя и палаши и лить пушки и гранаты и бомбы». 24 марта резидент ответил, что в Москву уже посланы из Саксонии три человека, из которых один — специалист по стали, другой — по производству холодного оружия и третий — по отливке пушек, бомб, ядер и железных досок.

До лета 1699 г. на месте будущего Невьянского завода, вероятно, ещё не приступали к каким-либо работам. 31 июля 1699 г. верхотурскому воеводе была послана грамота из Сибирского приказа о заготовке леса для плотины и дров на уголь. Работы, очевидно, начались осенью этого года; в октябре воевода сообщал сведения «о заготовлении лесу для строения железных заводов соснового, елового, лиственного и для жжения угля и о строении изб мастеровым».

В указе от 19 января 1700 г. предписывалось «взять» с Соломенского завода мехового мастера Ивана Января с его сыном, молотовым мастером, а с завода Меллера — доменного мастера Ф. Дементьева; очевидно, они не хотели ехать в далёкую Сибирь. С отъезжавших надо было брать «порочную запись, что взяв государево жалованье з дороги не збежать, а вместо себя иных не посылать». Они должны были работать добросовестно, делать железо высокого качества. Мастерам были обещаны лес на избы и земля под огороды; предписано было также выстроить церковь и обеспечить её священником. Во главе строительства должен быть поставлен дворянин, которому будет дан наказ: мастера должны во всём его слушать, — а до его приезда должен быть послан с Верхотурья сын боярский. Было приказано «со всяким радением спешить, чтоб лес был на те

места, где заводам по их осмотру быть доведётся, был привезён и на уголье был привезён и угольников заставить своё дело делать и готовить, а сколько извести надобно и горнового камня и что достать мочно, велеть привезть по нынешнему зимнему пути неотложно, чтоб ни за чем тому заводу остановки не было».

Мастера начали выезжать из Москвы с 21 февраля 1700 года. Первыми отправились меховой мастер И. Янвер и доменщик Ф. Дементьев с подмастерьем и работником; 2 марта выехали доменный подмастерье, горновой, кузнец и рудник. С ними было отправлено оборудование: молот весом свыше 20 пудов, «пятник» для молота в 8 пудов, 4 шипа в 19¼ пуда, 6 подшипников и 2 шипа в 35 пудов, 3 пары труб, 11 лопат, доска весом в 7 пудов 5 фунтов, 10 ломов, 9 кочерёг, крюк, лопата, 2 медных фурмы в 2¾ пуда, 2 подножки в 1 пуд 35 фунтов, — всего было послано «снастей» не менее 150 пудов весом. Сверх того для будущего завода было послано 300 пудов прутowego железа на оковку валов. Этим было положено начало потоку людей и материалов из Москвы на Урал. Показательно, что на месте нельзя было найти железа, и его приходилось везти из Москвы.

14 марта на верхотурские заводы приехали из Москвы мастера и рабочие — всего 22 человека. 29 марта на заводы прибыла ещё партия мастеров, подмастерьев и работников — всего 8 человек — с жёнами и детьми. Они также привезли оборудование.

Подготовительные мероприятия и строительные работы на Верхотурском, или будущем Невьянском, заводе велись одновременно со строительством другого завода — Каменского, который также нуждался в мастерах, рабочих и в оборудовании. Строительству Каменского завода предшествовали следующие обстоятельства.

В сентябре 1699 г., как уже было сказано, Виниус распорядился, по именному указу, послать грамоту в Тобольск к воеводам М. Я. Черкасскому с сыном: Далматову монастырю было запрещено владеть землёй по р. Каменке, крестьянами и построенным здесь железным заводом. Завод и монастырская слобода были отданы в казну. Одновременно велено было выслать образцы руды. Будущий Каменский завод, расположенный на территории Тобольского уезда, находился в ведении кн. М. Я. Черкаского, тогда как строительство Невьянского завода подчинено было верхотурскому воеводе.

12 марта 1700 г. из Сибирского приказа в Тобольск была направлена грамота относительно нового завода на р. Каменке, с предложением «заводы большие заводить около тех мест». При этом указано было использовать местных кузнецов, но поставив их под начало московских мастеров, чтобы «сибирякам у московских мастеров у доменного, у мехового, у молотовых и плотинных и колёсных и угольников мастерства учиться перенимать».

Из вызванных в Сибирский приказ в 1700 г. мастеров плотинный и колёсный мастер Ермола Яковлев с Павловских заводов, очевидно, раньше всех был отправлен на Каменку. Он должен был обеспечить заготовку леса для плотин; ему велено было заранее делать водяные колёса и валы. «Для поспешения» он мог взять плотников из бывшей монастырской слободки. На заводе предполагалось иметь одну домну; число молотов заранее не было установлено. Те же монастырские крестьяне обязаны были возить дрова и руду, готовить уголь, поставлять лес. Работы по заготовке леса начались на Каменке 15 февраля 1700 года. В феврале на строительстве работали лишь 20 пеших крестьян, в марте — 45, а в апреле — уже 335.

23 апреля 1700 г. в Москве был получен из Тобольска чертёж мостам на р. Каменке вместе с запиской плотинного мастера Е. Яковлева, составившего список того, что необходимо для двух молотовых: 150 пудов железа, 60 ломов, 200 лопат, 60 заступов, 8 тыс. кирпичей, 100 саженей

верёвок. На стройке должны быть 100 работников с лошадьми, 100 работников пеших, 60 плотников, 10 кузнецов. Яковлев обещал, что с таким количеством людей заводское строение «построено будет декабря к 6-му числу 1700 г.», т. е. к Николину дню. Он же писал, что в слободке оказалось не 40 дворов, а 67, но крестьяне заявляют, что одним им «из того строения быть не в мочь», им приказано готовить лес для стройки. 26 апреля из Сибирского приказа в Тобольск было послано предписание строить Каменский завод «с поспешением»¹: он действительно строился быстро.

Строительные работы по Невьянскому, или, как его чаще называли вначале, Верхотурскому, и Каменскому заводам были тесно связаны между собой. 1 октября 1700 г. тобольский воевода извещал, что «те заводы строятся». На Каменском заводе, кроме Яковлева, работали переведённые с Верхотурского завода доменный и меховой мастера, и воеводы прислали в помощь плотинному мастеру ссыльного мельника. 27 ноября в Москву приехал из Тобольска сын боярский Иван Салманов, который сказал, что тобольский воевода «зело радеет и тот железный завод заведён вельми».

Салманов сам, по его словам, «на тех заводах был и плавку и всякой завод видел». Из присланных из Москвы мастеров, оказывается, только шесть были заняты — надзирали за сибиряками. Местные кузнецы не хотели работать по-московски и работали на старой домне, очевидно, оставшейся ещё от монастырского завода: новая домна ещё не была выстроена. За успешное строительство завода кн. М. Черкасский получил «похваленье» от правительств. Каменский завод, как и строившийся в то же время Невьянский завод, всё ещё нуждался в московских мастерах, и Сибирский приказ усиленно искал и посылал их на эти строительства.

Впоследствии в Сибирском приказе отмечалось, что за 1700 и 1701 гг. в Сибирь, на Верхотурские железные заводы (Невьянский), а с Верхотурья в Тобольск на Каменские заводы были посланы 43 мастера. Среди них были: 1 доменный мастер и 4 доменных подмастерья, 2 плотинных мастера и 1 плотинный подмастерье, 3 молотовых, 1 меховой мастер и меховой подмастерье, 1 мастер дошатого дела, пушечный и гранатный мастер, 3 кузнеца, 1 засыпка, 7 рудников, 2 работника для сыпки угля в домну, 4 угольных мастера, 3 молотовых работника, 1 пушечный работник, 1 горновой, 1 кузнечный и 1 плотник. Здесь были все необходимые специалисты для строившихся заводов². Двадцати рабочим был изменён первоначальный маршрут: вместо Невьянского завода они были направлены на Каменский завод. Ещё 5 марта 1700 г. Виниус сделал помету на очередной грамоте в Тобольск относительно Каменского завода: «Завод заводить исподволь, как бы людям не в большую тягость, а мастеров взять по рассмотрению ис тех, как ныне в Сибирь посланы, по самой нужде, без которых быть не можно, чтобы Верхотурских заводов не остановить»³.

В марте 1700 г. был назначен ведать строительством Невьянского завода сибирский дворянин Михаил Бибиков, участвовавший в первых поисках руды. Но уже 19 апреля Бибиков сообщил, что мастера не идут на заводы (очевидно, с Верхотурья) без плотинного мастера. Плотинный мастер Е. Яковлев был послан на Урал работать на обоих заводах — Невьянском и Каменском, — если «буде возможно», как неуверенно писали об этом из Москвы. Вскоре нашли нового плотинного мастера — Мишку

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. № 48, лл. 293—307 об. Попытка отыскать серебряную руду под Москвой и в Смоленском уезде относится также к началу 1700 года. 28 февраля 1700 г. «из приказу Большого дворца в приказ княжества Смоленского написано веле-но иноземцев рудокопателей, которые были в селе Коломенском у рудокопного дела Кашпера Баура, которой в ямы лазит, Михайла Ларенца, Христиана Барта, которой с лозою ходит, послать в Смоленск для опытыпанья и копанья серебряные руды» (ф. 190, д. № 46, л. 1).

² Там же, лл. 344—345; д. № 47, лл. 109 об., 110 об.

³ Там же, л. 334.

Казанца. Он был прислан из Москвы как горновой. Велено было его сыскать и заставить делать плотину в Тобольском или Верхотурском уездах, где «пристойнее и нужнее», за что ему обещали награду «сверх ряды». Из Тобольска сообщали, что Мишка Казанец ещё учится плотинному делу у другого мастера, Якушки Юрьева. Наконец, 2 февраля 1701 г. посылают на Угоцкие заводы за плотинным мастером П. Павловым и его братом кузнецом Ганкой, чтобы доставить их в Москву, в Сибирский приказ, для отправки на Урал¹.

Недостаток мастеров и в особенности отсутствие плотинного мастера тормозили работы на Невьянском заводе, и строительный сезон лета 1700 г. дал ничтожные результаты.

У мастера и подмастерьев Верхотурского завода не было работы, они «ни в какое дело без плотинного мастера не вступали» и лишь получали жалованье «сполна без дела». Поэтому верхотурский воевода Козьма Козлов распорядился отослать 6 июля 1700 г. с Верхотурских заводов в Тобольск и затем на Каменский завод присланных из Москвы доменных мастеров Я. Фадеева, Ф. Дементьева, молотовых мастеров С. Петрова с товарищами, горнового и угольного мастеров с подмастерьями и работниками, с жёнами и детьми. С ними был послан и плотинный мастер Е. Яковлев. Он сказал, что «на обоих заводах переезжая, плотины и домны и молотовые строить ему, Ермошке, ни которыми дел невозможно». Меховому мастеру воевода приказал делать мехи для обоих заводов. М. Бибилов, управляющий стройкой Невьянского завода, должен был делать что возможно без мастеров; готовить «всякие припасы» по оставленному плотинным мастером указанию при помощи крестьян, наряженных из слобод к строящимся заводам.

Тесная взаимная связь строительства обоих заводов и ряд местных затруднений побудили Сибирский приказ внести изменения в административную сторону дела. 20 декабря 1700 г. тобольским воеводам М. Я. Черкасскому с сыном было приказано ведать, кроме Каменского, также и Тагильским заводом (речь идёт о предполагаемом строительстве завода по р. Тагилу), а 30 декабря Сибирский приказ, приводя сведения о затруднениях на Невьянском заводе, предписывал тобольским воеводам «для лучшешо устройства» ведать не только Каменским, но также Верхотурскими (Невьянским) заводами. Здесь же шла речь о проекте строительства завода по р. Тагилу. Таким образом, заводское строительство в Тобольском и Верхотурском уездах было объединено под начальством тобольского воеводы.

В Москве было известно, что по р. Тагилу есть удобные для строительства завода места. На горе Магнитной имеется железная руда, из которой выход железа составляет свыше половины веса руды. Тобольским воеводам было предписано «здесь завод завести против Каменского заводу», т. е. по тому же образцу. Управляющим предлагалось назначить М. Бибилова, освободив его с Невьянского завода. Этот проект не был тогда осуществлён, завод на р. Тагиле возник лишь четверть века спустя. Нижнетагильский завод Демидова был основан в 1725 году.

Посылка из Москвы вместе с мастерами железа, молотов и другого оборудования показывает, что уральские и сибирские кузнецы и рудоплавщики были мало искусны и давали ничтожную продукцию, которая не могла удовлетворить потребности заводов.

Очевидно, мелкие ремесленники, в которых некоторые исследователи неправильно усматривают едва ли не единственную предпосылку для развития крупного производства на Урале, были недостаточно квалифицированы. В 1700 г. Тульским заводам Л. К. Нарышкина для первых уральских заводов были заказаны молоты железные кованые, хомут к ним, пятник и т. п. В этом же году на Истинских и Угоцких заводах были изготовлены 4 шипа и 6 подшипников. В 1701 г. Меллерам было заказано

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. 48, л. 324 — 325.

8 кованых подшипников для Урала. Кроме того для Сибири покупали также заграничное железо; так 8 января 1700 г. было закуплено в Москве шведское железо, медь и куб с трубами¹.

III

В 1700 г. 23 декабря, тобольский воевода получил похвалу от правительства за успешное строительство Каменского завода. Начавшаяся Северная война резко повысила спрос на металл, и в указе Черкасским сквозила новая нотка: «Донесено нам, великому государю, какое крайнее вы имеете и прилежное радение о устроении великих заводов железных, каковых в Сибири никогда не бывало, ко многой пользе и утверждению в случающую оборону против всякого наступающего неприятеля»². О затруднениях в снабжении страны железом в это время свидетельствует следующее: в декабре 1701 г. Сибирский приказ запрашивал ратушу о наличии в продаже шведского железа и о ценах на него; оказалось, что с января 1701 г. шведского железа в Москве «в явке не явилось», т. е. не было зарегистрировано в таможне и не поступало в продажу.

В связи с войной дальнейшее промедление со строительством металлургических заводов стало невозможным; были приняты меры для ускорения строительства уральских заводов. Вместо Бибикова руководить строительством Невьянского завода был послан из Москвы Семён Киприянов сын Викулин, имевший большой опыт работы на Павловских железных заводах в Звенигородском уезде. «1701-го генваря в 24 день великий государь... указал в Сибирь в Тобольск для досмотру и указывания всякого мастерства на Каменские и Камышинские заводы послать с Москвы садовника Семёна Киприянова для того, что он, Семён, и наперёд сего был на железных же заводов гостя Владимира Воронина и то дело ему в обычае»³. Две недели спустя Семён Викулин бил челом, чтобы снять с его московского дома в Садовой слободе воинский постой, указывал, что ему назначено ехать в сибирские города строить железные заводы.

Семён Викулин работал, как сказано, на Павловских заводах гостя В. Воронина, по происхождению из тягловцев той же Садовой слободы в Москве. Воронин был видной фигурой среди московских гостей конца XVII в.; в 1695 г. у него было два железных завода в Звенигородском уезде, за селом Павловским, которые были даны из казны на 25 лет. Его компаньоном по заводам и был С. Викулин, который руководил всеми строительными работами при переносе завода с одного места на другое, более удобное. С. Викулин строил плотину, доменную печь, молотовой амбар, но впоследствии был отстранён от руководства заводами⁴. В Москве он стал готовить всё необходимое для своей будущей деятельности на Урале. Невьянский завод переходил в ведение тобольского воеводы М. Черкасского, который и должен был прислать нового управляющего для приёма завода.

В феврале 1701 г. верхотурский воевода, обеспокоенный медленными темпами строительства, писал в Тобольск, что «приходит время важнее» и если не принять необходимых мер, то строительство заводов прекратится. В марте М. Черкасский предписал верхотурскому воеводе, по словам последнего, «велети мне верхотурские железные заводы ведать и строить попрежнему твоему великому государя указу с Верхотурья безо всякой оплошки для того, что тем заводам удобнее быти в строении ведо-

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. № 48, л. 322.

² Там же, д. № 47, лл. 223 об. — 224. Черновик указа от 23 декабря 1700 года.

³ Там же (т. 1), л. 232.

⁴ Бакланова Н. «Звенигородские железные заводы в XVII веке». Сб. «Московский край в его прошлом». Ч. 2-я, стр. 99—101. Труды Общества изучения Московской области. Вып. 6-й. М. 1930. Архивные данные Сибирского приказа показывают, что завод продолжал действовать и после смерти Воронина, о чём Н. Бакланова не имела сведений.

мостию на Верхотурье». Черкасский извещал верхотурского воеводу о том, что из Тобольска «в присылке никого не будет» для приёма завода и тот остаётся в его ведении. Верхотурский воевода в свою очередь приказал: ведать строительством Невьянского завода попрежнему Бибикову, и тот продолжал управлять стройкой до приезда из Москвы С. Викулина¹. Ответ тобольского воеводы вовсе не означал отказа его от руководства строительством Невьянского завода, он продолжал вмешиваться в ход строительства, но отдавал предпочтение Каменскому заводу. Это видно из следующего. Посланное Верхотурским заводам оборудование, «доменные снасти», как оказалось, были взяты на Каменский завод. В феврале с Каменских заводов приказчик писал в Тобольск, что угольный мастер не успевает заготавливать уголь, так как расход его на домны (очевидно, на кузнечные горны) был велик, а ученики у него ещё не выучились. В связи с этим тобольский воевода послал в Верхотурье распоряжение — снять с Невьянского завода угольного мастера Пашку Иванова, который там «без дела живёт», и отослать его на Каменский завод, обещая, что, когда он будет нужен, его возвратят на прежнее место.

Поток мастеров и материалов из Москвы в Сибирь продолжался попрежнему. В феврале 1701 г. С. Викулин готовится к отъезду из Москвы. Вместе с ним собирался ехать плотинный мастер П. Павлов, взятый с Угоцких заводов Малоярославецкого уезда, принадлежащих Меллеру. 7 февраля они сделали заявку в Сибирском приказе о необходимых для строящегося завода мастерах, оборудований и материалах.

18 февраля из Москвы выехали на Верхотурские заводы 12 мастеров, в том числе плотинный мастер Пётр Павлов с братом-кузнецом Гаврилой Павловым, плотник Тимофей Корела, плотинный подмастерье Симон Алексеев, кузнечный и доменный подмастерья, 2 угольных мастера и 4 рудника. Им были даны подъёмные деньги и установлено жалованье по приезде на заводы деньгами и хлебом. С ними было послано 300 пудов железа шведского для оковки валов и молотового стана и 200 пудов связанного железа, предназначенного для связи, при сооружении доменной печи и больших молотовых горнов. Были отправлены также чугунная ступа, «чем бить сваи», весом в 28 пудов и канаты разной толщины и веса, длиной в 220 саженой. Всё это было погружено на 28 саней, государевых и ямских².

12 марта отправился на Верхотурские заводы С. Викулин — «для надзору над мастерами и всякого строения». С ним были посланы «заводские снасти»: 8 шипов, 10 ломов, 10 кочерёг, рак-крючок, 6 досок железных на трубы, 10 лопат, 2 пуда меди, бочка стали. На Каменские заводы также продолжали направлять мастеров. Ещё 14 января 1701 г. в Сибирский приказ был прислан из ратуши укладного дела мастер — серпуховской посадский человек Яков Беляев; он был отправлен из Москвы на Урал 8 февраля.

На Каменские заводы 28 февраля были посланы также «станочного дела к ружью» 4 мастера с семьями, с поручением делать там ружейные станки и обучать мастерству других рабочих. Эти оружейники были суздальскими монастырскими крестьянами³. Среди этих мастеров, вытребованных в Сибирский приказ зимой 1700—1701 г., значится Никифор Пиле-нок, заслуживающий особого внимания. Это был суздальский крестьянин-ремесленник, мастер оружейного дела. Он вместе со своими братьями, дядьями и племянниками, всего 47 человек, делал охотничьи ружья и продавал их на Макарьевской ярмарке. 19 января 1700 г. они были взяты в Сибирский приказ и отосланы затем на Каменские заводы. Н. Пиле-нок и его родня были крепостными суздальских помещиков Глебовых,

¹ ИСАДА. ф. 190, д. № 47, лл. 67—69 об.

² Там же, д. № 48, лл. 273 об.

³ Там же, лл. 310 об.—302 об.; д. № 47, л. 235.

и взамен их владельцам были даны крестьяне из дворцовых деревень. Тобольские воеводы поручили Н. Пиленку по приезду построить в 10 верстах от Тобольска, на р. Аремзанке, ружейный завод. Это «мастеровое дело» должно было находиться в тесной связи с Каменским заводом, используя каменское железо. Так, суздальские ремесленники, уже работавшие прежде в центре, должны были создать мануфактуру по производству ружей в Сибири, но показательно, что опыта мелкого ремесленника было недостаточно в новых условиях крупного производства за Уралом.

Пиленок, возглавлявший это предприятие, не раз приезжал в Москву. В январе 1701 г. он был послан из Сибирского приказа на железный завод Елизария Избранта, расположенный в 30 верстах от Москвы, на р. Воре. На заводе Избранта Н. Пиленок наблюдал работу мастеров-специалистов на станках с использованием водяного колеса и видел, как они применяли разделение труда: заварку, просверливание и окончательную отделку ружейного ствола производили отдельные рабочие. Н. Пиленок отметил, что «та-де работа ручной работы гораздо легче и поспешее», и предлагал построить такой же завод за Тобольском. Перед нами любопытный пример превращения ремесленников, или, скорее, кустарей, работавших на рынок, в рабочих мануфактуры. Но, для того чтобы успешно организовать работу в новых условиях, они должны были перенимать опыт у крупных мануфактур центра. Сибирский приказ переносил опыт этих мануфактур в Сибирь.

Для изучения этого процесса — перенесения на Урал и в Сибирь опыта русских мануфактур — деятельность Н. Пиленка представляет несомненный интерес. В декабре 1702 г. он обратился в Сибирский приказ с просьбой поднять цену за сделанные им ружья при сдаче их в казну. Он приводил детальную калькуляцию с указанием расхода железа и других материалов и их стоимости и просил назначить цену в 23 алт. 20 ден. (вместо прежней цены 16 алт. 4 ден.), а с замком и ложем фузея обойдется в 1 руб. 3 алт. Сибирский приказ запросил для проверки сведения у тульского заводчика Никиты Демидова¹. Для того, чтобы разрешить этот вопрос, приехавшего в Москву Н. Пиленка снова направили вместе с подьячим Сибирского приказа на подмосковный завод Елизария Избранта. На этом заводе, как выяснил Н. Пиленок, на каждый фузейный ствол выходило по 15 фунтов хорошего железа или по 16—18 фунтов плохого. Мастера-заварщики с двумя помощниками выделявали в месяц по 40 фузейных стволов и получали лишь денежную плату (без хлебного пайка) и «пьют и едят из тех же денег», работники получали по 40 алт. в месяц, мастер — по 3 р., другой мастер, с меньшей оплатой, делал с двумя работниками по 40 фузейных стволов. Уклад и железо производились на том же заводе, а ружейный прибор, т. е. замки и пр., покупался на стороне. На заводе Избранта было проведено разделение труда: из заводского уклада и железа заварщики делали оружейные стволы, а просверливали и опиловали их «иные мастера» и при этом прибор и шурупы покупались на стороне. В Сибирском приказе, на основании собранных на этом заводе сведений, сочли возможным поднять цену для Н. Пиленка до 21 алт. 4 д. за сданный в казну ствол без замка и Н. Пиленку было поручено сдавать в казну по 100 фузей в неделю.

Предприятие Н. Пиленка под Тобольском было централизованной мануфактурой, оно состояло из «делового двора», окруженного каменной стеной: работники могли выходить со двора лишь когда шли

¹ ЦГАДА, ф. 190. д. № 49, л. 166 об. «А тулянин Никита Антифеев сказал: на фузейный-де ствол пойдёт железа свицкого на 6 алтын 4 деньги, да от дела мастеру по 6 денег от ствола, 2-м чел. работникам по 3 деньги человеку, стали с пилами на 4 д., да на всякой ствол уголья на 8 д., мастеру выправить 4 д., верх у ствола опилать 10 д. присечь -- 2 д., замки шкоцкие добрые купят у них по 5 алт., а от лож мастером дают за работу по 2 алт. 4 д. от ложи, вотки крепкой на деньгу, да прибор и оковка к ложе 2 д., итого станет фузея с ложею и з замком и с прибором 23 алт.»

домой¹. Пиленку разрешено было расширить этот ружейный завод и поставить вторую мельницу.

Н. Пиленок сделал заявку на значительное число рабочих: 54 мастера и 39 работных людей. При этом он предполагал провести на заводе разделение труда: по его плану, на заводе необходимо было иметь 7 мастеров, которые должны трубы тянуть (по одному мастеру на горн), следовательно, на заводе имелось 7 горнов, при каждом горне предполагалось по 3 молотобойца, на заварку стволов требовалось 9 мастеров и к ним по 2 работных человека; 8 мастеров нужны были к вертельным станкам, 4 мастера — для обточки стволов, 8 — править стволы, 9 мастеров «всекал и ставил замки», 9 мастеров — для приделывания ружейных ложей и т. д.

Из этого перечня специальностей можно судить о том, что ствол и ружьё переходили из рук одного мастера в руки другого. Намечалась специализация, аналогичная той, которую Н. Пиленок видел на заводе Избранта. Это та форма мануфактурного разделения труда, которую Маркс называл органической мануфактурой, по крайней мере, в отношении стволов, но сборка ружья (ствол, прибор, ложе), вероятно, соответствовала гетерогенной форме. Конечно, мануфактуры того времени не были капиталистическими предприятиями. Уральские заводы строились на основе принудительного труда уральских крестьян, и первыми мастерами на них были принудительно переселяемые из центра рабочие. И те и другие впоследствии были закрепощены.

Для набора мастеров Н. Пиленку было разрешено отправиться в Суздальский уезд, в монастырские сёла; между прочим, он привёз с собой оттуда ученика-оружейника, знавшего грамоту и поэтому полезного ему при поездке в Москву, но тот при помощи московских родственников скрылся от него. Побег ученика вызвал распоряжение Сибирского приказа о запрещении отпускать рабочих с заводов². Это имело место уже в 1703 году.

IV

В начале 1701 г. строительство Невьянского и Каменского заводов уже шло быстрым темпом. Из Москвы поступали неоднократные напоминания с требованием закончить стройку и пустить заводы «вскоре», потому что в Москве «доброе свицко железо в цене большой» в связи с военными потребностями.

С весны 1701 г. на Невьянском заводе энергично принялись за дело. Плотинный мастер П. Павлов осмотрел место для плотины, выбранное прежним плотинным мастером Е. Яковлевым, и нашёл, что то место «поперег з берегу на берег длинно». Он присмотрел новое место, ниже прежнего, «а поперег прежней плотины менши, а з берегу на берег сто три сажени», П. Павлов заготовил для стройки необходимый лес; для постройки плотины потребовалось 200 человек с топорами, скобелями и верёвками, 500 человек с топорами и деревянными лопатами и 300 человек с лошадьми и телегами, с лопатами и лычными верёвками по 10 сажений длины. Работники должны были прибыть на завод к 29 апреля.

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. № 49, л. 173. Из постановления Вивинуса: «И на деловом дворе... велено огородить стеною каменною, мастеровых людей и работных дни (зачёркнуто: запираеть) для пьянства и гульбы никуда не пускать, опрчь воскресных дней и великих праздников и государских ангелов, а в те дни выпускать с порукою, что никуды им от того дела не отстать и оружейному делу останковки не учинить. А буде когорые мастера люди добрые и живут домами своими с жёнами и с детьми, а похотят ночевать ходить в дома свой и тех мастеров добрых людей в дома их ночевать отпускать, а только работать им и фузен и всякие снасти держать на том же деловом дворе во всякой береже, а з двора без указу ничего не носить им не велеть, и к тому двору надзирателя приставить радетельного доброго и верного человека»

² Там же, лл. 163—181; д. № 50, лл. 45—55.

Ещё в 1700 г. из Верхотурья сообщали в Москву, что на стройке плотины нужны ежедневно 500 рабочих и 10 кузнецов. Из Москвы предупреждали, что мастерам особенно нельзя доверять, так как они пишут лишнее число, чтобы «себе тем учинить корысти». Верхотурский воевода распорядился выслать на завод к назначенному сроку 200 плотников, 200 пеших верхотурских крестьян с топорами и лопатами, 200 человек с лошадьми и телегами и 100 человек ямских охотников, также с лошадьми и телегами.

1 мая 1701 г. на Верхотурских заводах начали строить плотину и бить сваи на р. Нейве; здесь работали в порядке государственной повинности 900 пеших и конных крестьян и 100 ямских охотников. Плотинный мастер приготовил деревянное оборудование, вал боевой и стан молотовой, «на чём станет молот ходить», а также столбы и брусья на вешняки и лари и велел приготовить 3500 сажень дров для угля. Для плотинного мастера были выстроены две избы белые «о два житья» для склада снастей и припасов. Было приказано сделать 110 тыс. кирпичей и на горны для молотовой 25 тыс. кирпичей большого размера; на этой работе было занято 30 человек; для строительства домны из Верхотурья посланы московские каменщики и 20 кузнецов. Кроме того на заводе находились 2 подъячих, 10 стрельцов и 20 беломестных казаков для надзора и рассылки, т. е. в качестве полиции и рассыльных. Управляющему В. Бибикову приказано закончить постройку завсда летом 1701 г. «не испустя времени совсем наготове»¹.

Кроме строительства плотины проводились и другие работы. Меховой мастер И. Янвер сделал две пары мехов для Каменных заводов и готовил для них же третьи мехи, ему было приказано также делать мехи для Невьянских заводов. Мастер был уже стар и плохо видел и собирался ехать в Москву, когда выучит мастерству своего подмастерья Савостьку Пахомова. Янвер работал на Тульских, Каширских и Алексинских заводах и получал там 100 руб. в год, подмастерье его работал на Соломенских заводах Марселиса и получал 50 руб.; они просили, чтобы им столько же платили и на Верхотурских заводах. Н. Павлов с товарищами работал прежде на Угоцких и Истинских заводах Л. Нарышкина и получал 65 руб. в год; он также просил отпустить его на зиму в Москву, но ему было отказано до того времени, пока «заводы не придут в совершенство».

Эти известия о развёртывании весной 1701 г. работ на Верхотурских заводах пришли в Москву, в Сибирский приказ, только 10 августа. Думный дьяк Виниус с товарищами слушали 23 августа выписки из писем верхотурских воевод, были ими довольны и приказали послать на Верхотурье ответ воеводе Козьме Козлову «с милостивым словом», напоминая вместе с тем, чтобы заводы скорее «в ходу были». Виниус настаивал на скорейшем производстве уклада, т. е. железа, приближающегося по качеству к стали, ввиду «такой большой укладной дороговизны». Специалисту-мастеру предписывалось делать уклад «хотя в малых горнах» и «тамошних кузнецов тому укладному делу учить безотложно»².

В течение лета 1701 г. на Невьянском заводе произошли значительные перемены. Семён Викулин принял Верхотурские заводы (Невьянский) от своего предшественника М. Бибикова со всеми строениями, оборудованием и запасами. К этому времени на заводе были выстроены плотина, помещение для молотовой, два угольных сарая и ряд других строений, но домна ещё не была готова. По своим размерам и характеру эти сооружения напоминали подмосковные заводы.

Плотина Невьянского завода в этот момент имела в длину до ларя 30 сажень, под ларём был сделан обруб меж плотиною 4 сажень, а по другую сторону ларя, к заречной стороне плотины, — 25 сажень до веш-

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. № 47, лл. 97—98, 100 об.

² Там же, лл. 103 об.

няков, вышина плотины — 1 сажень, ширина — 15 сажень, у ларя труба к будущей домне в 15 сажень. Молотовая — площадью 9×7 сажень, вышиною — 2 сажени, кровля крыта тесом вышиною 6 сажень¹, два угольных сарая, один площадью 12×6 сажень, другой — меньше, 10×5 сажень. Через ров, по которому должна идти вода из ларя, был построен мост. На берегу, напротив плотины, уже стояли хоромы — две белые избы, соединённые сенями; здесь же другие хоромы в две горницы, с сенями, амбар, 2 избы и 2 бани. Мастер Янвер уже сделал три пары деревянных воздуховых мехов: одни доменные большие, длиною в 6 аршин, шириною в 2 аршина, двое других мехов длиною в 5 аршин. На заводе имелась кузница размером 5×3 , снабжённая тремя горнами, около кузницы ещё два горна с кровлей из драни; имелось три плавильные печи, а в них шесть домен рудоплавильных и горн для провара железа. Это обычные кузнечные домницы, выплавлявшие, повидимому, железо ещё сыродутным способом.

Квалифицированный персонал Невьянского завода состоял из 22 человек, присланных из Москвы. В числе их были: меховой мастер, доменный мастер, молотовые мастера, плотинный мастер, подмастерья, кузнецы и угольные мастера. В момент приёма завода на нём работали верхотурские и слободские крестьяне и всякие работные люди, именно 178 плотников, 169 человек с телегами и лошадьми, 487 пеших работников, 85 ямских охотников с лошадьми и телегами, 22 кузнеца, 15 рудных плавильщиков с работниками, 9 каменщиков, 39 кирпичников. На заводе было 8 верхотурских стрельцов и 17 беломестных казаков, присланных «для наряду», т. е. для исполнения полицейских функций. Следует отметить что местные крестьяне дали не только чернорабочих, но и плотников, кузнецов и рудоплазщиков. Однако они в перечне отделены от присланных из Москвы и, видимо, отличались от москвичей более низкой квалификацией. В целом построенный завод на первых порах, вероятно, не отличался ещё от обычного завода центра.

Викулин, присланный из Москвы управлять Верхотурскими заводами, действовал сначала дружно вместе с Бибиковым и плотинным мастером П. Павловым. 28 мая Бибиков писал верхотурскому воеводе, что Викулин заявил, что для строительства заводов нужны 300 пудов железа и, кроме имевшейся прежде тысячи работных людей, — ещё 100 человек с телегами и 100 человек для возки камня для домны; для строительства плотины нужны 40 хороших плотников, чтобы делать ларь и большие чаны в доменном амбаре, и 20 каменщиков для строительства домны. Викулин и Павлов заявили, что около домны надо построить чан для литья пушки в 4 сажени глубины и 2 сажени по дну. Оба они говорили, что верхотурские «слободские плотники плохи и к доменному делу неумеющие», и хотя их наряжено 200 человек для работы до окончания заводов, но «с теми плотники ларь делать им не мочно».

Верхотурский воевода распорядился послать на завод самых опытных работников: 3 плотников для «чанного дела», 4 московских каменщиков и 3 учеников для строительства домны. Больше послать было некого: на Верхотурье осталось лишь 5 каменщиков и 3 ученика. Воевода велел удовольствоваться имеющейся тысячью рабочих, считая, что ими «проняться можно», так как послать больше некого: крестьян осталось

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. № 47, л. 19. Ср. описание Елтинского завода в Каширском уезде: «Через речку Скугину построена плотина с правую сторону з дворцовой земли до ларя длиною 31 саж., ларь зделан в духовых досках длиною 21 саж., шириною 1 саж., из того ларя проведены к колёсам 2 трубы дощатые длиною по 7 саж., от того ларя до вешняка длиною плотина 21 саж. с полусаженью, ширина 7 саж. с полусаженью... от вешняка до помешниковой земли длиною плотина 7, шириною 9 саж. Всего плотина с ларём и вешняком 66 саж.» («Крепостная мануфактура». Ч. 1-я, стр. 110). На Невьянском заводе не показано расстояние от вешняков до другого берега; может быть, эта часть плотины ещё не была закончена. На Елтинском заводе молотовая имела площадь 10×7 сажень и была крыта тесовым шатром (там же, стр. 111).

очень мало, все работают на железных заводах, скоро «пахать будет некому» и «крестьянам будет разоренье». К тому же рабочие требовали повышения жалованья, кирпичники работали сдельно, получали по 6 алт. с тысячи кирпича. Чтобы не разогнать рабочих, воевода приказал повысить оплату до 12 алт. и сверх того давать по пол-осмины ржи на человека в месяц, так как завод строится «на пустом месте». Строительство заводов осуществлялось за счёт жестокой эксплуатации местных крестьян.

Однако вскоре появились первые признаки затруднений в строительстве и размолвки между новым управляющим, Викулиным, и прежним, Бибиковым. 24 июня верхотурский воевода сообщил в Москву, что Викулин требует, кроме работавших у него тысячи человек, ещё 2 тыс. рабочих и заявляет, что многих необходимых припасов на заводе нет. Верхотурский воевода распорядился для набора послать во все слободы «послушные памяти» приказчикам и старостам, чтобы они все «поголовно» явились на работы по требованию Викулина, «сколько ему Семёну понадобится». Приказчикам было запрещено брать с крестьян взятки и посулы и укрывать плотников или заменять опытных мастеров неопытными. Заслушав воеводу грозил им «жестоким наказанием — бить их кнутом нещадно». Однако он понимал трудность и даже невозможность выполнения заявки Викулина на 2 тыс. дополнительных рабочих, так как, по его словам, во всём Верхотурском уезде, по всем слободам, по переписным книгам, «3000 крестьянских дворов не будет». Кроме того оказалось, что количество кирпичников, присланных на завод (10 человек), также недостаточно, — нужны ещё 20 человек самых опытных и квалифицированных: воевода смог послать ещё 17 кирпичников, тяглых мастеров, работавших на Верхотурье, чтобы на заводе не было какой «мешкоты и остановки», но после этого в городе не осталось больше мастеров, и некому было делать кирпич для каменного городского строения.

Из Тобольска на Верхотурские заводы прибыл подьячий Г. Стрежнев и отпустил с завода работавших на нём крестьян Тобольского уезда: он требовал, чтобы воевода присылал на завод крестьян лишь своего, Верхотурского уезда. Викулин просил не отпускать тобольских крестьян до прибытия верхотурских или отпускать не всех сразу. Но тобольский подьячий «ни во что ставил» его слова, бранил его, угрожал побоями и вдобавок приказал отпустить с Верхотурских заводов доменного мастера Дементьева для отправки его на Каменский завод. Очевидно, тобольский и верхотурский воеводы старались переложить тяжёлую строительную повинность с крестьян своих уездов на крестьян соседнего уезда. К тому же тобольский воевода и его подчинённые, чувствуя свою силу, действовали бесцеремонно и усиленно заботились о Каменском заводе в ущерб Верхотурским заводам.

Уход с Невьянского завода всех тобольских крестьян привёл к тому, что на заводе даже сторожей не осталось, и в результате ночью 6 октября вспыхнул пожар. Пожар заметил Викулин и вовремя принял меры, но завод остался «покинут, пуст», работать было некому, между тем как до этого «было всё добро». Тогда верхотурский воевода послал во все слободы «распоряжение с жестоким подкреплением» выслать из слобод крестьян для работы на заводе, работать они должны были «беспеременно», т. е. не сменяясь, до окончания строительства. Насколько эта повинность была тяжела для крестьян, видно из донесения приказчика Арамашевской слободы, что все крестьяне живут на железных заводах и что некому работать на «десятинной пашне», т. е. на земле, урожай с которой шёл в казну. В сентябре власти были вынуждены отпустить по домам с заводов 500 человек и вновь прислать из Тобольска других 500 человек¹.

В сентябре 1701 г. Викулин жаловался в Верхотурье на непослушных

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. № 47, лл. 14 об.—15.

мастеров: по его словам, плотинный мастер Петрушка Павлов «забунтовал» и вместе с братом, кузнецом Ганкою, учинились «противны и непослушны». Кроме того их обвиняли в «воровстве»: при заготовке дров недосчитались против наряда 500 двойных сажень, что при переводе на малое полено составляло свыше тысячи сажень. Ссора дошла до того, что плотинный мастер вместе с Бибиковым уехали с завода в Верхотурье. Воевода допрашивал прибывшего мастера в воеводской избе, и в своих показаниях мастер подчёркивал, что он сделал очень много на заводе ещё до приезда Викулина и Бибикова. Он построил «плотинное и доменное и молотовое и сарайное и анбарное и хоровое строение» и притом с помощью крестьян «первого наряда» до приезда нового управляющего. На заводе готовили припасы для молотовой, бутили бутовой камень под домну, возили лес, кирпич, известь, песок, уже клали домну и горны и делали чан для отливки пушек.

В приказной избе П. Павлов сообщил верхотурскому воеводе с товарищами, что сверх того уже при новом управляющем была выстроена плотина, молотовая, поставлены избы, бани, да сделана домна каменная в вышину с бутом 4 саж., длиною 5 сажень, без полуаршина, поперёк 4 саж. с аршином, кругом домны построен доменный «анбар» длиною 11 сажень, здесь же «спущен в землю чан» (для отливки пушек) вышиной 8 арш. шириною 5¼ арш. Кроме молотовой, выстроенной ещё до приезда Викулина, отстроена вторая молотовая, площадью 10 × 8 сажень, для неё сделан стан с тремя валами и баба, только неокованные, так как не хватило железа. Была построена отдельная изба для выделки «пушечных и гранатных образцов», проведены трубы для воды к ларям, сложены 2 горна с трубами вышиной 10 сажень, поставлены 4 избы для приезда крестьян. Всё это сделали верхотурские крестьяне, присланные по требованию П. Павлова, а не по наряду Викулина. Из тобольских крестьян работало только 40 человек с лошадьми, в течение четырёх дней они возили на плотине осыпь, и 100 человек работали неделю на плотине. Всего работало с 1 мая по 1 сентября 975 конных и пеших и 20 кузнецов по месяцу, и 100 ямских охотников, и 15 человек в течение двух месяцев. П. Павлов заявил, что он не знает, почему Викулин требовал ещё добавочных 2 тыс. человек.

«Остановка и всякая поруха» на заводе, по словам Павлова, возникли вследствие того, что с Верхотурских заводов был отозван на Каменские заводы доменный мастер Дементьев, который клал домну и доменную трубу, но не сделал доменного горна, а без него делать его некому. Плотинный мастер заявлял далее, что он не может работать без доменного мастера и что если они будут работать вместе, то можно было бы начать плавить чугун с Семёнова дня, т. е. с осени. Другой доменный мастер, Я. Фадеев, также уехал с завода, так как Викулин держал его под караулом в тюрьме, не допуская к работе, вообще «отказал» ему. Фадеев также был взят на Каменские заводы.

В результате этого допроса верхотурский воевода послал в Тобольск требование вернуть доменного мастера и распорядился, чтобы Бибиков выяснил «по самой правде», почему Викулин довёл заводскую стройку до остановки и зачем требовал чрезмерного количества крестьян. Эти споры и дразги сыграли свою роль в дальнейшей судьбе завода.

По мере развития военных событий возрастали требования, предъявляемые к военной промышленности. В августе 1701 г. из Сибирского приказа поступило распоряжение, чтобы «на Каменских и Верхотурских железных заводах для опыта пушек и фузей и железа и уклад, сколько возможно, наделать и по осеннему и зимнему путям прислать к нам, великому государю, к Москве». Это требование повторялось в каждой грамоте, направлявшейся в Сибирь. В ноябре того же года верхотурскому воеводе К. Козлову было приказано как можно скорее пустить завод и прислать в Сибирский приказ «на образец, хотя небольшое литого и ко-

ваного железа по сему зимнему пути для усмотрения и опыта». К черновому проекту, грамоты, содержавшей это распоряжение, имеется помета Виниуса, что «за нынешним воинским случаем со Швецией... железа в приказе нет, а которое железо в тульских и иных уездах выходит, и то мягкостью свейскому подобно не будет, а сибирское де сказывают мягко в сём деле добро»¹.

С Каменских заводов 13 ноября был возвращён на Верхотурские заводы доменный мастер Фадеев; его приезд помог довершить строительные работы — именно он сложил горн в домне. Верхотурский воевода мог сообщить в Москву, что засыпка руды в домнах будет произведена 5 декабря². Руда была засыпана в домну 11 декабря с опозданием против намеченного срока лишь на пять дней, а 15 декабря пошёл чугуно.

Начало плавки чугуна в домне, т. е. пуск завода, как крупное событие, отмечено в деловой переписке необычно и торжественно: «Милостию божиею и твоим великого государя ц. и в. к. Петра Алексеевича... счастьем, а нашего холопей твоих к тебе великому государю службою и всеусердным радением твоим, великого государя Верхотурские железные заводы в совершенстве приведены и руда в домну засыпана декабря 11 числа, и мехи дуть почали, а из домны чугуно пошёл декабря в 15 день»³.

Из этого чугуна 8 января 1702 г. было впервые выковано железо. Об этом Викулин писал столь же торжественно. Из нового железа сделали к 19 января «заводские снасти», т. е. инструменты, и прислали в Верхотурье образцы железа 10 прутков в 14 пуд. 35 ф. весом, новое прутковое железо было выделано «на свицкую руку», т. е. по шведскому образцу. Сообщая об этом в Москву, верхотурский воевода считал необходимым назвать также имена мастеров: «а то железо работы обоих молотовых мастеров Сеньки Петрова, Оверчки (Аверкия.—Б. К.) Тумакова и за их мастерскими клеймами».

Пуск завода, повидимому, вселил в его руководителей уверенность в успехе. Верхотурский воевода, посылая 30 января 1702 г. донесение о первой плавке чугуна и выделке первого железа, передавал также заключение Викулина, который писал ему, что производство «мочно учинить и держать его полным и большим заводом и теми заводами связным и прутковым и всяким железом и ратными разными литыми чугунами припасы твоё великого государя... Московское и Сибирское государство полнить...»

При этом Викулин развивал план дальнейшего расширения завода за счёт «прибавочного строения». По его мнению, нужно выстроить вторую доменную плавильную печь, а также «вертельную», чтобы сверлить пушки, и третью молотовую, кроме уже имеющихся двух молотовых амбаров. Викулин заготовил руды на год, вторая молотовая была почти сделана, только ещё не покрыта тёсом, но уже «обложена», проведены рвы, вероятно, для воды, забиты сваи под молотовый стан и под горны, и сделана верхняя водяная труба. Третью молотовую ставить негде, так как для неё пришлось бы «перекопывать» плотину, и тогда будет на заводе «простой великий».

Для расширения Невьянского завода нужны были ещё мастера, — так, для второй домны был необходим «добрый доменный мастер», с подмастерьем, а также нужен мастер с подмастерьем «к делу и литью пушек и мартиров и мозжар и бомбов и гранат и ядер». Викулин прибавлял, по словам воеводы, что «литья ратных припасов ныне на заводах никто вылить не знает». Кроме того нужны были ещё 26 мастеров и подмастерьев к домнам, молотовым и к угольному делу.

Все работавшие на заводе мастера и подмастерья просили выдать им жалованье в том размере, в каком они получали на московских заво-

¹ ЦГАДА, ф. 190, л. № 47, л. 81 об., л. 54 об. — 55.

² Там же, л. л. 33—43 об.

³ Там же, л. 126 об.

дах, так как «у них работа пошла и железо делают, а говорят-де такие слова, что им жить и есть и платья носить нечего, помирают голодной смертью» и даже хотят без разрешения «работу постановить», т. е. забастовать.

В конце января 1702 г. Викулин сообщил более подробные сведения о работе завода, и верхотурский воевода К. Козлов запрашивал Сибирский приказ, надо ли строить третью молотовую и в связи с этим перекапывать вновь плотину, что составит для крестьян «великую тягость и разорение». Он уже приказал выслать из слобод на заводы людей, просил прислать из Москвы мастеров и подмастерьев, запрашивал относительно уплаты мастерам полного жалованья, для чего в верхотурской казне денег не было.

Из Верхотурья от воеводы и с заводов шли радостные вести: завод пушен, дал первые чугуны и железо, пробные образцы железа высланы в Москву. Но оборотной стороной этих достижений было разорение местного крестьянства в результате жестокой эксплуатации на заводах.

Вместе с этим донесением в Москву 23 февраля 1702 г. прибыли образцы железа. В тот же день происходило его испытание, староста и кузнецы Кузнечного ряда в Москве сказали, что «это железо против свейского самого доброго железа мягкостью не будет, а иные прутья будут и против свицкого, только не против самого доброго; а тульских и иных заводов верхотурское железо мягче и лутче, а в деле каково будет, того они не знают, а к сварке-де то железо будет упруго». На московском Пушечном дворе верхотурское «новоопытное» железо было «ломано и переломаное сварено», и кузнечный мастер заявил, что оно «в ломке мягко и в сварке в деле будет хорошо». В тот же день в Сибирском приказе в качестве эксперта выступил человек тульского железных заводов мастера Никиты Демидова — Афанасий Абрамов, который показал, что присланное железо мягкостью «лутче свейского самого доброго железа, а в деле каково будет, того он не знает, и на тульских-де и на иных московских заводах такова железа нет»¹.

Но в то время, когда в Москву пришло донесение воеводы с хорошими вестями с завода и эксперты давали свои отзывы об отличных качествах первого выпущенного Невьянским заводом железа, снова решалась судьба завода. Ещё 10 февраля 1702 г. тульский заводчик Никита Демидов бил челом в Сибирском приказе, прося о передаче ему Верхотурских железных заводов. Его допрашивал сам Виниус. 3 марта переговоры с ним продолжались, а 4 марта вышел указ Петра о передаче заводов во владение Демидова. Переговоры были начаты до получения последних вестей от верхотурского воеводы, но закончены после их получения, и благоприятные итоги 1701 г. на заводе не внесли никаких изменений.

Передача завода в частные руки объяснилась тем, что «нерадением и многими сварам и крамолами приставников чинится тому доброму и полезному делу остановка и уездным людям (крестьянам Верхотурского уезда. — Б. К.) предмногая тягость». Наконец, в пользу передачи завода был выдвинут довод военного порядка: «Нынешнего ради со шведами воинского случая железу истой земли привозу нет, и такому доброму мяккому железу учинилась скудость, что взять негде и в цене стали близ рубля покупать».

Прежде чем перейти к характеристике деятельности Демидова на Невьянском заводе, следует остановиться на том, в каком состоянии находился Каменский завод в это время. В 1701 г. тобольские воеводы кн. М. Черкасский с сыном перевозили на Каменский завод присланное из Москвы оборудование и переводили туда же с Верхотурских заводов мастеров.

24 ноября 1701 г. Сибирский приказ предписал отлить на Каменских или Верхотурских заводах две мортиры по московским образцам и прислать их зимой в Москву. Невьянский завод, как мы знаем, лишь в декабре и январе выпустил в первый раз чугун и дал железо. Каменский завод оказался впереди его, и уже 6 января 1702 г. М. Черкасский сообщил в Москву, что на Каменском заводе в декабре вылиты три пушки: одна длиной в 2 арш. 5 вершк. с ядром в $1\frac{1}{2}$ фунта, другая — в 2 арш. с ядром также $1\frac{1}{2}$ фунта и третья — длиной в $1\frac{1}{2}$ арш. с ядром в 4 фунта; кроме того по московским образцам были отлиты два мозжара, т. е. мортиры. Но пушки и мортиры были не отделаны и не сверлены, так как на заводе ещё не была построена вертильня для сверления пушек и не было необходимых припасов для отделки пушек. Плотинный мастер П. Павлов заявил, что для этого нужно выписать на Урал 12 мастеров из центра, именно с Истинского завода. «Те де мастера искусны и горазды», — говорил Павлов, без них в работе будет остановка, так как «на обоих заводах» нет опытных пушечных мастеров, имеются доменные и молотовые мастера, «обычные, а не самые пушие», доменщик-иноземец Деметьев слишком стар, и «устав у него доменный нам зело тяжёл». Павлов брался вместе со своим братом-кузнецом построить вертильню. Это надо было делать летом, так как зимой нельзя было забить сваи. Но летом 1701 г. вертильню построить не удалось, так как плотничный мастер «прошлого лета работал в Верхотурских железных заводах неотходно» и взять его оттуда было нельзя, а «кроме его Петра вертильни делать никто не умеет»¹. Виниус был полностью согласен с донесением и планами тобольского воеводы. В Тобольск было послано предписание отделать и высверлить отлитые пушки и мортиры, а затем отправить их в Москву, приказано было строить вертильню, одновременно обещали навести справки о мастерах, которых воевода просил выслать с подмосковных заводов.

V

Поставленные в начале настоящей статьи вопросы более полно могут быть разрешены после анализа всего имеющегося материала, в особенности в связи с передачей Невьянского завода Никите Демидову и отправкой в Москву первых пушек, отлитых на Урале, но можно подвести предварительные итоги сделанным уже наблюдениям.

Строительство первых уральских заводов было начато лишь в 1700 г., но особенно быстрыми темпами они строились в 1701 г. в связи с началом Северной войны, когда потребовалось большое количество высококачественного металла, который мог бы заменить шведское железо и восстановить потерю пушек под Нарвой.

Верхотурский и Каменский заводы строились одновременно, однако Каменский завод находился в привилегированном положении; ему уделяли большее внимание тобольские воеводы, распоряжавшиеся не только Тобольским уездом, но в известной степени и Верхотурским. Кн. М. Черкасский старался в большей мере обеспечить материалами, оборудованием и рабочими Каменский завод, который находился на территории Тобольского уезда. К тому же смена управляющих на Верхотурских заводах (М. Бибииков и С. Викулин), ссоры между ними и с плотинным мастером, являвшимся техническим руководителем, или, как мы бы сказали, главным инженером на строительстве завода, также задерживали строительство. Именно эти неполадки были отмечены в указе о передаче завода Демидову.

К концу 1701 г. оба завода были пущены в ход, хотя строительство на них не было полностью закончено. На Каменском заводе были отлиты уже первые пушки и мортиры, тогда как Невьянский завод дал только

¹ ЦГАДА, ф. 190, д. № 47, лл. 239—242 об.; д. № 48, лл. 304—305.

первый выпуск чугуна и железа и прислал в Москву лишь партию прутowego железа.

Не вполне точным было бы называть первым уральским заводом Невьянский. Это верно лишь в отношении времени указа о его строительстве, но выпуск продукции был произведён раньше на Каменском заводе.

Изученные материалы свидетельствуют о том, что уральская металлургия, крупнейшие мануфактуры того времени явились итогом предшествующего промышленного развития, и притом не столько местной уральской мелкой промышленности, сколько промышленности всей страны, в первую очередь мануфактур центральных районов. Основными предпосылками, обусловившими успех петровской промышленной политики в создании крупной металлопромышленности, явились ремесло и мануфактуры центра. Средний Урал к концу XVII в. был уже заселён земледельческим населением, через Урал проходили оживлённые торговые пути, здесь обосновывались монастыри. На Урале в это время были широко развиты мелкие промыслы и образовался довольно многочисленный слой ремесленников.

Однако квалификация уральских мастеров была недостаточна для работы на крупных мануфактурах, их ещё нужно было обучить работать по-московски.

Во время строительства первых заводов Урал не мог дать даже необходимые 200—300 пудов железа, и уральские кузнецы не могли делать ломы, молоты, клещи и другие несложные инструменты, — их приходилось заказывать на подмосковных и тульских заводах.

В 1700—1701 гг. из Москвы на Урал потянулись десятки и сотни саней, гружёных железом и инструментами.

Местные промыслы были ещё настолько не развиты, что все попытки организовать на Урале крупное производство с 30-х годов XVII в. оказались безуспешны. Небольшие частные заводы возникали, но существовали они недолго: исключением является железный завод Далматова монастыря, но он был мелким предприятием с сыродутными горнами вместо домны, он был предшественником возникшего на его месте казённого Каменского завода.

Вместе с оборудованием и железом с тех же «русских» заводов — Тульских, Каширских, Алексинских, Павловских — были взяты квалифицированные мастера и технические руководители первых уральских заводов. Иностранные мастера на Урал привлекались или с подмосковных заводов или приезжали на уже производившуюся стройку. Они не только приносили новые методы строительства, но и должны были учитывать опыт русских мастеров.

Мануфактуры, выросшие в течение XVII столетия в центре страны, внесли большой вклад в создание первых уральских заводов. На первых порах уральские заводы вряд ли отличались от Каширских или Павловских. Создание уральских заводов производилось методами государственного воздействия. Мощная воля Петра Великого двигала строительство первых заводов, осуществлявшееся под руководством Сибирского приказа и местных властей. Эти заводы возникали на основе принудительного труда как местных крестьян, так и переселявшихся из центра мастеров.

Теория «искусственного» возникновения крупного производства при Петре I при более внимательном изучении обнаруживает полную несостоятельность. Петровские мануфактуры имели глубокие предпосылки в развитии экономики России XVII века. Русская промышленность состояла из весьма развитого ремесла и мануфактуры, подготовивших петровские крупные заводы. Преобразователь и его сотрудники при помощи методов государственного вмешательства использовали имеющийся в стране опыт для строительства уральских заводов.

Россия конца XVII столетия не была страной «без капиталов, без рабочих и предпринимателей и без покупателей», как это утверждал Милюков, где новая форма производства будто бы «могла держаться только искусственными средствами» и перенесена была готовой из Западной Европы¹.

Неправ был также М. Туган-Барановский, недалеко ушедший от этого взгляда и считавший, что только торговый капитал явился предшественником и создателем петровской промышленности. В накопленных купцами денежных средствах он усматривал единственную предпосылку петровских заводов. Этот взгляд воспринял и М. Покровский с его теорией «торгового капитала». Он пренебрежительно оценивал петровские мануфактуры, по его мнению, переживавшие лишь «кризис» и даже «крах»².

Д. Кашинцев в своей работе по истории уральской металлургии подчеркивал большое значение таких мелких уральских заводов XVII в., как Ницынский и Красноборский, а также отмечал роль местных уральских кузнецов. Он говорит также о перенесении опыта металлургических предприятий из центра на восток, но не подтверждает этого тезиса конкретными данными.

Приведённый в настоящей статье материал восполняет этот пробел. Именно в «русских» мануфактурах и в меньшей степени в ремесле и сельских промыслах надо усматривать предпосылки успешного развития петровских металлургических заводов Урала. Предпринимательская деятельность Никиты Демидова на Невьянском заводе на первых порах также должна быть определена как использование опыта тульских и подмосковных крупных заводов в новом строительстве на Урале.

В том участии, которое принимали Пётр, центральные и местные власти в строительстве уральских заводов, в непосредственном руководстве ими проявляется ведущая роль государства.

Вместо общих рассуждений об искусственном возникновении крупной промышленности при Петре Великом, в частности на Урале, живой, конкретный материал рисует картину, которую можно назвать перерастанием на первых порах опыта старых русских мануфактур в новые, крупные уральские заводы. Для строительства первых уральских заводов нашлись русские предприниматели (Демидов и др.) с крупными денежными средствами, оказалась в наличии и квалифицированная рабочая сила, прежде всего из среды мастеров «русских» мануфактур и ремесленников.

Экономические преобразования Петра Великого, строительство крупной промышленности были столь же естественным и органическим развитием предпосылок, которые даны были предшествующим ходом русской жизни, как и административные, культурные и другие петровские преобразования. Создание крупной промышленности не представляет исключения. Лихорадочное строительство петровских фабрик и заводов, по словам товарища Сталина, явилось своеобразной попыткой выскочить из рамок отсталости.

---

¹ Милюков П. «Очерки по истории русской культуры». Ч. 1-я, стр. 86. 7-е изд. 1918.

² См. Кафенгауз Б. «Реформа Петра I в оценке М. Покровского» в сб. «Против антимарксистской концепции М. Покровского». Ч. 2-я. М. 1940.

МОНАСТЫРСКИЕ ДЕТЁНЫШИ

Акад. Б. Греков

Вопрос о монастырских детёнышах, как видно из самого термина «монастырские детёныши», с первого взгляда имеет узкое содержание, касается только монастырей и только одной разновидности сельского трудового населения. Это, несомненно, так. Но тем не менее, если ближе присмотреться к этому явлению, оно предстанет перед нами в другом, несравненно более значительном смысле. Оно очень симптоматично. О монастырских детёнышах заговорили документы тогда, когда детёныши стали играть в монастырском хозяйстве очень заметную роль. Увеличение числа детёнышей связано с ростом монастырской собственной запашки, что в свою очередь вызывалось крупными изменениями в сельском хозяйстве всей Европы.

Хотя мы располагаем источниками, упоминающими о детёнышах главным образом от второй половины XVI в., тем не менее нет оснований отрицать наличие детёнышей и в первой половине этого века.

В материалах Волоколамского монастыря детёныши упоминаются уже в 1547 году (более ранних книг не сохранилось). Расходные книги Ипатьевского монастыря говорят о детёнышах в середине XVI века¹.

Конечно, детёныши возникли не в 1547 г. Они были и до этого.

Литература о детёнышах невелика. Кроме исследования М. А. Дьяконова, других специальных работ по этому вопросу нет. Имеются замечания перомонаха Арсения, А. А. Спицына, А. П. Доброклонского, Н. А. Рожкова и в самое последнее время высказывания М. Н. Тихомирова.

Иеромонах Арсений в своей специальной статье о слугах Троицкого-Сергиева монастыря мимоходом касается и вопроса о детёнышах. «Что касается детёнышей, — пишет он, — то это, кажется, были круглые сироты, монастырских крестьян дети», попадавшие в монастырь во время «несчастливых годин»². Это определение далеко не исчерпывает вопроса. Впрочем, автор и не задавался целью разрешить его полностью.

А. А. Спицын считает детёнышей бобылями³. А. П. Доброклонский в своей работе «Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в.» останавливается и на вопросе о детёнышах. По его мнению, это люди, живущие на монастырских работах, отличающиеся по своему положению и от монастырских слуг и крестьян. «Детёнышей, — пишет он, — встречаем на разных работах в монастыре и в монастырских сёлах — один на стороже, другие бегауля, — третьи живут во дворах и пашут на монастырь землю... Может быть, это были безродные сироты, приёмлиши, воспитанные монастырём. Различаясь на первых порах, они, вероятно, с течением времени (при известном возрасте, семейном и эко-

¹ Лихачёв Н. Отрывок из расходных книг костромского Ипатьевского монастыря. Сборник Археологического института. Т. VI.

² Иеромонах Арсений. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого-Сергиева монастыря о служках. «Чтения Общества истории и древностей российских», кн. 3-я за 1867 г., стр. 8, прим. 21.

³ Спицын А. «Земля и люди на Вятке», стр. 18; его же «Оброчные земли на Вятке», стр. 36.

номическом положении) верстались по желанию в рядовые крестьяне или сливались с монастырскими слугами, с которыми сами сходились и по положению... Кажется, иногда они сохраняли своё прежнее прозвание детёныша и тогда, когда достигали зрелого возраста и имели взрослых детей и зачислялись в крестьянскую общину»¹.

Нельзя сказать, что автор разобрался в сущности этого общественного явления: детёныши у него то отличаются от монастырских слуг, то «сходятся» с ними по своему положению, часть детёнышей — только по имени детёныши, а на самом деле тяглые крестьяне.

Н. А. Рожков, не занимаясь специально вопросом о детёнышах и ссылаясь на исследование М. А. Дьяконова, в своей книге «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.» отмечает: «Холопам светских лиц соответствовали в монастырских имениях слуги и детёныши»². Как Н. А. Рожков понимал это «соответствовали», видно из другой, более поздней его работы — «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. и его влияние на социально-политический строй того времени», — где он прямо говорит: «Землевладельческая барская пашня разрабатывалась или трудом холопов, которым в монастырских имениях соответствовали так называемые детёныши — те же несвободные земледельческие рабочие — или барщинной работой крестьян»³.

Слуг Н. А. Рожков отсюда выделяет. «Монастырские слуги, — пишет он, — впрочем, представляли из себя нередко состояние, приближавшееся по значению к помещикам на царских и митрополичьих землях. Что касается детёнышей, то надо заметить, что они никогда не были арендаторами, никогда не пахали землю на себя, а всегда обрабатывали монастырскую пашню»⁴.

К сожалению, Н. А. Рожков, ссылаясь на Дьяконова, разошёлся с ним очень серьёзно, но не дал себе труда ни разобрать высказывания Дьяконова, ни обосновать свои взгляды.

Между тем М. А. Дьяконов приводит неопровержимые доказательства того, что детёныши не были холопами даже и тогда, когда они не являлись наёмными работниками на срок. Он признаёт одну прослойку детёнышей, которых называет крепостными, но и крепость эту он объясняет не состоянием детёныша как такового, а тем, что эти дети крестьянских и боярских детей и «крепки по своему крестьянству или боярству, т. е. на тех же основаниях, на которых создавалась крестьянская крепость». «По общему правилу, — совершенно справедливо замечает М. А. Дьяконов, — церкви и монастыри в московское время рабами не владеют»⁵.

Что касается монастырских слуг, то и сам Рожков говорит, что они похожи на помещиков: они сами владеют холопами и крестьянами.

Соответствие детёнышей холопам надо понимать не так, как понимает Н. А. Рожков, а в том смысле, что в монастырских хозяйствах детёныши заменили собой труд холопский, который шёл на убыль и в светских вотчинах и энергично заменялся более производительным трудом крестьян и временных работников, поступавшим к своим хозяевам на рабских условиях.

Необходимо различать хозяйства более отсталые в своей организации от лучше приспособленных к требованиям жизни, каковыми и были хозяйства монастырские, поэтому нельзя суммарно и огульно говорить о вотчинах вообще. Между тем у Н. А. Рожкова этот грех, несомненно, имеется. Обращаясь к писцовым книгам по Троицко-Сергиевым вотчи-

¹ Доброклонский А. «Солотчинский монастырь», его слуги и крестьяне в XVII веке». «Чтения Общества истории и древностей российских» за 1888 г., стр. 33—34.

² Рожков Н. «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.», стр. 141. 1899.

³ Рожков Н. «Исторические и социологические очерки», стр. 56. 1906.

⁴ Ссылка на Дьяконова. Указ. соч., стр. 306—307.

⁵ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 307.

нам 1592—1594 гг., автор пишет: «Сохранившиеся писцовые книги Троицких вотчин 1592—94 гг. дают почти для каждого уезда известное число дворов служных, холопских и детёнышевых: в Переяславле-Залесском считалось 9 слуг и 10 холопов, в Московском 7 дворов детёнышей и 6 холопских»¹. Эти цифры, собственно говоря, ничего не дают, так как они слишком общи, как и ссылки автора на данный источник.

Если же подойти к писцовым книгам внимательнее, то нетрудно разглядеть в них более интересные явления. Людские дворы, если под ними понимать дворы холопские, имеются не непосредственно у монастырей, а лишь у монастырских слуг, собственно говоря, у монастырских помещиков, или же в вотчинах богатых монахов или монахинь, постригшихся по тем или иным мотивам, но не порвавших связей с миром и прежде всего со своей землёй. Вот, например, «дер. Васильева-Постниково за старицею за княгинию за Федорю за Одоевскую, а в ней дв. людцкой» или «дер. Ошеркино... за старицею за Маремьяною за Заболоцкою, а в ней 2 дв. людцких, да место дворовое; пашни паханные 9 четьи, да перелогу 7 четьи»... «В той же в Кинельской волости — деревни, а в них живут Троецкие Сергиева монастыря слуги... Дер. Неверцова, Сворцово тож, а в ней дв. монастырского слуги Фёдора Тороканова, да 2 дв. людцких, да 8 мест дворовых... Дер. Ларино... за слугою монастырским за Иваном за Торокановым, а в ней дв. Иванов, да двор людцкой, да 14 мест дворовых» (большая пустота — следы недавнего разорения)².

Монастырскую пашню пашут всегда либо крестьяне либо детёныши, которых холопами считать никак нельзя.

М. Н. Тихомиров остановился на вопросе о происхождении и правовом положении детёнышей. О происхождении детёнышей автор мимоходом высказал предположение, что они вербовались из «вольных гулящих людей». На этот вывод навело автора упоминание в документах Волоколамского монастыря «детёныша-казака»³.

На вопросе о правовом положении детёнышей автор останавливается довольно подробно. Он приводит материалы, говорящие о «прихожих» детёнышах, которым платятся деньги за работу. «Дано двум детёнышам прихожим нагородцам... по 10 алтын, делали пять недель в монастыре» (20 июня 1579 г.). «Дано прихожему детёнку Иванку Иванову сыну науродцу 5 алтын, жити ему до Покрова в детях» (1 августа 1579 г.). Здесь слово «дети», или «детёныши», замечает автор, порою так же мало обозначало людей юного возраста, как и утвердившийся термин «дети боярские»⁴.

Для решения вопроса о детёнышах очень большой и важный материал даёт «Книга ключей и оброков Иосифова Волоцкого монастыря 1547—1560 годов», отысканная М. Н. Тихомировым в 1928 г. в Волоцком монастыре⁵.

В книге с исчерпывающей полнотой, как ни в одном из до сих пор известных документов, приводится из года в год перечень всего обслуживающего монастырь персонала, в том числе и детёнышей.

Тут же попутно разбросаны интересные замечания, часть которых уже и была использована М. Н. Тихомировым в его статье «Монастырь-вотчинник».

Мне хочется взять из «Книги ключей» то, что может, на мой взгляд, если не разрешить вопрос окончательно, то, несомненно, приблизить его

¹ Рожков Н. «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.», стр. 142.

² Писцовые книги, издаваемые Географическим обществом, отд. I. Ч. I-я, стр. 816, 825 и др.

³ Тихомиров М. «Монастырь-вотчинник XVI в.». «Исторические записки» № 3, стр. 149.

⁴ Там же.

⁵ С разрешения М. Н. Тихомирова, который подготовил этот ценный источник к печати, я имел возможность ознакомиться с этим источником, за что и приношу большую благодарность.

к окончательному разрешению. Несколько раз в «Книге ключей» упоминается «детин дворец», или «детина изба»¹. Под 1 июля 1554 г. в книге записано: «...дано Быку, которой за детьми ходит за 10 месяцев за прошлую от Покрова лета 7062 10 алтын и вперёд от июля первого числа до Покрова лета 7062 гривна». Бык — это начальник детинной избы². Отсюда вывод — «дети» живут в особом помещении под наблюдением специально для этого поставленного лица.

Та же «Книга ключей» даёт нам возможность понять, и кто именно живёт в этом «детинном дворце», и на каких условиях живут эти «дети» в монастыре и, в конечном счёте, кто они сами.

Каждый год «детям» выплачивают заработную плату. Обычно они получают годовую плату. Но среди «детей» попадаются и более кратковременные обитатели «детинного двора». Например, на Покров 1559 года казначей, как обычно, раздавал «оброк» (так называлась в монастыре заработная плата. — Б. Г.) «детем и плотником и истопником и дворником». Тут перечислено поимённо 36 «детей»³. О некоторых сказано, что они живут в «детях» не полный год: «Лёвке Гаврилову сыну от Троицына дня до Покрова пол—4 алтына; порука плотник Козёл Ермолин сын», или: «...дано детёнку Коняшке Митину сыну 4 алт. 2 ден. на 4 месяца, от июня 1 числа до Покрова св. Богородицы, а порука по нём слуга Нестер»⁴.

В перечне получавших заработную плату детёнышей 1548 г. назван детёныш Медведь Карпов: «Медведю Карпову 4 алт. 2 ден., а порука по нём отец его Карп; до Покрова»⁵. Ему дана значительно меньшая сумма, чем его соседям по списку (10—10½ алт.), потому что он работал не весь год, а гораздо меньше. Причём и поступал он на работу только до Покрова. Мы имеем возможность убедиться в том, что, получив свою заработную плату, он на следующий сезон не остался: в списке 1549—50 года его действительно уже нет.

В записи 1547 г. читаем: «Андрюшке Яковлеву сыну, Харьке Микифорову сыну... дали им от Ильина дни до Покрова по 2 алтына»⁶. «Куземке Перехёду... от Филиповых заговен»⁷, «Иванку Горохову... от Филиповых заговен»⁸. Таких отметок о пребывании в детёнышах на срок, меньший года, имеется несколько.

«Книга ключей» позволяет произвести наблюдения и более широкого масштаба. Благодаря тому, что она из года в год даёт полный перечень детёнышей, мы можем составить себе представление не только о количестве детёнышей в монастыре, но и о степени устойчивости кадров этой категории монастырских работников.

Следующая таблица, составленная на основании данных «Книги ключей», достаточно в этом отношении показательна⁹. (См. табл. на стр. 78.)

В списке детёнышей 1559 г. попадают люди, бывшие в более старых списках 1547, 1549, 1550, 1553, 1557, 1558 гг., больше всего — последних двух—трёх лет. Некоторые из детёнышей попадают в списки 1547, 1549 гг., исчезают в 1557 г. и снова появляются в 1559 году.

¹ Там же упоминаются избы: гостиная, служня, конюшенна, портная, сапожная, кузничный дворец и т. п., л. 15 об. и др.

² Книга ключей, л. 111.

³ По подсчёту казначея несколько больше. Возможно, что имена некоторых «детей» не внесены в книгу. Я считаю только записанных поимённо.

⁴ Книга ключей, л. 174.

⁵ Там же, л. 17 об.

⁶ Там же, л. 3 об.

⁷ Там же, л. 3.

⁸ Там же, л. 2 об.

⁹ Таблица требует значительных уточнений. Соотношение между новым и старым составами детёнышей в данной таблице приблизительное, но достаточное для моих выводов.

Годы	Общее число детёнышей	Из них:	
		старых	новых
1547	53	—	—
1548	41	21	20
1549	52	27	25
1550	47	25	22
1551	52 (не все известны)	39	13
1552	37	29	8
1553	63	33	30
1554	(сведений нет)	—	—
1555	64	32	32
1556	48	22	26
1557	42	21	21
1559	36	23	13

Детёныши по размеру заработной платы делятся на несколько категорий: по 4 гривны (наиболее многочисленная группа) в год получает высший разряд, дальше идут меньшие расценки — 13, 12, 11½, 11, 10, 9 и 6 алтын.

Подвижность состава детёнышей, разные сроки их пребывания в монастыре ясно говорят нам, что мы имеем дело не с постоянной, а достаточно текучей массой монастырских работников.

По заведённому в монастыре обычаю, каждый поступающий на работу должен был дать за себя поручителя: все детёныши имеют поручителей; кто — отца, кто — дядю, кто — знакомых. А те, кому трудно было найти поручителя, брались на поруки самим дворецким, очевидно, для того, чтобы не упустить работника. Гришу Наседку и Юру Гридина на поруки «взял Фома дворецкой»¹. Другого способа удержать за собой наёмного работника, очевидно, у монастыря в это время не было. И это было средством достаточно сильным: в приходной книге того же монастыря 1573 г. под 9 мая отмечено: «Взято на детёныше на Трешке оброку (т. е. взыскана заработная плата) 12 алт. 3 д.; а платил деньги порутчик его Васька Захаров сын, стрелец, потому что Трешка пошел прочь, а полу-году не дожил»².

М. Н. Тихомиров уже отметил в своей работе, что детёныши — самая многочисленная группа монастырских работников. Они составляют больше 30% всех работников в монастыре. Но это не самая квалифицированная часть работников. Заработная плата им идёт ниже, чем, например, плотникам или бочарникам. Если максимальная плата детёнышу 4 гривны (80 денег), то плотники и бочарники получают по полтине (100 денег). Правда, есть категории работников, получающих ещё меньше, чем главная масса детёнышей: сторожа лесные получают по 50 денег, даже — по 40 денег.

За трапезой им отводится одно из последних мест: плотники большие, кузнецы, «дети, сиречь делавцы чёрные» (на полях рукописи разъяснение: «детёныши»), за ними идут: истопники, ворётники и сторожа.

М. Н. Тихомиров на основании своих наблюдений приходит к заключению, что «большинство детёнышей и других ремесленников, несомненно, принадлежало к зависимым монастырским людям», которые, однако, как явствует из дальнейшего суждения автора, были вольны уйти из детёнышей до срока, уплатив полученные деньги»³.

В чём именно заключается эта зависимость, автор не разъясняет: вы-

¹ Книга ключей, л. 173.

² «Исторический архив». Т. II, стр. 68.

³ Книга ключей, л. 174 об., 176.

водит он её из факта получения детёнышем платы за свой труд (по терминологии «Книги ключей», — «оброк»)¹.

Но получение платы за свой труд ещё не создаёт зависимости. Требование поручителей за каждого детёныша, конечно, продиктовано желанием стеснить свободу детёныша, но это требование в то же время свидетельствует, что другого средства удержать за собой детёныша на определённый срок в распоряжении монастыря не было.

По выполнении срочного обязательства «зависимость» прекращается. Очень вероятно, что детёныш может уйти и до срока, но тогда он или его поручитель должны выплатить монастырю известную сумму денег. Возможно, что детёнышу иногда выдавалась некоторая часть заработной платы вперёд. На это как будто намекает выше процитированная запись в Приходной книге 1573 г. о взыскании с поручника стрельца Васьки Захарова денег за неисправного детёныша Трешку, «потому что Трешка пошел прочь, а полугоду не дожил»².

Трешка не «бежал», а «пошел». А за него расплатился его поручитель. Вот это обязательное поручительство при поступлении в детёныши действительно создавало некоторую степень зависимости, которая в феодальном обществе обычно требовалась при поступлении на работу. Но зависимость эта, надо сознаться, очень относительная.

М. А. Дьяконов, которому принадлежит наиболее обстоятельный труд о детёнышах, совершенно определённо говорит о найме детёнышей, ссылаясь при этом на память 1618 г. архиепископа вологодского и великопермского Макария своему сыну боярскому Бебехову. В памяти написано: «А пахати ему то село и наймовать детёнышев в лето человек трёх или четырёх, смотря или сметя по семяном и по пашне; а наймовать ему в лето детёнышев, свестясь вместе с Василием Кобылиным (приказчиком)». Тут же автор приводит и отписку 1618 г. приказчика села Стефановского тому же архиепископу, свидетельствующую о том, что архиепископ вологодский давал свои распоряжения о найме детёнышей и по другим своим сёлам. «Да велел ты, государь, мне холопу твоему приговаривать людей в детёныши 6 человек; и яз, холоп твой, приговорил трёх человек: старого коровника Оську, да брата его Гришку, да бобыля твоего, государь, Сёмку с нынешнего числа 5 (марта), да по Дмитриев день Селунского 126 году; а иных государь, припытываю ж; а договорони со мною чинили в наймах, как в иных, государь, твоих сёлах в Ивановском — деньги и хлеб; и они, государь, просят денег половины ныне, а хлеб, государь, яз сулил им мешной, по твоему государеву приказу; и у меня, государь, здесь казённых денег нет, что им давати; а приговариваю, государь, ныне с сего числа потому, чтобы инде они не ульнули»³.

Следовательно, как правило, заработная плата детёнышу выдаётся после выполнения работы, а не вперёд. В данной обстановке приказчик нарушил правило, чтобы не упустить нужных ему работников.

М. А. Дьяконов, отметив как очевидный вытекающий отсюда факт, что детёнышей нанимают, делает замечание: «С толь странный (разрядка моя — Б. Г.) на первый взгляд факт отнюдь не является, однако, исключительным или только местным. В расходных книгах костромского Ипатьевского монастыря половины XVI в. отмечены выдачи наёмной платы монастырским детёнышам за целый год» («От збора до збора на год детёнышу Гаврилку Фёдорову дано найму 7 алтын... От Евдокеина дни до Евдокеина дни на год детёнышу Первушке Иванову дано на год

¹ Тихомиров М. «Монастырь-вотчинник XVI в.». «Исторические записки» № 3, стр. 149—150.

² Тимофеев Н. «Крестьянские выходы конца XVI в.». «Исторический архив». Т. II, стр. 68.

³ Дьяконов М. «Очерки из истории сельского населения», стр. 301 (разрядка Б. Грекса).

найму 7½ алт.») ¹. О найме детёнышей говорят и документы казанского Илантова монастыря ².

Первое удивление М. Дьяконова по мере привлечения новых материалов начинает проходить, и он делает уже без всяких колебаний свой вывод: «Итак, несомненно, что детёныши или наймиты составляли довольно распространённое явление хозяйственной монастырской жизни» ³.

Но тут же возникает и другой вопрос: почему одна из многочисленных категорий наёмных людей выделена и обозначена особым именем детёнышей?

«Памятники, — пишет Дьяконов, — говорят о наймитах страдных, наймитах для пашни, наймитах монастырских, летних, работных наймитах, наёмных казаках, наёмных ярыжных или ярыжках и проч.». Отвечает на этот вполне законный вопрос он так: «Детёнышами назывались только такие наймиты, которых нанимали или специально для подмоги наличному контингенту детёнышей в собственном смысле, или для выполнения тех работ, какие в обычном порядке исполнялись этими последними». Иначе говоря, автор признаёт две категории детёнышей: детёныши в собственном смысле и детёныши, нанятые им в помощь. Если вторая категория — люди наёмные, то первая — крепостные. Разъясняя далее свою мысль, автор говорит, что в состав крепостных детёнышей входили: осиротевшие крестьянские и бобыльские дети, обедневшие крестьяне и бобыли. Наёмные детёныши вербовались из вольных людей и из крепостных крестьян и бобылей (своих и чужих) ⁴.

В этой классификации детёнышей, на мой взгляд, не всё благополучно. В самом деле, неужели же крестьянские или бобыльские дети не могли наниматься на ту или иную временную работу? А если могли, то все они на тот период времени, на какой они нанялись, и будут наёмными людьми. Что же касается их социального положения, то это другой вопрос.

М. А. Дьяконов приводит несколько фактов, правда, более позднего времени, о найме в детёныши детей крестьянских. В переписных Арзамасских книгах 1676 г. за Спасским монастырём показаны «работники в разных службах (32 человека)... А те работники и на конюшенном дворе, детёныши того ж монастыря крестьянские и бобыльские дети» ⁵. По переписным Белозерским книгам 1678—1679 гг., за череповским Воскресенским монастырём «живут монастырские детёныши... крестьянские дети» ⁶. Среди этих детёнышей есть люди, попавшие в монастырские работники разными путями: часть из них — сироты, попавшие в монастырь «после отцов и матерей в малых летех», есть и нанятые на работу люди. Конечно, зажиточный крестьянин не отдаст своих детей в наймы: в работники попадали дети «за скудостью» ⁷ своих отцов. Но всё же детёныши, от каких бы отцов они ни происходили, пока они в наймах — детёныши, а окончится их срок, они перестают быть детёнышами, возвращаются в своё прежнее состояние.

М. А. Дьяконов сам говорит о крепостных детёнышах, что они «были крепки по своему крестьянству или бобыльству, т. е. по тем же основаниям, на которых создавалась крестьянская крепость». Они заносились в переписные книги со ссылкой на их происхождение. «Но в тех же кни-

¹ Лихачёв Н. Отрывок из расходных книг костромского Ипатьевского монастыря. Сборник Археологического института. Т. VI, стр. 7.

² Перетяткович Г. «Поволжье в XVII в.», стр. 93, 117; А. И., I, № 191. 1574 г.

³ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 302.

⁴ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 303.

⁵ Замысловский И. Извлечения из переписных книг, стр. 8.

⁶ Там же, стр. 232, прим. I.

⁷ Арсений, иеромонах. Доклады, грамоты и другие акты Троице-Сергиева монастыря. «Чтения Общества истории и древностей российских», кн. 3-я за 1867 г., стр. 8, прим. 21.

гах упоминаются ещё детёныши иного рода, — продолжает М. А. Дьяконов, — для доказательства прав на них писцы требовали представления крепостей».

А раз это так, делает вывод автор, то существовала ещё одна разновидность детёнышей, — это «детёныши-порядчики в отличие от детёнышей старинных и наймитов»¹.

Мне кажется, что нет оснований для того, чтобы устанавливать так много разновидностей детёнышей. Если дети крестьян и бобылей закреплены за владельцами, которым крепки их отцы, то их временное пребывание в детёнышах не меняло их правового положения, подобно тому как не менялось правовое положение крестьянина, отпущенного помещиком на оброк в город, где он мог наниматься, когда находил полезным и возможным. Детёныш-порядчик — это человек, поступивший на работу через формальный договор. Устное ли произошло соглашение или заключён письменный договор, от этого юридическая природа детёныша не меняется. Вопрос не в форме, а в содержании договора.

Наконец, сам М. А. Дьяконов приходит к выводу, в значительной степени уничтожающему его сложную классификацию. «Эти группы детёнышей, — пишет он, — различаются между собой лишь по способу зачисления их в состав монастырских детёнышей»².

Но если можно возражать против устанавливаемых М. А. Дьяконовым многочисленных видов детёнышей и сделать попытку несколько упростить вопрос, то всё же нельзя не согласиться с М. А. Дьяконовым в том, что есть детёныши, живущие в монастырях действительно с детства, по многу лет, и есть детёныши, нанятые на определённую работу недавно. Между первыми и вторыми, несомненно, была бытовая разница. Первых монастыри склонны были рассматривать как своих старинных детёнышей, во вторых видели временную рабочую силу. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, позволяющих установить правовое различие между этими двумя бытовыми группами детёнышей.

Место и роль детёныша в монастырском хозяйстве М. А. Дьяконов изобразил очень ярко. 1. Они прежде всего и чаще всего пашут монастырскую пашню («а в нём (починке Борок) живут монастырские детёныши для монастырские пашни»). На себя они никогда не пашут. 2. Есть детёныши беспашенные. Это ремесленники: епанечники, кожевники, кошохи, батраки, мельники, поваренные детёныши, застольные детёныши и, наконец, просто работники, которыми монастыри пользуются для всяких поручений. Все они кормятся за счёт хозяина и кроме того получают за свой труд деньги.

Несомненно, при большом разнообразии хозяйственных задач монастыря не может быть и речи о каком-либо однообразии в хозяйственном назначении детёнышей. Их нанимают для выполнения тех или иных работ, считаясь с их выучкой, если она у них была, чаще всего — на полевые работы.

В писцовой книге времени царя Фёдора Ивановича по Московскому уезду, можно сказать, не было монастырской вотчины, где бы ни упоминались детёныши, всегда с обозначением, что они пашут монастырскую пашню, которая систематически противопоставляется пашне крестьянской. Например: «Сельцо Никоново, а Никольское тожа, на речке на Выходне Фёдоровские вотчины Иванова сына Хобарова; а в сельце монастырском пашни монастырские добрые земли 6 четьи, пашут монастырские детёныши, да крестьянские пашни 4 четьи, да лесом поросло 48 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 150 копен».

¹ Писцовые книги XVI в. Ч. 1-я, стр. 60; ср. стр. 68, 82 и др. Изд. Географического общества, отд. I.

² Дьяконов М. Указ. соч., стр. 303—305.

Иногда детёныши пашут наездом: «Пустошь, что было сельцо Назаровское на речке на Вскходне; пашни паханные наездом на монастырь детёныши пахали средние земли 7 четьи, да лесом поросло 47 четьи в поле, а в дву потому ж, сена по р. по Вскходне 100 копен»¹.

Обычно монастырская земля так и распределялась: 1. «Пашня пахная, что пашут детёныши на монастырь». 2. «Крестьянская пашня». 3. «Пашня наезжая, которую иногда пашут «из найму» (сданная в аренду).

Детёныши называются иногда «воловиками»². «Да под Троецким под Сергиевым монастырём монастырские пашни паханные средние земли, пашут воловики монастырские, 350 четьи»... Тут же ещё два раза употреблён тот же термин. А при подведении общих итогов они же названы детёнышами: «А по старому письму ...пашни паханы средние земли, что пашут на монастырь детёныши — 390 четьи... а монастырские пашни, что пашут детёныши на монастырь средние земли убыло 40 четьи». Стало быть, 350 четьи, которые пахали воловики, — это те самые, которые обозначены в этих же итогах детёнышами³.

В писцовой книге 1592—1593 гг. по Переяславлю-Залесскому называются детёныши Троице-Сергиева монастыря, которые на монастырь косят сено⁴. Но что бы детёныши ни делали, они всегда работают не на себя, а на монастырь.

Возникают совершенно естественные и неизбежные вопросы, почему детёныши встречаются только в монастырях, почему их нет в светских вотчинах, почему они появляются как работники на монастырской пашне довольно поздно. На все эти вопросы едва ли можно дать точный ответ.

В монастырях издавна скоплялось значительное количество народа, или не находившего себе применения в других местах или связанного с монастырём как с учреждением специфическим. Мы могли наблюдать это явление ещё в киевское время. В уставе великого князя Всеволода о церковных судах и о людех и мерилах торговых 1125—1136 гг. мы уже видели довольно значительный перечень людей церковных: «игумен, игуменья, поп, диакон и дети их, попадья, чернец, черница, проскурница, нолонник (в другом варианте — пришлец), свещегас, сторонник, сленец, хромец, вдовица, пушенник, задушный человек, изгой». Прибавим на самом законном основании «и дети их» (конечно тех, кто имел право иметь детей)⁵. В более поздних источниках неоднократно встречаем при описании монастырей многочисленные кельи, в которых живут «нищие», питающиеся от церкви божьей⁶.

Но мы хорошо знаем, что весь этот приютившийся в монастыре, или, вернее, около монастыря, люд жил там не даром. Владимирский собор 1247 г. имел в виду совершенно конкретные факты, когда вынес постановление о запрещении слишком сильно эксплуатировать нищих («от нищих насилие деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая»). На одной купчей грамоте Кирилло-Белозёрского монастыря 1435—1447 гг. имеется собственноручная подпись нищего Ильи («А грамоту писал нишой Ильи»). В одном из докладов 1651 г. имеется очень интересное указание: «Да после Московского разоренья прислано в Троицкой монастырь с Москвы на корм бедных разорённых детей боярских

¹ Дьяконов М. Указ. соч., стр. 303—305.

² Воловики упоминаются также на стр. 286. Примечание. Тут же помещена цитата: «дв. воловика, 3 дв. детёнышей», из чего как будто вытекает, что воловик с детёнышем не смешиваются. Но из вышеприведённого текста явствует другое.

³ Писцовые книги XVI в., стр. 82—83.

⁴ Там же. стр. 842.

⁵ Владимирский-Буданов М. Хрестоматия. Вып. I, стр. 245. 1899.

⁶ Писцовые книги XVI в. Ч. 1-я, стр. 76. 279, 611 и др.

и недорослей, а иных свезли из Троицких вотчин, у которых отцы и матери посечены, остались сиротами и тех было человек с 600, и кормили их за столом. И как учинились в возрасте, и те ныне в Троицком монастыре в слугах и в служебниках»¹. В расходной книге Солотчинского монастыря упоминаются «конюшенного двора безродные сироты... которые посылаются во всяких посылках и в вотчины и за лошадьми». За Чудовым монастырём жили детёныши, взятые «после отцов и матерей в малых летах». В Вознесенском девичьем монастыре жили работники, взятые «за сиротством и за скудостью из крестьян для монастырской скотины»². В Соловецком монастыре, согласно житию Зосимы и Савватия и новгородским грамотам XV в., встречаются «корельские дети». В грамоте Соловецкому монастырю 1636 г. читаем: «И которые де трудники в молодых летах на монастырских огородах тружаются, а тех кормят и зиме держат в монастыре; а за монастырём кельи особые им не устроены...», «А которые трудники в Соловецком монастыре в молодых летах тружаются на монастырских огородах и в иных службах, и тем бы трудником келью велели устроить и кормить их, за монастырём особо»³. Несколько сот трудников было в Соловецком монастыре и в XX веке.

Монастырские дети или детёныши, таким образом, действительно являются спецификой монастыря. Светские вотчинники не располагали такими кадрами. Вот почему источники знают только монастырских детёнышей. Светские вотчинники тоже пользовались наёмным трудом, но своих наёмных работников они не имели никаких оснований называть детёнышами, так как это терминология чисто монастырская⁴.

На вопрос, почему писцовые книги заговорили о монастырских детёнышах довольно поздно, несмотря на то что само явление очень немолодое, можно ответить так: заговорили потому, что в жизни монастырей с определённого времени детёныши стали играть очень заметную роль, более заметную, чем раньше. И это явление находит себе объяснение в изменениях, какие переживало сельское хозяйство в России и в других странах Европы. Оно возникло вместе с появлением собственной монастырской пашни и ростом её удельного веса.

Тут может быть использовано замечание Н. А. Рожкова. Когда землевладельцы светские и духовные почувствовали необходимость увеличить производство хлеба, они оказались не в равных условиях; в распоряжении монастырей оказалось больше рабочих рук для обработки монастырских полей, и монастыри использовали этот ресурс, заставив «детей» пахать монастырскую пашню. А затем и вновь привлечённые на эту работу люди стали называться детёнышами. Монастыри использовали не только рабочую силу, но и термин, родившийся в монастырской обстановке.

Привлекая своих детёнышей на свою пашню, монастырь имел ещё одну выгоду. Он мог смело и точно утверждать, что для обработки своей земли он не отвлекает плательщиков государевых податей — крестьян, а свою землю на себя, на собственный обиход, «пашет собою».

Правительство резко различало эти два способа обработки собствен-

¹ Арсений, иеромонах. Доклады, грамоты и другие акты о службах Троицкого Сергиева монастыря. «Чтения...», кн. 3-я за 1867 г., стр. 3—4.

² Дьяконов М. Указ. соч., стр. 299.

³ Досифей, архимандрит. Описание Соловецкого монастыря 1853 г. Ч. 1-я, стр. 267 (разрядка моя. — Б. Г.).

⁴ В светских вотчинах детёнышам, быть может, соответствуют «вскормленники» и «найденщики», которых светские землевладельцы считали своими крепостными. Порядок 8 декабря 1640 г. Рукопись Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина; Дьяконов М. Акты тяглого населения № 25, 46. Обручева-Анциферова Т. Жилые записи. ЖМНП № 2 за 1917 г., стр. 257, отд. II, прим. 1.

ной монастырской пашни. Крестьян оно облагает податями, детёнышей не облагает.

В 1586 г. по челобитью печерского Псковского монастыря царь Фёдор Иванович освободил монастырскую пашню от тягла на том основании, что она обрабатывается не крестьянами, а пашут её «собою». Тому же монастырю удалось освободить и другую свою пустошь на том же основании. Троицкий монастырь находился в таком же положении. В приправочных книгах 1594 г. сказано: «А платити им государевы подати с живущего с 11 четь, опричь того, что пашут детёныши». В 1598 г. царь Борис Фёдорович пожаловал Троицкий Сергиев монастырь: «...велел государь тое монастырскую пашню живущую и с тем, что пашут детёныши на монастырь в Московском уезде и в иных городах обелить и из сошного письма выложить... а крестьянские пашни и служни со всею, которою пашню крестьяне и служки пашут на себя, посошные люди и денежные доходы и всякие мелкие разметы по сошному разводу велел государь имати по прежнему», «Пахать на монастырь пашня своими детёныши, а крестьян на той на обельной земле не сажать»¹.

Согласно этому постановлению, последовало распоряжение о точном разделении монастырской земли на две категории: на пашню крестьянскую и пашню на монастырь, «что пашут детёныши»².

При решении вопроса о соотношении различных видов эксплуатации монастырской земли необходимо иметь в виду общий план монастырского хозяйства. Крупные монастыри, владеющие огромными пространствами земли, разбросанной во многих и часто далеко друг от друга отстоящих местах, заводили свою собственную пашню в тех или иных размерах по соображениям, нам неизвестным. Вероятно, тут принимались во внимание и качество земли, и удобства путей сообщения, и многое другое. Поскольку нам эти мотивы неизвестны, мы не можем и объяснить столь различное соотношение различных видов эксплуатации монастырской земли.

В конце XVII в. детёныши вместе с другими, до сих пор не платившими податей категориями земледельческого населения, были положены в тягло. Пётр Великий завершил начатое до него дело.

Общий вывод относительно детёнышей напрашивается сам собой:

1. В монастырских хозяйствах в момент возникновения и расширения собственной запашки были использованы люди, с детства попадавшие на иждивение монастырей. Отсюда появление термина «монастырский детёныш».

2. Монастырскими детёнышами стали называться и работники, привлечённые по найму для обработки собственной монастырской пашни.

3. Функциями сельскохозяйственных работников обязанности детёнышей не исчерпывались. Среди детёнышей есть и ремесленники и слуги, выполняющие различные поручения монастырской администрации.

4. Монастырским детёнышам соответствуют в светских вотчинах категории работников, привлекаемые на работу либо в виде открытого найма либо в замаскированной форме серебреничества.

¹ Шляпки И. Описание рукописей Псковской архивной комиссии, стр. 11.

² Дьяконов М. Указ. соч., стр. 311.

ПОЛИТИКА КРОМВЕЛЯ В ИРЛАНДИИ 1649—1650 ГОДОВ

Проф. В. Семёнов

I

Ирландская кампания 1649—1650 гг. занимает особое место в войнах Кромвеля. Она и территориально происходила вне Англии и по характеру самых военных операций походила более на внешнюю, чем на внутреннюю, гражданскую войну. Классовая борьба английской революционной буржуазии с феодальным дворянством здесь была осложнена и даже оттеснена на второй план национальным и колониальным моментами. Однако нельзя забывать, что сторонники Карла I с самого начала 40-х годов рассматривали Ирландию как один из своих главных оплотов, как источник резервов в борьбе с Долгим парламентом. В 1649 г., в связи со смертью Карла I и провозглашением английской республики, в Ирландии особенно активизировались монархические группировки. Карл II был признан официально королём Ирландии. Кавалеры проектировали высадку в Ирландии континентальных войск под командованием герцога Лотарингского, чтобы потом из Ирландии пойти крестовым походом на Англию. Выбить у кавалеров почву из-под ног в Ирландии было важной политической задачей Кромвеля и английской республики. Но это не являлось единственной целью похода на «Зелёный остров».

Подчинение Ирландии английскому господству, закрепление и расширение английской колонизации и английского землевладения в Ирландии — вот основная цель кромвелевских войн 40—50-х годов. В своей ирландской политике Кромвель восстанавливал и настойчиво продолжал елизаветинские традиции превращения Ирландии в первую английскую колонию. По существу, Кромвель также продолжал и развивал дальше колонизаторскую политику своего ближайшего предшественника и политического противника — лорда Страффорда, бывшего лордом-лейтенантом Ирландии незадолго до революции. Страффорд за семилетний срок своего наместничества в Ирландии (1633—1640) значительно расширил площадь английской и шотландской колонизации в Ирландии. Не только Ольстер на севере и Лейнстер на востоке, но и Коннаут на северо-западе и Мэнстер в центре и на юге Ирландии стали ко времени революции ареной широкой английской колонизации. Страффорд расширил и укрепил английскую администрацию и суд в Ирландии. Ему принадлежала идея образования в Ирландии постоянной англо-ирландской армии.

Восстание ирландцев 1641 г. на время прервало развитие английской колонизации. В 1641—1642 гг. образовалась ирландская конфедерация General Association of the confederated catholics, которая в сентябре 1643 г. провозгласила полное отделение (secession) Ирландии от английского парламента. Казалось, что английскому господству в Ирландии приходил конец. Всего два города — Дублин и Дерри — оставались под властью парламента летом 1649 года. Таким образом, перед Кромвелем стояла задача снова завоевать весь остров, чтобы затем превратить его полностью в английскую колонию.

У Кромвеля никогда не было принципиальных колебаний в ирландском вопросе. Его взгляд на ирландцев как на своего рода низшую (по

сравнению с англичанами) расу, его признание «права» англичан заселять Ирландию и вытеснять туземное население не представляли собой чего-либо оригинального и отражали обычные, широко распространённые взгляды на этот счёт тогдашних господствующих классов Англии. Враждебное отношение к ирландцам у Кромвеля облекалось лишь в особенно яркие идеологические формы. В ирландском вопросе, как и во многих других, Оливер был представителем «ультрапротестантской точки зрения»¹. В Ирландии Кромвель видел один из главных очагов «папизма», злейшего врага «протестантской религии». Разве только к Испании относился Кромвель с такой же ненавистью.

Как и многие его современники, Кромвель был склонен поддерживать мнение о крайней отсталости ирландцев². Он на всю жизнь запомнил ирландские события 1641 г., когда в результате восстания ирландцев погибли многие англо-шотландские поселенцы в Ольстере. В представлении Кромвеля это восстание навсегда осталось как «самая варварская резня»³ (the most barbarous massacre).

Обвиняя ирландцев в жестокости, Кромвель не видел ничего неестественного и несправедливого в завоевательной и колонизаторской политике англичан. Наоборот, в своих декларациях и прокламациях он склонен был рисовать идиллическую, противоречащую действительности картину мирного внедрения английских колонистов в Ирландию, легального приобретения ими земельного и прочего имущества, распространения на туземцев благ английской цивилизации и порядка. «Они (англичане.— В. С.) мирно и честно жили среди вас,— писал Кромвель в одной из деклараций.— Вы имели вместе с ними одинаковое покровительство Англии, равный суд и законы»⁴. Чувство вражды, пренебрежения к ирландцам, привитое Кромвелю ещё с молодых лет и укрепившееся затем в результате целого ряда социальных, политических и религиозных идеологических моментов, часто самым откровенным образом высказывалось генералом. Выступая 23 марта 1649 г. в Государственном совете, Кромвель ответил полным согласием на предложение возглавить поход в Ирландию и при этом заявил: «Я предпочёл бы быть побеждённым скорее кавалерами, чем шотландцами, но даже шотландцами скорее, чем ирландцами. Я считаю их (ирландцев.— В. С.) наиболее опасными из всех... Всеми миру известно их варварство»⁵.

По приезде в Ирландию Кромвель обратился к английским колонистам Дублина с речью, в которой торжественно обещал «восстановить их свободу и имущество» и спасти их «от варварских и кровожадных ирландцев»⁶.

Момент национальной вражды и колониального порабощения окрашивается в реакционный цвет всю ирландскую экспедицию 1649—1650 годов. Подавление левеллерского движения весной 1649 г., во время самых горячих приготовлений к походу в Ирландию, также накладывало отпечаток реакции на новую экспедицию. Наиболее революционные элементы из солдат кромвелевской армии отказывались принимать участие в походе в Ирландию. Часть солдат соглашалась участвовать в походе, явно прельщённая перспективой грабежа Ирландии и обогащения за счёт ирландцев⁷.

¹ Ashley M. Oliver Cromwell, p. 169. 1937.

² О «варварстве» ирландцев писали в своё время много также Рэлей, Спенсер и Мильтон, виднейшие представители английской буржуазной публицистики XVI—XVII веков.

³ Декларация Кромвеля об Ирландии от начала 1650 г. см. у Abbott. The writings and speeches of Oliver Cromwell. Vol. II, p. 197—198.

⁴ Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 197.

⁵ Ibidem, p. 38—39.

⁶ Ibidem, p. 107.

⁷ Pease. The Leveller movement, p. 289, 1916; см. также Prendergast. The Cromwellian Settlement of Ireland, p. 227—228, 3-d ed. 1922.

Выделяясь из других военных кампаний Кромвеля названными особенностями, ирландская экспедиция 1649—1650 гг. тем не менее составляла важное звено в военно-политической деятельности Оливера. Это была большая, длительная и довольно сложная кампания, в которой Кромвель в качестве главнокомандующего экспедиционным корпусом и «лорда-лейтенанта» Ирландии обладал всей полнотой военной и гражданской власти. Его самостоятельность и полная зрелость как военного и политического деятеля проявились в этой войне в большей степени, чем во всех предшествующих операциях, когда Кромвель формально даже и не был главнокомандующим.

Кромвель с самого начала отдавал себе отчёт в серьёзности и сложности ирландской войны. Многочисленность врагов парламента в Ирландии, трудности транспорта, снабжения, коммуникаций для английской армии — всё это заставило его особенно тщательно готовиться к ирландскому походу.

Своё согласие взять на себя командование войсками в Ирландии Кромвель обусловил предоставлением ему парламентом достаточных финансовых средств. В этом отношении он был твёрд и неумолим, отказываясь покинуть Англию, прежде чем парламент не выплатит полностью обещанные суммы.

Кампания потребовала громадных расходов. 7 апреля 1649 г. парламентом было утверждено на расходы для ведения войны в Ирландии специальное обложение в 540 тыс. ф. ст., которые должны были быть собраны в течение шести месяцев. Под залог этого имеющего быть собранным налога был сделан заём у лондонского Сити. Кроме того на содержание экспедиционной армии должны были пойти средства от продажи капитульских и деканских земель. В июне был назначен новый налог в форме акциза в сумме 400 тыс. ф. ст. также на покрытие расходов по экспедиции¹.

Кромвель, как обычно, сам вникал во все подробности вооружения, экипировки, снабжения своей армии, вплоть до устройства кораблей и качества материала. В конце концов громадная флотилия, своего рода «новая великая Армада»² в количестве 130 судов с 10 тыс. солдат, большим количеством пушек, запасом пороха и продовольствия, 13 августа 1649 г. покинула берега Англии. 15 августа английские суда благополучно достигли берегов Ирландии и высадились близ Дублина.

Этой объединённой, дисциплинированной, хорошо подготовленной в техническом отношении армии, во главе которой стоял прославленный многими победами полководец, противостояли многочисленные, но весьма слабо организованные, раздробленные, не доверявшие друг другу ирландские, англо-ирландские и шотландско-ирландские военные, преимущественно нерегулярные, силы. Военная раздробленность противников Кромвеля отражала политический хаос, царивший на острове в течение всех 40-х годов.

Ирландия представляла собой пёструю смесь различных национальностей, религиозных группировок и политических партий, до фанатизма ненавидевших английский парламент, но совершенно неспособных сговориться друг с другом для совместной борьбы с общим врагом. Когда Кромвель прибыл в Ирландию, он застал там такую картину. Во главе Ирландии официально стоял вице-король граф Ормонд, представитель недавно провозглашённого королём Карла II Стюарта. Ормонду частью в 1648, частью в 1649 г. удалось на некоторое время организовать ирландский блок для борьбы с английской республикой. В него входили: английские протестантские помещики в Ирландии (среди них наиболее влия-

¹ Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 84, 94—98.

² Ibidem, p. 104.

тельным был граф Инчикуин в провинции Мэнстер); англо-шотландские землевладельцы в Ольстере во главе с Джорджем Мэнро; английские католики в Ирландии во главе с Томасом Престоном и, наконец, присоединившийся с большой осторожностью и после долгих колебаний вождь ольстерских ирландцев-конфедератов Оуэн О'Нейл. Блок не был прочен. Среди английских протестантов в Ирландии многие были недовольны заключением соглашения с «папистами». Среди таких недовольных особенно выделялись в Мэнстере лорд Брокхилл и два полковника — Таунсенд и Пиготт — из свиты Инчикуина. С другой стороны, в среде ирландцев-католиков ожесточённое сопротивление блоку с протестантами оказывало католическое духовенство, возглавлявшееся папским нунцием итальянцем Джованни Ринучини¹.

Раздробленность сил противника значительно облегчала Кромвелю разрешение его задачи. Другим важным обстоятельством, сразу ставившим его в выгодное положение, было поражение войск Ормонда, происшедшее 2 августа 1649 г., незадолго до отъезда Кромвеля из Англии. Парламентский генерал Майкл Джонс разбил Ормонда недалеко от Дублина (at Rathmines) и тем самым обеспечил Кромвелю безопасный плацдарм на восточном побережье Ирландии для дальнейшего наступления на остров в южном и югозападном направлениях. Вместе с войсками Джонса и своей собственной армией, доставленной из Англии, у Кромвеля стало уже 17 тыс. чел., как показал смотр солдат в Дублине 31 августа 1649 года. Этих сил было вполне достаточно, чтобы начать немедленно операцию по завоеванию острова. Но прежде чем начать военные действия, Кромвель прибег к довольно сложной дипломатии. Его агенты не жалели средств, чтобы усилить взаимное недоверие между главными противниками английского парламента в Ирландии — О'Нейлем, с одной стороны, и Ормондом — с другой². Агенты Кромвеля ещё до отправления генерала в Ирландию также начали переговоры с лордом Брокхиллом и полковником Таунсендом и сразу же встретили благоприятную почву³.

Не ограничиваясь этим, Кромвель пытался изолировать наиболее крупных англо-ирландских землевладельцев и самих ирландских вождей от массы ирландского населения, прежде всего крестьянства. В этом отношении интересным документом является декларация Кромвеля от 24 августа 1649 года. Декларацией категорически запрещалось солдатам грабить и захватывать какое-либо имущество местных жителей, за исключением тех, кто воюет с оружием в руках против парламента. Всем мирным жителям страны, включая джентльменов, англо-ирландских и ирландских крестьян (farmers), гарантировалось сохранение жизни и имущества. За доставленные в армию Кромвеля продукты солдаты должны были уплачивать наличными деньгами. Распределение налогов в стране Кромвель обещал производить пропорционально имуществу. Всем жителям Ирландии было предложено с 1 января 1650 г. зарегистрировать свою земельную собственность у английских властей в Дублине и других местах «для получения дальнейшего покровительства английских законов»⁴.

Как показали дальнейшие события, декларация от 24 августа 1649 г. (равно как и последующие декларации-манифесты Кромвеля) не примирили ирландцев с английским владычеством. Страна не отказалась от сопротивления завоевателю. В Ирландии хорошо знали о планах англий-

¹ В феврале 1649 г. Ринучини покинул Ирландию, но у него оставалось тем не менее много сторонников.

² Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 83—84.

³ Ibidem, p. 105.

⁴ Ibidem, p. 111—112.

ского парламента захватить и поделить между англичанами ирландскую землю¹.

Кромвель своей политикой «искоренения папизма» в Ирландии немало способствовал в дальнейшем осложнению отношений с местным населением. Категорический отказ генерала допустить латинскую мессу «там, где существует власть английского парламента»², ярко характеризует Кромвеля как пуританина, но едва ли свидетельствует о реализме его политики в отношении к стране, где католическая вера являлась национальной религией.

Всё же известную и довольно значительную роль августовская декларация сыграла особенно на первое время и в восточных районах Ирландии. Среди крестьян Восточной Ирландии, где помещики по происхождению были преимущественно из англо-ирландцев, на первое время могла возникнуть иллюзия, что Кромвель не намеревается «обижать» поселян, что английские войска будут иметь дело лишь с крупными землевладельцами и городами, оставив в покое «простых людей», даже предоставляя им возможность выгодного сбыта их сельскохозяйственных продуктов. По мнению новейшего биографа Кромвеля — Эббота, «ни один удар Кромвеля по его противникам в Ирландии не был так эффективен, как эта хитрая, искусно составленная декларация»³.

Обещанием расплачиваться наличными деньгами за представляемые в его лагерь продукты (что в общем англичанами выполнялось) Кромвель разрешал в значительной степени задачу регулярного снабжения своей армии⁴. 27 октября 1649 г. Кромвелем была издана новая прокламация, которой запрещалось отбирать силой у крестьян сельскохозяйственный инвентарь, лошадей, семена и т. п.⁵.

Военные действия в Ирландии начались осадой и штурмом крепости Дрогеда, находящейся в 29 милях к югу от Дублина. Захват Дрогеды с военной точки зрения мало интересен. Тройное превосходство в войске, наличие у Кромвеля тяжёлых орудий, которых не было у осаждённых, поддержка с моря флотом обеспечили английским парламентским войскам быструю победу. Разбитый незадолго до того Джонсом Ормонд не смеливался встретиться с Кромвелем в открытой битве и рассчитывал лишь на стены крепостей, не имея возможности усилить их гарнизоны.

3 сентября 1649 г. начался артиллерийский обстрел Дрогеды. После того как была пробита большая брешь в южной стене, солдаты Кромвеля штурмом взяли город. Это было 10 сентября 1649 года. Во главе Дрогеды стоял роялист, опытный генерал Артур Эстон, когда-то участвовавший в Тридцатилетней войне на стороне Густава Адольфа. Его солдаты, частью англо-ирландцы, частью ирландцы, сражались храбро, но были сломлены превосходящими силами английских войск. Кромвель так описывал взятие крепости: «Они оказали упорное сопротивление. Первая тысяча наших людей, проникших в крепость, должна была отступить. Но бог придал новое мужество нашим людям, они снова ворвались в крепость и разбили неприятеля в его укреплениях»⁶.

Не особенно интересный как военный эпизод, штурм Дрогеды любопытен с политической стороны. Он сопровождался жестокой резнёй. Кромвель неожиданно (после того что мы знаем о его войнах в Англии и Шотландии в 1642—1648 гг.) проявил себя здесь как самый жестокий, фанатичный и безжалостный завоеватель. «Ни один из эпизодов граж-

¹ Об этом ясно говорил, например, Клонмакнозский манифест ирландского церковного съезда от 4 декабря 1649 г., указывавший на сбор денег в Англии для займов парламенту под залог имеющих быть конфискованными ирландских земель.

² Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 146.

³ Ibidem, p. 112.

⁴ Ibidem, p. 113.

⁵ Ibidem, p. 154.

⁶ Письмо спикеру Лентоллу от 13 сентября 1649 года.

данской войны, — пишет названный выше Эббот, — не похож так на те страшные боины, к которым привыкла Европа во время Тридцатилетней войны, как это взятие Дрогеды»¹. «Дрогеда — самый мрачный эпизод в жизни Кромвеля»², — замечает Бьюкен, другой современный нам биограф Кромвеля. Ни один город, когда-либо взятый Оливером до этого, не подвергался такой страшной участи, как Дрогеда. От трёхтысячного гарнизона в живых оставалось всего несколько сот, да и те были сосланы на о. Барбадос, где их продали в рабство. Но перебито было много и мирных горожан, в частности всё католическое духовенство. В письме к спикеру парламента Кромвель сам признавался, что он сгоряча (*being in the heat of action*) запретил щадить всякого, кто будет найден с оружием. «Я думаю, — признавался он, — что в ту ночь было поражено мечом не менее 2000 человек»³. Около сотни защитников Дрогеды, не пожелавших сдаться, были сожжены живыми в колокольне церкви св. Петра, где они укрывались. «Я уверен, что это был праведный суд божий над этими варварами, обогрившими свои руки в невинной крови»⁴, — мотивировал Кромвель свою жестокость ссылкой на ирландскую расправу с английскими колонистами в октябре 1641 года.

В другом письме, к председателю Государственного совета Бредшоу, Кромвель указывал ещё на другую причину этого террора. Он желал преподать ирландцам «урок», чтобы скорее сломить их сопротивление: «Браг теперь исполнен ужаса. Я полагаю, что эта жестокая мера спасёт от большего пролития новой крови»⁵.

Последний расчёт Кромвеля был, конечно, неправильным. Через месяц, 14 октября 1649 г., Кромвель ещё раз повторил свою «расправу» с побеждённым противником, взяв следующую большую крепость на восточном побережье Вексфорд и перебив там на городской площади также не менее 2 тыс. человек⁶. И всё же несмотря на «два урока» — Дрогеды и Вексфорда — сопротивление ирландцев продолжалось и даже усилилось, хотя силы их были раздроблены и плохо организованы. Первое время население более близких местностей и небольших городов, расположенных к югу от Дрогеды и Вексфорда, было охвачено таким ужасом, что несколько пунктов сдались без сопротивления. Такое именно положение было в октябре 1649 года. Но по мере дальнейшего продвижения английских войск, особенно в глубь острова, ирландцы снова стали оказывать упорное сопротивление. Дрогеда и Вексфорд призывали к мести.

Сторонники Ормонда из числа протестантских английских помещиков-роялистов утратили руководящую роль в этой борьбе. На первый план выступили местные ирландские элементы, которые видели, что никакой компромисс с врагом для них невозможен. Ирландская кампания затянулась. План Кромвеля одним ударом взять Ирландию был сорван. Понадобились долгие месяцы борьбы, чтобы сломить отчаянное сопротивление противника. Большую помощь ирландцам в обороне оказывала сама природа их собственной страны. Страна гор и болот, с плохими, часто непреходимыми, особенно в определённые сезоны года, дорогами, усеянная множеством мелких замков и укреплений на возвышенных местах, Ирландия была как бы нарочно приспособлена для ведения партизанской войны. Ирландские отряды, преимущественно в форме дружин, во главе с клановыми вождями, не объединённые, но многочисленные, не могли, конечно, оказать неприятелю серьёзного сопротивления в откры-

¹ Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 121.

² Buchan. Oliver Cromwell, p. 281. 1934.

³ Письмо Лентоллу от 17 сентября 1649 г.; Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 126.

⁴ Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 127.

⁵ Письмо к Бредшоу от 16 сентября 1649 г.; Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 125.

⁶ Письмо Лентоллу от 14 октября 1649 г.; Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 142.

той полевой битве, но они умело уклонялись от преследования, нападали непрерывно на отдельные части английской армии, истощали и утомляли врага мелкими схватками. «Враг был всюду и нигде, его нельзя было найти, когда его искали, и он появлялся неожиданно, когда считали, что он уже исчез»¹.

С большим упорством и храбростью ирландцы обороняли те крепости, которые были в их распоряжении на юговостоке Ирландии. Скоро Кромвелю пришлось столкнуться с серьезными трудностями. Уже в конце октября Кромвель встретил упорное сопротивление крепости Денканон, которая, получив некоторую помощь от Ормонда, устояла и не сдалась парламентским войскам. Это была первая неудача Кромвеля в Ирландии, имевшая большое морально-политическое значение. Дух противников Кромвеля на некоторое время поднялся. В кромвелевской армии, наоборот, почувствовалось заметное разочарование и утомление. Ещё более упорное сопротивление войскам Кромвеля оказал портовый город Уотерфорд, тоже на юговостоке Ирландии. Климатические условия были против Кромвеля. Сырая осенняя и зимняя погода послужила причиной эпидемий в английском лагере. Солдаты Кромвеля болели малярией, дизентерией и особой местной тяжёлой, злокачественной лихорадкой. Английские полки начали таять от болезней.

Если бы ирландцам удалось в это время объединить по-настоящему свои силы и создать регулярную, концентрированную армию, положение английской армии могло бы стать совершенно критическим. Но как раз этого объединения попрежнему не было. Больше того, осенью Кромвелю удалось добиться важного дипломатического успеха. Ему удалось привлечь на сторону английского парламента большую часть протестантских лидеров провинции Мэнстер, отходивших теперь полностью от Ормонда, а также англо ирландское население ряда прибрежных южноирландских городов. Первыми на сторону Кромвеля перешли названные выше лорд Брокхилл и полковник Ричард Таунсенд, стоявшие во главе мэнстерских протестантов. Они стали агентами Кромвеля по вербовке на его сторону других колеблющихся элементов. Благодаря активности Таунсенда под власть английской республики добровольно перешёл 16 октября 1649 г. значительный город на юге Ирландии — Корк. За Корком последовали ещё несколько городов на юге и юговостоке Ирландии, также подчинившихся власти парламента. В середине ноября 1649 г. английский парламента контролировал всё восточное и часть южного побережья Ирландии, от Бельфаства на севере до Корка на юговостоке, за исключением Уотерфорда, продолжавшего упорно сопротивляться.

II

Наступила сырая ирландская зима. Погода становилась всё хуже. Зимовка для английских войск была очень тяжёлой. Сам Кромвель провёл зиму в небольшом южном городе Юфель (Youghal). Неподальку от него, в той же провинции Мэнстер, зимовал в г. Килькени герцог Ормонд, несколько пополнивший и реорганизовавший свои войска.

Недостаток продовольствия и денег, нужда в новых людских пополнениях ощущались в английской армии довольно остро, хотя наличие большого английского флота, сохранившего регулярную связь с метрополией, не давало положению дойти до крайности. Кромвеля больше беспокоил не столько даже недостаток продовольствия, сколько эпидемия, продолжавшая жестоко свирепствовать в течение всей зимы среди его солдат. «Скажу вам прямо, — писал он спикеру 25 ноября, — большая часть солдат вашей армии пригодна более для госпиталя, чем для битвы»².

¹ Baldock T. Cromwell as a soldier. p. 375. 1899.

² Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 173.

Только к концу зимы положение оккупационной армии улучшилось. Из Англии были получены, наконец, необходимые денежные средства. В течение зимы по графствам в Англии были произведены новые наборы солдат. Уже в феврале 1650 г. Кромвель получил значительные подкрепления. В марте число заболеваний в его армии уменьшилось, а в апреле эпидемия совсем прекратилась.

Между тем Кромвель не терял времени и в зимние месяцы. Он продолжал использовать в своих интересах раздробленность своих врагов и стремился всеми средствами привлечь англо-ирландцев и часть ирландцев на свою сторону.

В январе 1650 г. Оливером была опубликована новая декларация с характерным заглавием: «К обманутому народу Ирландии». В этой декларации Кромвель полемизировал с католическими ирландскими епископами, призывавшими ирландцев к борьбе против власти английского парламента и за сохранение католической веры¹. Декларация снова обещает «защиту имущества, свободы и жизни» тем из ирландцев, которые не являются активными участниками (actors) борьбы. Кромвель обещает обеспечить им возможность спокойно заниматься сельским хозяйством (husbandry), торговлей и промышленностью. В конце декларации Кромвель обещает всей Ирландии освобождение от нищеты и бедствий в случае, если «партии убийств» (прелаты) будут изгнаны из Ирландии и вся страна покорится власти английского парламента².

Можно сомневаться в том, что январская декларация 1650 г. после всего того, что произошло в Ирландии со времени взятия Дрогеды, произвела очень большое впечатление на самих ирландцев. Католическое духовенство продолжало попрежнему пользоваться большим авторитетом в ирландских народных массах. Но организация ирландских католиков в это время переживала кризис.

В декабре 1649 г. умер старый Оуэн О'Нейл — и у ирландцев на некоторое время совсем не осталось авторитетного вождя. Ирландские епископы могли призывать население к борьбе с Кромвелем и английским парламентом, но они были бессильны создать единое военное и политическое руководство для всей Ирландии. Не оказав особого действия на ирландских католиков, кромвелевская декларация 1650 г. произвела сильное впечатление на английских протестантских союзников ирландцев. Ормонд ещё пытался попрежнему объединить протестантов Ирландии против Кромвеля. Но пример Брокхилла, Таунсенда и их друзей влиял на других помещиков и всенных из числа англо-ирландцев. В начале 1650 г. они окончательно повернули от союза с ирландцами к союзу, вернее к подчинению Кромвелю и английскому парламенту.

В своей декларации 1650 г. Кромвель подчеркнул перед англо-ирландскими протестантами общность их взглядов с программой индепендентской республики. В частных переговорах через своих агентов Кромвель касался реальных имущественных и сословно-политических интересов английских землевладельцев в Ирландии. В конце концов весной 1650 г. ему удалось заключить очень важное соглашение с Инчичуином, возглавлявшим всю «партию протестантов» провинции Мэнстер. Брокхилл и Таунсенд были ближайшими помощниками Кромвеля в ведении этих окончательных переговоров.

26 апреля 1650 г. Кромвель заключил формальный договор с «протестантской партией в Ирландии». Согласно этому договору, английские (или англо-ирландские) землевладельцы Мэнстера признавали власть английского парламента и отказывались от дальнейшей войны с ним, за что им гарантировалось сохранение их земельного и прочего имущества, сохра-

¹ Кромвель имел в виду манифест, выпущенный съездом епископов, происходившим в ирландском городе Клонмакноиз 4 декабря 1649 года.

² Декларация вскоре была перепечатана в Лондоне. Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 196, 205.

нение оружия, воинских званий и т. п. Тем самым в Мэнстере было окончательно устранено влияние Ормонда и кавалеров. Новое соглашение отнимало у ирландцев всякую надежду на получение ими какой-либо серьёзной помощи от английских роялистов. Ирландцы теперь могли рассчитывать исключительно на свои местные силы. Они ещё продолжали и дальше своё сопротивление. Они попрежнему проявляли в борьбе с завоевателями храбрость и геройство. Но их силы были уже надломлены, и их сопротивление несмотря даже на отчаянное упорство не смогло изменить исхода дела. Регулярная, прекрасно вооружённая, концентрированная армия английской республики, возглавляемая Оливером Кромвелем, была разрозненные полуфеодалынные полукрестьянские партизанские отряды ирландцев, довершая подчинение «Зелёного острова» английскому колониальному господству.

С конца января — начала февраля 1650 г. Кромвель возобновил военные операции на юге Ирландии. Его задача в новом военном году состояла, во-первых, в том, чтобы окончательно очистить южное побережье Ирландии; во-вторых, английским войскам необходимо было проникнуть внутрь самого Мэнстера и выбить ирландцев из наиболее важных опорных пунктов этой важнейшей ирландской провинции. Первая задача решалась сравнительно легко. Небольшие города южного побережья: Фетард, Кешель, Келлен, Кагир и другие — быстро перешли под власть Кромвеля.

Характерно что Кромвель, спешивший закончить весеннюю кампанию возможно скорее, легко соглашался теперь на льготные условия капитуляции (по сравнению с кампанией 1649 г.). Даже католическому духовенству сохранялись жизнь и право отправления культа. Взятые города не подвергались грабежу. Городам оставлялось их прежнее муниципальное управление. С гораздо большими трудностями были взяты внутренние города Мэнстера — Килькени и Клонмел. Город Килькени, центр графства того же названия, был взят Кромвелем 28 марта 1650 г., но лишь в результате двукратного штурма. Капитуляция происходила и здесь на льготных условиях. Солдатам, защищавшим город, была даже предоставлена возможность уйти с оружием. Штурм Клонмеля 9 мая 1650 г. был совершенно неудачен. Гарнизон города, во главе которого стоял племянник умершего Оуэна О'Нейля — Хью О'Нейль, насчитывал всего около 1200 человек. Тем не менее, используя выгодное стратегическое положение города, он отбил атаку превосходящих по численности сил Кромвеля. Английские войска потеряли до 2 тыс. убитыми, по некоторым отчётам, даже до 2½ тысяч¹. По выражению Айртона, «это было самое жестокое сопротивление, которое когда-либо мы встречали в Англии или здесь (в Ирландии. — В. С.)»².

В конце концов Хью О'Нейлю удалось благополучно вывести весь гарнизон в направлении к г. Уотерфорду. Городскому мэру О'Нейль оставил практические инструкции для переговоров с Кромвелем об условиях капитуляции города на наиболее приемлемых для горожан условиях. Кромвель пошёл на эти условия (сохранение жизни и имущества горожан и оставление самоуправления города) несмотря на всё своё раздражение против о'нейлистов.

По мнению Эббота, осада Клонмеля была самым неудачным эпизодом во всей военной карьере Кромвеля³. Всё же с захватом Килькени и Клонмеля и подчинением Кромвелю ирландских (точнее англо-ирландских) роялистов-протестантов («Протестантской партии в Ирландии») завоевание Ирландии в основном было осуществлено. Правда, в руках ирландцев

¹ Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 252.

² Buchan. Oliver Cromwell, p. 284; Cp. Gardiner. History of the Commonwealth, Vol. I, p. 156.

³ Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 252.

оставались ещё на юге некоторые военные центры, вроде Уотерфорда и Лимерика. В западной половине Мэнстера оставалась ещё часть Ирландии, которая была вне контроля завоевателей. Но довершить завоевание англичанам после Кромвеля было уже нетрудно.

Преемники Кромвеля — генерал Айртон, а в дальнейшем генерал Флитвуд — в течение первой половины 50-х годов полностью покорили «Зелёный остров».

12 августа 1652 г. Долгий парламент издал один из последних своих актов об устройении Ирландии (the settlement Ireland), по которому большая часть ирландских земель подлежала конфискации в пользу английской республики.

Часть ирландских землевладельцев за участие в борьбе против английского парламента теряла полностью все свои владения; второстепенные участники войны наказывались лишением двух третей или одной трети земельного имущества; «нейтральные» лица, принадлежавшие к «папистской религии» и не проявившие своей «преданности интересам английского парламента», теряли одну пятую своих земельных владений¹.

Дополнительным актом от 25 августа 1652 г. разъяснялось, что конфискованные ирландские земли предназначены для удовлетворения претензий офицеров и солдат парламентской армии и различных кредиторов английской казны, услугами которых Долгий парламент пользовался в течение гражданской войны. Преемник Долгого парламента, Малый парламент, 26 сентября 1653 г. принял новый акт об ирландских землях, вводивший всюду в Ирландии английские формы землевладения и сгонявший массы ирландского населения с плодородных и удобных земель на худшие места острова².

Так заложены были основы «английского лэндлордизма в Ирландии», сыгравшего такую громадную роль в последующей истории Великобритании. «Ирландия является главной крепостью английского лэндлордизма»³, — неоднократно указывал Маркс.

«Устройство» Ирландии в 1652—1653 гг. логически вытекало из политики Кромвеля, проводимой им в Ирландии в период 1649—1650 годов. Кромвель тогда уже сам направлял колонистов в Ирландию. Ещё в 1649 г., после первых побед над ирландцами, он писал в Лондон о немедленной присылке в Ирландию английских колонистов, «честных людей, которые могли бы поселиться здесь и обрабатывать землю, где для них имеется много удобных готовых домов и всяких приспособлений (accomodations), необходимых в их занятии»⁴.

С ведома Кромвеля и в значительной степени при его непосредственном участии происходила подготовка и издание актов ирландского земельного законодательства. Под его же контролем производился самый раздел ирландских земель, для чего им лично была назначена в 1653 г. особая комиссия⁵.

III

Кромвель оставил Ирландию 26 мая 1650 г., чтобы отправиться в Англию, куда его настоятельно вызывал Долгий парламент в связи с осложнением англо-шотландских отношений и объединением шотландских пресвитериан с Карлом II Стюартом. Таким образом, ирландская война была сравнительно коротким эпизодом в жизни и деятельности Кромвеля. В

¹ Acts and Ordonances of the Interregnum 1642—1660. Vol. II, p. 598—602. 1911.

² Подробный анализ этих парламентских актов даётся в книге проф. С. И. Архангельского «Аграрное законодательство английской революции 1649—1650 гг.». Т. II, стр. 170—186. 1941.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 347, см. также стр. 363.

⁴ Abbott. Op. cit. Vol. II, p. 143. Письмо Лентолу, из-под крепости Росс от 14 октября 1649 года.

⁵ Prendergast. Op. cit., p. 94—95.

Ирландии Кромвель пробыл немного более девяти месяцев. Но эти девять месяцев многое дополняют к характеристике вождя английской буржуазной революции.

Ирландская кампания показала Кромвеля в роли крупного государственного и военного деятеля, действовавшего совершенно самостоятельно в чрезвычайно сложной и трудной обстановке и достигшего в конце концов поставленной им цели. Большой масштаб операций, тщательная техническая подготовка кампании, комбинирование действий сухопутных сил морского флота, умелая концентрация всех своих сил и нанесение систематически удара за ударом по неприятелю прежде, чем тот оказывался в состоянии хотя бы сколько-нибудь объединить свои силы, — все эти приёмы ярко характеризуют стратегию и тактику Кромвеля в Ирландии.

Снова и в этой кампании, как и раньше во время гражданской войны парламента с королём Англии, Оливер обнаружил твёрдость и выдержку характера, умение влиять на окружающих и в частности на солдатские массы, способность не теряться и находить выход из положения в наиболее трудные моменты (зима 1649—1650 гг.).

Не в меньшей степени показал себя Кромвель в этот период в качестве искусного дипломата. Его ирландские успехи были достигнуты не одним оружием, но также подкупами, всякого рода уговорами, обещаниями, соглашениями, договорами.

Однако ирландская война 1649 — 1650 гг. качественно отличалась от предшествующих войн Кромвеля в Англии и Шотландии. В Англии и Шотландии в 40-е годы Кромвель боролся против феодально-монархической реакции, опираясь на поддержку не только буржуазии и нового, прогрессивного дворянства, но и широких народных масс, в особенности английского крестьянства, составлявшего основную силу его армии. Тогда он был действительно вождём буржуазной революции; его деятельность имела подлинно прогрессивный характер. В Ирландии внешне Кромвель тоже защищал и отстаивал республику, добивал кавалеров, приверженцев Стюартов. Но одновременно он здесь выступал уже и в роли колонизатора, завоевателя и угнетателя другого, более слабого народа. Ирландская война была связана с ограблением ирландских народных масс. Ирландская война в деятельности Оливера Кромвеля, несомненно, была поворотным моментом. Она свидетельствовала, по существу, о перерождении прогрессивных войн английской революции в агрессивную, захватническую колониальную войну, подобно тому как впоследствии, в конце XVIII в., на определённом этапе развития французские революционные войны подобным же образом превратились при Наполеоне в свою противоположность.

В связи с отмеченным характером ирландской войны Кромвеля следует указать и те противоречия, которые так ярко обнаружились в результате кромвелевской политики в Ирландии. Прежде всего бросаются в глаза трудности самой ирландской кампании, объясняющиеся в основном тем, что генерал встретил здесь вместо сочувствия масс населения (как это было в Англии) активное противодействие. Попытки Кромвеля привлечь ирландское крестьянское население не были искренними и дали лишь относительные результаты. Поэтому ирландская война и по внешней форме не носила того характера грандиозного поединка, какими отличаются обе английские гражданские войны — 1642—1646 и 1648 — 1649 гг., когда Кромвель сокрушал своих врагов быстро и катастрофически.

С военной точки зрения, кампания в Ирландии прошла бледно. Здесь не было таких больших открытых сражений, в которых Кромвель смог бы проявить свои военные таланты. В известном отношении ирландская кампания 1649—1650 гг. воспроизводила в расширенном масштабе уэльскую кампанию 1645—1646 гг., где также главные операции заключались пре-

имущественно в осаде крепостей и уничтожении раздробленных сил противника. С другой стороны, Кромвель именно в Ирландии терпел такие серьёзные неудачи, каких он не знал никогда в другом месте. В отдельных случаях ирландские неудачи Кромвеля имели место даже при явном численном превосходстве его войск по сравнению с силами неприятеля. Денканон, Уотерфорд, Клонмелль во всяком случае не увеличили его военной славы.

Но особенно приходится задуматься над политическими последствиями ирландской кампании Кромвеля. Оливер действительно покорил Ирландию и лишил её тем самым значения как базы для сторонников Карла II. Одновременно он превратил Ирландию в английскую колонию. Но было ли это последнее действительно полезно Англии? Ужасы Дрогеды и Бексфорда заставляли многие поколения ирландцев проклинать имя Кромвеля. Террор Кромвеля, так же как и жестокая политика других английских колонизаторов в Ирландии (до и после Кромвеля), делал естественно ирландские народные массы непримиримыми врагами английской республики. Последовавшая по завоевании Ирландии беспощадная земельная экспроприация ирландцев должна была ещё более озлобить местное население против английских лэндлордов. Политика Кромвеля, таким образом, не разрешала, а обостряла и усложняла англо-ирландские противоречия, подготавливая в дальнейшем неисчислимые конфликты во взаимоотношениях двух соседних народов. Это одна сторона вопроса о последствиях кромвелевской политики в Ирландии.

Но важно отметить и другое обстоятельство: обратное влияние ирландской политики на общественный и политический строй самой Англии. Победа Кромвеля в Ирландии была достигнута путём компромисса с англо-ирландскими землевладельцами-роялистами за счёт ирландских народных масс (обеспечение прежде всего земельных прав английских землевладельцев в Ирландии). За этим последовало грандиозное насаждение нового английского лэндлордизма в результате указанных массовых экспроприаций ирландских земель в течение всех 50-х годов XVII века. В связи с необходимостью держать Ирландию в подчинённом положении, в Англии должна была оставаться громадная армия, возглавляемая особой военно-землевладельческой знатью.

Всё это приводило к усилению нарастающей реакции в самой Англии. Получив землю в Ирландии, английская буржуазия и её союзник — новое дворянство — смогли пойти тем легче на компромисс со своей аристократией и на ликвидацию самой республики, что и выразилось в факте реставрации Стюартов 1660 года. Сам Карл II и окружавшие его кавалеры, сулившие ранее ирландцам всякие блага, спешили теперь со своей стороны показать свою солидарность с пуританами в ирландском вопросе.

1 июня 1660 г., через три дня по возвращении в Англию, Карл II выпустил прокламацию, в которой подтверждал неприкосновенность земельной собственности для новых английских землевладельцев в Ирландии и объявлял государственными преступниками и изменниками всех ирландских партизан-тори, наносивших какой-либо ущерб новым английским земельным собственникам¹.

«Мне кажется неосомненным, — писал Энгельс Марксу в 1869 г., — что дела в Англии приняли бы другой оборот, если бы не было необходимости военного господства и создания новой аристократии в Ирландии»². «Английская республика при Кромвеле в сущности разбилась об Ирландию», — лаконически сформулировал ту же мысль Маркс в том же 1869 г. в одном из писем к Кугельману³.

Такова оборотная сторона кромвелевской победы в Ирландии.

¹ Prendergast. Op. cit., p. 289—290

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 240—241.

³ Там же. Т. XXVI, стр. 34.

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В ТРУДАХ РУССКИХ УЧЕНЫХ XIX ВЕКА

Проф. М. Гуковский

Энгельс называет эпоху итальянского Возрождения величайшим прогрессивным переворотом, пережитым человечеством¹. И действительно, эпоха эта была переломной, революционной по своему социальному, экономическому и культурному существу. Понятно, что интерес к итальянскому Возрождению растёт в эпохи переломные и революционные; понятно также, что взгляды на Возрождение, оценки его чрезвычайно сильно меняются от одного поколения к другому, даже от одного десятилетия к другому. В связи с этим эпоха итальянского Возрождения является одним из тех узловых пунктов истории человечества, отношение к которым характеризует историческую науку того или иного народа, той или иной национальной культуры. Существуют разделы истории, хорошая изученность которых сама по себе ещё не определяет общего уровня исторической науки данного народа. Не таково Возрождение. Оно наряду с французской буржуазной революцией конца XVIII в. и некоторыми другими этапами и эпохами истории является как бы пробным камнем успехов нашей науки.

Как же обстоит дело с изучением итальянского Возрождения в русской науке? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, оговорим, что мы понимаем под термином «итальянское Возрождение». Это тем более необходимо, что понимание это весьма различно у различных историков².

Итальянским Возрождением мы считаем эпоху истории Италии, тянущуюся примерно с 1250 по 1527 г., причём в это понятие мы включаем все стороны исторического процесса: классовую борьбу и социальную структуру, экономику, политическую жизнь и культуру во всех её проявлениях.

Принимая столь широкое значение понятия «Возрождение», мы неизбежно должны будем признать, что изучение тех или иных явлений, относящихся к данной эпохе, началось весьма давно, по существу, ещё до её окончания. Такие труды, как исторические работы Макиавелли и Гвиччардини (XVI в.), издание основных хроник в монументальной серии Муратори (XVIII в.), история итальянской литературы Тирабоски (XVIII в.) или материалы к экономической истории Италии, изданные Паньини (XVIII в.), заложили солидный фундамент для изучения всех основных сторон Возрождения.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIV, стр. 476.

² Вопросу происхождения и развития термина и понятия «Ренессанс» посвящена специальная, впрочем, довольно поверхностная монография Philippi A. «Der Begriff der Renaissance». Leipzig. 1912. Более новый материал содержат работы Gantimori D. «Sulla storia del concetto di Rinascimento». Ann. d. R. Scuola norm. sup. di Pisa. Lettere... Ser. II. Vol. I, f. III. 1932; Chabot F. «Il Rinascimento nelle recenti interpretazioni». Bull. of the Intern. Comm. of Histor. Sciences, № 19. May 1933. Washington. 1933; Eppelsheimer H. «Das Renaissance Problem». «Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». Heft 4; Jacob E. «Changing Views of the Renaissance History». N. S. Vol. XVI, № 63. 1931; Ferguson W. «Humanist Views of the Renaissance». The American Historical Review. Vol. XLV, № 1. 1939.

Однако наличие большого, в некоторых областях огромного числа исследовательских работ не привело в течение трёх веков к созданию единой концепции Возрождения как особой своеобразной эпохи в развитии Европы, эпохи переломной, революционной.

Такая концепция стала создаваться только в середине XIX века. В этот период расцвета молодого агрессивного капитализма, период культа сильной человеческой индивидуальности, не связанной никакими религиозными или этическими «предрассудками», в Возрождении склонны были видеть в первую очередь эпоху освобождения человека от давящего гнёта средневековья, эпоху, рождающую гигантов воли и творческого размаха, рождающую новую, человеческую, гуманистическую культуру. Сначала в трудах французских историков-позитивистов середины века, а затем в ставшем классическим исследовании швейцарского историка Я. Бурхардта «Культура итальянского Возрождения» (1-е изд. 1860) представление об эпохе Возрождения как об особом, своеобразном этапе в истории Западной Европы было сформулировано с достаточной чёткостью и полнотой¹.

Бурхардт рассматривал Возрождение в первую очередь как переворот в сфере культурной, причём в пределах между началом XIV и серединой XVI века. Бурхардтовская концепция Возрождения настолько соответствовала вкусам и устремлениям буржуазии 60-х годов XIX в., так гармонично входила в систему её мировоззрения, что надолго была принята не только исторической наукой в узком смысле этого слова, но и историческим мышлением широких кругов интеллигенции вообще. Правда, эта концепция вскоре подвергается критике как с реакционных, так и с прогрессивных позиций. Но, несмотря на критику в течение ряда десятилетий, бурхардтовское понимание Возрождения продолжало господствовать, да и сейчас это понимание в литературе не узко специального характера и в общем представлении остаётся господствующим². В специальной же исследовательской литературе только ко второму десятилетию XX в. резко намечаются два течения, окончательно порывающие с Бурхардтом. Одно из них, реакционное, вообще отрицает революционно-прогрессивное значение Возрождения. Оно предлагает заменить термин «Возрождение» термином «Вырождение», прославляя средние века с их господством силы и церковного авторитета, с их презрением к науке и отрицательным отношением к свободному развитию человеческой личности³. Второе, прогрессивное течение сохраняет многое из концепции Бурхардта, но радикально видоизменяет её, главным образом в двух направлениях. Во-первых, в характеристику Возрождения вводятся элементы экономической и политической истории; они приобретают первенствующее значение, становятся необходимыми для понимания всей эпохи в целом. Во-вторых, эпоха Возрождения понимается не как нечто цельное, единое и неизменное, а она разбивается на ряд этапов, рассматривается в своём развитии⁴.

¹ Вопросу о различных концепциях Возрождения и особенно о критике концепции Я. Бурхардта посвящена наша статья «К вопросу о сущности так называемого итальянского Возрождения», помещённая в сборнике «Академия наук СССР — памяти К. Маркса». Л. 1932. За годы, последовавшие за выходом в свет названной статьи, появилось значительное количество новых работ. Как на наиболее интересные можно указать на статьи: Chabot F. «Il Rinascimento nelle recenti interpretazioni». Bulletin of the International Committee of Historical Sciences, № 19. Washington, 1933; Eppelsheimer H. «Des Renaissance Problem». Deutsche Vierteljahrschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Heft 4. 1933.

² Приходится, к сожалению, отметить, что в учебнике для вузов по истории средних веков концепция Бурхардта принимается почти без всякой критики.

³ Именно такая точка зрения на Возрождение была широко распространена в немецкой фашистской литературе. Однако она появилась и начала играть заметную роль до прихода фашистов к власти.

⁴ Наиболее полно и интересно эта концепция отражена в работах А. Мартин, особенно в его книге «Soziologie der Renaissance». Stuttgart. 1932. См. также нашу заметку в «Историческом сборнике» № 3 за 1932 год.

Последняя точка зрения на Возрождение, безусловно, более соответствующая исторической действительности, является наиболее зрелым и прогрессивным из того, что создала по этому вопросу западноевропейская наука.

Однако следует обратить особое внимание на то обстоятельство, часто усиленно скрываемое буржуазными историками, что концепция эта создавалась под влиянием взглядов Маркса и Энгельса на эпоху Возрождения. Правда, ни Маркс, ни Энгельс не посвятили ни одного своего сочинения данному вопросу, а Маркс, основные работы которого были созданы до появления книги Бурхардта, даже не применяет термина «Возрождение». Однако в ряде своих сочинений Маркс и Энгельс столь радикально, по-новому подходят к анализу материала Возрождения, делают выводы, столь научно обоснованные и так много объясняющие в ранее непонятных или неправильно понимавшихся явлениях, что некоторые честные и добросовестные историки буржуазных школ не могли не использовать отдельные элементы гениального анализа марксовской концепции.

Замечательные страницы I и III томов «Капитала», говорящие о первоначальном накоплении, яркие характеристики, данные Энгельсом в «Крестьянской войне», в предисловии к «Диалектике природы», не могли не влиять на формирование научных взглядов тех буржуазных историков, которые, отнюдь не являясь революционерами, честно стремились использовать всё лучшее в науке.

Так, в борьбе между реакционным и прогрессивным пониманием эпохи Возрождения, в борьбе за концепцию Бурхардта и против неё и главным образом в связи с опубликованием и изучением нового громадного материала первоисточников из всех областей экономической, политической и культурной жизни XIV—XVI вв. развивалась наука о Возрождении.

Какое же место в этом развитии занимают русские учёные, какую роль сыграли они в нём? Постараемся разобраться в этом вопросе не загромождая изложение библиографическими перечислениями, а стремясь выделить основное, принципиально важное, новое и оригинальное.

Ещё до появления в свет книги Бурхардта и, следовательно, до возникновения представления о Возрождении, как об особом историческом периоде, история Италии XIV—XVI вв. привлекает внимание крупного русского историка, профессора Московского университета П. Н. Кудрявцева (1816—1858)¹. Основная работа этого учёного посвящена истории Италии в эпоху раннего средневековья, однако наряду с этим Кудрявцев во время преподавания в университете и в своей научно-литературной деятельности уделяет много внимания более позднему времени. В 1855—1856 гг. в «Отечественных записках» появляется его работа «Данте, его век и жизнь»², в 1856 г. — «Юность Екатерины Медичи»³. Между сюжетами этих двух работ лежит вся эпоха Возрождения, ещё не получающая у автора единой синтезирующей характеристики, но уже ощущаемая как особый, исторически значительный период. Весьма симптоматично также, что именно Данте, последний поэт средневековья и первый поэт нового времени (Энгельс), провозвестник и пророк Возрождения, является темой для первой научной работы русского учёного о Возрождении.

Работы Кудрявцева в настоящее время читать трудно: они кажутся наивными, излишне повествовательными и разбросанными. Тщетно мы стали бы искать в них как термин «Возрождение», так и понятие, соответствующее этому термину. Основной задачей своих работ Кудрявцев считает освещение той или иной личности, рассматриваемой как с точки

¹ О Кудрявцеве см. Вайнштейн О. «Историография средних веков», стр. 299—301. М.—Л. 1940; Бузескул В. «Всеобщая история и её представители в России». Ч. 1-я, стр. 65—77. Л. 1919; а также Герье «Кудрявцев и его учёно-литературные труды». «Вестник Европы», стр. 148 и 564. Сентябрь — октябрь 1887 года.

² Кудрявцев П. Соч. Т. I, стр. 413. М. 1887.

³ Там же. Т. II, стр. 452.

зрения её биографии, так и путём анализа её творчества. Но Кудрявцев не довольствуется этим. «Если характер произведений, — пишет он, — определяется прежде всего личностью писателя, то самая личность necessarily образуется под влиянием той среды, в которой она поставлена. Страна и век кладут свою неизгладимую печать на каждого деятеля: кто образуется в полной гармонии с господствующими направлениями своего времени, а кто — в прямом противоречии с ними, но в том и другом случае нельзя не признать действия современности. Тонко проницательный Маккиавелли, скептический Монтэнь, суеверный Кальдерон, саркастический Рабле, глубокомысленный и вместе пламенный мечтатель Джордано Бруно, мистический Яков Бём и даже гениальный Шекспир — все они носят на себе явственную печать своего века, страны и народности, среди которых совершалось их воспитание и образовались понятия»¹.

Это основное утверждение Кудрявцева вряд ли можно признать особенно новым. В середине XIX в. оно становится лозунгом всей переломной исторической мысли; недаром автор в своей теоретической статье ссылается на работы Нибура, Шлюссера, Тьерри, Гизо, Гиббона, справедливо утверждая, что им «история обязана тем, что вышла из тесных рам одностороннего обзора политических событий, что в них вошли один за другим все элементы общественной жизни и важнейшие явления народного быта, что они обняли собою все учреждения, верования, литературу, самую науку, словом всё умственное и нравственное развитие исторических народов»².

Прекрасно реализуемое стремление сочетать биографический метод изложения с рассмотрением широкого исторического фона, на котором выступает та или иная личность, стремление, не ограничиваясь политической историей, всесторонне изучить все явления исторического процесса роднит Кудрявцева с крупнейшими представителями исторической науки Западной Европы. Было бы, однако, ошибочно рассматривать его исключительно как продолжателя или пропагандиста идей западной науки: он оригинальный и вполне самостоятельный исследователь, идущий в ногу с развитием науки и никогда не теряющий смелости суждения, остроты критических оценок. Это особенно ярко сказывается в его подходе к пресловутой «расовой» теории, усиленно вводимой в научный оборот западными историками середины XIX в., в первую очередь Огюстеном Тьерри³. Признавая правильным выдвинутый его другом Грановским тезис о необходимости использовать данные естествознания для исторических построений и считая возможным поддерживать требование о сближении естественных и гуманитарных наук, Кудрявцев, однако, резко и убедительно возражает против одностороннего и неумелого применения этого требования, против теории устойчивости рас и её решающего влияния на ход истории⁴.

Таким образом, в лице П. Н. Кудрявцева мы встречаем уже в 40—50-х годах XIX в. крупного самостоятельного исследователя Возрождения, выдвигающего ряд положений, чрезвычайно важных для дальнейшего изучения именно этой эпохи, в частности положение о необходимости комплексного изучения всех сторон её: экономики, социального и политического строя и культуры. Правда, в своих работах по истории Возрождения Кудрявцев далеко не полностью применил свои теоретические соображения, и к первоисточникам он обращается только в виде исключения, но и в таком виде его работы были большим достижением в середине XIX века.

¹ Кудрявцев П. «Данте, его век и жизнь», стр. 420—421. М. 1887.

² Кудрявцев П. «О современных задачах истории». Статья 1853 года. Соч. Т. I, стр. 33. М. 1887.

³ О расовой теории в сочинениях О. Тьерри см. в предисловии О. Вайнштейна к избранным сочинениям названного автора, стр. XVI, М. 1937.

⁴ Кудрявцев П. Соч. Т. I, стр. 54.

Несравненно меньшее влияние на дальнейшее развитие истории имели работы проф. Казанского университета Н. А. Осокина (1843—1895)¹; однако они чрезвычайно любопытны и глубоко показательны для общего направления русской науки о Возрождении. Общепринятый в русской историографической литературе презрительно снисходительный тон по отношению к «провинциальным» трудам Осокина кажется нам совершенно неправильным: он основан на оценках современников, видевших недостатки, но не бывших в состоянии увидеть достоинства этих работ.

В отличие от Кудрявцева одной из главных, любимых тем Осокина было Возрождение, или, вернее, период истории Италии, который позднее будет обозначен термином «Возрождение». В 60-х годах Осокин опубликовал в «Учёных записках» Казанского университета ряд исследований, посвящённых истории Италии XIV—XVI веков.

Наиболее крупные и интересные из них — «Савонарола и Флоренция» (историческая монография)², «Аттендоло Сфорца и королева Иоанна»³, «Заметки по экономической истории Италии»⁴, «Неаполитанские государи в XIV веке»⁵.

Три первые работы написаны автором в двадцатилетнем возрасте, повидимому, ещё на университетской скамье⁶. Они написаны неумело, отличаются значительными конструктивными и стилистическими недостатками. Однако если отвлечься от внешних качеств юношеских работ Осокина и внимательно вдуматься в их содержание, то впечатление резко изменится. Особенно интересна статья «Заметки по экономической истории Италии» (отношение наемнических войск к экономическому развитию средневековой Италии)⁷.

Связь между ролью наемнических войск — отрядов кондотьеров — и экономическим положением Италии XIV—XV вв. кажется надуманной; автору в тексте работы почти не удаётся установить её, каждая часть статьи живёт самостоятельной жизнью. Там, где автор всё же пытается сделать какие-то выводы для установления этой связи, он приходит к не выдерживающим критики утверждениям, вроде того что «бесконечная междоусобная резня (в условиях средневековой Италии)... не противодействует, а, напротив, способствует экономическому развитию»⁸. Однако понятное для начинающего автора стремление к скороспелым и слишком оригинальным выводам не должно скрывать от нас того обстоятельства, что по своему материалу анализируемая статья заслуживает самого серьёзного внимания.

Действительно, как видно из работ Кудрявцева и как станет ещё более ясно после работы Я. Бурхардта, имеющей всемирный успех, эпоха Возрождения привлекает внимание исследователей и читателей 60—70-х годов пышным расцветом своей культуры, яркостью своих индивидуальностей, не знающих никаких сдерживающих религиозных или этических границ, — всем тем, что отвечало вкусам периода расцвета капитализма. На десятилетия вперёд именно эти стороны будут разрабатываться историками Возрождения. Осокин, проявляя замечательную и симптоматическую самостоятельность, подходит к анализу эпохи Возрождения

¹ Об Осокине см. Вайнштейн О. «Историография средних веков», стр. 303. М. и Л. 1940; Бузескул В. «Всеобщая история и её представители в России» стр. 119. Л. 1919.

² Учёные записки Казанского университета по Отделению историко-филологических и политико-юридических наук за 1863 год. Вып. 1—2-й. Изд. 1865 года.

³ Там же, за 1864 год.

⁴ Там же. Вып. 1-й.

⁵ Там же. № 1—2 за 1873 год.

⁶ Таково, во всяком случае, утверждение В. Бузескула. «Всеобщая история и её представители в России». Ч. 1-я, стр. 117. Л. 1919.

⁷ Учёные записки Казанского университета. Вып. 1-й за 1861 год.

⁸ Там же, стр. 33.

дения со стороны её экономического и социального развития. Правда, он опирается на ряд чрезвычайно ценных работ итальянских исследователей XVIII в., на историко-экономические труды Денина, Чиббаро, Джойа, Прагини, но это отнюдь не уменьшает его заслуги, так как работы эти в середине XIX в. были основательно забыты, а материал их вызывал тогда только равнодушное презрение.

Осокин привлекает также материалы первоисточников, главным образом хронистов: Виллани, Део, Аммирато, — причём с большой прозорливостью выбирает из них немногие содержащиеся в них характеристики экономического положения страны.

Что касается выводов статьи, то они не вполне определённые, да этого и трудно было бы ожидать при новизне и смелости её темы. Интересно только утверждение Осокина, «что в XIV в. народонаселение достигло в республиканских городах своей высшей цифры, несравненно превосходящей нынешнюю, а что в монархических хотя она и была высока, но значительно ниже современной нам... Следовательно, — разъясняет автор, — гражданская свобода в состоянии удачно конкурировать с самими успехами истории»¹. Это утверждение ярко характеризует своеобразную фигуру автора-учёного, автора-демократа, фанатического поклонника политических свобод².

Весьма примечательно также следующее утверждение Осокина: «Не земледельческой, а торговой и мануфактурной деятельности надо приписать те богатства, которыми отличалась тогдашняя Италия... Всё сельское народонаселение стремилось в города и там на фабриках полагало свой труд, развивая полуостров в одно время и со стороны экономической и со стороны государственной... Так как республиканские города были главными местами мануфактурной деятельности, то они были вместе с тем и многолюднее монархических, которые вообще не могли похвастать своей промышленностью»³.

К сожалению, статья Осокина об экономике Возрождения является единственной в своём роде в его научном наследии. Содержание остальных его работ в основном относится к области политической и культурной истории, т. е. идёт по пути, обычному для его времени. Однако и эти работы во многом представляют интерес. Выдвигая темы самостоятельно и оригинально, автор нередко вступает в области, которые до него совершенно не затрагивались, и строит своё изложение на первоисточниках, главным образом хрониках, опубликованных в классическом многотомном собрании Муратори, а также трудно доступных провинциальных изданиях и журналах. Ознакомление русской читающей публики с фактами, фигурами и источниками, до того совершенно неизвестными, составляет бесспорную заслугу Осокина.

В статьях по истории Флоренции, Неаполя и Милана — трёх крупнейших центров Италии эпохи Возрождения — Осокин стремится живо изобразить социальную и политическую обстановку, царившую в каждом из названных городов, выпукло, индивидуальными чертами обрисовать действующих лиц своего повествования. При этом он продолжает оставаться страстным защитником и восхвалителем демократических свобод, врагом всякой тирании.

Особенно ярко эта направленность работ Осокина сказывается в его исторической монографии «Савонарола и Флоренция». В этом значительном по объёму сочинении (230 стр.), вышедшем уже после классического исследования П. Виллари⁴, автор стремится сохранить самостоятельность в отношении конструкции своего сочинения, привлечения материалов и

¹ Учёные записки Казанского университета. Вып. 1-й за 1864 г., стр. 44, 45—46.

² Бузескул В. Указ. соч. Т. I, стр. 120.

³ Учёные записки Казанского университета. Вып. 1-й за 1864 г., стр. 44.

⁴ Виллари П. «Джироламо Савонарола и его время». 1-е изд. Firenze. 1859—1861; 2-е изд., там же. 1887. Русский перевод. СПб. 1913.

выводов. В основном это ему удаётся, в результате чего даже в наши дни, когда о Савонароле написано и издано чрезвычайно много книг, некоторые части работы читаются всё же с интересом. Не менее высоко, чем Виллари, оценивая своего героя — монаха и реформатора Джироламо Савонаролу, — Осокин в противоположность Виллари считает религиозную сторону его деятельности несущественной, служившей только оболочкой политической и социально-революционной борьбе фанатического доминиканца. «Если Перрено и другие, — пишет он, — видят в Джироламо прежде всего человека религии, если они говорят, что знаменитый деятель гражданскую свободу подчинил интересам церкви, то мы держимся совершенно обратного мнения и уверены, что великий мученик своих политических убеждений считал религию удобным и лучшим средством для проведения гражданских идей... все симпатии Савонаролы клонились к стороне угнетённого бедного народа, за которым он признавал такие же гражданские и человеческие права, как за родовой аристократией. Он требовал полнейшего равенства *«la civile equalità»*, которое клал в основание своей политико-государственной теории»¹.

И дальше: «Савонарола действовал таким образом с целью исправить народ и приготовить его к свободе. Только к преобразованному и нравственно очищенному обществу можно было привить гражданские коммунистические понятия Джироламо. Его сочувствие к пролетариату, утеснение богатых, всё направление этой христианской общины ясно указывало на зародыши социального развития, которое всегда неразлучно с подобными общественными реформами»². Таким образом, в работе Осокина Савонарола выступает как борец за демократию и свободу народа, за «теократический коммунизм»³, как предшественник Кампанеллы в деле социальных реформ⁴. Такая точка зрения в настоящее время не может быть признана полностью правильной, она требует значительных поправок, но для 70-х годов она была, несомненно, плодотворной и передовой.

Работы Осокина, посвящённые Возрождению, не получили широкого распространения и не оказали серьёзного влияния на дальнейшее развитие русской исторической науки. Однако тот факт, что в провинциальном университете из-под пера неизвестного учёного появляются исследования, столь оригинальные и прогрессивные по своей направленности, хотя во многом и наивные, свидетельствует о громадных творческих возможностях, которые таились в русской науке. Возможности эти проявились в полной мере в творчестве двух русских учёных, которые по своему возрасту могут быть отнесены к одному поколению с Осокиным, а по творчеству — к следующему.

А. Н. Веселовский (1838—1906) принадлежит к числу учёных, которыми справедливо гордится русская наука. Воспитанник Московского университета, Веселовский был учеником Грановского и Кудрявцева, но в то время как преподавание первого оставляло его равнодушным, Кудрявцев, превосходный лектор, объединявший в своих лекциях вопросы истории и литературы, произвёл на него громадное впечатление. Веселовский, по его собственным словам, «весь отдался Кудрявцеву»⁵, который как раз в эти годы почти исключительно занимался итальянским Возрождением, выпустил своего «Данте», работал над «Юностью Екатерины Медичи». Культурно-исторический метод Кудрявцева, устанавливающий тесную связь между явлениями культуры, и в первую очередь литературы, и историческим фундаментом, на котором эти явления строятся, был полностью воспринят формирующимся Веселовским. Но, принимая основную

¹ Учёные записки Казанского университета. Вып. 1—2-й за 1863 г., стр. 147, 148.

² Там же, стр. 159.

³ Там же, стр. 187.

⁴ Там же, стр. 263.

⁵ Автобиография, опубликованная в труде Пыпина А. «История русской этнографии». Т. II, стр. 423.

установку Кудрявцева и заимствуя на первых порах даже некоторые особенности его писательской манеры, Веселовский углубляет подход как к явлениям культуры, так и к историческому её базису. Здесь сказывается увлечение Фейербахом и Герценом, которых жадно читали передовые студенты, несколько позднее — Боклем, классическую работу которого Веселовский продолжал высоко ценить и в зрелые годы¹.

В результате влияния Кудрявцева на А. Н. Веселовского последний на университетской скамье столь же усердно занимается предметами филологических — славянскими языками, санскритом, сравнительной грамматикой, — как и историческими; главной темой начинающего учёного становится эпоха итальянского Возрождения. Для работы над ней Веселовский в университетские годы самостоятельно, с помощью какого-то итальянского винодела, изучает итальянский язык.

По окончании университета, в 1859 г., Веселовский совершает одно за другим, с небольшим перерывом, два путешествия за границу. Он девять лет переезжает из страны в страну, учится в Берлинском и Парижском университетах и затем четыре года (1864—1868) проводит в Италии. В Берлинском университете Веселовский знакомится с новейшими исследовательскими приёмами западноевропейской науки, но в смысле идейном эти занятия дают ему мало. Сухая, профессионально замкнутая немецкая учёность не могла прийтись по душе ученику Кудрявцева. Зато чрезвычайно большое, можно сказать, решающее влияние оказало на Веселовского пребывание в Италии. Эти четыре года были переломными в ходе подготовки национально-освободительной войны итальянского народа против ненавистного многовекового австро-германского ига. Вся страна жила интересами войны. Крупнейшие историки и филологи были в то же время передовыми борцами за национальную свободу своей родины, за победу в ней демократии. И молодой Веселовский, знакомясь с такими людьми, как историк литературы и театра Александро д'Анона, историк литературы Франческо де Губернатис, поэт, историк и литературовед Джозуэ Кардуччи, окончательно укрепляется в идеалах демократии, ростки которых были заложены в нём ещё тайными чтениями в Московском университете.

Уже на университетской скамье выработался достаточно чёткий культурно-исторический, реалистический метод исследования Веселовского. В юношеском дневнике, помеченном 1859 годом, годом окончания университета, и носящем подзаголовок «Из дневника человека, ищущего пути», в основе всех рассуждений лежат следующие положения: «Общество рождает поэта, не поэт — общество. Исторические условия дают содержание художественной деятельности; уединённое развитие невозможно, по крайней мере художественное... всякое произведение искусства носит на себе печать своего времени, своего общества»².

Эти замечания начинающего историка очень близки к приведённым выше замечаниям Кудрявцева. Недаром в дневнике Веселовский, также, повидимому, под влиянием Кудрявцева, пытается охарактеризовать в немногих словах переворот в культуре, произведённый Возрождением, при-

¹ Как ни значительна фигура А. Н. Веселовского как учёного, как ни велико его влияние на развитие различных отраслей русской науки, до сего времени не существует монографического исследования о нём. Мы пользовались, кроме произведений Веселовского и небольших заметок в цитированных выше сводных трудах О. Вайнштейна и В. Бузескула, сборником «Памяти акад. А. Н. Веселовского», изданным Отделением русского языка и словесности Академии наук СССР к 15-летию со дня его смерти (П. 1921), специальным выпуском «Известий Академии наук СССР» Отделения общественных наук, посвящённым исполнившемуся в 1938 г. столетию со дня рождения А. Н. Веселовского (№ 4. М. и Л. 1938), и вступительными статьями к отдельным изданиям его сочинений, в первую очередь статьёй В. М. Жирмунского к изданию избранных статей (Л. 1939).

² Сборник «Памяти А. Н. Веселовского». Отделение русского языка и словесности АН СССР, стр. 65, П. 1921.

чём самый термин применяется в кавычках — «возрождение наук» — и не получает того значения, которое он получит впоследствии.

В 1859 г. — год окончания Веселовским университета — выходят и его первые печатные работы: две рецензии и одна статья¹. Причём далеко не случайно эта статья посвящена Данте — предмету занятий Кудрявцева. По своему построению она является расширенной рецензией на книгу Г. Флотто и напоминает одноименную работу учителя. В ней Веселовский пытается в немногих страницах воскресить перед читателем образ великого поэта и породившей его эпохи, на конкретном примере применить принципы, изложенные в приведённых выше записках дневника. «В истории народа есть полосы, — пишет Веселовский в начале статьи, — о которых никогда не наговоришься вдоволь, никогда нельзя сказать слишком много: к таким эпохам мы относим эпохи великих людей и великих созданий. В них лежит для исследователя обаяние двойной задачи: раскрыть внутреннюю жизнь общества из великих созданий, в жизни общества проследить условия этих созданий»².

В течение пяти лет, следующих за появлением статьи о Данте, Веселовский не дал ни одной научной работы. Он путешествует, учится, собирает материал, детально разрабатывает его. В 1864 г. выходит в свет серия его статей, посвящённых Италии³. Часть этих статей печатается в русских газетах, в первую очередь в «Санкт-Петербургских ведомостях», и содержит впечатления о жизни современной Италии; часть — в итальянских научных журналах и носит исторический и историко-литературный характер. И те и другие статьи представляют интерес для понимания формирования взглядов А. Н. Веселовского на Возрождение.

В статьях «Санкт-Петербургских ведомостей» характерно чрезвычайно тесное и своеобразное переплетение мотивов прошлого и современного положения Италии. Автор всматривается в историю страны, чтобы понять её современное положение, и, наоборот, стремится возможно полнее понять и почувствовать современную жизнь страны, чтобы надлежащим образом разобраться в её истории. Такой подход гарантирует молодого историка от схоластической замкнутости, узости, профессиональной сухости, которые были характерны для бюрократической немецкой науки. Именно такой подход дал Веселовскому возможность правильно подойти к изучению эпохи Возрождения — *Rinascimento*, — привлекавшей взоры всех в период национального освобождения итальянского народа — период *Risorgimento*.

Как на характерный пример такого подхода можно указать на небольшую статью «Данте и мытарства итальянского единства»⁴, описывающую празднование юбилея Данте во Флоренции 14—16 мая 1865 года. Статья содержит несколько кратких, но весьма ярких характеристик Данте и его творчества и наряду с этим выдержанное в остро сатирических тонах описание праздника, со всей его показной, фальшивой пышностью, со стремлением к рекламе и использованию великого прошлого для достижения целей сегодняшнего дня, целей, весьма недостойных. Сторонник и друг итальянского национального освобождения от австро-германского ига, Веселовский выступает здесь против буржуазно-эксплуататорской политики нового туринского правительства, против его централизаторских тенденций, тяжело отражающихся на народных массах. Сторонник тесной уязки истории и настоящего, он выступает против дешёвой модернизации истории.

Статьи, помещённые в итальянских журналах, носят другой харак-

¹ Веселовский А. «Данте Алигьери, его жизнь и произведения». Соч. Т. III, стр. I. СПб. 1908.

² Там же.

³ Библиография печатных работ А. Н. Веселовского дана П. К. Симони в сборнике «Памяти А. Н. Веселовского», стр. 127.

⁴ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 30.

тер. Одна из них посвящена новелле «Декамерона» о Гризельде, другая — небольшая рецензия на книгу Замбони «Эццелино, Данте и рабы». Нас особенно должна заинтересовать вторая из них. Из массы итальянских работ молодой учёный выбрал исследование, посвящённое социальной истории раннего Возрождения, такому важному её моменту, как освобождение крепостных крестьян. Вопрос этот был весьма мало разработан в 60-х годах и остаётся мало разработанным в течение последующих десятилетий.

К статьям в итальянских журналах по своему типу примыкает «Итальянская новелла и Макиавелли»¹, помещённая в 1865 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях». Это первая работа Веселовского, в которой он ставит широкие синтетические задачи. В полном несоответствии с заглавием в статье ничего не говорится об итальянской новелле и вообще о литературе; она целиком посвящена синтетическому обзору истории Италии от падения Римской империи до XVI века. При этом уже в первых фразах статьи Веселовский обрушивается с жесточайшей критикой на «привычку оптовых приговоров», на твёрдо укрепившиеся в исторической науке, но мало обоснованные ярлыки и определения, пытающиеся одним термином охарактеризовать события, которые происходили в разных странах и в разные столетия. Он требует внимательного рассмотрения конкретной исторической действительности и даёт краткий опыт такого рассмотрения. Анализируя развитие социальных отношений, политики и культуры Италии как цельный процесс, Веселовский приходит к выводу, что «итальянский народный характер» зародился в героический период коммунальных свобод — конец XIII — начало XIV в.; и в это же время возникли предпосылки для освобождения человеческой личности, которое создаёт культуру Возрождения и её наиболее полного выразителя — Макиавелли. Следует отметить, что в кратком изложении разбираемой статьи мы напрасно будем искать термин «Возрождение».

В 1866 г. Веселовский выпустил ряд статей, по своему содержанию примыкающих к статьям 1864 года. Из них обращает на себя внимание небольшое исследование о народных традициях в творчестве Антонио Пуччи, напечатанное в итальянском журнале «Ateneo Italiano»². То, что именно поэзия Антонио Пуччи — певца флорентийского простонародья — привлекла внимание русского историка, чрезвычайно примечательно. В 60-х годах XIX в. такие темы разрабатывались не часто.

Из статей 1866 г. выделяется первая более или менее обширная работа Веселовского — «Данте и символическая поэзия католичества»³. Обращает внимание резкая отповедь автора современным историкам, стремящимся доказать, что уже итальянский XIII век носит в себе все элементы будущего культурного переворота. Попытка расширить хронологические рамки этого переворота встречает со стороны Веселовского решительный отпор.

Как ни важны, свежи и интересны разобранные выше юношеские работы Веселовского, все они только этюды к его первому фундаментальному исследованию, вышедшему в 1867—1868 гг. в Италии в трёх томах под названием «Il paradiso degli Alberti — ritrovi e ragionamenti» («Рай Альберти — находки и рассуждения») ⁴. В 1870 г. это же исследование под названием «Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV столетий» выходит в русском переводе ⁵. В этой солидной монографии Веселов-

¹ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 13.

² «Le tradizioni popolari nei poemi d'Antonio Pucci». «Ateneo Italiano», 15 aprile 1866.

³ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 40.

⁴ «Il paradiso degli Alberti — ritrovi e ragionamenti del 1389». Romanzo di Giovanni da Prato dal codice autografo e anonimo della Riccardiana a cura di Aless. Wesselsky. Bologna. T. I—II. 1877; t. III. 1868.

⁵ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 113.

ский успешно применяет теоретические положения, которые были им сформулированы в ранних программных статьях. На основе изучения свежего, не бывшего в научном обороте материала первоисточников он даёт характеристику жизни Италии периода начала Возрождения. Эта характеристика начисто лишена схоластической сухости; живая, полнокровная, учитывающая тесную связь экономических и социальных явлений с явлениями культурными, она решительно избегает «оптовых приговоров», которые становятся всё более навязчивыми в конце 70-х годов.

В основе монографии лежит детальный анализ рукописи конца XVI в., найденной Веселовским в Риккардианской библиотеке Флоренции. Рукопись эта содержит нечто вроде романа с вставными новеллами, причём его действующими лицами является ряд известных исторических деятелей. Издав в свет рукопись, Веселовский не ограничивается историко-литературным её анализом; наоборот, он на основе её материала даёт широкую картину жизни Италии конца XIV — начала XV в.; этот момент он вполне основательно считает переломным в общественном и культурном развитии страны.

Если в предыдущих работах автор не употреблял ни термин, ни понятие «Возрождение», то в «Вилле Альберти» мы встречаем их уже на первых страницах, правда, ещё в иностранном написании — «Renaissance»¹. Здесь же мы впервые встречаем и упоминание о работе Бурхардта. Однако в то время как в Западной Европе большинство исследователей (за исключением ярко реакционных) принимает восторженно работу швейцарского историка и его концепцию Возрождения, Веселовский отнюдь не склонен принимать её без критики. Признавая правильным положение Бурхардта о тесной связи культуры Возрождения с культурой древнего Рима, он, однако, решительно выступает против стремления Бурхардта рассматривать Возрождение как единый организм, неизменный со времени Данте (а может быть, и с более отдалённых времён) до XVI века. «Такое огульное определение по необходимости стуживает все частные процессы исторической жизни», — пишет Веселовский, нанося этим смертельный удар концепции Бурхардта. Такой удар западная наука сможет нанести этой концепции только многими десятилетиями позднее.

Но, отрицая возможность огульной характеристики Возрождения, требуя дифференцированного исторического её анализа, Веселовский выступает и против другой стороны концепции Бурхардта, прочно укоренившейся в 70-х годах. Веселовский отказывается признать классическую струю как господствующую в культуре эпохи. Он обращает внимание на мощное, решающее влияние на формирование Возрождения взглядов, вкусов, чаяний широких народных масс, приобретающих право голоса в Италии на пороге Возрождения. Учитывая это влияние, он утверждает: «Нам, стало быть, придётся отказаться от обычного определения «Renaissance» как эпохи, отмеченной усиленным возвращением к латинской древности»².

«Всякая литература, если она живуча, выражает собой прежде всего народное содержание, в богатстве которого Италии отказать нельзя»³, — утверждает Веселовский, а для того, чтобы понять это «народное содержание», необходимо познакомиться с социальной и экономической структурой общества, его порождающего. Так, от анализа неизданной рукописи Веселовский вполне закономерно приходит к анализу социальной структуры общества, эту рукопись создавшего. Такой подход неизбежно приводит к открытому разрыву со ставшей для большинства канонической концепцией Бурхардта; но молодого автора это нисколько не смущает; он полон сознания своих сил, веры в мощь творческого духа вскормившей его русской культуры и осмеливается гордо заявить, что работы, подобные

¹ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 120.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 121.

своей, он считает необходимыми, «если сравнительной истории литературы суждено когда-нибудь сделаться в России самостоятельной наукой, а не вечно побираться по задам европейской»¹.

Ни в задачи, ни в рамки нашей статьи отнюдь не входит анализ всего содержания «Виллы Альберти». Нам необходимо только познакомиться с общей концепцией Возрождения, изложенной в «Вилле Альберти» и вполне соответствующей теоретическим высказываниям, приводимым выше. Хронологические рамки Возрождения, по Веселовскому, охватывают период от Данте до Макиавелли, т. е. от конца XIII до середины XVI века. Причём он различает три этапа: первый — от расцвета творчества Данте (конца XIII в.) до революции Чомпи во Флоренции (1378); второй — от революции Чомпи до установления господства Медичи во Флоренции (1434) — и, наконец, третий — от господства Козимо-старшего до творчества Макиавелли в середине XVI века. При этом Веселовский вполне отдаёт себе отчёт в условности таких делений², но считает их всё же полезными. Каждый период получает социальную и культурную характеристику.

Первый (1300—1378) — период Данте, Петрарки и Бокаччио, «блестящий городской период итальянской истории»³, период борьбы горожан с феодалами и в то же время «самая блестящая пора её (Италии. — М. Г.) литературы»⁴, период формирования и побед народного итальянского языка, господства народной стихии в культуре.

Второй период (1378—1434) находится в центре внимания работы и потому, естественно, получает в ней наиболее полную характеристику. Это период перелома. В начале его происходит «буржуазная революция с её обычными иллюзиями и свойственным ей недостатком характера», революция, получающая первый толчок от «плебейского бунта Чомпи»⁵.

В конце этот период ограничивает победа Козимо Медичи, с которого начинается «политическое падение Италии», неизбежно сопровождающееся упадком культуры⁶. Этот период характеризуется глубокими и важными процессами. «Вся эпоха от смерти Бокаччио до победы Козимо Медичи — не что иное, как постепенное замирание и постоянное вырождение в политике и литературе. Вымирает итальянский язык, только что получивший права литературного гражданства, и обновляется латинский, падают народные надежды партии Чомпи, и в то же время победа мелких цехов готовит путь для принцепата; вымирает национальная литература, чтобы уступить место придворной поэзии и уединённому философствованию избранных умов, которые начинают сторониться от *prophanum vulgus*, собираясь под крылья княжеского меценатства, вскоре приобыкшего смотреть на них, как на предметы роскоши»⁷.

Наконец, третий период (1434—1530) — период «существенных потерь и казовых приобретений»⁸; период, переоценивавшийся большинством исследователей, между тем как в действительности его блестящая внешность прикрывает всё более гнилостную сущность; период разложения народных основ Возрождения; социального, политического, а следовательно, в конечном счёте, и культурного упадка.

Такова, исключительная для своего времени по смелости, выдвинутая Веселовским концепция Возрождения, концепция, к которой буржуазная наука придёт только в третьем десятилетии XX в., в трудах Мартина⁹.

¹ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 129.

² Там же, стр. 349.

³ Там же, стр. 124.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 220.

⁶ Там же, стр. 24.

⁷ Там же, стр. 218.

⁸ Там же.

⁹ Martin A. «Soziologie der Renaissance».

Основными чертами этой концепции являются подход к Возрождению не как к единому целому, неизменному на протяжении двух с половиной веков, а как к периоду, проходящему разные стадии; подход к Возрождению не только как к перевороту культурному, но и как к перевороту социальному и политическому; установление тесной связи между явлениями культурной и социальной жизни Италии XIII—XVI вв.; наконец, живость трактовки проблемы, её связь с современным ощущением жизни.

Уже первые статьи Веселовского, появившиеся в итальянских журналах и изданиях, обратили на себя внимание как русской, так и иностранной научной печати. Такие крупные авторитеты, как Муссафиа в Италии, Гастон Пари во Франции, Либрехт в Германии, откликнулись, например, на его статью о новелле «Про дочь короля Дании»¹. «Вилла Альберти» выдвинула Веселовского в первые ряды мировой науки, превратила молодого русского учёного в корифея исторического творчества. Тот же Либрехт, сочувственно отметивший его ранние опыты, с большой похвалой отозвался о «Вилле Альберти», посвятив ей подробную рецензию в гайдельбергском научном журнале². Но значение того или иного труда определяют не рецензии, а влияние его на дальнейшее развитие науки. В этом отношении судьба «Виллы Альберти» своеобразна. Частные выводы этой работы прочно вошли в науку. Установление Веселовским автора опубликованного им романа, его текстологические и историко-литературные замечания были приняты всеми, и сейчас нет ни одной сколько-нибудь серьёзной работы о культуре Возрождения, в которой не было бы похвального отзыва на книгу Веселовского. Зато самое ценное в книге — её принципиальная основа, общая концепция Возрождения — оказалось почти непонятым западной наукой и привилось, правда, в несколько ослабленном виде, только в русской науке, породившей мощный талант Веселовского и более способной оценить всё своеобразие этого таланта.

«Вилла Альберти» является вершиной работы Веселовского над итальянским Возрождением. В последующих произведениях, посвящённых этой эпохе, он углубляет и дополняет сказанное в этой книге, но принципиально нового даёт немного. В 1870 г. Веселовский защищает при Московском университете вышедшую в русском издании «Виллу Альберти» в качестве диссертации на соискание учёной степени магистра. Речь, произнесённая им при защите, была напечатана под названием «Взгляд на эпоху Возрождения в Италии»³. Она содержит основные положения большой монографии, причём в первую очередь уделяет внимание явлениям литературного порядка.

В 1871 г. в «Вестнике Европы» выходит написанная Веселовским биография Джордано Бруно⁴. В настоящее время, когда о Бруно написаны десятки книг и сотни статей, когда опубликована масса первоисточников, неизвестных в то время Веселовскому, статья эта кажется устарелой, но в 1871 г. это была первая русская работа о великом философе-революционере, да и западная наука знала о нём ещё весьма мало⁵. В этой работе Бруно выступает как выразитель не осознанных самим народом его революционных стремлений и чаяний, как истинный представитель Возрождения, понимаемого как глубокий социальный переворот.

Большой интерес представляет попытка Веселовского ответить на вопрос, неизбежно возникающий перед всяким исследователем, который серьёзно задумывается над проблемами Возрождения. Чем объяснить то,

¹ См. цитированный выше список трудов: Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 5; Алексеев П. «А. Н. Веселовский и западное литературоведение». «Известия Академии наук. Отделение общественных наук» № 4 за 1938 г., стр. 131.

² См. Алексеев М. Указ. соч., стр. 132.

³ Веселовский А. Соч. Т. III, стр. 359.

⁴ Веселовский А. «Джордано Бруно — биографический очерк». Избранные статьи, стр. 359. Л. 1935.

⁵ См. ценный комментарий М. П. Алексеева к статье о Джордано Бруно

что XVI век, век глубокого социального, экономического и политического упадка Италии, рождает ещё значительное количество гениальных творцов замечательных произведений? Микель Анджело и Галилей, Бруно и Кампанелла могут быть названы как примеры. «Мы страшно ошибёмся, — отвечает на этот вопрос Веселовский, — если в памятниках философской мысли и поэтических восторгов станем искать совместности с тем или другим прогрессом общества, с фактами его внешней истории. События обыкновенно определяют философский и поэтический синтез, который подводит итоги прошлому, вдохновляется сложившимися идеалами, формирует приобретённое, прожитое. Между тем история может идти вперёд, общество повернуть в сторону и даже стать вразрез с современной ему философией и поэзией. Человечество живёт быстрее, чем думает, и сводит итоги, когда жизнь уже успела опередить только что изготовленную формулу и готовит материалы для нового обобщения, которое опоздает в свою очередь. Так объясняется внутреннее противоречие эпох неустойчивости, социального упадка и величавого расцвета литературы и искусства»¹.

В 1872 г. в журнале «Беседа» выходит обширная статья Веселовского «Из истории развития личности. Женщина и старинные теории любви»². В этой работе, посвящённой анализу положения женщины в средние века и в эпоху Возрождения, снова повторяется концепция «Возрождения», данная в «Вилле Альберти»³.

После 1872 г. внимание Веселовского всё больше сосредоточивается на вопросах сравнительного литературоведения, на материале древнерусской литературы и несколько позднее — на проблемах поэтики. Всё реже появляются работы, посвящённые итальянскому Возрождению. В 1876 г. он публикует три письма Бокаччио⁴. В 1887 г. в «Журнале министерства народного просвещения» выходит его статья под названием «Противоречия итальянского Возрождения»⁵. Это — создание уже вполне зрелого учёного. Статья содержит ряд ценных и весьма тонких замечаний, однако по своей принципиальной значимости уступает ранним работам автора. По-видимому, под влиянием своих занятий литературой Веселовский почти исключительно интересуется здесь явлениями культурного порядка.

В 1888 г. появляется небольшая заметка Веселовского о генуэзской колонии в Крыму — Каффе⁶. Затем, после нескольких мелких статей о новеллах «Декамерона», в 1891 г. выходит первый том этого величайшего произведения Бокаччио в переводе Веселовского. В 1892 г. выходит второй том перевода, в 1893 г. — первый том обширного монографического исследования — «Бокаччио, его среда и сверстники», где на 545 страницах излагается личная и творческая биография великого флорентинца. В 1894 г. это издание заканчивается выпуском второго тома (680 стр.), разбирающего отдельные вопросы творчества Бокаччио и его окружения.

Эта монография, от которой можно было ожидать нам более полного синтеза многолетних работ над материалом Возрождения, является, пожалуй, наиболее устаревшей, наименее интересной из всех работ Веселовского. В монографии содержится значительное количество метких замечаний, ценных соображений, она построена на базе колоссального фактического материала; но попытки анализа, смелой постановки вопроса о специфике Возрождения, широкие исторические перспективы исчезают в этой работе. Веселовский в предисловии к первому тому так формулирует цели своей книги: «Самостоятельно и лично передумать Бокаччио, углубиться

¹ Веселовский А. Избранные статьи, стр. 378—379.

² Там же, стр. 70.

³ Там же, стр. 70, 93—96, 113.

⁴ Записки Историко-философского факультета истории Санкт-Петербургского университета. Ч. 2-я. 1876.

⁵ Веселовский А. Избранные статьи, стр. 258.

⁶ «Журнал министерства народного просвещения» (ЖМНП). Ч. 256-я, стр. 332—338. Апрель 1888 года.

в его психику и за стилистом и мыслителем раскрыть человека яркого темперамента и идеальных стремлений, в одно и то же время слабого и страстного, застенчивого и полного самосознания, впечатлительного к тем течениям культурной среды, которые он живо воспринимал и выражал». В результате получается солидная научная работа, по своему типу мало отличающаяся от ряда исследований западноевропейских учёных.

В 1905 г., за год до смерти, семидесятилетний Веселовский выпускает свою последнюю работу о Возрождении, посвящённую Петрарке и его Канцоньере¹. В этом исследовании, написанном с обычным мастерством, черты, характерные для большой монографии о Бокаччио, выступают ещё более резко. Как явствует из заглавия статьи, Веселовский ставит себе в ней исключительно задачу психологического анализа творчества автора знаменитых сонетов и канцон, причём осуществляет её с полной последовательностью. Так, Веселовский, начав со смелых, революционных работ по Возрождению, проложивших дорогу и указавших пути последующим исследователям на ряд десятилетий, заканчивает свою деятельность работами зрелыми, но значительно менее важными и интересными с точки зрения принципиальных проблем.

Обстоятельство это отнюдь не должно отразиться на нашей общей оценке роли А. Н. Веселовского в изучении эпохи Возрождения. Органически связанный со своими научными предшественниками, воспитанный русской культурной средой, усвоивший всё лучшее, что давала исследовательская техника западноевропейской исторической науки, он в своих ранних работах стоит намного выше не только своих учителей, но и многих поколений своих последователей.

Совсем иную картину мы найдём, перейдя к рассмотрению творчества другого крупного русского учёного — М. М. Ковалевского. Этот учёный по яркости и значению своей творческой индивидуальности во многом напоминает Веселовского, и хотя в работах его вопрос о Возрождении как будто и не ставится, их не может обойти ни один исследователь, серьёзно стремящийся разобраться в том, что же собой представляет исторический переворот, называемый Возрождением.

М. М. Ковалевский (1851—1916)², воспитанник Харьковского университета, ученик замечательного русского юриста Д. И. Каченовского, окончил юридический факультет в 1872 году. Повидимому, именно лекции Каченовского зародили в молодом Ковалевском интерес к материалу итальянского Возрождения. В своих воспоминаниях он пишет: «Натура Каченовского была художественная. Это сказывалось не только в удачном выборе эпитетов, в красивой и стройной периодичности его речи, но и в увлечении, с которым он изучал не только Шекспира и Сервантеса на их родном языке, но и творения первых флорентинских зодчих, скульпторов и живописцев»³.

С университетской скамьи Ковалевский вынес хорошую философскую подготовку, фундаментальное знакомство с творениями Канта и Гегеля, а также увлечение социальными идеями Прудона. «Это увлечение, — пишет Ковалевский в воспоминаниях, — кажется прошло только после чтения марксовской «Бедности философии»⁴.

¹ Веселовский А. «Петрарка в поэтической исповеди Canzoniere (1304—1904)». Отдельное изд. 1905 и 1912 годов.

² О М. М. Ковалевском см. Бузескул В. «Всеобщая история и её представители в России». Т. I, стр. 201. Л. 1919; Вайнштейн О. «Историография средних веков». М. и Л. 1940, и ряд статей, некрологов в различных журналах. Для нашей темы особенно интересны: Границкий Н. «М. М. Ковалевский как историк средневековья». «Вестник Европы» за июнь 1916 г., стр. 143; Боголепова А. «М. М. Ковалевский как историк политической мысли». «Вестник Европы» за июль 1916 г., стр. 249; Струве П. «М. М. Ковалевский». «Русская мысль» за май 1916 г., стр. 98.

³ Ковалевский М. «Моё научное и литературное скитальчество». «Русская мысль». Кн. 2-я, стр. 61. Январь 1895 года.

⁴ Там же, стр. 65.

Окончив университет и потеряв своего руководителя Каченовского, Ковалевский направляется за границу. Здесь он учится сначала в Берлинском университете, который вызывает в нём, верном ученике Каченовского, возмущение своим бюрократизмом, сухостью и прусским шовинизмом. Увлекаясь уже в это время проблемами социальной структуры общества и государства, он особенно возмущается берлинскими социологами, так называемыми катедер-социалистами: «Они устраивали один в честь другого ужины по подписке, пророчили конец манчестерианству и начало новой эры и в теории политической экономии, и в экономическом законодательстве, они искали сближения с Бисмарком, открыто проповедовали шовинистический, чисто прусский патриотизм и пристраивали к кафедрам соответственных учеников и последователей»¹.

Некоторое впечатление на молодого Ковалевского произвёл только Дюринг. Начинаящий, но уже требовательный к себе учёный переезжает в Париж, где напрасно в Юридической высшей школе (Ecole de droit) и в Университете (Collège de France) ищет того, чего не нашёл в Германии, — полного усвоения приёмов самостоятельного исследования. «Но что я не нашёл в Collège de France ни в Ecole de droit, — пишет он в воспоминаниях, — то я нашёл в специальной школе хартий»².

Здесь молодой юрист, социолог и экономист садится за средневековые рукописи, изучает палеографию, приёмы чтения и критики старинных документов. Занятия эти совершенно неожиданно оказываются решающими для всей дальнейшей деятельности Ковалевского, в частности для изучения им эпохи Возрождения. Он становится неутомимым исследователем архивов, в которых чаще всего находит и изучает материалы, не привлекавшие раньше внимания историков, а это придаёт многим из его работ свежесть и новизну. На основании архивных материалов Ковалевский пишет свои первые работы, посвящённые юридической и экономической истории Франции позднего средневековья. Затем он переезжает в Англию, где знакомится со Спенсером и Марксом. Сочинения Маркса уже несколько раньше стали оказывать сильное влияние на формирующегося учёного. При личном знакомстве с Марксом Ковалевский не сразу и не вполне оценил титаническую фигуру создателя научного коммунизма, но он внимательно изучил его произведения; они прочно вошли в его научный обиход, так что с этого времени он обычно называет себя учеником и последователем Маркса. И всё-таки Ковалевский не нашёл в себе достаточной смелости, чтобы целиком принять выводы и метод теории Маркса.

Ковалевский на всю жизнь остался буржуазным эклектиком. Но таковы глубина и сила учения Маркса, что даже воспринятое частично, оно оплодотворяет научное творчество, вливает в него революционную, животворящую струю. Свои зрелые годы Ковалевский проводит частью в России (1877—1887 и 1905—1916), где преподаёт в Московском, а затем Петербургском университетах, частью за границей, где работает в архивах и библиотеках, читает многочисленные лекции и тем немало способствует «престижу русской умственной культуры заграницей»³. В эти годы выходят крупнейшие исследования Ковалевского, в частности те, которые имеют столь большое значение для истории Возрождения.

Исследования эти могут быть разбиты на две, довольно резко отличающиеся друг от друга группы. К первой относятся работы, посвящённые истории создания буржуазного государства, его юридической структуры и политической идеологии. Крупнейшими из работ этого типа являются «Происхождение современной демократии» (1-е изд. в четырёх томах. 1896—1897; 2-е изд. в четырёх томах. 1899; 3-е изд. в пяти томах.

¹ «Русская мысль». Кн. 2-я, стр. 68. Январь 1895 года.

² Там же, стр. 69.

³ «Воспоминания» Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Цит. по В. Бузескул. Указ. соч. Т. I, стр. 207.

1912) и «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму» (в трёх томах. 1906). Обе эти монографии как бы дополняют друг друга; причём более ранняя посвящена более позднему периоду, анализирует политические идеи и события французской революции и эпохи, ей непосредственно предшествовавшей, в то время как более поздняя посвящена идеям и событиям предшествующих трёх веков.

Как в той, так и в другой книге Ковалевский уделяет значительное внимание материалу итальянского Возрождения. Он разбирает политические идеи Савонаролы, Макиавелли, Гвиччардини, венецианских политических писателей. Ничего принципиально нового в трактовке идей и событий мы здесь не найдём. Итальянский материал интересует исследователя только попутно, в основном его внимание сосредоточено на Франции и Англии, и только одна часть «Происхождения современной демократии» — её четвёртый том — целиком построена на итальянском материале. Но она носит подзаголовок «Конец аристократических правительств», посвящена гибели Венецианской республики в конце XVIII — начале XIX века и материала эпохи Возрождения касается лишь мимоходом.

К названным крупным работам по своему характеру и содержанию примыкает статья о Ботеро и Кампанелле — двух итальянских писателях XVI века¹. В этой статье Ковалевский утверждает, что «в Италии эпохи Возрождения скрывается зародыш всего того, что составляет природу европейской гражданственности. Принципы свободы, равенства и народного суверенитета, возводимые обыкновенно к эпохе французской революции, имеют свои глубокие корни в той муниципальной автономии, какой добились городские общины Италии со времён обоих Фридрихов»².

Из приведённых строк ясно, что автор уже вполне освоился с понятием «Возрождение» и что он возводит его к тем социальным сдвигам, которые происходят в итальянских коммунах начиная с XIII века. Однако этим и исчерпывается для нас принципиальный интерес статьи. Дальнейшее её изложение показывает, что Ковалевский преувеличивает влияние политической идеологии, считая её причиной важнейших социальных сдвигов, происходивших в интересующий нас период, и основное внимание уделяет изложению и анализу произведений двух названных выше писателей.

Совсем иное место занимает материал, заимствованный из истории Италии и относящийся к периоду Возрождения и предшествовавшим ему столетиям, в работах второй группы. Темой этих работ является возникновение капиталистического хозяйства, капиталистической экономической системы. К этой группе относится серия трудов, причём главные из них представляют собой написанные в разное время и в разных масштабах варианты одного и того же исследования. Так, в 1899 г. были опубликованы лекции Ковалевского, читанные им в Брюссельском университете под названием «Развитие народного хозяйства в Западной Европе». В 1898—1903 гг. выходит основной труд из этой группы работ — «Экономический рост Западной Европы до возникновения капиталистического хозяйства», в трёх томах. В 1901—1917 гг. за границей появляется в немецком издании расширенный, семитомный вариант этой громадной работы и, наконец, в 1905 г. в сборнике «Русская высшая школа общественных наук в Париже» — краткое изложение итогов многолетних исследований — статья «Исходные моменты в развитии капиталистического хозяйства».

Такое многократное изложение одного и того же вопроса показывает, насколько серьёзно подходил к нему Ковалевский, насколько глубоко он им интересовался. Уже со студенческих лет и, во всяком случае,

¹ Ковалевский М. «Развитие идей государственной необходимости и общественной правды в Италии — Ботаро и Кампанелла.» «Вопросы философии и психологии» за январь 1896 г., стр. 131.

² Там же.

с тех пор, как Ковалевский начал преподавать, его занимает проблема создания капиталистического строя. Эту проблему он пытается разрешить, сначала опираясь на свои углублённые философские знания, а позднее привлекая, правда, не всегда правильно и полно, учение Маркса. Понятно, что в этой работе значительное, можно сказать, решающее место занимает материал итальянский, принадлежащий к тому периоду истории Италии (XIII—XVI вв.), в который на её почве появляются и бурно растут первые в Европе зародыши капитализма. В своих воспоминаниях Ковалевский, говоря о впечатлении от лекций проф. Нитча в Берлинском университете, пишет: «Лекции мои о сословной монархии и о городских республиках Италии внушены были косвенно тем, что я слышал в Берлине: но задача моя, более скромная в своих рамках, была поставлена несколько шире в том смысле, что, не довольствуясь одним описанием политических форм, их генезиса, развития и вырождения, я старался найти этому основу в изложении социального строя. В этом сказывался скорее последователь кантовской философии и ученик Карла Маркса, нежели внимательный слушатель весьма учёных, правда, но несколько отрывочных и не приведённых в строгую эволюционную систему линий берлинского историка»¹.

Действительно, самая постановка вопроса, детальный, тщательный и осторожный анализ социальных и экономических фактов прошлого, причём фактов, восстанавливаемых почти исключительно по безукоризненно достоверным первоисточникам, обнаруживают в этих работах влияние Карла Маркса. К сожалению, мы не можем сказать того же о выводах, об общем теоретическом костяке этих работ. Выводы вообще составляют слабую сторону научного творчества Ковалевского. Это не означает, что Ковалевский в своих работах не даёт синтетических суждений. Наоборот, во многих его трудах мы находим и весьма ценную, интересную и острую критику концепций других авторов и изложение его собственной концепции. Но эта концепция чаще всего неглубока, произвольна и, во всяком случае, значительно беднее, чем материал, приводимый для её обоснования. Особенно ярко бросается это в глаза в более ранних работах Ковалевского, например в вышеназванных брюссельских лекциях. По своей структуре эта небольшая книга в точности соответствует монументальному трёхтомному исследованию, так же, как и оно, распадаясь на три части: 1) происхождение и развитие поместного хозяйства, 2) его разложение, 3) формирование, особенности и разложение средневекового цехового городского хозяйства. По каждому из этих разделов приводится большой фактический материал, чаще всего впервые вводимый автором в научный оборот. Доминирующее место во втором и третьем разделах, составляющих основную, наиболее интересную часть работы, занимают факты экономической и социальной жизни Италии XIII—XVI вв., т. е. Италии эпохи Возрождения. Ковалевский приводит ряд фактов из истории Италии этого времени, особенно в главах, посвящённых развитию феодального сельского хозяйства и роли городских коммун. Эти факты новы, изложены исключительно выпукло и бросают яркий свет на эпоху Возрождения, которая в этом аспекте, во всяком случае в конце XIX в., почти не изучалась².

Но если мы от этого богатства красок, свежих наблюдений и сопоставлений перейдём к первой главе работы Ковалевского, озаглавленной «Взгляд на эволюцию экономических порядков», то мы найдём в ней, во-первых, острую критику концепций Джинно Лориа, Карла Бюхера и других, а во-вторых, его собственные утверждения: «Экономическая эво-

¹ Ковалевский М. «Моё научное и литературное скитальчество». «Русская мысль». Кн. 2-я, стр. 67. Январь 1895 года.

² Исключение составляют только труды итальянского историка Джинно Ариаса и отчасти историка социальных отношений Гаэтано Сальвемини.

люция представляет две (а не, как утверждает Бюхер, три) главные эпохи: 1) эпоху хозяйства, рассчитанного на удовлетворение местного спроса и на непосредственное потребление, и 2) эпоху менового хозяйства», — и основной вывод: «Продолжительные изыскания привели меня к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что иное, как рост населения». Бедность этих выводов, их полное несоответствие с приводимым для их обоснования ярким, красочным и новым материалом ясны сами собой.

Ещё большее несоответствие между материалом и выводами мы найдём в большой работе — «Экономический рост Западной Европы до возникновения капиталистического хозяйства», — которую Ковалевский справедливо считал своим главным трудом. И здесь выводы (в основном те же) устарели и с собой ценности не представляют. Зато громадный материал, приводимый на сотнях страниц монументальных трёх (в немецком издании семи) томов, и соображения, высказываемые в процессе комментирования этого материала, сохраняют научную ценность до наших дней. Материалу Возрождения посвящены значительная часть (больше половины) второго тома, анализирующая разложение феодального поместья, и некоторая часть третьего тома, анализирующая городское хозяйство. Если свести воедино всё, что сообщается об экономической и социальной истории Италии в этих двух томах, то мы получим почти полную картину социальной и экономической структуры страны в эпоху Возрождения. Эту картину пытался, но не мог воссоздать Осокин, её чувствовал, но по характеру своих занятий не мог дать Веселовский и совершенно не показала западноевропейская наука конца XIX и начала XX века.

Цитируя обильные источники, в значительной части извлечённые из итальянских архивов, Ковалевский шаг за шагом показывает, как трансформируется феодальное поместье. Мы видим, как возникшие рядом с поместьем городские коммуны ускоряют процесс этой трансформации, проводя в законодательном порядке освобождение рабов и крепостных на землях соседних феодалов. Освободившиеся вследствие раскрепощения безземельные сельские жители переходят в города, где включаются в систему стихийно растущих ремесленных мастерских. Последние в результате накопления капиталов у владельцев и появления рынка свободных рабочих рук постепенно превращаются в мануфактурные предприятия капиталистического типа.

Так, в монументальном труде Ковалевского, особенно в его втором томе, в котором ни разу не встречается термин «Возрождение», мы найдём полную картину социально-экономической основы всех событий этого бурного периода. Такую картину только в последние полтора — два десятилетия дала западноевропейская историческая наука в трудах Дорена, Сапори, Ваккари, Вальзекки, Киаудано, Сэйу и др.

При сопоставлении работ Ковалевского с почти одновременно появившимися трудами австрийского историка-экономиста Вернера Зомбарта чрезвычайно ярко обнаруживаются вся важность и ценность их.

Ковалевский, прекрасно сознававший своё превосходство над Зомбартом и не раз выступавший с критикой его взглядов, особенно резко обрушивается на него в последней из своих работ о происхождении капитализма — в статье «Исходные моменты в развитии капиталистического хозяйства». Эта статья, в которой сведён воедино весь изученный Ковалевским материал, является наиболее зрелым произведением данного рода. Построенная почти исключительно на итальянском материале эпохи Возрождения, она может быть названа лучшей сводной работой по экономике и социальной структуре Возрождения, вышедшей из-под пера русского исследователя, и одной из лучших в мировой литературе по этому вопросу.

В этой наиболее зрелой своей работе Ковалевский совершенно не делает общих выводов; он начинает изложение прямо с анализа фактов XIV в. и кончает его анализом политических и социальных теорий XVI века. В основном тексте он даёт беглый и чрезвычайно острый обзор разложения феодального сельского хозяйства в Италии, освобождения крепостных, перехода крестьянского населения в города и происходящего здесь обособления интересов капитала от интересов труда, образования мануфактурных промышленных предприятий, развития международной торговли, создания и роста банков и ломбардов, начала эксплуатации колоний, развития техники и, наконец, создания новой экономической теории.

В этом превосходном, ярком и в то же время сжатом изложении, в основных чертах идущем по пути, предначертанному Марксом в первом томе «Капитала», Ковалевский не только резко восстаёт против зомбаровской теории первоначального накопления как результата аккумуляции земельной ренты, но и показывает на практике, каким может и должен быть анализ фактов, столь грубо и искусственно истолковываемых австрийским исследователем.

Таким образом, в лице М. М. Ковалевского, юриста и экономиста по образованию, но настоящего, смелого историка по существу его деятельности, русская наука о Возрождении имеет одного из крупнейших своих представителей, несмотря на то что он систематически Возрождением не занимался.

Проанализированные работы Ковалевского, как в момент их появления, так и в значительной мере и сейчас, являются лучшими из того, что в общей форме написано об экономической и социальной структуре Возрождения; поэтому без изучения их не может обойтись ни один историк, стремящийся серьёзно изучить этот период.

К одному поколению с М. М. Ковалевским принадлежит умерший гораздо раньше М. С. Корелин (1855—1899). С такими крупными, глубоко оригинальными и самобытными учёными, как Веселовский или Ковалевский, Корелин сравнения не выдерживает, но всё же он сыграл довольно значительную роль в развитии русской науки о Возрождении. В лице Корелина эта наука имеет типичного историка-профессионала и притом профессионала, всю жизнь свою посвятившего изучению Возрождения, главным образом в его идеологическом аспекте¹.

Воспитанник Московского университета, а затем профессор этого же университета, он в течение ряда лет разрабатывал историю гуманизма. Плодом этой работы явилось большое, двухтомное (во втором издании четырёхтомное) исследование «Ранний итальянский гуманизм и его историография» (1-е изд. СПб. 1892; 2-е изд. СПб. 1914).

Исследование это построено на громадном количестве первоисточников и на исчерпывающем для того времени изучении литературы вопроса. Критическому обзору этой литературы посвящена обширная первая часть работы. Стремясь каждое своё утверждение, каждую оценку строить исключительно на детальном изучении источников, не доверяя без критики ни одному из ранее высказанных мнений, Корелин анализирует и излагает большое количество источников: гуманистических трактатов, писем, исторических работ, часть которых до него не была введена в научный оборот. Впервые после ставшей классической, но к концу XIX в. уже порядком устаревшей, хотя и постоянно переиздававшейся

¹ О Корелине, кроме книг В. Бузескула «Всеобщая история и её представители в России». Т. I, стр. 40. О. Вайнштейна «Историография средних веков», стр. 316, см. ряд некрологов и статей: Ключевский В. «М. Корелин. «Вопросы философии и психологии», стр. VII. Январь — февраль 1899 г.; Любавский М. «М. С. Корелин как преподаватель средней школы». «Русская мысль». Кн. X за 1899 г., стр. 124. Иванцов М. «М. С. Корелин как профессор и руководитель студенческих занятий»; там же, стр. 137.

книги Фойхта¹, мы находим в работе Корелина полный и основанный на самостоятельном исследовании обзор раннего гуманизма, во многом дополняющий и видоизменяющий прочно вошедшие в науку взгляды Фойхта. Именно в широте подбора, разнообразии первоисточников и самостоятельном их пересмотре—основная заслуга исследования Корелина, которое во многих своих частях не потеряло значения и ценности до настоящего времени.

В 1896 г., через четыре года после выхода своего капитального труда о гуманизме, Корелин выпустил в виде отдельного сборника свои появившиеся ранее в различных изданиях статьи². Первая из них, предназначенная для энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, под названием «Что такое Возрождение» содержит в наиболее сжатом виде общий взгляд Корелина на анализируемую им эпоху. «Возрождением или гуманизмом, — пишет Корелин, — называется движение, освободившее на западе Европы личность и культуру от порабощения католическою церковью и положившее прочное начало новой, независимой науке, светской философии, литературе, школе и самостоятельному искусству. Оно началось в Италии, откуда распространилось с большей или меньшей силой по всей Европе, и было первым проявлением в новой истории культурного роста личности, которая стала относиться критически к современным, уже отжившим тогда культурным формам»³.

Вслед за этим общим определением, учитывающим только идеологические явления, следует кратко и притом формальное упоминание о политических и социальных сдвигах, которые рассмагиваются не как основа сдвигов культурных, а как самостоятельное явление: «Этот процесс разложения средневековых форм начался раньше гуманистического движения и происходил из одинаковой с ним причины»⁴.

Затем следует подробное рассмотрение основных черт гуманистического индивидуализма и вообще гуманистической идеологии. К вопросам социально-экономическим автор больше не возвращается. При этом анализ идейного материала, базирующийся на результатах названной выше фундаментальной работы, во многом дополняет, исправляет и обобщает изложение Бурхардта и Фойхта, но принципиально не выходит за их пределы.

В более поздних работах Корелина, к сожалению, прерванных его преждевременной смертью и напечатанных посмертно в незавершённом виде, осторожность его выводов, неоригинальность его концепции при громадном богатстве и исключительной свежести материала сказываются ещё сильнее.

Таковы «Очерки развития философской мысли в эпоху «Возрождения» (в 1897 г. вышла только первая часть, посвящённая миросозерцанию Франческо Петрарки)⁵ и особенно три отрывка из задуманного им большого исследования о Лоренцо Валле, часть которого была напечатана до, а часть после смерти автора⁶. Статьи эти приводят либо излагают содержание тех или иных гуманистических произведений (статьи о Петрарке и Валле), либо рассказывают о политических событиях (статья

¹ Фойхт Г. «Возрождение классической древности или первый век гуманизма». Русский перевод. СПб. 1884—1885.

² Корелин М. «Очерки итальянского Возрождения». «Библиотека «Русской мысли» за 1896 год. М. Этот же сборник был затем издан вторично в 1910 году.

³ Там же, стр. 1.

⁴ Там же, стр. 2—3.

⁵ «Вопросы философии и психологии», стр. 14. Январь—февраль 1897 г., стр. 329, март—апрель 1897 года.

⁶ Этнический трактат Лоренцо Валле «Об удовольствии и об истинном благе». «Вопросы философии и психологии», стр. 391. Сентябрь 1895 г.; «Папство в эпоху гуманизма». «Русская мысль», стр. 70. Октябрь 1893 г.; «Папский секретарь и гуманист Поджио Браниolini». «Русская мысль», стр. 105. Декабрь 1899 года.

о папстве), но элемент анализа в них представлен довольно ~~слабо~~, о синтезе же автор и не помышляет.

Однако тот бесспорный факт, что в отношении обобщений, общей концепции работы Корелина являются шагом назад по сравнению с замечательными трудами Веселовского и Ковалевского, не должен умалять те качества, которые до наших дней делают эти работы незаменимыми для всякого историка Возрождения. Исключительная ценность собранного московским исследователем громадного материала, тщательное и чрезвычайно добросовестное изучение и изложение его ставят работы Корелина выше подавляющего большинства современных ему западноевропейских исследований, посвящённых тому же вопросу.

Сочинения Корелина и поздние работы Ковалевского завершают собой недолгий, но яркий период расцвета русской науки о Возрождении.

Советской науке о Возрождении мы посвятили особый, вышедший несколько лет назад обзор¹ и к этому вопросу здесь возвращаться не будем. Ограничимся выражением твёрдой уверенности в том, что громадная творческая сила, смелость и оригинальность русских классических исследований о Возрождении явятся залогом дальнейшего расцвета советской исторической науки и в этой области.

---

¹ «Советская литература по итальянскому Возрождению». «Исторический сборник» № 1 за 1934 г., стр. 193.

ХОРАСАН И ОБРАЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА СЕЛЬДЖУКОВ

Проф. Б. Заходер

Повествуя о распадении халифата, Ибн-Мискавейх замечает в своей хронике под 936 (325) г.: «Таким образом, весь (мусульманский) мир оказался в руках узурпаторов, которые стали царями областей и начали полновластно управлять странами, взимая с них налоги»¹. Замечание Ибн-Мискавейха было усвоено многими мусульманскими историками²; не осталась незамеченной историческая важность этого явления и для средневековых христианских писателей³.

К концу X в. процесс расчленения халифата стал ещё более интенсивным. Образование в половине XI в. сельджукского государства, утвердившего в странах Среднего и Ближнего Востока военно-ленную систему икта,—факт, значение которого вряд ли требует комментариев. Для советского историка вопрос о туркмено-сельджукском государстве особенно интересен и потому, что, выражаясь словами В. В. Бартольда, «благодаря образованию сельджукской империи, огузский или туркменский народ приобрёл для мусульманского мира такое значение, какого не имел в средние века ни один из турецких народов»⁴.

Несмотря на такое значение сельджуков, вряд ли найдётся другой период в истории раннего мусульманского средневековья, о котором наши сведения были бы столь неполны, а конкретные знания так недостаточны. Скоро исполняется лишь шестьдесят лет со времени первой публикации в европейской науке источников, заменивших универсальные истории, которыми преимущественно пользовались европейские историки Востока, писавшие о сельджуках, начиная с Дегинь и д'Эрбело. Но и до настоящего времени далеко не всё, даже из значительных документов этого периода, доступно исследователю, а пожелание, высказанное в своё время нашим замечательным арабистом В. Р. Розен об изучении сельджукской терминологии⁵, не выполнено. Изучение сельджукского государства не может быть поставлено в заслугу европейской историографии, где до последнего времени, чуть ли не со времён Гиббона, безраздельно царствовала формула, определяющая значение сельджуков с позиций религиозного фанатизма, якобы присущего тюркам⁶. Казалось бы, интерес к крестовым походам, наметившийся в европейской науке с начала прошлого века, неминуемо должен был привести к детальному рассмотрению вопросов, связанных с образованием и развитием сельджукского государства. Но как европо-центристские тенденции, так и слабое знакомство

¹ «The Eclipse of the Abbasid Caliphate». Vols. I—IV, p. 366—367. Oxford. 1921.

² Список повторений см. у Me z A. «The Renaissance of Islam», p. 3, n. 1.

³ Никифор Вриенний «Византийские историки». Перев. с греч. при Санкт-петербургской духовной академии, стр. 22.

⁴ Бартольд В. «Очерк по истории туркменского народа». Сборник «Туркмения». Т. I, стр. 16.

⁵ Розен В. «Образчик персидского канцелярского слога 6-го века хиджры». Записки восточного отделения РАО. Т. VIII, стр. 153—157.

⁶ Примеры многочисленны: Лэн-Пуль «Мусульманские династии». Пер. В. Бартольда, стр. 123. 1888; Sykes P. «A history of Persia». Vol. II, p. 28, ed. 2. 1931 and 3. 1930.

историков крестовых походов с восточными языками и восточной историей не создали благоприятных условий для подобной постановки вопроса. За исключением выдающегося труда Рене Груссе, в европейских исторических трудах, посвящённых крестовым походам, преобладал взгляд, с наибольшей полнотой выраженный В. Куглером, учеником известного Зибеля, характеризующий образование сельджукского государства как «нашествие диковоинственных орд»¹.

Несмотря на общепринятость вышеуказанных взглядов, всё же с конца XIX в. в науке начали высказывать и иные соображения. Первыми в этом деле, естественно, оказались русские учёные и едва ли не самым первым — покойный иранист В. А. Жуковский, указавший в своей работе по истории Мерва на исключительную значимость сельджукского периода в мусульманской истории².

Как ни случайны были замечания В. В. Бартольда о сельджукском завоевании и о создании сельджуками империи, всё же эти замечания давали нечто новое. Лингвистические труды Н. Я. Марра поставили проблему огромной важности: о наличии тюркского (аглютинативного) элемента на Ближнем Востоке не только вне всякой связи с сельджуками, но и задолго до появления последних на исторической арене³. Наконец, работы А. Ю. Якубовского «Сельджукское движение и туркмены в XI в.»⁴ и монографическое исследование В. А. Гордлевского «Государство Сельджукидов Малой Азии»⁵ впервые привлекли внимание к насущным проблемам сельджукской истории.

Настоящая статья имеет своей задачей осветить лишь генезис раннего сельджукского государства.

Рассматривая источники для начальной истории туркмен, В. В. Бартольд заметил: «Пользование арабской географической литературой несколько затрудняется её книжным характером и связанной с этим хронологической неопределённостью. Например, если мы знаем, что один автор писал в X в., а другой — в XI в., то из этого не следует, чтобы рассказы второго относились к более позднему времени, чем рассказы первого; почти все авторы пишут по книгам, не называя своих источников и не определяя их времени, и часто бывает, что в сочинении XI в. использован более ранний источник, чем в сочинении X века»⁶.

Ещё больше трудностей встречает исследователь в использовании такого важного источника, как правовые документы; не приведённые до настоящего времени в научном обиходе хотя бы в относительный порядок, эти документы отличаются ещё более «книжным характером», чем географические сочинения: свято блюдя традиции и прецеденты, мусульманское право пользуется чуть ли не до сегодняшнего дня терминами в их стародавнем значении. Этот традиционализм приводит и к другому явлению: местные правовые и экономические термины редко находят себе место в мёртвых догматико-юридических схемах.

В основу данного исследования автором положены сочинения преимущественно историко-литературного характера, где строго локализованное повествование соединяется с соответствующим лексическим материалом. В первую голову к такого рода сочинениям относятся мемуары газневидского чиновника Абу-ль-Фазля Бейхаки, представляющие собою

¹ Куглер В. «История крестовых походов». Пер. с нем., стр. 1. 1895; ср. Siebel H., von «Geschichte des ersten Kreuzzugs», S. 242—243. Leipzig. 1881.

² Жуковский В. «Развалины старого Мерва», стр. 27. СПб. 1894.

³ Марр Н. «Поездка по восточному Средиземноморью».

⁴ «Известия АН СССР. Отделение общественных наук» № 4 за 1937 г., стр. 921—946.

⁵ «Труды Института востоковедения АН СССР». Т. XXXIX, за 1941 г. Рецензия Б. Заходер, «Исторический журнал» № 7—8 за 1944 г., стр. 82—87.

⁶ Бартольд В. «Очерк истории туркменского народа», стр. 16

подѣнную запись событий времѣн правления султана Масуда (1030—1041), при котором и совершилось завоевание Хорасана туркменами. Чиновник, ведший государственную переписку (в том числе и с туркменами), свидетель и очевидец всех происшествий, приведших к окончательному разгрому туркменами газневидских войск, уроженец Хорасана, Бейхаки своими мемуарами разъясняет и конкретизирует многое, носящее «книжный характер» в предшествующей или последующей историко-географической литературе. В мемуарах Бейхаки мы видим живой Хорасан того времени, преломленный, конечно, через призму личных взглядов и убеждений автора, которые он довольно подробно раскрывает в многочисленных рассуждениях.

Несколько иной характер носит сочинение о политике Сиасет-намэ, принадлежащее перу сельджукского везира Низам аль-мулька. Как и Бейхаки, хорасанец по происхождению, Низам аль-мульк, фактически руководивший государственным управлением при двух султанах, написал своё сочинение перед самой смертью (он был убит исмаилитами-асасинами в 1092 г.) в качестве политического завещания. Выражаемые автором взгляды на современную ему политическую обстановку иллюстрируются многочисленными рассуждениями и рассказами, поясняющими эти рассуждения. Как попытался выяснить пишущий эти строки в своём исследовании о Сиасет-намэ, многое из того, что вошло в известное науке сочинение везира, не принадлежит Низам аль-мульку. Тем не менее и эти части Сиасет-намэ достойны всяческого внимания, так как, безусловно, относятся к хорасанскому литературному кругу X—XI вв., а некоторые, как можно догадываться, стоят в прямой зависимости от не дошедших до нас томов мемуаров Бейхаки. Весьма близко по характеру к Сиасет-намэ привлечённое к исследованию житие суфийского шейха Абу-Саида Мейхенейского, составленное в начале XIII в., под названием «Тайны единения с богом в подвигах шейха Абу-Саида». Как и Сиасет-намэ, «Тайны единения» несмотря на позднее составление всего сочинения хранят многие рассказы, безусловно, датирующиеся интересующей нас эпохой.

Вторую категорию источников составляют сочинения, носящие «книжный характер». Как уже однажды пришлось заметить автору данной работы, несмотря на большие пробелы в наших познаниях по части развития географической науки, всё же, повидимому, настало время поставить вопрос «о характерных особенностях среднеазиатской географии, отличающих её от классической арабской географии и по распределению материала и в некоторых частях по объёму этого материала»¹.

Составленное в 982—983 гг. в Средней Азии анонимом географическое сочинение под названием «Границы мира» представляет собою образец именно такой местной литературы. Написанная на персидском языке, бывшем в то время живым, разговорным языком, география среднеазиатского анонима, сопоставленная с классическими арабоязычными географическими произведениями, даёт весьма ценный не только фактический, но, что не менее важно для целей нашего исследования, и терминологический материал.

Так же велика ценность возникающих в X в. в Средней Азии и Хорасане исторических сочинений, в частности местных, или так называемых региональных, историй, из которых к нашему исследованию привлечены компилированная и переведённая на персидский язык в XII в. «История Бухары» Наршахи и составленная в том же столетии «История Вейхака» Абу-ль-Хасана Бейхаки, земляка упомянутого выше автора мемуаров.

Таковы главные источники, использование которых, как нам пред-

¹ Заходер Б. «Ещё одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX—X вв.». «Известия Всесоюзного географического общества». Т. 75. Вып. 6-й за 1943 г., стр. 33.

ставляется, может освободить исследователя от опасности впасть в анахронизм, следуя исключительно классическим мусульманским географическим и правовым сочинениям.

Совершенно очевидны и недостатки, которые необходимо будут проистекать от пользования таким видом источников. Лишённые сухих, но точных данных, содержащихся в документах, увы, до настоящего времени недоступных исследователю мусульманского раннего средневековья, мы, выражаясь фигурально, скорее видим силуэты, чем точное изображение исследуемого явления. Тем не менее надеемся, что и такая работа небесполезна для будущего. Путешествующие по неизвестным землям редко имеют в своём распоряжении разработанные маршруты.

Среднеазиатский аноним в слове об области Хорасан определяет границы последнего Индостаном на востоке, пустыней Кергес-кух на юге, Гурганом и «владениями гузов» на западе, Аму-Дарьёй на севере¹. Бейхаки, писавший свои мемуары несколькими десятилетиями позднее анонима, под Хорасаном понимал область, управляемую из Нишапура, юговосточный край которой соприкасался с владениями, непосредственно подчинёнными Газне².

Менее ясны наши представления о внутреннем делении Хорасана. Согласно принятой в халифате административной схеме, за единицу такого деления принимался город, в котором находилась одна или несколько соборных (пятничных) мечетей³. Надо ли указывать на очевидную условность подобного деления? Уже в X в. соборные мечети зачастую находились в весьма незначительных населённых пунктах. Распадение халифата сопровождалось выделением из мусульманской церкви ряда крупных сект, из которых иные, как например шиизм, сами стали государственными религиями. Наконец, вошедшие в состав халифата области представляли такие специфические особенности, сложившиеся в глубокой древности, которые не были до конца уничтожены и после нескольких столетий мусульманского господства.

Для того чтобы составить более точное и отвечающее реальной исторической действительности представление о внутреннем делении той или иной области, следует обратиться к рассмотрению административных терминов, бытовавших в этой области; выяснение их точного значения в языке определённого времени, естественно, невозможно без анализа строго локализованного письменного источника. Таким источником служит для нас упомянутый среднеазиатский аноним. В слове о Хорасане им приводятся следующие термины: руста, нахия, хан, касаба, шахр, шахрак, дих.

Ещё В. Бартольдом было отмечено, что термин «руста» (у арабоязычных писателей — «рустак») «всегда употребляется в смысле группы деревень» и довольно точно переводится русским словом «волость»⁴. Как показывают источники, такая группа деревень иногда была окружена общою с городом оборонительной стеной⁵, а иногда представляла собою местность, весьма удалённую от города; поездку в руста горожане сравнивали с далёким путешествием⁶. Наршахи, рассказывая о бегстве

¹ Худуд ал-алам. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда. 1930 (в дальнейшем сокр. Худуд ал-алам) 19-а. Англ. перев. Minorsky V. *Gilb. Mem. S. new series*. Т. XI, p. 162. 1937; русск. перев. «Материалы по истории туркмен и Туркмени». Т. I, стр. 211.

² Бейхаки «Тарих-и Масуди», стр. 437. 1307. (1889—1890) (в дальнейшем сокр. Бейхаки ТИ).

³ Mez A. «The Renaissance of Islam», ch. XXII.

⁴ Бартольд В. «Отчёт о поездке в Среднюю Азию в 1893—94 гг.», стр. 15, прим. 10.

⁵ Наршахи «Тарих-и Бухара», франц. изд. Ch. Shefer. Paris, p. 32. 1892 (в дальнейшем сокр. Наршахи); Истахри. *Biblioteca Geographorum Arabicorum* (BGA). Т. I, стр. 260.

⁶ Абу-Саид «Тайны единения с богом». Изд. В. А. Жуковского, стр. 77. 1899 г. (в дальнейшем сокр. Абу-Саид).

в Бухару одного сасанидского царевича, описывает происхождение местного руста: бухарский руста образовался на месте земель, предназначенных для охоты, путём проведения водных каналов. Проведший эти каналы царевич заселил землю крестьянами и сделал руста своим наследственным имением¹. Таким образом, под руста, очевидно, следует понимать в точном значении этого слова населённую земледельческим людом местность, пользующуюся для сельского хозяйства искусственным орошением. Производное от этого термина рустаи означало «мужик», «деревенщина»; значение это сохранилось и в послемонгольское время².

В отличие от руста термин арабского происхождения «нахия» означал область, район, округ приблизительно в том же значении, в каком и мы употребляем эти слова. Описывая область Гузганана, среднеазиатский аноним следующим образом применяет термин: «В этой нахии имеется много руста и нахия»³. Двукратное применение в одной фразе одного и того же термина поучительно. Оно доказывает некоторую неопределённость и полисемантизм заимствованного названия. Не менее интересно имеющееся во втором случае противопоставление руста и нахия. Описывая эти гузгананские нахия, аноним характеризует их как районы исключительно скотоводческого хозяйства.

Третий из терминов, означающих областное, районное деление, — «хан» — подвергся за последнее время рассмотрению в двух работах — в переводе «Путешествия» Ибн-Фадлана и в «Материалах по истории туркмен и Туркмении»; исходя из трактовки этого термина в слозаре де Гье к его изданию географов, первая из этих работ передаёт термин как «город второго разряда в провинции Нишапур»⁴, вторая работа сближает этот термин с термином арабского происхождения «руб» и переводит как «городская четверть»⁵. Тарих-и-Бейхак, не использованная указанными работами, не внося чего-либо существенно нового в определение последнего термина, весьма авторитетно подтверждает правильность подобной трактовки; «руб», по словам указанного источника, соответствует делению города на кварталы и означает деление посёлённых мест, расположенных «в степи и на горах»⁶.

Несомненно, что законченный анализ приведённых терминов требовал бы также описания их происхождения и последующих изменений значения; возникнув в разные периоды, эти термины, как, впрочем, и большинство социально-экономических терминов мусульманского средневековья, продолжали существовать, теряя нередко своё первоначальное значение. Но поставленная нами задача значительно уже: показать на анализе вышеупомянутых терминов фиксированное языком наличие чёткого представления о районе, области, округе. Не менее важно для целей нашего исследования также отметить, что указанная чёткость отсутствует в терминологии, характеризующей категории населённых местностей, входивших в эти районные подразделения.

Применяемые среднеазиатским анонимом термины для обозначения таких посёлённых мест переводятся обычно на русский язык как селение (дих) или деревня, город (касаба, шахр), городок (шахрак). Самое слово «шахрак» (-шахр — город + уменьшительный аффикс) носит описательный характер, а в применении к прочим терминам аноним неизменно прибавляет описательные эпитеты: «большой», «малый», — что, конечно, не может не указывать на некоторую неустойчивость и неопределённость их значения. Отмечаемый факт не является только специфической особенностью анонима; неустойчивость терминов, прилагаемых к тому или

¹ Наршахи, 30.

² Саади «Бустан». Тегеранск. литогр. 12.

³ Худуд ал-алам, 20-6.

⁴ Ибн-Фадлан. Прим. 67. 1939

⁵ «Материалы по истории туркмен и Туркмении». Т. I, стр. 192, прим. 3; стр. 198, прим. 4.

⁶ Тарих-и-Бейхак. Тегеранское издание (ТИ) 1317 (1939), стр. 34.

инному населённому пункту, нередко встречающаяся замена одного термина другим — частое явление в средневековой мусульманской литературе. Причиной такого рода неопределённости в применении обозначений является не только изменение значения того или иного посёлённого пункта, что, конечно, тоже имеет место, но и то обстоятельство, что самое понятие «город» и противостоящее ему в средневековой европейской лексике «деревня», повидимому, в значительной мере были чужды средневековому мусульманскому мышлению. Подтверждением сказанного является отсутствие резко выраженной концентрации ремесла в городском центре: города мусульманского средневекового Востока имеют полуграгрный характер, селения, как правило, занимаются тем или иным видом ремесленного производства.

Аноним называет столицу Хорасана Нишапур — «наибольшим городом». Город находился на равнине к югу от горной цепи Биналуд-кух и занимал площадь в 1 фарсах в длину и ширину¹. Он состоял из цитадели, именовавшейся «старой крепостью», собственно города — шахристана — и предместья — рабада. «Старая крепость не входила в состав шахристана, но находилась рядом с ним и отделялась от него только ровом. В X веке жизнь города, вероятно, вследствие развития торговли и промышленности, всецело перешла в рабад, повидимому, главным образом в южную часть его»².

Дополняя это замечание В. Бартольда, следует отметить, что и старая крепость и шахристан всё же были достаточно плотно заселены³. В Нишапуре скрещивались важнейшие торговые пути, ведущие из Индии и Средней Азии на запад, с побережья Персидского залива на север, в Поволжье. Истахри указывает на торговые отношения Нишапура далеко за пределами мусульманских стран; нишапурские текстильные изделия направлялись в «страны многобожия»⁴. Как ни скудны наши сведения о местной торговле, но и они говорят об интенсивном обмене: из волости Буштафруша ежедневно вывозилось в Нишапур большое количество винограда⁵, волость Устув поставляла Нишапуру хлеб⁶. Город обладал многочисленными рынками, караван-сараями, постоянными дворами, где была ключом оживлённая торговая жизнь. Центр хорасанской торговой жизни, Нишапур был одновременно центром оживлённой ремесленной деятельности. Город славился керамическими и железными изделиями. Особенно развито было в нём текстильное производство. В отличие от западных областей халифата, занятых главным образом выработкой льняных материй, здесь производились преимущественно изделия из хлопчатой бумаги, шёлка и шерсти⁷. Мастерские и всякие ремесленные предприятия занимали отдельные кварталы. И вряд ли был далёк от истины Мукаддаси, оставивший нам в своём сочинении вместе с прославлением города замечание: «Улицы грязные, постоянные дворы в беспорядке, бани нечистые, лавки скверные и стены неровные»⁸. Нишапур со всем его преобладанием ремесленно-торговой жизни над обычной для мусульманского города жизнью дворца и мечети вызывал неблагоприятное впечатление у наблюдателя, привыкшего к степенности и благопристойности городского обихода.

Но даже и такое явное преобладание ремесленно-торговой жизни не мешало Нишапуру сохранять его аграрный характер. Истахри сообщает, что каналы, имея выход за городскими стенами, орошали земли горожан⁹; из рассказа Бейхаки о сражении в предместье Нишапура

¹ BGA, I, 254; III, 316; Худуд ал-алам, 19-а.

² Бартольд В. «Историко-географический обзор Ирача», стр. 65—66.

³ BGA, I, 255.

⁴ Там же.

⁵ Там же, III, 317.

⁶ Там же, III, 316—319.

⁷ BGA, I, 255; III, 322—324; Me z A. «The Renaissance of Islam», p. 459—465.

⁸ Перевод материалов по истории туркмен. Т. I, стр. 197.

⁹ BGA, I, 255.

явствует, что эти земли по большей части были заняты виноградниками и фруктовыми садами¹. Торгово-ремесленные кварталы города непосредственно переходили в сельскохозяйственный район. Последний привлекал знать, устраивавшую здесь свои дворцы и парки. Из таких местностей особенно славилось селение Мухаммед-абад, примыкавшее с одной стороны к городским воротам², а с другой — к Шадьяху, любимой резиденции правителей Хорасана. Один джуфтвар (земельная мера) земли в Мухаммед-абаде стоил, по свидетельству Бейхаки, тысячу дирхем, а с деревьями, посевом и виноградниками цена доходила до 3 тыс. дирхем за ту же меру³. Дворцы, роскошные парки и павильоны Шадьяха были расположены у самого города; среди них особым великолепием выделялся парк, устроенный Амром ибн Лейс — вторым и последним представителем саффаридской династии в Хорасане. Здесь же, среди земель горожан и знати, находились крестьянские земли и постройки. Близкий Бейхака вельможа именно у трёх таких крестьян приобрёл для своего сада земельный участок за 10 тыс. дирхем. Судя по приведённой выше расценке, этот участок не превышал размером 3—10 джуфтваров.

Эти пригородные районы совершенно незаметно для глаза переходили в отдельные волости и округа, ханы и руста. Посевы пшеницы, риса, ячменя, фруктовые сады и виноградники давали полное основание этой части северного Хорасана именоваться житницей области. Но было бы совершенно неправильным полагать, что, выходя из нишапурских ворот, путешественник оказывался в чисто сельскохозяйственных районах. Вышеупомянутая волость Устува, а также Гуян, Бейхак и др. славились не только своими пашнями и садами, но и производством текстильных изделий⁴.

Наршахи даёт нам столь известные и многочисленные примеры широкого распространения ремесленного производства в различных бухарских селениях, что мы не считаем необходимым приводить их на страницах данной работы. Недавно изданная в Тегеране Тарих-и-Бейхак изобилует такими же описаниями: текстильное, кожевенное, керамическое дело было одинаково распространено не только в городах и городках, но и в местностях, именуемых селениями⁵. К этому следует добавив широко развитую добывающую промышленность (медь, железо, серебро, бирюза). «До настоящего времени сохранили своё значение бирюзовые копи, находящиеся в горах... к северозападу от Нишапура, по дороге в Кучан, и являющиеся единственными бирюзовыми копиями в мире, разработка которых приносит доход»⁶, — сообщает В. Бартольд.

Исходя из вышеизложенного, мы можем заключить, что единственным, повидимому, критерием, служившим в описываемое время для разграничения различных названий поселённых мест, были религиозно-административные представления, соединённые, конечно, с историческими воспоминаниями о былой значимости того или иного места. Если «касаба», термин арабского происхождения, означал, как полагают некоторые исследователи, «главный город», или «провинциальную столицу»⁷, то в слове «шахр» и производном от него «шахрак» мы не можем не видеть оттенка древнеперсидского кшатра — *imperium* — власть.

Государственная и церковная земельная собственность составляла в X—XI вв. попрежнему основной и главный вид земельной собственности. Но наряду с этим доминирующим видом собственности мы встре-

¹ Бейхаки ТИ, 436.

² Якут Муджап аль-Булдан, IV, 430.

³ Бейхаки ТИ, 615.

⁴ ВГА, III, 318, 319.

⁵ Тарих-и-Бейхак, 278, 279, 280 и т. д.

⁶ Бартольд В. «Историко-географический обзор Ирана», стр. 66—67.

⁷ Бартольд В. «К истории Мерва», 218. Мез А. Op. cit., ch. XXII.

чаем широко распространённую личную собственность. Как отмечено А. Ю. Якубовским в его работе о султанах Махмуде, «имеются все основания считать, что в саманидскую эпоху в Средней Азии, как, впрочем, и по всему халифату, существовала крупная земельная собственность. Старое дехканство, возглавляемое ещё не до конца ликвидированным при Саманидах потомками иранских князей, оставалось вплоть до падения династии крупным земельным собственником»¹.

Бейхаки даёт нам пример существования такой крупной земельной собственности в районе Нишапура и после падения Саманидов. Таким собственником был род Микаили, ведший своё происхождение от открытого не так давно советской археологией и палеографией согдийского князя Дивасти².

О земельных владениях Микаили Бейхаки сохранил следующий рассказ: как известно, смерть султана Махмуда застала его сына Масуда в Исфагане, далеко от столицы Газны. Получив известие о смерти отца, Масуд немедленно двинулся со своими войсками на восток; по пути в столицу, где в это время султаном был провозглашён другой сын Махмуда, Масуд некоторое время стоял в Нишапуре, собирая силы для дальнейших военных действий против брата.

Среди мероприятий, осуществлённых Масудом в Нишапуре в целях привлечения симпатий хорасанской знати, было и удовлетворение претензий рода Микаили, требовавшего возвращения имений — амляк, — доставшихся в наследство от прадедов живым представителям рода. Эти имения были во времена Хасанака, бывшего везиром покойного султана, захвачены вместе с урожаем — иртифа — как упомянутым везиром, так и другими лицами. Среди этих «других» Бейхаки называет земледельцев (кашаварзов), управляющих (вакилей) и просто могущественных людей³.

Применение Бейхаки термина «иртифа» к земельным владениям Микаили определяет характер этих владений. Термин «иртифа», означая в основном понятие, близкое к русскому «вершь», «повершь»; в рукописи «Кимия-и-саадат» точно определяется как «снятый с поля и доставленный к месту молотбы (хирман-тах) урожай»⁴; примеры такого понимания термина имеются в литературе и до и после Бейхаки⁵. Таким образом, земельные владения Микаили были не просто парками, окружавшими дворец, а сельскохозяйственным полем, приносящим урожай в зерно.

Повидимому, обычно эти земли не составляли единого массива. Этим обстоятельством только и можно объяснить наличие многих управляющих в имениях Микаили. Сиасет-намэ, рассказывая о наместнике Азербайджана, попавшем в опалу, также замечает, что «не было ни одной округи, ни одного города в Хорасане, Ираке, Фарсе, Азербайджане, где бы у него не было дворца, караван-сарая, доходных статей и житниц»⁶. То же самое явствует из рассказа Бейхаки о конфискации имения придворного, подвергшегося опале; конфискованные имения находились в Систане и других местах⁷. Земли крупных землевладельцев были вкраплены в государственные, так называемые хараджные, земли, или их окружали мелкие крестьянские владения, как то было, например, с имением Амбра ибн-Лейс, образовавшимся из скупки земель, принадлежавших жителям селения Буштакан.

На основании находящихся в нашем распоряжении источников трудно сказать, насколько крупны были эти имения. Коронное владение газневидов, расположенное в газнинском округе, согласно Бейхаки, приносило

¹ Якубовский А. «Махмуд Газневи». Сборник в честь Фердоуси, стр. 59—60.

² Тарих-и-Бейхак, 117: именует род «микалтанамы» и выводит происхождение самого Дивасти от Сасанидов. Род, кроме Нишапура, имел ответвление в Бейхаке.

³ Бейхаки ТИ, 36—37.

⁴ Рукопись Газали в Москве. Институт мировой литературы АН СССР.

⁵ Хафт Иклим, 257, «Journal Asiatique». 1862. p. 167, 170, etc.

⁶ Сиасет-намэ. Перс. текст, 34.

⁷ Бейхаки ТИ, 417.

за 15 лет дохода 17 млн. дирхем¹, т. е. в среднем в год около 1133 тыс. дирхем. Это примерно более чем четверть ежегодных поступлений со всех хараджных земель Нишапура в IX веке². Но газневидские коронные владения, естественно, были самыми крупными из числа имений знати. Тарих-и-Бейхак, рассказывая биографию некоего Захи Абу-т-Тейба Тахира, прославившегося делами благотворительности, утверждает, что он не был особенно богатым человеком; его доходы с имения составляли ежегодно 2 тыс. манов зерна и 10 динаров (очевидно, золота)³.

Среди захватчиков земельной собственности рода Микаили Бейхаки, как было указано, наряду с управляющими и могущественными людьми упоминает кашаварзов (этот термин переведён нами как земледельцы, землепашцы). Уже одно приравнение кашаварзов к управляющим и могущественным людям говорит само за себя. Нет ни малейшего сомнения, что под именем расхитивших земли Микаили землепашцев скрываются в рассматриваемом тексте Бейхаки те же мелкопоместные собственники, которые при описании двух земельных сделок в селении Мухаммед-абад выступают в том же источнике под наименованием в одном случае кадхуда (домохозяева), а в другом — дихкане⁴. Кашаварзы, кадхуда, дихкане — это свободное крестьянство XI в., генеалогия которого, как и вышеописанного знатного рода Микаили, уходила в домусульманские времена. Рассказы Бейхаки подтверждают значительное распространение этого мелкопоместного владения. Сообщая о бедствиях, постигших Мухаммед-абад в связи с приготовлениями Масуда к последнему походу против туркмен, Бейхаки указывает на массовое разорение и обнищание этих мелких владельцев, которые «продавали жилища, расколовши кровли». Эти мелкопоместные владения находились не только вблизи города. Сиасет-намэ сообщает о наличии такого же лица, именуемого в Сиасет-намэ азадмардом (благородный), на весьма далёком расстоянии от города⁵.

Анализ слова «азад-мард», произведённый нами по Сиасет-намэ⁶, показывает, что это слово, означавшее в домусульманское время свободное, привилегированное сословие, в мусульманское время, теряя своё прежнее значение, выступает в смысле «благородный», «доблестный» с тем, однако, отличием при сопоставлении с другими терминами, что применялось оно неизменно к лицам, являвшимся не только свободными, но и достаточно независимыми в имущественном отношении.

Тот же источник в рассказе о благородной, престарелой и бездетной вдове даёт прекрасную иллюстрацию того, как именно эксплуатировались подобные земли: «Оставшись одинокой, она (т. е. вдова) кусок наследственной земли отдавала земледельцу — барзигару — для обработки; таким образом, она получала от той земли столько, что могла отдать и государеву часть и долю земледельца, причём у неё самой оставалось столько, что до нового урожая у неё ежедневно было четыре хлеба»⁷. Таким же образом, несомненно, эксплуатировались и земли рода Микаили.

Термин «барзигар» означал, как видно из приведённого текста, крестьянина-издольщика, составлявшего основную массу сельскохозяйственного населения. Кроме уплаты поземельного налога — хараджа — и доли земле-владельцу (в случае работы на землях дихкан) барзигар нес множество других повинностей. Такой общей для всех крестьян повинностью был хашар. Термин «хашар», означавший в монгольских и послемонгольских источниках исключительно крестьянское ополчение, принудительно наби-

¹ Бейхаки ТИ, 125—126.

² ВГА, VII, 278.

³ Тарих-и-Бейхак, 126—127.

⁴ Бейхаки ТИ, 614—615.

⁵ Сиасет-намэ. Перс. текст, 71.

⁶ Там же, 26.

⁷ Там же, 33.

раемое в завоёванной стране, в источниках домонгольских выступает как в этом значении¹, так и в значении вообще крестьянского населения, занятого отбыванием государственной или помещичьей барщины. В Сиасет-намэ и у Бейхаки термин выступает исключительно в последнем значении; в рассказе о Хосрове Ануширване и Маздаке хашар призывают из руста для работ по благоустройству парка и для рытья ям². У Бейхаки хашар занимается постройкой дворца Масуда в Газне³, расчисткой дорог от выпавшего снега⁴, принимает участие в государевой охоте в качестве загонщика ззереи⁵. Кроме такой общей повинности эксплуатируемое крестьянство должно было нести разные личные повинности, например доставлять корреспонденцию чиновников⁶ и т. д. Эти личные повинности обозначались термином «бегар» или «бегари», встречающемся у Бейхаки в паре с «хашар»⁷. Термин этот несколько лет тому назад был подвергнут подробному разбору на страницах лондонского востоковедческого журнала.

Остановливаясь в своей работе по восточному (мусульманскому) средневековью на специфических условиях развития ремесленного производства, я имел случай заметить, что в отличие от Европы «городское» торгово-ремесленное население так и не смогло выйти из-под всеобъемлющей опеки землевладельца-феодала⁸. Замечание это относилось к периоду, когда ленное землевладение стало преобладающим на всём Ближнем и Среднем Востоке. Но начало этого явления, его, так сказать, «корни» уходят далеко в досельджукский период.

Широкое развитие товарно-денежных отношений на мусульманском Востоке в раннее средневековье привело к тому, что и землевладение оказалось здесь заинтересованным в торговых операциях. Образование громадного мусульманского государства содействовало росту этих операций, придавало им поистине мировой характер. Упомянутый выше наместник Азербайджана, владевший и общинными землями и торгово-купеческими предприятиями, не был исключением. Наршахи подробно рассказывает о торговых операциях землевладельцев бухарской области, ведших постоянную торговлю с Китаем; крупнейший землевладелец Бухары, бухар-худат, имел в своём владении почти все горговые заведения города, напоминая в этом отношении фатимидского халифа в Египте XI в., который, по рассказу путешественника, не только захватил в свои руки всю торговлю хлебом, текстилем, имел громадный, лично ему принадлежавший флот, многочисленные торговые заведения, но даже сдавал в аренду жилые дома и комнаты в этих домах.

Кажется, Абу Юсуф Якуб, автор знаменитого трактата о поземельном налоге времён халифа Харун ар-Рашида, впервые отметил: «Земля, по моему мнению,—то же, что золото»⁹. Писатели X—XI вв. приводят ряд пен на землю. Бейхаки отмечает бесшабашную спекуляцию земельными участками в Нишапуре¹⁰. Наряду с земельными владениями старинного дикханства, существовали владения, принадлежавшие лицам, происхождение которых вряд ли хорошо было известно даже современникам; чиновник, купец, зажиточный горожанин становились не только владельцами земельной собственности, но в некоторых случаях, избегая посредничества управляющих, сами хозяйствовали на приобретённых землях¹¹.

¹ Тарих и Систан, 291.

² Сиасет-намэ. Перс. текст, 180.

³ Бейхаки ТИ, 508.

⁴ Бейхаки ТИ, 544.

⁵ Бейхаки ТИ, 275 и глосса из полей.

⁶ Сиасет-намэ. Перс. текст, 72.

⁷ BSOS, IX, p. 4; Minor sky V. «A soyourghal», p. 950, 954.

⁸ Заходер Б. «История посточного средневековья (халифат и Ближний Восток)», стр. 106. 1944.

⁹ Франц. перев.—Fagnan, 91.

¹⁰ Бейхаки ТИ, 616.

¹¹ Бейхаки ТИ, 364.

Сиасет-намэ сохранил весьма интересный с разных точек зрения рассказ о купце, содержащий перечисление его имущества: «Я, сын такого-то человека, купца, дом моего отца в этом городе, в таком-то квартале. Все знают моего отца, каков он был и обладал скольким имуществом. Когда отец мой скончался, я в течение нескольких лет предавался влечениям сердца, удовольствиям и винопитию, затем на меня напал сильный недуг, так что я потерял надежду на жизнь. Во время этой болезни я дал обет богу, если выживу, совершу хадж и отправлюсь на священную войну. Бог мне подал исцеление... тогда... я освободил всех бывших у меня невольниц и рабов, раздал им золотого, земельные участки и дома, пережил их, распродал домашние вещи и торговые помещения и получил пятьдесят тысяч динаров наличными деньгами»¹.

Близкая связь между землевладением и торговлей, а также между сельским хозяйством и ремеслом в достаточной мере объясняет то специфическое положение, в котором находилось ремесленное производство на мусульманском Востоке. У нас существует полная уверенность, что отсутствие в источниках раннего средневековья каких-либо упоминаний о цеховой организации ремесленников, а также о сколько-нибудь влиятельном положении ремесленных глав не является только признаком феодально-придворного происхождения литературы, которой мы пользуемся. На мусульманском Востоке подлинным «главою» ремесленного производства было всё то же всеильное землевладение.

Сиасет-намэ в повествовании о начале династии саффаридов-медников в Систане сохранил следующие слова Якуба ибн-Лейса, основателя династии: «Я — сын медника, от отца обучился делу медника; моей пищей были ячменный хлеб, рыба, лук и зелень»². Не касаясь несомненной, по нашему мнению, недостоверности этой псевдоавтобиографии Якуба, всё же мы не можем не отметить её большой значимости для характеристики положения ремесла. Как известно, основатель саффаридской династии происходил из небольшого городка (шахрак), называвшегося Карни, или Карнейн. Приведённые слова псевдоавтобиографии свидетельствуют о наличии наследственного ремесла в местности, ремесленное значение которой было, судя по источникам, совершенно ничтожно, и о необеспеченности ремесленника. И то и другое находит подтверждение в имеющемся материале.

Известный рассказ Наршахи о ткацком заведении в Бухаре, которое выделяло ткани «такого высокого достоинства, что за одну занавесь можно было сдать всю поземельную подать Бухары»³, свидетельствует не только о наличии высококвалифицированных мастеров, но и сосредоточении их в одном месте. Естественно, что подобное высокое мастерство в условиях средневекового производства не могло не носить наследственного характера. Надо ли говорить о передаваемых из поколения в поколение навыках, которые лежали в основе производства таких замечательных нишапурских изделий, как ткани «шахиджани»⁴, «пайбаф»⁵, «рахтадж» и «тахтадж»⁶, «аттаби»⁷, «мушти»⁸ и т. д.

Произведённое некоторое время тому назад советским этнографом А. Н. Кондауровым обследование одного из малодоступных горных районов Таджикистана позволило познакомиться с «домашней промышленностью» ягнобцев, весьма напоминающей своими чертами то, что было

¹ Сиасет-намэ. Перс. текст, 69.

² Сиасет-намэ. Перс. текст, 14.

³ Русский перевод Н. Лыкошина, стр. 29.

⁴ То есть заимствованное производством из Мерва Шахиджан.

⁵ Ибн-Фадлан. Прим. 193; «Материя, вытканная на особом ножном станке».

⁶ Возможно, от персидского «рах» — дорога, «тадж» — шапка; «тахтадж» — уменьшительное арабизированное от «тахтак» — «тахтэ» — род покрывала.

⁷ Средневековое латинское attabi, испанское tabis — шёлковая волнистая ткань (см. Худуд ал-алам, 29-а; J. a. XIX, p. 94; GHS, XI, 131).

⁸ Фарс-намэ, 122, упоминает как ткань производства Йезда.

широко распространено в старину по всему мусульманскому Востоку¹. В нашем распоряжении имеются отрывочные, но яркие данные, свидетельствующие о крупных вознаграждениях, полученных тем или иным искусником средневекового Востока, сумевшим унаследованным с глубокой древности мастерством заслужить восхищение ильможи-мепената. Но не эти данные, конечно, могут характеризовать общее положение ремесла.

Необычайное развитие товарно-денежных отношений придало всему восточному ремесленному производству чуть ли не с самого возникновения халифата массовый характер. Основной фигурой ремесленного производства в этих условиях был не искусник-мастер, уstad, а тот ахль аль-амал (в буквальном переводе — «люди дела, работы»), о котором упоминает Ибн-Хаукаль при описании нишапурских ремесленных базаров² и который, по нашему мнению, идентифицируется с персидским муздар — получающим музд (плату) за работу. Анализ этого «музда» приводит нас к убеждению, что в лице муздвара или ахль аль-амал мы имеем того же издольщика-барзигара, действующего только не на поле, а в разного рода мастерских обрабатывающей промышленности и рудниках промышленности добывающей. Как и в земледелии, в ремесле были заняты мужчины и женщины³. Как и в земледелии, положение муздвара было ужасным. Житие Абу-Саида рассказывает: желая прельстить оскорбленного его нишапурского ремесленника, кассаба, Абу-Саид приказал подарить оскорбителю пару обуви, хлопчатобумажную ткань и чалму, предварительно обмыв благодетельствуемого в бане⁴.

Рассказ Наршахи о ткацком заведении в Бухаре нам кажется весьма поучительным и в другом отношении. По существу дела, вся огромная развитая ремесленная промышленность мусульманского Востока представляла собою колоссальную мастерскую, где хозяйничал тот же землевладелец, патриций, независимо от того, был или не был он связан непосредственно с торговыми операциями. Наблюдавший египетское текстильное производство Насир-и-Хосров сообщает, что вся продукция египетских текстильщиков шла на склады халифа. Фарс-намэ оставил нам бесценный отрывок, рассказывающий о технике передачи ремесленником выработанного им. Вся продукция, выработанная текстильщиками, просматривалась специальным контролёром эмира, носившим название байа, и лишь по удостоверении доброкачественности сдаваемого поступала на склады эмира⁵. Бесперемонная эксплуатация ремесленного населения крупным землевладением сопровождалась не менее бесперемонным перемещением ремесленников по желанию того или иного эмира, султана, халифа. Бейхаки рассказывает, что султан Махмуд из любви к столице своей Газне насильно отправлял гуда на жительство всех, кого считал мастерами в своём деле⁶. Малоземелье, результат необходимости искусственного орошения и низкой техники феодального времени, постоянно обеспечивало землевладельца кадрами ремесленников, положение которых весьма походило на положение тех рабов, что с утра до вечера трудились в переписочной мастерской историка Вакыди (IX в.), принося их хозяину доход в 100 динаров⁷.

Именуя условно «патрициатом» хорасанских землевладельцев X — XI вв., мы хотим подчеркнуть то существенное, что отличало этих землевладельцев от старинного иранского дикханства. Тесно связанные с ремеслом и торговлей, хорасанские патриции представляли собою самую

¹ Кондауров А. «Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев», стр. 13. 1940.

² BGA, II, 311.

³ Бейхаки ТИ, 205.

⁴ Абу-Саид, 149.

⁵ Фарс-намэ, 146.

⁶ Бейхаки ТИ, 205.

⁷ Фихрист, 98.

предприимчивую часть господствующего класса. «Книга генеалгий» Самани (XII в.) и Тарих-и-Бейхак дают нам исчерпывающую картину распространения этих патрицианских семей по городам, городкам и селениям Хорасана и Средней Азии, а многие историко-литературные сочинения того времени показывают представителей этих семей далеко за пределами родины и даже за пределами мусульманского мира в качестве энергичных купцов, ростовщиков, послов и чиновников. Именно среди этой части господствующего класса мы находим первые реальные признаки наличия самоуправления в лице так называемой «знати кварталов и базаров»¹, всякого рода «шейхов»², «пиров»³ и «раисов».

В. Бартольд, останавливаясь на значении термина «раис», замечает: «По наследству от отца к сыну нередко переходила должность раиса — начальника города и округа, которая в домонгольский период ещё не имела своего нынешнего полицейского характера. Раис был первым лицом города и представителем его интересов; через него государь выражал свою волю жителям. Очень вероятно, что раис, по крайней мере в первое время, назначался из представителей знатнейших местных родов»⁴. У Бейхаки мы находим термин «раис» неизменно в сочетании с чиновниками и знатными людьми⁵. Из описания посольских приёмов у Бейхаки явствует, что среди прочих обязанностей раис ведал украшением города в торжественных случаях, а также порядком на улицах⁶. Сиасет-намэ передаёт следующий рассказ, характеризующий благотворительные функции такого главы округа: «Я — раис такой-то округа. Мой дом всегда был открыт для гостей, странников, учёных и образованных людей. Я уважал людей и помогал несчастным. Я постоянно творил милостыню и благотворительность заслуживающим того по своим достоинствам... всё, что я унаследовал из имений и поместий, я трагил на добрые дела и гостеприимство»⁷.

Изданная несколько времени тому назад в Тегеране систанская хроника (Тарих-и-Систан) дала впервые возможность более или менее полно ознакомиться со структурой военных отрядов, находившихся в распоряжении таких патрицианских самоуправлений. Это были наёмные войска, составленные из добровольцев. Находились они под начальством избираемого ими же серхенга и носили наименование айяров⁸. Местом их обычного нахождения был город; Ибн аль-Асир упоминает о «цитадели айяров» в Самарканде⁹. Обслуживая интересы местной знати, содержавшиеся за её счёт отряды, составленные по преимуществу из тех же барзигаров и муздаров, нередко превращались из послушного инструмента господствующего класса в буйный элемент феодальной анархии.

Десятое столетие, названное в неоднократно уже цитированной работе А. Меца «Ренессансом ислама», характеризуется резким подъёмом во всех областях жизни почти для всего мусульманского мира. Для Хорасана и Средней Азии этот подъём конкретизировался в образовании могущественного государства Саманидов, в политическом отношении создавшего впервые в истории единое целое из этих двух областей, а в культурном отношении давшего ряд деятелей, имена которых занимают по праву одно из первых мест в списке замечательных людей средневековья. Топография монетных кладов, раскопки и изучение памятников материальной культуры, письменные источники — всё указывает на необычайно интенсивное развитие и экономической жизни. Хорасанские и средне-

¹ Бейхаки ТИ, 41.

² ВГА, III, 315.

³ Сиасет-намэ. Перс. текст, 37 и 51.

⁴ Бартольд В. «Туркмения в эпоху монгольского нашествия», 244.

⁵ Бейхаки ТИ, 34, 419.

⁶ Там же, 288, 375 и т. д.

⁷ Сиасет-намэ. Перс. текст, 23.

⁸ Тарих-и-Систан, 161 и прим. 3.

⁹ Ибн аль-Асир, IX, 113.

азиатские ремесленники работали на далёкие рынки. Торговые связи с Средиземноморьем и Дальним Востоком окрепли, приобрели регулярный характер. Для нас, советских историков, особенно примечателен факт непосредственного участия Поволжья (Болгары) в этих связях; ровно столетие спустя после путешествия на Волгу Ибн-Фадлана, в 1024—1025 гг., от болгарского царя в Хорасан было направлено посольство примерно с той же целью, что и багдадское посольство, — содействовать укреплению мусульманства¹. В этих условиях удельный вес той части господствующего класса, которая названа нами патрициатом, увеличивался. Вопрос о формах государственного устройства глубоко затрагивал материальное благополучие широких кругов населения.

Газневидское государство, в состав которого вошёл Хорасан, в конце X в. представляло собою последнюю попытку реставрировать на Востоке мусульманского мира строй аббасидского халифата времён Харун ар-Рашида, Мамуна, Мутасима. Основывая своё могущество на подавляющем фоне государственных хараджных земель, газневидское государство, достигшее зенита своего расцвета при выдающемся султани Махмуде (998—1030), проводило в политике строгий принцип централизации власти, сопровождавшейся борьбой против владельцев крупной земельной собственности. Снасет-намэ передаёт следующий рассказ, дающий ясное представление о сущности этой политики: «Султан (Махмуд) назначил в качестве наместника в Хорезме (именовавшегося «хорезм-шах») эмира Алтунташа, который занимал ранее пост великого хаджиба². Тот отправился в Хорезм, а налог ибра³ Хорезма составлял пятьдесят тысяч динаров. Прибыл в Хорезм, Алтунташ по истечении года направил в Газну своих доверенных и обратился с просьбой разрешить взять в качестве джамъ (вознаграждение, буквально — «расходы на одежду») шестьдесят тысяч динаров непосредственно из (упомянутых) налогов Хорезма, а не из дивана (центральное государственное казначейство). Везиром в то время был Шамс ал-куфат Ахмед ибн-Хасан Мейменди.

Прочитав послание хорезм-шаха, он немедленно написал в ответ: «Во имя бога милосердного и всепрощающего! Да будет известно эмиру Алтунташу, что он не «махмуд» (игра слов: махмуд — имя султана и арабское причастие «хвалимый»). Ником образом эти налоги не могут ему быть предоставлены, собери их, доставь в казнохранилище султана, получи расписку, а тогда и проси требуемое тебе содержание»⁴.

Внимательное рассмотрение мемуаров Бейхаки, изобилующих описаниями имущественного состояния того или иного члена газневидской бюрократии, показывает, что среди газневидских «людей пера» и военных лица, владевшие крупной земельной собственностью, редки и нетипичны. Это положение подтверждается анализом двух особенно часто встречающихся в мемуарах явлений, бытовавших при газневидском дворе, описанию которых Бейхаки, естественно, уделяет большое внимание, — опалы и пожалования.

Процедура предания опального сановника казни или тюремному заключению в то время, кроме умения захватить опального, требовала также со стороны исполнителей государевой воли умения конфисковать имущество; обычно снятие показаний об имущественном положении опального происходило в присутствии духовного судьи и сопровождалось составлением протокола, в котором подробно перечислялись все категории подлежащего конфискации имущества⁵. Рассмотрение этого рода сообщений показывает, что в состав конфискованного преимущественно входило:

¹ Тарих-и-Бейхак, 53.

² Высший военно-придворный чин, нечто вроде коменданта дворца.

³ Средний ежегодный доход с феодального владения. См. Poliak A. «Some notes on the feudae system of the Mamluks», p. 99.

⁴ Снасет-намэ. Перс. текст, 206.

⁵ Бейхаки ТИ, 182.

золото, серебро, драгоценные камни¹, рабы и рабыни², городские или пригородные дворцы или парки³. Такой же результат получается и от анализа сообщений Бейхаки о пожалованиях, сопровождавших назначение на мало-мальски высокий пост. Как правило, эти пожалования, так называемое «одевание в халат», составляли самые разнообразные предметы — рабы, вооружение, животные, вплоть до боевых слонов⁴, но нигде нам не удалось найти какое-либо указание на присутствие среди жалуемого земель, имений или деревень. Последним и, пожалуй, наиболее существенным аргументом, подтверждающим наше основное положение, является анализ источников дохода подавляющего большинства газневидской бюрократии, военной и гражданской. Этими источниками дохода являлось регулярно получаемое из государственного казначейства содержание, носившее самые разнообразные названия, вроде упомянутого выше джамэ, или джамэти (содержание на одежду, расходы по одеванию), мушахарат (помесячное содержание, выдававшееся чаще всего натурой), бистагани (содержание воинам) и т. д.

Намеченная ещё при султана Махмуде политическая линия на уничтожение всех опасных для хараджного землевладения соперников неизбежно приводила к открытой борьбе с земельными собственниками и сопровождалась многочисленными казнями, конфискациями и опалами. Несмотря на временные послабшки в начале царствования Масуда (упомянутое выше дело Михаила), в 30-х годах XI в. мы наблюдаем продолжение той же линии. Естественно, что хорасанский патрициат оказался ярким противником газневидского режима, пытавшегося восстановить то, что изживалось или было изжито в большинстве стран современного газневидам мусульманского мира.

Неизбежность крушения режима была заметна не только по всё учащавшимся нападениям разрозненных туркменских отрядов на газневидские границы, но и по многим явлениям внутри этих границ. Несмотря на непрекращающиеся казни, карательные экспедиции и поистине вездесущий сыск, смерть султана Махмуда оказалась роковой для дальнейшего господства газневидов над Средней Азией и Хорасаном. Скованные военным талантом Махмуда, силы оппозиции газневидскому режиму пробудились к действию в правление малоспособного Масуда. При созревании туркмен на северных границах особенно опасно было отделение Хорезма, передового поста газневидских владений в кочевой тюркской степи. Наследовавший верному газневидскому наместнику в Хорезме — Алтунташу — его сын Харун не замедлил использовать благоприятную ситуацию после смерти султана Махмуда и провозгласил себя в 1034 — 1035 (425—426) году независимым правителем, вступив вместе с тем в союз со среднеазиатскими кочевниками.

Но ещё более опасной оказалась борьба в самом Хорасане. Как и большинство общественных движений средневековья, эта политическая, по существу, борьба внешне носила религиозный характер. Газневидская оппозиция нашла своё выражение в специфической деятельности суфизма того времени.

Упомянутое в главе об источниках апологетическое житие старца Абу-Саида даёт замечательный и мало использованный в этом отношении до сей поры материал. Правда, посвящённое апологетике одного лица, это сочинение в самом своём существе тенденциозно: фигура Абу-Саида настолько доминирует в нём, что невольно создаётся впечатление о подчинённом положении всех упомянутых в сочинении лиц. В действительности, наряду с Абу-Саидом в Хорасане действовали и другие, столь же полновластные духовные вожди, да и сам Абу-Саид с умной насмешливостью сравнивал свою власть лишь с властью эмира, ограниченного пре-

¹ Бейхаки ТИ, 156 — 158, 228, 235.

² Там же, 228, 235, 330.

³ Там же.

⁴ Там же, 344.

делами собственного владения¹. Верно и то, что многое в этом сочинении (особенно по части терминологии), составленном полтора века спустя после смерти самого старца, возбуждает сомнение и представляется более относящимся к сельджукскому, чем к газневидскому, времени. Но всё же самая основа трудолюбиво собранных праправнуком старца рассказов, по нашему мнению, точно и с поразительной полнотой отражает реальную историческую действительность.

В первой половине XI в. суфийская организация в Хорасане представляла собою весьма мощное учреждение, мало напоминавшее полумонашеский орден, направивший все свои помыслы на умерщвление плоти и отказ от всего мирского. Где-то позади, в далёком прошлом, остались у самого старца подвиги самоистязания, пустынножития и аскетизма. Ставши шейхом, он походил более на князя, чем на главу дервишей-нопрошаек. Окружённый свитой в сотню и более муридов, восседающий на коне среди благоговейного молчания, в суфе из византийской ткани и драгоценном дастаре, Абу-Саид не выражался о себе иначе, как в третьем лице множественного числа²; в его подчинении и приближённые, как у эмира, слуги³ и представители знати, чиновники и военные.

Суфийская ханака была не только местом радений, но и своеобразным политическим клубом того времени. Послушать «слово» прибывшего знаменитого проповедника собирались знатные и бедные, старики и дети, землевладельцы и маклера с базара, слушатели заполняли внутреннее помещение ханаки, сидели на кровле, толпились у входа. Житие Абу-Саида, как и аналогичные ему памятники христианской литературы, является исключительным источником для характеристики быта и нравов. В рассказах, посвящённых «речам и подвигам», мы встречаем разнообразные персонажи: игрока на тамбуре, в молодости пользовавшегося большим успехом, а в старости вынужденного жить на кладбище⁴; городского мухтасиба, неукоснительно блюдущего законы шариа⁵; притеснителя-военного⁶; женщину-певицу в роскошных одеяниях; представителей купечества, чиновников, ортодоксального духовенства.

Достаточно ясно очерчены и те силы, которые стояли за орденом. Сам Абу-Саид происходил из семьи, владевшей недвижимой собственностью в Мейхене и вместе с тем занимавшейся торговлей (отец Абу-Саида был купцом-парфюмером)⁷. Те же владетельные и состоятельные патриции, называемые в «Житии» «великими», иногда — «знатными», сопровождают Абу-Саида на всём его жизненном пути. Как ни приблизительны указания на стоимость подарков и милостыни, полученных орденом, всё же они заставляют предполагать о весьма значительных средствах, находившихся в руках глав хорасанского суфизма.

Являясь проводником политических интересов патрициата, суфийский орден представлял собою организацию, направленную против газневидского режима. Отражением этой противогазневидской политики суфизма, несколько заглушённым длительным периодом времени, отделявшим составление «Жития» от подлинных событий, является ряд рассказов, из которых мы узнаём, что ортодоксальное мусульманское духовенство Нишапура жаловалось на суфиев в Газну, предлагая правительству обратить внимание на деятельность лжеотшельников, которая, по мнению авторов жалобы, грозила «общим смятением и мятежом». Один из рассказов сообщает, что Масуд, называвший суфиев «колючеусыми»⁸, приказал войскам осадить и взять с боем резиденцию шейха Мейхене⁹.

¹ Абу-Саид, 68—69.

² Там же, 12.

³ Абу-Саид, 76. Надима п-и-хасс.

⁴ Абу-Саид, 139.

⁵ Там же, 134.

⁶ Там же, 144.

⁷ Там же, 13 и 44.

⁸ Бейхаки ТИ, 522; буквально: «с усами, похожими на пилу».

⁹ Абу-Саид, 205: в рассказе, что примечательно, Масуд назван Сури, т. е. немцем-наместником-притеснителя. О нём ниже.

Патрицианский характер политики хорасанского суфизма объясняет нам и ту, на первый взгляд, малопонятную близость, которая существовала между членами сельджукской туркменской династии и суфиями. Вожди туркмен Тогрул и Чагры выступают в литературе того времени, осиянные мистическим светом «колючеусых». «Чагры и Тогрул, — рассказывает «Житие», — прибыли на паломничество и службу к шейху в Мейхене... Прибывшие подошли к месту, где сидел шейх, произнесли «салам» и, поцеловав его руку, встали перед ним. Шейх, как было у него в обычае, откинул голову и в таком положении оставался около часу. Затем он сказал Чагры: «Мы даём тебе царство над Хорасаном»; «Мы даём тебе царство над Ираком», — сказал он Тогрулу»¹.

Несмотря на своё влиятельное положение, хорасанский патрициат, естественно, не мог сам справиться с газневидским султаном, обладавшим значительным материальным и военным превосходством. По собщению Бейхаки, задолго до первых решительных побед сельджуков хорасанская знать «писала послания в Мавераннахр (Средняя Азия), отправляла послов, жаловалась и побуждала тюркскую знать (к выступлению)»². Близкие связи хорасанских и среднеазиатских суфиев³ могли играть самую существенную роль в деле сближения хорасанского патрициата и вождей туркмен-огузов.

Причины потери Хорасана, этой жемчужины газневидской короны, были предметом споров и много лет спустя после решительного поражения и трагической гибели Масуда — несчастного сына великого отца. Следы этих споров встречаются у Бейхаки в приводимых им речах вельмож и рассуждениях самого автора мемуаров. И кажется, нет ни одного лица в мемуарах, которое производило бы более двойственное впечатление, чем всемогущий начальник финансово-налогового управления Хорасана сахиб-диван Абу-ль-Фазль Сури, который, по мнению Бейхаки, и был главным виновником перехода цветущего края во власть сельджуков.

Точка зрения самого автора явствует из приводимого им рассказа о халифе Харун ар-Рапиде и известном его наместнике Али ибн-Иса, неистовыми своими поборами возбудившего ненависть населения, сказочно богатыми подношениями заслужившего слепое доверие халифа. Результатом административной деятельности Али ибн-Иса было восстание в Мавераннахре, приведшее ко многим бедствиям, в том числе и к смерти самого халифа, вынужденного лично двинуться на усмирение восстания⁴.

Аналогия между Али ибн-Иса и Абу-ль-Фазлём Сури, Харун ар-Рашидом и Масудом достаточно прозрачна у Бейхаки. Подобно Али ибн-Иса, хорасанский сахиб-диван прибывает к Масуду в Газну с богатыми подношениями, общая стоимость которых выражалась в сумме 4 млн. дирхем⁵. Как Харун, Масуд не желал слушать людей, пытавшихся возбудить подозрение против временщика, и высказывал сожаление, что у него мало слуг, равных по достоинству нишапурскому наместнику. «У хорасанского народа надо узнать, — говорит близкий друг и собеседник Бейхаки, — сколько мучений постигло и благородных людей и простонародье, чтобы были сооружены такие подношения». «Он (Сури), — добавляет Бейхаки от себя, — уничтожил в Хорасане знать и раисов, отобрал безмерное имущество, и те знатные люди стали обездоленными»⁶.

Но вместе с тем тот же Бейхаки характеризует Сури как весьма энергичного администратора. В Тусе Сури выстроил на гробнице Али ибн-Муса ар-Риза минарет, на содержание которого приобрёл деревню. В Нишапуре им был выстроен мусалла такой роскоши, с какой, по мнению Бейхаки, не строили и эмиры. Были произведены ирригационные работы по благоустройству речонки, посаждавшей населению своими разливами.

¹ Абу-Сайд, 20.

² Бейхаки ТИ, 419.

³ Абу-Сайд, 117, 366—367.

⁴ Бейхаки ТИ, 421—429.

⁵ Там же, 419.

⁶ Там же, 418—420.

Строительная деятельность Сури распространялась и за пределы Нишапурского округа: в Фараве и Неса были сооружены постройки, пользовавшиеся известностью и в то время, когда Бейхаки составлял свои воспоминания.

Но и все описанные положительные стороны деятельности Сури, по мнению Бейхаки, «не могут искупить греха тиранства», и даже строительная деятельность нишапурского наместника есть не что иное, как «красть хлеб у соседей и отдавать соседям»¹.

Чем объяснить подобную двойственность Бейхаки? Верный газневидский чиновник Бейхаки видел в деятельности Сури воплощение той политической линии, которая характеризовала внешне блестящее правление султана Махмуда и которая неуклонно проводилась его последователями, называемыми в мемуарах «махмудийцами», во главе с сачим Масудом. Но вместе с тем, тесно связанный с дихканством и Хорасаном, Бейхаки не мог не видеть губительных последствий этой политики, чреватой не только феодалными смутами, но и крупными социальными конфликтами. Описанные им восстания в Кермане и Хорасане полностью разъясняют позицию и колебания автора мемуаров.

Керман, считавшийся газневидской стратегией плацдармом для господства над Систаном и Исфаганом, подчинился Газне ещё в правление султана Махмуда². В качестве правителя туда был в своё время направлен Ахмед ибн-Али Нуштегин, представитель высшей командной верхушки гвардии, бесподобный казалерист и несравненный игрок в конное поло³. Деятельность Нуштегина в Кермане, очевидно, протекала в формах, обычных для газневидской политики. «Податное население успокоилось, — повествует Бейхаки, — и стало плагить налоги»⁴. В 1034 г. это обманчивое спокойствие закончилось: среди керманской знати возник заговор с целью изгнать «махмудийцев». В происшедшем сражении газневидские войска потерпели решительное поражение. Основная часть войск, состоявшая из дворцовых гулямов, вместе с Ахмедом ибн-Али-Нуштегином двинулась из Канна в Нишапур; племенное ополчение бежало в Мекран, а бывшие в войске индийские отряды направились в Систан и оттуда в жалком состоянии прибыли в Газну⁵. Прибытие разбитого в Кермане Нуштегина в Нишапур совпало со временем хорасанского восстания, едва ли не самого крупного события периода досельджукского завоевания.

Бейхаки считает, что причиной тусского восстания была старинная вражда, имевшая место с давних времён между тусцами и нишапурцами⁶. Надо заметить, что о враждебных отношениях между Тусом и Нишапуrom значительно ранее Бейхаки упоминает и Мукаддаси, характеризуя Тус как область смутьянов и разбойников⁷. Но также не следует забывать, что Нишапур по отношению к Тусу был с начала IX в. административным центром, ненависть к которому объяснялась не столько враждебными отношениями жителей между собой, сколько вполне понятным озлоблением обираемого населения к городу, где находились главные обиратели.

Восстание началось вслед за отъездом Сури из Нишапура в Газну с упомянутыми подношениями султану Масуду, т. е. в конце июля — начале августа 1034 г., когда, следовательно, были закончены работы по сбору урожая и наступало время собирания налогов. Даваемая мемуарами характеристика восстания не оставляет сомнения в его классовом характере. По словам Бейхаки, повстанцы были «негодяями», улучившими удобный момент, чтобы ограбить Нишапур: они шли из Туса пешие, не

¹ Бейхаки ТИ, 421.

² Там же, 434.

³ Там же.

⁴ Там же, 438.

⁵ Там же, 437 — 439.

⁶ Там же, 434.

⁷ ВСА, III, 319, прим. по рукописи «С».

соблюдая боевого порядка, поставив своим предводителем какого-то неизвестного человека, поднимая такую сумятицу и крики, что «ты сказал бы: раскрылись все двери нишапурских караван-сараяв»; количество восставших Бейхаки сравнивает со множеством муравьёв и саранчи. Навстречу повстанцам двинулся только что прибывший из Кермана Ахмед Нуштегин со своими гулямами. Построенные в классический для феодальной стратегии порядок, гвардейцы применили против повстанцев излюбленную тактику; повстанческие отряды, не знающие военной хитрости, попали в засаду, завлечённые притворным бегством авангарда гулямов, и были разбиты. Для казни захваченных в плен, по приказу Нуштегина, были выстроены виселицы (форма казни, недопустимая для благородного человека); головы убитых в бою повстанцев были расположены вокруг подножья виселиц¹. Абу-ль-Фазль Сури поспешно был направлен из Газны обратно в Нишапур².

Кажется, Мирхонд (XV в.) первый отметил стремление мусульманской исторической традиции считать начальной датой сельджукского владычества в Хорасане 1025—26 (416) г., когда султан Махмуд вопреки указаниям и советам своего хаджиба Арслана Джазиба разрешил 4 тыс. туркмен перейти Аму-Дарью и поселиться в северном Хорасане³. Два года спустя, обеспокоенный постоянными жалобами населения на нападения и разбои туркмен, султан Махмуд предпринял поход на их становища. Часть разбитых газневидскими войсками туркмен ушла в Балханские горы, другая часть, в количестве 2 тыс. шатров, направилась в Исфаган, а затем в Азербайджан⁴, где вступила в вассальные отношения с правителем области Вахсуданом⁵.

В 1037—38 (429) г. туркмены захватили Мерагу, перебив значительное число жителей⁶. Вытесненные затем из Азербайджана, они направились частью на Хамадан под водительством Мансура и Кукташа, частью — на Рей под водительством Бука⁷. Действия ушедших на запад туркмен носили характер отдельных разбойничьих набегов, распространявшихся на весьма обширную территорию, но не вызвавших значительных изменений в социальной или государственной структуре этих областей. Такой же или почти такой же характер носили действия и второй волны туркмен, направившихся на запад, в правление Масуда, давшего в начале своего царствования туркменам разрешение поселиться в северном Хорасане, а потом вероломно расправившегося с их главарями⁸. Принципиально иное значение имело для судеб всего мусульманского мира движение туркмен во второй половине 30-х годов, связанное с завоеванием Хорасана и образованием туркмено-сельджукской державы.

В отличие от установленной мусульманской исторической традицией и принятой европейской историографией даты началом завоевания Хорасана и выхода туркмен на широкую историческую арену мы считаем не 1025—26 г., а тот же, 1034 г., отмеченный в летописях газневидского государства отпадением Хорезма и восстанием в Тусе. Самое провозглашение Хорезмом своей независимости произошло, повидимому, при прямой поддержке Харуна, сына Алтунташа, туркменами, во главе которых в то время стоял знатный род, ведущий своё происхождение от Сельджука. Убийство Харуна в 1035 г., произведённое по наущению газневидского правительства, привело туркмен-сельджуков к необходимости покинуть

¹ Бейхаки ТИ. 433—437.

² Там же, 431.

³ Mirchondi «Historia Seldschukidarum», ed. S. Vullers, p. 23. 1838.

⁴ Ибн аль-Асир, IX, 266 — 267.

⁵ Там же, 269; в материалах по истории туркмен и Туркмени, I, 363 и индекс ошибочно Вахсудан принят за место, а не за имя.

⁶ Ибн аль-Асир, IX, 269.

⁷ Там же, 270.

⁸ Бартольд В. Очерк по истории туркменского народа, 24--25

полученные от Харуна земли около Шурахана и двинуться в северный Хорасан. Пройдя через Мерв, туркмены остановились около Неса, откуда обратились через нишапурского наместника, упоминавшегося Абу-ль-Фазля Сури, к эмиру Масуду с просьбой уступить им города Неса и Фараву¹.

Письмо, адресованное туркменскими главарями Масуду, приведено полностью в мемуарах Бейхаки²; по форме оно не представляет значительного интереса для характеристики мощи и значения туркмен, появившихся в Хорасане. Подписавшие послание предводители туркмен Ябгу³, Тогрул и Чагры-Давуд именуют себя рабами и слугами-рабами⁴, называя свою вассальную зависимость «службою-рабством». В качестве гарантии такой службы предводители туркмен предлагали, чтобы «один из нас был при дворе» Масуды в качестве заложника. Обычай держать при дворе заложников из знати вассальных племён был широко распространён и с наибольшей категоричностью формулирован в Снасет-намэ в отрывке, специально посвящённом этому вопросу: «Следует сказать эмирам арабов, курдов, дейлемцев, румийцев, а также всем, кто находится в повиновении: пусть пребывает от каждого из них при дворе то ли сын, то ли брат, таким образом, чтобы никогда не было менее пятисот человек. Когда прошёл год, пусть пришлют замену им, а эти пусть отправляются обратно к себе; но пока замена не прибудет, они пусть не возвращаются; благодаря заложникам никто не сможет восстать против государя»⁵.

Вместе с тем несмотря на обычность предложения туркменами своих услуг газневидскому двору послание с требованием передачи во владение Неса и Фаравы представляло нечто новое в истории газневидско-сельджукских отношений. По словам Бейхаки, везир Ахмед ибн-Абд-ас-самад следующим образом формулировал впечатление от послания главарей туркмен: «Раньше у нас было дело с пастухами... теперь пришли эмиры — завоеватели областей»⁶.

Несмотря на внешне благожелательный ответ газневидского правительства на предложение туркмен последние заняли выжидательную позицию, готовясь к военным действиям, очевидно, осведомлённые о колебаниях газневидского двора. Эти колебания с наибольшей силой проявились в Нишапуре, куда Масуд прибыл несколько дней спустя после получения сельджукского послания. Везир и дворцовая бюрократия решительно стояли за урегулирование туркменского вопроса мирным путём; военная партия — за изгнание туркмен из Хорасана вооружённой силой. Победила военная партия. Против туркмен было отправлено войско в составе 15 тыс. всадников племенного ополчения и 2 тыс. дворцовых гулямов; командная верхушка состояла из 10 командующих — саларов, принадлежащих к свите, во главе с хаджибом Бектугды; начальником финансово-хозяйственной части был назначен главный раис Балха, находившийся в дружеских отношениях с Масудом, Хусейн ибн-Али⁷. Двинувшееся в июне походом на Неса газневидское войско потерпело жестокое поражение. Хусейн ибн-Али попал в плен, хаджиб Бектугды едва спасся из рук туркменских наездников. Победителям досталось много оружия и имущества.

В связи с этой победой туркмен в мемуарах Бейхаки описывается, по донесениям разведчиков, собрание туркменской знати; это — одно из немногих описаний такого рода, встречающихся в источниках. Состав

¹ Бартольд В. Очерк по истории туркменского народа, стр. 24—25.

² Бейхаки ТИ, 478—79. Русск. пер. в материалах по истории туркмен, I, 246—247.

³ В тексте «бейгу»; о значении термина «Ибн аль-Асир», IX, 321; «царь тюрок».

⁴ Термин «бандэ», «бандаги» в источниках XI в. выступает в значении вассального подчиненных лица, пользующегося вместе с тем суверенными правами. Ср. Снасет-намэ Перс. текст, 25.

⁵ Снасет-намэ. Перс. текст, 93.

⁶ Бейхаки ТИ, 479.

⁷ Бейхаки ТИ, 490.

принимавших участие в совещании был следующий: знать — айян, предводители — мукаддам, старейшины — пир, местом собрания был шатёр; из упомянутых в описании терминов ни один не принадлежит тюркскому языку¹.

Результатом совещания туркмен было предложение мира газневидскому двору. После длительных переговоров, в которых принимал участие с газневидской стороны кази Абу-Наср Сини, долгое время при султани Махмуде находившийся в качестве соглядатая в Мавераннахре, в августе того же, 1035 г. было заключено соглашение. Со стороны туркмен соглашение было подписано не лично предводителями, а уполномоченными ими лицами².

Согласно этому соглашению, Давуд получал во владение Дихистан, Тогрул — Неса, Ябгу — Фараву. Все три упомянутых предводителя титуловались дикканами и правителями — вали. В качестве вассалов газневидского султана все три получили подношения — подарки, состоявшие из халата, специально сделанного по образцу, какой надлежит жаловать правителям, головного убора с двумя рогами, малого знамени, лошади, украшенного седла, золотого пояса и тканей³. Состав подарка примечателен: такие подарки подносились при газневидском дворе лишь командующим — саларам, — назначавшимся, как правило, из состава дворцового военного командования. Как применённая в маншуре титулатура, так и состав подарка свидетельствуют о значительном усилении туркмен. На севере Хорасана возникло достаточно сильное туркменское владение, причём главы этого владения не только не были связаны какими-либо узам с газневидским двором, но и не скрывали своего враждебного отношения к нему. По показаниям того же Абу-Насра Сини туркменские вожди не проявили даже почтения к присланным им знакам отличия: на тайных совещаниях они бросали под ноги головные уборы с двумя рогами⁴. Не прекратились после договора и туркменские разбои в северном Хорасане.

Пять месяцев спустя после заключения упомянутого соглашения, в феврале 1036 (раби II 427) г., газневидское правительство под влиянием всё более и более нараставшей туркменской угрозы решило порвать мирные отношения и направить против туркмен войско в составе 10 тыс. всадников и 5 тыс. пехотинцев под командой хаджиба Сюбаши⁵. Действия этого полководца разнó оцениваются источниками. Бейхаки, сообщая о неблагоприятных отзывах о Сюбаши со стороны состоявших при Сюбаши осведомителей, указывает, что эти отзывы были неверны, что Сюбаши проявлял величайшую осмотрительность, за которую был даже прозван туркменами чародеём⁶. Ибн аль-Асир приводит слухи о подкупе Сюбаши туркменами⁷. Каково бы ни было личное поведение Сюбаши, посылка войск в Хорасан не приостановила роста сельджукского могущества. Прибывшие в ноябре того же года к Масуду послы от туркмен уже ставили вопрос о дальнейшем расширении своих владений, требуя Мерв, Серахс и Вазерд⁸. Получив уклончивый ответ от Масуда, сельджукские вожди решились совершить последний шаг на пути образования суверенного государства. 22 апреля 1037 (раджаб 428) г., захватив Мерв, сельджуки приказали исключить имя Масуда из тржественной молитвы в пятницу, заменив его именем Давуда. С этого времени Чагры-бек Давуд

¹ Там же, 497.

² Там же, 500.

³ Бейхаки ТИ, 501.

⁴ Там же, 502.

⁵ Там же, 506: «сюбаши» — термин, обозначающий начальника племени, области. См. Гордлевский В. «Государство Сельджукидов Малой Азии», 63 и 144.

⁶ Бейхаки ТИ, 545.

⁷ Ибн аль-Асир, IX, 327.

⁸ Бейхаки ТИ, 513.

начал именоваться древним иранским титулом — «шахан-шах» — царь царей¹.

Окончательный разгром газневидских войск под командой Сюбаши произошёл, по Ибн аль-Асиру, в мае или июне (шабан), т. е. вскоре после захвата Мерва², по Бейхаки, — год спустя, в июне или июле 1038 (429) года³. После поражения Сюбаши прибыл в Герат с 20 гулямами в самом жалком состоянии, а 12 дней спустя столица Хорасана Нишапур была также захвачена туркменами.

Среди сообщений Бейхаки о туркменах в период их борьбы с Масудом документ, приводимый мемуарами, в связи с захватом Нишапура, безусловно один из наиболее значительных⁴. Этим документом является донесение, составленное нишапурским начальником осведомительной службы Абу-ль-Музаффаром Джамхи, наблюдавшим тайно за всем происходившим при захвате города туркменами. Донесение прибыло ко двору вскоре после захвата города и содержало детальное описание всех происшествий. Первым к городу подошёл отряд туркмен в составе 200 человек под командой Ибрахима ибн-Иналь, который через своего посланца предложил нишапурцам решить, желают ли они продолжать войну или сдаться на условиях исключения из хутбы имени Масуда. Нишапурская знать, получив это предложение, собралась на совещание в доме судьи Саида; после непродолжительного обсуждения было решено сдать город как ввиду опасности грабежа со стороны туркмен, так и в силу начавшихся беспорядков внутри города. В ближайшую пятницу вслед за сдачей была провозглашена хутба на имя Тогрула. Сам вождь сельджуков прибыл в город три дня спустя и остановился в Шадьяхе, обычной резиденции правителей Хорасана. По словам Ибн аль-Асира, с этого времени он начал титуловаться в пятничной молитве «великим султаном»⁵. Донесение нишапурского начальника осведомительной службы, направленное к газневидскому двору, естественно, весьма глухо сообщает о подробностях восшествия на трон Тогрула, а также о принятой им титулатуре.

Захват Нишапура туркменами, как показывает донесение, не только не сопровождался столь обычными при подобных операциях грабежами и разбоем, но по сравнению хотя бы со взятием Амуля газневидскими войсками отличался весьма мягким характером. На выраженные нишапурцами опасения начальник передового сельджукского отряда Ибрахим ибн-Иналь отвечал, что грабежи и разбои, происходившие ранее в северном Хорасане, объясняются исключительно военными действиями. Благожелательное отношение к нишапурскому населению ещё яснее выражено в послании самого Тогрула, адресованном нишапурской знати, где он обещает сделать «много хорошего». Отсутствие грабежей и порядок при взятии Нишапура отмечены также и другими источниками⁶.

Ибн аль-Асир рассказывает о таком же благожелательном отношении к населению Мерва со стороны другого сельджукского предводителя — Нагры-бека Давуда⁷. «Диковоинственные орды», как называет туркменских завоевателей немецкая историография крестовых походов, оказались меньшими варварами, чем, например, германские племена, нападавшие в своё время на Римскую империю. Объяснением этому служит не только государственная мудрость, проявленная первыми создателями Сельджукской империи.

Как отмечено ещё В. Бартольд, «сельджукскому завоеванию пред-

¹ Ибн аль-Асир, IX, 327.

² Там же, 328.

³ Бейхаки ТИ, 545 и т. д.

⁴ Бейхаки ТИ, 554 и т. д. После стр. 550 в тегеранском издании отсутствует пагинация.

⁵ Ибн аль-Асир, IX, 328.

⁶ Бондари, 7.

⁷ Ибн аль-Асир, IX, 327.

шествовало завоевание турок исламом»¹. Захватившие Мерв и Нишапур туркмены даже своим внешним видом мало напоминали тех гузов, которых встретил более ста лет назад багдадский посланец Ибн-Фадлан в среднеазиатских степях. Правда, обличье как самих предводителей, так и их окружения заставляло лить слёзы стариков, привыкших к роскоши саманидского и газневидского дворов, но всё же туркмены-победители представляли собой в военном отношении уже не разрозненные отряды «пастухов-верблюжатников», а организованное войско, основную часть которого составляли 3 тыс. панцырных всадников.

Второе и самое существенное объяснение заключается в характере туркменского завоевания. Донесение нишапурского начальника осведомительной службы раскрывает то тайное, что стало явным во время захвата Нишапура. Упоминавшийся ранее факт деятельной переписки нишапурской знати с турецкой знатью Мавераннахра с целью побудить последнюю к выступлению против Масуда, теперь, по завоевании сельджуками Нишапура, полностью разъясняет поведение этой знати, «предерзостно», по выражению донесения, «лезшей к трону завоевателя». Союз нишапурского патрициата и сельджуков был скреплён не только платоническим признанием сельджукского владычества со стороны знати Хорасана. Представители нишапурского патрициата поставили на службу сельджукам как вооружённую силу, так и военных специалистов того времени. Только прямою помощью этих военных специалистов и можно объяснить наличие у сельджуков тактики, по выражению Бейхаки, «свойственной царям»². С этого же времени в составе сельджукского войска появился хашар — крестьянское ополчение³. Хорасанский патрициат выступает с самого начала сельджукского владычества и как один из активнейших участников работы по организации государственной власти. По сообщению Равенди и Ибн аль-Асира, нишапурец Абу-ль-Касим, приведший Тогрулу вооружённый на собственные средства отряд в 4 тыс. человек, был назначен первым везиром⁴. Последующие везиры, среди которых находился и знаменитый Низам аль-мульк, были также хорасанцами по происхождению и традиции.

Захват сельджуками Нишапура был тяжёлым ударом, нанесённым в самое сердце газневидской державы. В октябре 1038 г. Масуд выступил в поход против сельджуков с войском в 40 или 50 тыс. человек, состоявшим из пехоты, кавалерии и индийских слоновьих отрядов. Последняя война Масуда с сельджуками продолжалась около полутора лет и закончилась полным разгромом газневидского войска в мае 1040 (рамазан 431) г., в битве при Денданекане (современный Ташрабат)⁵. Хорасан перешёл окончательно в руки сельджукских султанов, немедленно поведших дальнейшее наступление на запад.

Выясненное нами в данной работе происхождение первоначального туркменского государства в значительной мере объясняет его дальнейшие успехи. Образование Сельджукской империи было сложным процессом, в котором принимали участие различные и в отношении общественного развития и в отношении политических устремлений силы. Но нечто общее их, несомненно, объединяло. Этим общим являлся разрыв с прежней аббасидского типа государственной системой. Пришедшее на смену централизованному аббасидскому халифату государство так называемых «великих сельджуков» — результат длительной деятельности этих разнообразных сил.

¹ Бартольд В. «История культурной жизни Туркестана», стр. 75.

² Бейхаки ТИ, 590.

³ Бейхаки ТИ, 584.

⁴ Рахат ас-судур, 98 и прим. 2; Ибн аль-Асир, IX, 359; Бейхаки ТИ, 561. Именует этого Абу-ль-Касима «сала-и-бозорган» — начальником знати.

⁵ Заходер Б. «Денданекан». «Исторический журнал» № 3—4 за 1943 год

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

СПОРЫ ОБ «ОПРИЧНИНЕ» НА ПОЛЬСКИХ СЕЙМАХ XVI ВЕКА (1569—1582) *

Проф. И. Полосин

Ни боярская оппозиция XVI в. (князь Курбский), ни аристократическая фронда XVIII в. (князь Шербаков), ни народники-публицисты XIX в. (Михайловский), ни буржуазно-либеральные историки, «монархомахи» начала XX в. (проф. Кизеветтер) не могли понять всей глубины и значительности XVI в. в истории России.

Верные исторические суждения об Иване Грозном Пересветова (XVI в.) и Ломоносова (XVIII в.) нашли своё отражение в работах С. Ф. Платонова (XIX—XX вв.). За последние 20 лет (1925—1945) многое в истории XVI в. заново объяснено советскими историками. Следующие два положения не вызывают более сомнений:

1. 25-летней Ливонской войной (1558—1583) Грозный верно и умело поставил вопрос о ликвидации блокады России, утверждая бесспорные права России на побережье Балтийского моря.

2. В годы напряжённой войны «опричной» (1565—1572) Грозный верно и умело строил «земщину», т. е. укреплял русское государство.

Однако опричнина Ивана Грозного как система мер по организации царского «двора» (удела, домена), как система мер по укреплению и утверждению феодально-самодержавной абсолютной дворянской монархии XVI в. рассматривается обычно вне связи с единственными и параллельными явлениями в истории других государств и народов Европы и Азии. «Сравнительно-социологическое освещение» вопроса пытался дать Н. А. Рожков. К нему примкнул М. Н. Покровский. Но в итоге их работы, кроме пресловутой «дворянской революции» XVI в., кроме вредных искажений истории, ничего не получилось.

Специалисты по западноевропейской истории, видимо, склонны рассматривать опричнину Ивана Грозного как явление местного порядка, как «своеобразие» русского исторического процесса. А это затрудняет решение вопроса о том, что же

представляла собою опричнина Ивана Грозного в действительности. Анри Сэ и А. Ребильон в специальной монографии по истории XVI в.¹ не сумели раскрыть всей глубины и значительности изучаемой ими эпохи. Россия XVI в. авторы посвятили лишь 8 страниц из 410. Они повторили при этом распространённые сказки об Иване Грозном и этим ещё раз подчеркнули непонимание роли и значения русского вопроса и роли России в европейской политике XVI века.

Европейское дворянство XVI в. и его монархическая верхушка шли к одним и тем же целям, но разными путями в различных странах.

Европейская политическая литература XVI в. с увлечением обсуждала вопрос о преимуществах различных образов государственного правления. «Монархомахи» доказывали гибельность для страны правления государя-самодержца. Макиавеллисты доказывали благотельность монархической самодержавной власти государя-князя («Il Principe»). Правление христианских государей противопоставлялось правлению «на турецкий образец» («à la turque»).

Польша XVI в. не знала опричнины русского типа. Тем интереснее проследить за развитием элементов королевской опричнины даже в янской Польше, изучить дебаты на польских сеймах XVI в. о королевской власти, об её основах, её правах, её свойствах. Польша не знала и не могла знать опричнины: тем интереснее своеобразные польские споры об опричнине.

Изучение Польши как политического антипода России XVI в. в момент превращения королевства Польского в шляхетскую республику, в Речь Посполитую, представляет, с нашей точки зрения, исключительный научный интерес.

1569 год. Шёл одиннадцатый год Ливонской кампании. Шёл четвёртый год опричнины. Польша, продолжая войну против России, поглощала Литву. А польские паны на Люблинском сейме спорили с королём о природе королевской власти.

«Изучая внимательно все древние народы и их государей,— говорил староста Радзевский,— мы должны сознаться, что везде

* Доклад, прочитанный в секции истории права и государства Института права АН СССР (Ташкент) 25 сентября 1942 г. и на заседании кафедры истории СССР МГПИ имени В. И. Ленина (Москва) 15 марта 1944 года.

¹ Sée Henri et Rébillon A. «Le seizième siècle». Paris. 1934.

Дела идут хуже, чем у нас. Безмерна заслуга шляхты в строительстве государства, велики шляхетские вольности в Польше, велики шляхетские претензии и домогательства, но тяжело достались нам эти конституции, тяжело досталось частным лицам это устройство Речи Посполитой¹.

Велика «уступчивость» польского короля. «Мы привыкли видеть, что вы,— говорил Радзевский, обращаясь к королю,— всегда делаете всё для нас, ваших подданных. Вы управляете нами как христианский добрый государь»². Этот комплимент королю звучал трагически для Польши: он означал, что король бессилен справиться с феодальным дроблением страны и политическими притязаниями шляхты.

Шляхта, связав короля по рукам и ногам, уверяла Сигизмунда II Августа: «Мы, ой-ей, можем сказать о себе, что почитаем верховную власть его величества, сберегаем честь его престола». Соглашаясь с королём, что царствует он «по особенной к нам милости божьей», что «власть над нами вашему величеству дал всемогущий бог»³, шляхта в критический момент споров с королём решительно подчёркивала происхождение полномочий верховной власти короля от неё, от сеймикующей шляхты. «Потому что вы наш король, давно посаженный на вашем престоле»⁴ «многоматежным хотением» шляхты, как сказал бы Иван Грозный.

Ещё по конституции 1505 г., польский король ничего не мог предпринять без вального сейма, «без общего согласия сенаторов и земских послов».

Польский король владел «имениями стола его величества» (в России они назывались «подклетными сёлами» московского царя). Имения эти входили в состав королевского домена. Шляхта же претендовала и на эти имения, мотивируя своё требование тем, что «крулевищныи» (королевские имения) должны быть использованы якобы «для обороны государства».

Практически это означало расхищение королевских и коронных имений шляхтой, превращение их в шляхетские владения, или, как говорила шляхта, «хлеб особо огличившихся» шляхтичей («*crapis bene megentium*»). Таял земельный фонд, которым распоряжался польский король. Земля с крестьянами расходилась по рукам панов и шляхты.

Много раз и сенаторы и послы повторяли на разные лады ту мысль, что они не хотят и не считают возможным вступать в пререкания и судебное разбирательство с королём. Но эти «пререкания» развернулись и на Люблинском сейме и чем далее, тем всё острее и острее. И та и другая сторона зывали ко «благу Речи Посполитой», зывали к «закону». Шляхта ссылалась на интересы своих избирателей; король — на

интересы своего двора и своей фамилии. Обе стороны упорно защищали свои позиции.

Сигизмунд II Август отстаивал своё бесспорное право на опричнину в собственном смысле слова, на свой королевский домен, на «имения стола его величества» («*bona mensae nostrae*»; «*do stołu jego mości*»).

После епископа краковского, выступавшего на заседании сейма от имени сенаторов, и посольского маршалка — референдария, — выступившего от имени послов (а говорил он, маршалк, «очень красноречиво и счеще пространно»), с ответной речью выступил король Сигизмунд II Август: «По правде сказать, я никак не ожидал ни от вас, господа сенаторы, ни от вас, господа послы, чтобы вы решились отнимать у меня то, что мне принадлежит... Я не желал бы оставить после моей смерти моих наследников в таком состоянии, чтобы трудно было думать, что я был вашим королём государства»⁵.

Король настаивал на рассмотрении своих претензий, король подкреплял их соответствующими документами. «Но все сенаторы встали и с плачем просили его, чтобы грамоты не были читаны, чтобы король не вступал со своими подданными в разбирательство своих прав».

За внешне почтительной просьбой панов и шляхты не начинать судебного разбирательства крылся решительный отказ феодалов входить в рассмотрение дела по существу; феодалы не хотели даже и слушать короля. Архиепископ гнезненский, первый из сенаторов, не без ядовитости намекая на отсутствие у короля мужского потомства, говорил: «А ваше потомство, если оно у вас будет (дай бог вам иметь его!), ой-ей мы сумеем почитать»⁶.

Отвечая на это выступление, король скромно заключал: «Я собственно хлопочу только о моих сёстрах, если уж так угодно богу, чтобы я умер без мужского потомства»⁷. Король хотел бы уподобиться рядовому шляхтичу, который, умирая, может оставить какое-то утешение своему потомству. «И хорошим королям прилично заботиться о том, чтобы после них осталась память, что они по милости божьей царствовали, хорошо служили Речи Посполитой и что за это их потомству дано хорошее почётное обеспечение»⁸.

Король упрашивал сенаторов и послов, «чтобы.. выделение королевской доли было, наконец, сделано на будущем сейме, потому что все мы смертны». В качестве некоторого обеспечения король оставлял за собой право удержать выплату «кварти» (четвёртая часть) со старых сумм по имениям в Мазовии и Литве. «Не сердитесь на меня за это, когда вы не сделали по-

¹ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 556—559. СПб. 1869.

² Там же, стр. 542—544.

³ Там же, стр. 381—382.

⁴ Там же, стр. 510—522.

⁵ Дневник Люблинского сейма, 1569 г., стр. 515, сл.

⁶ Там же, стр. 63.

⁷ Там же, стр. 91.

⁸ Там же, стр. 92.

становления касательно обеспечения моего потомства»¹.

Стольник Пенентковский заносчиво заявил: «Не понимаю, какие это наследники короля и за что бы нам следовало вознаграждать его величество»².

Польский король настойчиво просил сейм рассмотреть его претензии в части организации его «опричной» королевской территории. Польский король настойчиво, не щадя пытался вовлечь сенаторов и шляхту в рассмотрение вопроса: «что кому принадлежит»³, каковы пределы «земщины» и «опричины». Но сейм решительно отказывался признать за королём какое-то «особое» королевское право на особые, отдельные «опричные» территории в королевстве. У короля, как у всякого шляхтича, может быть его личное имущество («государевы имения», как назывались они в России по закону 1834 г.). Но «ни один польский король не наследует никаких сумм и никаких вен своей матери, как наследуют наши потомки»⁴.

«Если бы это имело место, в таком случае подобные суммы на имуществах королевства назначались бы как наследственные уделы членам королевской семьи, но этого не делается в семействе королевском. Это закон для народов, а не для королей»⁵. Так закончил староста Радзеевский свою речь, которая вызвала у короля большой гнев⁶.

Историка опричины речь Радзеевского должна порадовать: с предельной ясностью староста Радзеевский противопоставил «право народа» (земское право, «common law», «loi commune», «Landrecht»), в данном случае право феодалов, панов и рыцарства, «земян» («Landschaft», как говорили в Германской империи, «земщины», как говорили в России XVI в.), — праву королевскому, «особенному», «опричному», отличному как от частного гражданского права, так и права государственного.

Сейм 1504 г. при Александре I, короле польском, поддержал короля в вопросе о запрещении раздачи под залог («в заставу») королевских имений: шляхта ещё не объединилась тогда с можновладством, с панской аристократией королевства, шляхта тогда поддерживала короля.

В 1535 г., сейм петровский настаивал на исполнении этого решения, с охватом всех

залоговых сделок, начиная с 1504 года. Однако редукция коронных имений, т. е. централизация в королевских руках расхищенного фонда дворцовых земель и его организация, фактически приостановилась. Когда же сейм 1561—1562 гг. подтвердил решение о редукции коронных имений, он это сделал только для того, чтобы эти имения спать пошли в раздачу «особо заслуженным людям».

По этому поводу староста Радзеевский говорил: «В 1562 г. начался спор, кто должен устроить защиту государства: король или Речь Посполитая? Когда Речь Посполитая доказала, что имения, принадлежащие королевскому престолу (двору), даны польским королям не только для содержания королевского двора (*mensa nostra*), но также для защиты и охранения королевства (*tuitio regni*), то его величество изволил обратиться к другому оправданию себя... «Имения нашего двора, — сказал он, — разобраны и заложены, так что мы не только не можем содержать на них войска для защиты, но даже не можем надлежащим образом содержать из них нашего двора. Тогда Речь Посполитая, обратившись к законам, доказала, что короли никогда не имели права своею властью раздавать и закладывать имущества Речи Посполитой». Тогда-то и началось «истребление грамот на эти имения». На Варшавском сейме 1563 г.⁷ был произведён пересмотр грамот на эти имения, а король согласился послать ревизоров в пятую часть королевства, т. е. в княжество Мазовецкое⁸.

Что было делать королю на Люблинском сейме 1569 года? Он призвал к себе великого канцлера и через него дал сенаторам и послам такой ответ: «Если бы настоящий спор происходил перед другим народом, а не перед жителями польского королевства, то нужно было бы исчислять и прославлять щедрые милости и благодеяния его величества, которые, действительно, сделаются известными и у других народов. Но вы, господа, имели возможность вполне убедиться, что наш милостивый государь ставит выше всего благо Речи Посполитой — ставит его выше своего здоровья и каких бы то ни было имений».

Сигизмунд II Август под давлением Люблинского сейма вынужден был отказаться от идеи «опричных» королевских имений. Взамен того он настойчиво выдвигал идею достойного обеспечения потомства, т. е., если говорить в терминах позднейшей эпохи, идею «цивильного листа». Феода-

¹ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 92.

² Там же, стр. 245.

³ Там же, стр. 30, 48, 60.

⁴ Там же, стр. 72.

⁵ В инструкции для министров трёх дворов Екатерина II в 1772 г. зачеркнула статью о том, что король не может покупать земель в Польше и Литве. «Я зачеркнула эту статью, — писала Екатерина II, — потому что в избирательном королевстве земли короля после его смерти сделаются опять шляхетскими» (*terres nobles*). Словы в С. История России. Т. 29, стр. 934.

⁶ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 73.

⁷ Именно в связи с Варшавским сеймом 1563 г. и Полоцким походом того же 1563 г. следует рассматривать военно-инструкторскую поездку Ивана IV по западной окраине Замосковья, что П. Садилов и акад. Р. Виппер связывают лишь с чисто хозяйственными заданиями царского двора. См. Виппер Р. Иван Грозный, стр. 103—104. 3-е изд. М. 1944.

⁸ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 67—70.

лы спорили друг с другом о редукции коронных имений. Рыцарство поднималось против можновладства, требуя перераспределения земли и крестьян.

Но эти споры феодалов не могли отвлечь их внимания от вопроса об особых владениях короля в государстве.

Архиепископ гнезненский пытался смягчить гнев короля. Он встал «и с великим плачем» стал просить короля от имени сенаторов и послов таким образом: «Светлейший король, милостивый государь наш! Мы все признали, что вы царствуете над нами по особенной к нам милости божьей, что вы стараетесь, чтобы все дела Речи Посполитой устроились хорошо, направлялись к её благу и можно сказать смело, что действительно вы хорошо устроите все дела. Таково и последнее ваше дело,—то, что вы подарили королевству целое государство, отчину вашу...» Архиепископ имел в виду акт 1569 г. — инкорпорацию Литвы. Действительно, Сигизмунд II Август упорно называл великое княжество Литовское своей королевской вотчиной. Архиепископ гнезненский как будто бы признаёт этот факт вотчинного королевского владения, но с оговоркой: «Вы подарили королевству целое государство, отчину вашу, как говорят»¹.

Сила признания резко снижалась оговоркой, и признание должно было, в сущности, лишь скрасить неприглядное положение короля на сейме перед лицом ещё раз победившей землевладельческой аристократии и шляхты.

Король пытался распоряжаться независимо от сейма в Пруссии и Мазовии. Однако и по этому поводу на Люблинском сейме встретил решительное сопротивление.

Староста Радзеевский дипломатически подчёркивал якобы добровольный характер взноса королём четвёртой части со всех королевских имений. Он говорил, что король «дал нам четвёртую часть доходов со всех своих придворных имений со всего государства без всякого изъятия»².

Но о каком «изъятии» могла идти речь?

Архиепископ гнезненский и на этот вопрос ответил в своей речи с необходимой ясностью: разумелась Мазовия, на которую король предъявлял особые претензии. «Просим ваше величество,—говорил архиепископ,—чтобы тот благодетельный дар, который вы дали для защиты Речи Посполитой, вполне получился ею, т. е. со всех государств вашего королевства»³, в том числе и с пятой части королевства, Мазовии⁴.

Феодалы ограничивали власть короля не только в собственно польских землях, но и в Литве и Прибалтике.

В Польше, как и в Чехии, многие земли страны находились когда-то в непосредственном управлении короля («спадали на короля», были взяты на государя). Королев-

ские фогты и старосты, надворные урядники управляли ими по непосредственным указаниям короля.

Так правил чешский король в XV в. в Лужицах, Моравии, Силезии; так правил польский король в Мазовии и Пруссии.

По этому поводу Сеницкий говорил: «Но что ещё важнее и что тоже немало тревожит нас — это то, что до нас доходят слухи, будто ваше величество думаете, что владеете некоторыми областями государства, в особенности Мазовней, по какому-то особенному праву, а не потому, что вы — король польского королевства» (особnym jakiem, a nie królewskim prawem). «Между тем,—наставительно продолжал поучать короля пан Сеницкий,—мы думаем, что вы, ваше величество,—государь и дедич всех наших государств не по какому-либо особенному праву, а потому, что вы наш король, давно посаженный на вашем престоле»⁵. Польская «земщина», выбирая своего короля, считала его своим «урядником» и никаких особых прав королевской власти, как власти верховной, предоставлять не считала нужным. Король не владел в Польше никакими землями на праве королевском («опричном праве»); у польского короля не могло быть ни удельных земель, ни земель кабинетских, если говорить в терминах русского государственного права XIX—XX веков.

Оратор восхвалял готовность короля жертвовать на благо Речи Посполитой всё, «что только где-либо признавалось принадлежащим вам по гражданскому праву». «Мы совершенно уверены, что и в этом случае вы поступите так же: не станете думать, будто вы владеете некоторыми областями королевства по особенному праву, а не потому, что вы наш король». Сеницкий угрожал, что «из этих особенных прав современем могла бы возникнуть большая опасность для королевства».

Шляхта и паны опасались роста королевской наследственной абсолютной самодержавной власти в Польше. В этом пан Сеницкий и видел большую опасность для королевства. Идея опричины пугала польских феодалов, и они всеми силами укрепляли в Польше порядок феодальной раздробленности.

В России XVI века среди бояр и церковников у Сеницкого были единомышленники. Позицию Сеницкого занимал, между прочим, и русский эмигрант кн. Курбский. Даже такой наблюдательный историк, каким был дяк Иван Тимофеев, и тот обвинял Ивана Грозного в «разрухе» государства: Грозный державу свою как бы мечом на две части рассек — на опричную часть и часть земскую. Он не понимал того, что Иван Грозный ликвидировал феодальную раздробленность страны; ликвидировал опричные дворы феодалов-магнатов; ликвидировал «рассеянную опричину» средневековья; из огромного числа оприч-

¹ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 76, 92, 93.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Там же, стр. 70.

⁵ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 514.

ных дворов, какие дожили до XVI века, царь Иван оставил только свой опричный двор и при помощи своей централизованной опричной администрации заново организовал общегосударственную «земскую» территорию России¹.

Печально для Польши закончились на Люблинском сейме 1569 г. споры об опричнине (в собственном смысле слова). На том же сейме развернулись споры об опричнине в широком значении слова. Единый термин «опричнина» покрывал собою два существенно различных понятия.

Организация царского, королевского домена, царского, королевского двора (опричнина в собственном смысле слова) осложнялась тем, что аппарат опричнины немедленно после своего оформления брал на себя функции общегосударственного порядка (в области общегосударственного «земского» управления, в вопросах организации войска, финансов и суда, в вопросах аграрной политики, социальной политики в целом и т. д.). Вот почему царь Иван уже в 1569 г. требовал от митрополита Филиппа, «чтобы он в опричнину и в царский домовый обиход не вступался, а на митрополитское «и», по мысли составителя текста, должно было обозначать «то-есть»? Возможно. Но одно несомненно: опричнина 60-х годов быстро переросла узкие рамки царского домена.

Этого не могли уловить не только современники опричнины, но и многие историки XIX века. Это заставило даже В. О. Ключевского признаться в своём бессилии понять опричнину. «Учреждение это, — писал он, — всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал»². Под опричниной каждый учёный разумел своё: то «территорию», то «людей», то «учреждение», то «систему мероприятий». В действительности же опричнина XVI в. была и тем, и другим, и третьим, и четвёртым.

Если говорить об опричнине как о земельном фонде, то следует помнить, что в царской России вплоть до 1917 г. различались: земли «государственные» (они же казённые), земли «удельные» (т. е. земли членов императорской фамилии, но не их личная собственность, по терминологии XVI в., земли дворцовые); «земли собственные его императорского величества» (т. е. «кабинетские земли» — земли царствующего императора, но не его личная собственность) и, наконец, «земли государевы» — земли вотчинные, принадлежавшие лично государю на правах частной его собственности.

Иван IV из фонда государственных и удельных земель выделил опричные: «собственные его императорского величества» земли (земли кабинетские) и «государевы земли».

¹ Непонятно, почему проф. И. И. Смирнов в заключительной фразе своей прекрасной книжки «Иван Грозный» (Ленинград, 1914) вернулся к схеме Ивана Тимофеева.

² Ключевский В. Боярская дума, гл. XVII, стр. 331.

Фонд опричных, дворцовых и государственных земель пополнялся и шёл в раздачу по различным мотивам как политического, так и хозяйственного порядка. Борьба против блокады в Прибалтике и борьба против измены внутри страны играли при этом ведущую роль. Так слагалась опричнина как территория, как земельный комплекс.

Если говорить об опричнине как о системе мер по укреплению и утверждению феодально-самодержавной дворянской монархии, то под опричниной следует разуметь: 1) новый суд дворецкого и казначея, своего рода «надзорный суд» московского царя, учреждённый, по судебнику 1550 г., параллельно суду земскому, суду боярин и окольничьего; 2) систему параллельного представительства государева двора и боярской думы как в русских посольствах, отправлявшихся за границу, так и в русской армии (бояре и воеводы земские и дворцовые); 3) систему личного вмешательства царя в дела «земского» (государственного) управления через посредство опричных приказов, действовавших параллельно с земскими³.

В XVI в. опричнина — это 1) «государев двор», т. е. личная охрана царя, 2) свита царя и придворные чины, 3) боевая московская гвардия царя, 4) на периферии (в провинции) дворяне дворцовые как резерв живой силы опричнины.

Польский король Сигизмунд II Август, подобно московскому царю, усиливая элементы личного управления, пытался в руках дворцового аппарата сосредоточить административные и финансовые функции общегосударственного порядка, в переводе на язык русской практики XVI в.: дьякам и боярам из опричнины он пытался поручить дела земщины. В Москве этот новый порядок вызвал решительный протест как среди бояр, так и среди высшего духовенства. Митрополит Филипп неоднократно «вступался» не только в царский домовый обиход, но и в опричнину.

Но ещё Василий III у себя в комнате, а не в думе, «сам-третьей у постели», решал государственные дела. Иван Грозный решительно подавил сопротивление и фронт мятежных бояр и церковников.

В Польше попытки королевского двора, опираясь на растущий город и худородную шляхту, захватить нити общегосударственного управления в свои руки, усилить аппарат личного управления вызвали бурю негодования со стороны шляхты.

Сигизмунд II Август вынужден был уступить шляхетским домогательствам, которые современем превратились в систе-

³ Указ 1694 г. ещё раз подкреплял эту положительную в строительстве России XVI—XVIII вв. идею личного управления монарха. Возрождение той же идеи в деятельности собственной его императорского величества канцелярии 1826 г. и многочисленных комитетов 1826—1855 гг. свидетельствовало о развале всей системы феодальной администрации: то было время вызревания капиталистических отношений в России.

му погубивших Польшу «рокошей». С развёрнутой системой шляхетских политических взглядов на Люблинском сейме выступил Сеницкий.

«Присматриваясь к складу жизни у других народов и у себя дома,— говорил он,— мы, естественно, приходим к заключению, что никакое общество не может стоять твёрдо и никакой государь, будь он величайший государь, не может хорошо управлять там, где власти не имеют надлежащей силы, потому что сам государь не может быть везде. Он управляет подданными через подчинённых, и каковы у него власти, таковы и дела их, т. е. от них или великая честь государю и благо народу, или позор государю и быстрая гибель государству».

Сеницкий, подобно русским боярам,— противник личного управления монарха. У немаловажной в государстве должности подскарбия королевства отнято слишком много значения, говорил он,— «она почти уничтожена тем, что в некоторых областях королевства, как например в Пруссии и в Мазовии, установлены недавно должности особых подскарбиев... Прежде этого не было. Ни в летописях, ни в статутах, ни в привилегиях мы не можем найти и ни от кого не можем попытаться, чтобы когда-либо был в Пруссии особый подскарбий»¹.

«В Мазовии делается то же, хотя нам сказано было, что там находится лишь эконом для дел вашего величества, которого вы, действительно, можете иметь там для лучшего ведения вашего хозяйства. Но этот эконом присваивает себе там власть не только равную должности подскарбия, но даже большую, нежели какую имеет подскарбий». Королевский эконом в Мазовии располагал большими полномочиями как в области общеземского управления, так и государственных финансов и суда. Королевский эконом в Мазовии «присваивает себе какое-то право управления страной». Помимо подскарбия королевства, королевский эконом не только собирает доходы, но и расходует собранные суммы. Он же властно вмешивается в судебные дела, которые местная шляхта ведёт с королевским двором, пересматривает решения, «от чего шляхта той страны терпит великое поражение». Мало этого. Королевский эконом, «отстраняя подскарбия, старост и державцев, «берёт в своё распоряжение» вакантные старостства и державства»².

Вспомним, что интенданты Франции, прежде чем осесть на периферии в качестве государственных чиновников, действовали в XVI в. как «missi dominici», как доверенные лица короля. Procuratores rei privatae Саesaris сперва были тоже только экономами императорского имущества, а потом, в

тот момент, когда римская республика сменилась принципатом, присвоили себе функции администраторов — судей³.

Власть королевского эконома в Мазовии ставит его рядом с подскарбием королевства «в той области, которая, однако, составляет с королевством одно тело», — подчёркивает Сеницкий, ещё раз настойчиво отменяя самую мысль об особых, отдельных «опричных» территориях короля. «Так как эти должности («опричный» общеземский аппарат в общеземском управлении, суде и финансах.— И. П.) нсны и вредны, то просим ваше величество извинить себя от нареканий, будто вы унижаете должности (разумеется, общегосударственные.— И. П.), а нас от подозрений, будто мы, требуя исполнения законов, желаем испровергнуть или посрамить государственные (опричные.— И. П.) должности»⁴.

Сейм устами Сеницкого твёрдо потребовал от короля уничтожения королевских подскарбиев в Пруссии и эконома в Мазовии и возвращения старым должностным лицам, т. е. подскарбию королевства, старостам и державцам, принадлежавшей им по закону «чести и власти».

Сейм обратил внимание и на то, что должности королевских подскарбиев поручаются людям худородным, недостаточно почтенным и известным. А между тем подскарбий королевский «должен быть всегда при особе вашего величества, иметь у себя реестры доходов королевской и сообразно с ними ведать всеми призорными расходами наравне с подскарбием королевства. Поэтому просим, ваше величество, назначать на эту должность людей почтенных, благородных, как это делалось, как вам известно, при вашем отце и как это сначала вы сами делали. Пусть и в этом деле сохранена будет честь вашего престола, пусть исполнится закон и исправится уклонения, которые в эти последние времена стали входить в силу»⁵.

Следует вспомнить, что ещё в 1565 г., в год учреждения в России опричнины, на сейме в Польше обсуждался вопрос о должности инстингатора в уезде, администратора, подчинённого непосредственно королю. Важно, что этот проект, усиливавший власть короля на местах, выдвинут был, судя по всему, худородной шляхтой. Магнаты отвергли проект. Польский король не мог, таким образом, стать представителем государственного порядка в феодальном беспорядке. На Люблинском сейме среди прочих вопросов возник вопрос и о королевском суде. Перемишльский судья в своей речи говорил следующее: «Просим ваше величество судить не свои только дела, но и дела обиженных людей». После 1506 г. надворный королевский суд, в сущности, уже не играл никакой роли в обще-

¹ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 514—521.

² Ср. ордонанс 1545 г. во Франции и роль «gouverneurs pour le roy» в провинциях. «Revue historique» 1899. T. 185, p. 245, 251. Tillet Jean de. Recueil des lois de France, 1580.

³ См. Dareste R. «La justice administrative en France», p. 2, 1898.

⁴ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 514—521.

⁵ Там же, стр. 520.

государственном масштабе. «Лучше было бы,— продолжал судья,— если бы и впредь король не судил своих собственных дел», т. е. так изымаемых королевских случаев. Шляхта на Люблинском сейме 1569 г. мечтала о ликвидации королевского надворного (опричного) суда и добилась этого на сейме 1578 г., когда Стефан Баторий отказался от апелляционной юрисдикции над шляхтой и надворный королевский суд уступил свои полномочия шляхетским трибуналам¹.

Сигизмунд II Август, зажатый в тиски сеймикующей шляхтой, делал слабые и безнадёжные попытки организовать свою опричнину. Но в своё время даже и эти попытки вызвали сомнения у литовских панов. Литовцы возражали против унии, потому что, как они говорили, обращаясь к королю: «Ваше королевское величество, *wszystko czynisz absoluta potestate*»². Но «абсолютная власть» польского короля—это же миф. Рядом с королевским двором в Польше сохранялись дворы крупнейших магнатов. Таков был двор гетмана Замойского, кандидата в короли, на свой счёт нанимавшего отряды солдат³, заявлявшего, что «Ливония отнята у неприятеля с опасностью для жизни им и его сотоварищам»⁴. Своим «дворянам» гетман Замойский обеспечивал и права шляхетства и, как тогда говорили, «общение герба»: своим дворянам он жаловал свой герб, внося в него для каждого некоторые новые геральдические детали⁵.

Константин Острожский с величайшей готовностью «предлагал для услуг государству свои войска, набранные им в весьма значительном количестве из своих клиентов»⁶.

Такие феодальные «дворы», которыми расплагали Замойские, Острожские, Чарняковские и др., представляли величайшую опасность для целостности государства⁷.

Понятно, что при таких условиях *absoluta potestas* польского короля оставалась лишь призраком. Понятно, почему Сеницкий мог от имени сейма поучать короля «смотреть одинаково на все вещи государства. т. е.

что вы управляете ими по королевскому, а не по какому-либо другому праву».

В ответной речи король начал с указания на то, что он не может отказаться от своих прав. Однако король закончил свою речь совсем иначе, нежели начал: «Если вы станете добиваться настойчиво, то, конечно, я должен буду уступить вам, как бы много вы ни потребовали от меня. Если бы вы потребовали от меня даже жизни, и это было бы вам полезно, то и её я должен был бы отдать вам,— так я вас люблю!»

Первый сановник Речи Посполитой, каким был польский король, и не мог говорить иначе. Панская Польша XVI в., борясь против опричнины, утверждала у себя порядки феодальной раздробленности.

А в России в 1569 г., когда Люблинский сейм шумно приветствовал шляхетские речи, Иван Грозный только что ликвидировал заговор и вёл упорную борьбу с русскими сеницкими. В Новгороде назревал новый заговор. Турки и крымцы готовились к захвату России с юга. Турецкий султан предлагал Польше совместное наступление на Россию⁸.

Готовясь к походу под Ревель, Грозный предупреждал митрополита Филиппа в опричнину не вступаться, за изменников не печаловаться.

Антигосударственные тенденции быстро и жестоко пресекались Иваном IV не только системой опричного управления, но и системой опричного террора. Опричнина Грозного обеспечивала силу земщине; «по всей Русской земле, по всей её державе—одна вера, один вес, одна мера. Только он один и правит! Всё, что ни прикажет он, всё исполняется, и всё, что запретит,—действительно остаётся под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне. И как долго продолжится это правление—ведомо богу вседержителю!»⁹.

Опричная метла начисто вымела все гнезда реальной и потенциальной политической измены в России. Смысл опричнины Грозного в ликвидации боярско-княжеской опричнины, в ликвидации удельного типа княжеско-боярских дворов, в реорганизации царской опричнины, в укреплении земщины силами царской опричнины. Сила Грозного в том, что он почувал силу русской земли и оперся на земщину, созвав земский собор 1566 г. Этого не удалось провести в Польше: польские сеймы и сеймики были шляхетскими съездами, а не сословно-представительными учреждениями.

5 апреля 1573 г. в долине под Варшавой на выборы короля собралось около 40 тыс. шляхтичей. Нарушая закон, вельможи прибыли вооружённые со своими феодальными дворами и даже со своей дворцовой артил-

¹ На Шпейерском рейхстаге 1570 г. решался, между прочим, вопрос о праве феодального отъезда и порядке рассмотрения дела в «комнате»—кабинете германского императора. См. Chevreul Henri «Hubert Languet», p. 89. 1856.

² Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 3.

³ Гейденштейн. Записки о Московской войне. 98, 308.

⁴ Там же, 303.

⁵ Там же, стр. 271.

⁶ Там же, стр. 308.

⁷ Даже в XVIII в. войско польского правительства было меньше войска частных людей, которые поэтому и могли «безнаказанно смеяться над властью» и возбуждать рокош. столь пагубные для государства. Соловьёв С. История России. Т. 29, стр. 934.

⁸ Дневник Люблинского сейма 1569 г., стр. 354.

⁹ Штаден Г. Записки немца-опричника, стр. 113. М. 1925.

лерней. «Можно было сказать, что они шли не столько на сейм, сколько на бой»¹.

В этой блестящей шляхетской массе резко выделялись дворяне Мазовии, те, которых можно было бы назвать опричниками польского короля. Бедно одетые, вооружённые палками, польские «опричники» герялись среди панов.

В Мазовии не прекращались драки, стычки и бои между «земьянами» и «опричниками». 12 июля 1578 г. Филиппо Тальдуччи, резидент Тосканского герцога при польском дворе, сообщал из Кракова, что в Мазовии опять случилась новая драка, побоище между дворянами, «убито 14 человек, 20 опасно ранено, самому воеводе отрубили два пальца»². Зато мазовецкие дворяне решительно поддерживали короля.

За королём шли и прусские дворяне. Они были против участия в общем вальном сейме. «Они хотели бы, чтобы его величество судил их особе»³.

Польская шляхта к сейму 1573 г. напечатала избирательную листовку о кандидатах на польский престол (*Sur la promotion des compétiteurs du Royaume de Pologne*). Листовка была отпечатана в Париже. В ней перечислялись достоинства и недостатки всех претендентов на польский престол: инфанты — дочери Сигизмунда II Августа, и одного из Пястов, и короля шведского, и сына германского императора (Эрнеста), и Фердинанда, брата Эрнеста, и французского принца Генриха Анжу и сына «короля Московского»⁴. Если шляхта упрекала Сигизмунда II Августа в том, что он слишком властно управляет страной, то какое же впечатление должно было производить на неё «tyrannie domestique» Ивана Грозного⁵. У русских, писал Гейденштейн, существует немного законов и даже почти только один — почитать волю князя (*il Prince*), т. е. царя Ивана Грозного, законом⁶.

Герцог Наваррский составил для Генриха Анжу специальный мемуар на тему, как управлять Польшей. Интересно, что в одном из первых же его пунктов значилось требование Люблинского сейма сделать всю страну достоянием шляхты. Далее следовали конкретные требования шляхты, ограничивающие волю короля: «Его величество без согласия сената не должен делать по-

жалований из имений своей комнаты на вечно». Это нарушало привычную для Генриха Анжу французскую практику распоряжения «опричными» имениями короля. И дальше: «Король не может конфисковать имения шляхты без суда. Король не имеет никакого права на имения знати, ни своих подданных (мужчин), ни женщин, ни детей».

Специально выбранные арбитры и комиссары разрешали споры и тяжбы о земле между двором короля и шляхтой. Генрих Анжу поручал своему послу Монлюку рассказать польской шляхте о его владениях во Франции и его ссудствах. Генрих был владельцем «герцогств Анжу, Бурбоннэ и Овернь, графств Кэрси, Руэрг, Форэ и Монфор, Амори и многих других земель и сеньерий». Генрих имел около 300 тыс. экю обыкновенных доходов⁷.

В титуле Генриха Анжу сохранился любопытный след борьбы с польской шляхтой за французские «опричные» владения Генриха: «*Henricus dei gratia electus rex Poloniae, magnus dux Lithuaniae, Russiae, Prussiae, Masoviae, Samogitiae, Kijoviae, Voliniae, Podlachiae, Livoniaeque, nec non dux Andium, Barboniorum et Severnorum, etc.*»⁸. В этом «*nec non*» заключается своеобразный отказ короля от исполнения шляхетских домогательств, решительное утверждение за собой зарубежной «опричной» королевской территории во Франции.

В XVI в. произошло отделение королевского или дворного скарба от скарба земского или посполитого⁹. Однако «доброжелатели» Генриха Анжуйского советовали ему не слишком отдалять королевский скарб (*fisc royal*) от государственной казны (*fisc du royaume*).

Вспомним, что в ханской Бухаре этого разделения не было вплоть до ликвидации ханской власти в 1920 году. Польские паны пытались доказать, что «для республики выгодно, чтобы разделения и расчленения доходов не было, чтобы и расходы и издержки по казне королевской не отделялись от таковых для пользы республики».

Интересна мотивировка этих предложений: «Король — персона публичная и всё, что относится к чести и достоинству короля, принадлежит государству» (*le roi est personne publique et toutes choses, qui concernent la splendeur et dignité d'icelui appartiennent à la respublique*). При кажущейся прогрессивности плана он весь пропитан идеями феодального сепаратизма и настоячивым желанием сохранить опасные для страны и народа шляхетские вольности... «Пусть всё будет слитно, пусть всё будет сложено в одно и республика с королём, как члены (тела) с его головой, несут (вместе) все тяготы»¹⁰.

⁷ Noailles. Op. cit. T. III, p. 6.

⁸ Noailles. Op. cit. T. III, p. 437; ср. p. 484.

⁹ Любавский М. История западных славян, стр. 307, 1918.

¹⁰ Noailles. Op. cit. Vol. III, p. 54.

¹ «On eust dit, qu'ils alloient au combat plutost qu'a la diète». Из донесения Грациани — Noailles. «Henri le Valois». T. II, p. 261.

² Бумаги Флорентинского центрального архива. T. II, стр. 280—281. М. 1871.

³ «Ils voudroient que Sa Majesté leur jurast a part». Noailles. Op. cit. T. III, p. 39.

⁴ Не случаен и титул «короля» (царя) Московского. До того Западная Европа, а в особенности Польша, не признавала царского титула и именovala Ивана Грозного «великим князем Московским». В данном случае царский титул должен был показывать высокий удельный вес кандидата.

⁵ Noailles. Op. cit. T. II, p. 447.

⁶ Гейденштейн. Указ. соч., стр. 25.

Шляхта боялась опасных для неё заимствований из французского права, в частности наследственного права. Шляхта обязала Генриха Анжуйского заранее отказаться от рецепции французского права. «Simul promittimus, — значилось в проекте договора от 12 мая 1573 г., — nullas interpretationes aut deductiones ex jure externo nos esse admissuros de bonis haereditario jure»¹.

Широко развитая система королевской администрации во Франции XVI в. смущала польскую шляхту. Ещё в условиях собиранья французских земель из curia regis вырасталась *Chambre des comptes*, которой Филипп IV Красивый, по орданансу 1339 г., передал всю полноту власти.

В Национальной библиотеке среди рукописей Кольбера под № 489 хранится мемуар от первых лет XV века «*Mémoire sur la juridiction de la Chambre des comptes*». «Комната» короля не подчиняется никакому другому учреждению. Король стоит над земщиной (sur la communauté) и не подчиняется общему земскому праву («aux lois communes»). Юрисдикция «комнаты» всецело в руках короля («est propre à luy») и касается его двора («à son hôtel»)². По делам финансовым *Chambre des comptes* — единственная судебная инстанция.

По орданансу 13 марта 1390 г., вопрос о королевском наследстве разрешается в *Chambre des comptes*³, которая от феодальных времён сохранила право регистрации всех законодательных актов и административных распоряжений, касающихся королевского домена⁴. Она же регистрировала поземельные акты, присягу на верность, браки королей и мирные международные трактаты.

Февральский ордананс 1566 г., подтверждая более ранние законы, начиная с 1374 г., закрепляет за *Chambre des comptes* право уголовного суда⁵. Некоторые *Chambres des comptes*, как например в Бургундии, упрочно и долго сохраняли свои старые черты (ср указы 1692, 1696 и 1711 гг.)⁶.

В современном мемуаре «*Reformatio fisci publici et officii ejus* (т. е. короля)»⁷ отмечено, что все финансовые дела сосредотачиваются в руках двух казначеев — государственного и придворного (королевского, «камерального», de la *Chambre royale*). Королевские казначеи n'avoient pas esté insti-

tuez sans grand dommage de la respublicque⁸, поучали Генриха его советники.

Генриха Анжу предупреждали о трудностях королевского правления в Польше: в Польше король бессилен, иначе, что ещё хуже, он должен стать тираном⁹.

Французский король Карл IX отправил в Польшу на избирательный сейм 1573 г. Лансак: «ex intimorum nobilium cubiculariorum nostrorum selectorum ordine», — или, как говорил о нём Генрих Анжу, «ex nobilibus nostris cubiculariis intimum»¹⁰. Этот «ближний опричный боярин» Карла IX был хорошим макиавеллистом. Он советовал Генриху Анжу поддакивать всему, что он найдёт и услышит в Польше, поддакивать, но забывать, в одно ухо впускать, в другое выпускать («d'avoir les oreilles grandes pour ouir toutes choses et les oublier — ouï! oublier — tout aussitôt, sans prendre aucune passion»).

Лансак советовал королю принять все условия, поскорее короноваться, а после коронации хорошенько подумать об установлении «gouvernement absolu de Sa Majesté». При этом король должен опираться на Мазовию, на Варшаву и ни на какой другой пайон; «et non ailleurs ayant sa Majesté la Mazovie dévouée du tout à son intention»¹¹. Столь свободолюбивая нация не потерпит тиранства, а опыт учит, что «правление одного предпочтительнее правления всех или многих («toujours le gouvernement a été plus louable d'un seul que non pas de tous ou de plusieurs»)¹².

В борьбе с польской шляхтой следует попытаться закрепить союз с польским możnowładztwem, с людьми особо знатными, обладающими большим авторитетом и большой клиентелой («de grande suite»)¹³. Вместе с тем надо закрепить союз с дворянством Литвы и Руси, всегда, как и на выборах, готовым поддержать короля¹⁴ как представителя государственного порядка в феодальном беспорядке.

Таковы были французские проекты. По артикулам 1573 г., вольная элекция короля, вальный сейм и шляхетские сеймики, «приблочная рада» из 16 сенаторов связали Генриха Анжу по рукам и ногам. Генрих Анжу ненадолго задержался в Польше: он уехал в Париж в погоне за французским престолом (1574). После новой избирательной кампании его место занял Стефан Баторий (1576).

В ноябре 1579 г. был созван очередной Варшавский сейм. Россия переживала тогда свои первые поражения на фронте. Генрих Штаден тщетно сколачивал «блэк» европейских держав против «дикаря-москвиты».

¹ Noailles. Op. cit. Vol. III, p. 449.

² Dareste. Op. cit., p. 9.

³ Ibidem, p. 12.

⁴ Ibidem, p. 15.

⁵ Ibidem, p. 16.

⁶ Может быть, и в наименованиях петровских финансовых коллегий есть отзвук двойной системы управления финансами: «земская» расходная штатс-коллегия и «опричная» приходная камер-коллегия. Ср. дифференциацию королевского двора в Англии: «household organisation» и «department of state». «History» 1935, March, p. 293. Stenton F. The Changing Feudalism of the Middle Age.

⁷ Noailles. Op. cit. Vol. III, p. 46.

⁸ Ibidem, p. 46.

⁹ Ibidem, p. 39.

¹⁰ Noailles Op. cit. Vol. III, p. 24.

¹¹ Ibidem, p. 519—521.

¹² Ibidem, p. 521.

¹³ Ibidem, p. 524.

¹⁴ Ibidem, p. 522.

Но и Штаден не мог скрыть своего восхищения блестящими результатами объединения политической Грозного. Смущённо заключает он, что только бог всемогущий знает, как долго продлится правление московского царя, которому никто не смеет и перечить, ни духовные, ни миряне. А на польском сейме опять зазвучали уже знакомые нам мотивы феодальной анархии. Гейденштейн, польский дипломат и историк, в своих «Записках о Московской войне» сообщает, что король перечислял всё, что он сделал для Речи Посполитой; расходы на войну, на наём ратных людей, на борьбу за Гданск он, Стефан Баторий, черпал из «своей частной казны», иногда занимал для этого деньги у частных лиц. Баторий отрёкся от самой идеи опричнины и уверял послов и сенаторов, что у него «нет ничего приватного, ничего отдельного», что «всё своё и самую жизнь он готов принести в жертву государству»¹.

И действительно, перечисляя различные разряды земель Речи Посполитой, Баторий упоминал только о землях шляхетских (вотчинных и жалованных), о землях церковных, о землях государственных (фронтowych и тыловых), но о землях короля не было и речи².

Однако и Баторий рядом с шляхетским трибуналом пытался укрепить свой королевский суд.

В 1580 г. возникло дело о государственной измене шляхтича Григория Осника. «Дворские» короля его арестовали. Королевский маршалок надворный начал суд. Однако мнения сенаторов по делу разделились: часть их, поддерживая короля и королевский суд, требовала казни изменника; другая часть, охраняя шляхетскую свободу, настаивала на передаче дела в земский суд, шляхетский трибунал³.

Новый вопрос о земском и королевском праве возник в 1582 г. в связи с делом валахского господаря Янкула. Овладев Валахией, Янкул поднял движение против Польши. Вмешалась Турция. Янкул бежал в Венгрию, но по дороге был захвачен поляками и доставлен во Львов. Стефан Баторий приказал казнить его по народному праву, а имения его принять в казну (неясно, какую, — видимо, государственную). За Янкулом король послал своего надворного подскарбия Гиацинта Млодзеевского. Жене и детям господаря король назначил ежедневное содержание.

Но и Стефан Баторий был бессилён возродить надворный королевский суд, утеряв-

ший своё значение в Польше уже с 1506 года.

Ливонская война близилась к концу. Героическая оборона Пскова поставила предел хищным планам Батория. Баторий вёл мирные переговоры, но сколачивал армию и казну. Король, как всегда, вынужден был эререкаться с шляхтой, ещё раз очень остро был поставлен вопрос о надворном и земском суде⁴.

Пока на сейме в течение восьми дней шли споры о порядке престолонаследия, пока решался вопрос о «фамилии Батория» как польского короля⁵, королевский надворный суд начал действовать. Шляхта немедленно двинула в сейм целый поток жалоб на неправильные вызовы на суд королевский. Суд, однако, продолжал рассматривать дела. С особым вниманием он занялся делом Чарнковского. Чарнковский при Сигизмунде II Августе — референдарий и староста плотцкий, противник Батория и сторонник австрийской партии, был вызван на королевский суд по двум делам: во-первых, Чарнковский от Генриха Анжу получил коадьюторию архиепископства гнезненского и на этом основании завладел Сминским владением; во-вторых, Чарнковский был своего рода «министром двора» при Софии, сестре Сигизмунда II Августа, выданной замуж за Генриха Брауншвейгского. Генрих умер, умер и Сигизмунд II Август. Сестры Софии — Анна, королева польская, и Екатерина, королева шведская, возбудили иск о приёме сестры. В дело вмешался сейм. Сейм решил: «Наследство совсем не таково, чтобы его должно было требовать по праву родства, но что на основании договора и условий оно принадлежит польским королям и государству»⁶.

Затребовали объяснений от Чарнковского. Тот выдать документ отказался. Его вызвали на королевский суд. На суде ему поставлен был вопрос: на каком праве владеет он Сминским владением? Если он владеет им, как коадьютор архиепископа гнезненского, то налицо «королевский случай», так как коадьютория подлежит ведению короля. Если же он владел имением как частное лицо, то будет вызван на земский суд.

Чарнковский имел огромную клиентелу среди шляхты и пользовался на шляхетских сеймах огромным влиянием. В дело Чарнковского действительно вмешалась шляхта. «Земские послы обратились к королю с просьбой, чтобы отменены были все судебные вызовы к королевскому двору». Послы убеждали короля не следовать опасному примеру Сигизмунда II Августа, который «одним декретом разом уничтожил все вызовы, кои относились к делам государственной казны», и злоупотреблял вызовом в свой королевский суд.

¹ Гейденштейн. Указ. соч., стр. 87.

² Там же, стр. 269. Некоторый след деления земель на фронтальные (земские) и тыловые (опричные) сохранился и в России XVI века. Интересно, что то же деление провинций имело место и во Франции XVI в., по ордонансу 1546 г. «Revue historique». 1939. Vol. 185, p. 245. Zeller Gaston. Gouverneurs de provinces du XVI-me siècle.

³ Гейденштейн. Указ. соч., стр. 103.

⁴ Там же, стр. 282.

⁵ Там же, стр. 287, 292

⁶ Там же, стр. 295.

Стефан Баторий успокоил шляхту. Он заверил её, что не хочет нарушать законов. Однако пытался настаивать на том, что «несправедливо также, чтобы всякий мог без причины увёртываться от (королевского.— И. П.) суда, что необходимо различать вызовы законные от незаконных. Король просил указать случаи незаконных вызовов. Тогда «вышел на середину Чарниковский и объявил, что он был противозаконно вызван к надворному дворскому суду»¹. Ему разъяснили, что если вызовы ко двору тягостны, то надо стать в стороне «от служб королевских»; надо жить дома, надо заключить себя в рамках частной жизни.

Однако не только Чарниковский, но и шляхта настаивала на своём. Шляхта шумела и не хотела разбирать «законных» и «незаконных» вызовов. Спор тянулся много дней. Дело доходило до крупных беспорядков. Шляхта, как и надо было ждать, победила. Сейм решил разобрать два дела Чарниковского, а обсуждение вопроса о вызовах в королевский суд, по существу, перенести на сеймики. По делам Чарниковского были приняты следующие решения: 1) затребовать от Чарниковского документы на приданое Софии; 2) так как коадьютором Чарниковский не был, дело о Сминском имении передать в земский суд.

12 марта 1582 г. Стефан Баторий лично отправился в Ливонию, «чтобы дать надлежащее устройство провинции»². «Король хорошо знал, что его предки устраивали провинции, ими приобретённые по своей воле, без совета сословий». Однако и в Ливонии Баторий столкнулся с неожиданными трудностями. Увидев страну без войска, без артиллерии, без укреплений, без денег, Баторий решил отложить до сейма вопрос о дальнейшем устройстве управления Ливонии: «Приобретя оную общим всех советом и помощью, король предоставлял общему решению всех чинов её участь»³.

Но мог ли Баторий поступить иначе? Неужели шляхта разрешила бы Баторию взять Ливонию «в опричнину»? Однако и в Ливонии Баторий пытался насаждать систему, так сказать, опричного управления: его личный секретарь Соликовский тягался с местным дворянством из-за церковных земель, опираясь при этом на мощный аппарат папской власти.

1 мая 1582 г. в Риге Стефан Баторий взял «in postquam potestatem» (в «опричнину», как сказал бы Грозный) две церкви — св. Иакова и св. Магдалины. Управление ими ввиду наличия в них лютеранских

традиций было изъято из ведения рижской ратуши⁴.

Но Польша XVI в. никак не могла поднестись до различения земщины и опричнины: «absolutum dominium» — политическая мечта Генриха, принца Анжуйского, короли польского и короля французского, и Стефана Батория, воеводы трисильванского и короля польского. Она никак не могла реализоваться в стране шляхетской вольности, в стране классической феодальной раздробленности и раздробленности, в стране вольной элекции королей, вольных шляхетских рокошей и «петушиных войн»; в стране, где «вольное» анархическое вето шляхтича-одиночки срывало любую благодетельную для государства реформу. Панская Польша не могла пройти через королевскую «опричнину».

Экономически Польша XVI в. не была ещё подготовлена к созданию централизованного национального государства. Но польские паны и короли не понимали того обстоятельства, что потребности обороны страны требовали незамедлительного объединения народных сил, незамедлительного образования могучего централизованного государства. Ограничивая королевскую власть, лишая её возможности распоряжаться земельным фондом страны, финансами, войском, администрацией, судебным аппаратом, польские паны губили родину. Споры о природе королевской власти в Польше, об её происхождении, об её свойствах и правах, об особенных «опричных» правах короля свидетельствуют о напряжённости политического положения в стране; их безнадёжность для короля и торжество польской шляхты были грозным предостережением польскому народу. Королевская власть в Польше XVI в. была бессильна, минуя шляхетские сеймы и сеймики, обратиться к «земскому собору» и, опираясь на провинциальную худородную шляхту и горожан, строить страну.

Ещё с XIV в., со времён Казимира Великого, панская Польша увлеклась грабежом украинских земель. Польша долго не могла понять всей пагубности для неё самой её агрессии на востоке. Польша думала, что Украиной, Белоруссией и Литвой она возместит свои потери на западе, потери Силезии и Померании (Балтийского моря). Польша подставила западным агрессорам свою спину. Понятно, почему к 1795 г. феодально-раздробленная и обессилена Польша перестала существовать как самостоятельное государство.

Россия XVI в. тоже продвигалась на восток — в Поволжье и в Приуралье. Элементы феодальной агрессии были и в этом дви-

⁴ Livoniae commentarius, p. 36; см. p. 19, прим. 75. Рига. 1852; ср. также «Monumenta Livoniae antiquae». Т. II, p. 27; споры о «герцогском» и «государственном» правлении в Курляндии, споры о пределах и существовании «absolutum dominium» в Курляндии начала XVII века.

¹ Гейденштейн. Указ. соч., стр. 299.

² Там же, стр. 259.

³ Там же, стр. 280.

жении. Это верно. Но не следует забывать страшной для России XVI в. угрозы турецкого ига, утвердившегося на Балканах, на Измаильщине, на берегах Чёрного моря, в Крыму и в Приазовье. Не следует забывать проектов турецкого султана 1569 г. захватить перемычку Волга — Дон. Положение России было бы отчаянное, если бы за 13 лет до того она не утвердилась в Астрахани. К тому же, опираясь на ресурсы Поволжья, Россия ни на одну минуту не забывала необходимости борьбы на западных рубежах: именно здесь, на западных рубежах, решался вопрос о международном престиже и политической независимости России.

В годы, когда Иван Грозный верно и умело разрывал блокаду в Прибалтике (1573—1579), в России вырастала крепкая самодержавная царская власть. Для Ивана Грозного его «*absolutum dominium*» — не пустая мечта, а реальная, прочно осознанная политическая цель. Опричнина Грозного — путь к её достижению.

Грозный настойчиво и упорно искал, напряжённо обдумывал идею «совершенного государства».

«В совершенном королевстве, — поучает царь Иван шведского короля, — землю к государям великим не приписывают»¹. В ти-

туле Грозного нет и следа участия в верховной власти бояр или церковников. Государь совершенный стоит «опричь» земли и над землёй. А в совершенном государстве государь — не хозяин, а грозный «приказчик» своего государства.

Сильный христианской верой, государь выше веры должен ставить правду земскую, а правды без грозы в государстве не будет. Вот она, «ересь» Грозного, против которой всю жизнь воевал кн. А. М. Курбский, боярин-эмигрант, талантливый, но беспочвенный соперник Грозного, достойный слуга польских панов. Ни Дамаскин, ни Иоанн Златоуст не могли помочь князю-изменнику. И то сказать, «как тому взойти, что гнило посеяно — только напрасно истому принимать». «Ересь» Грозного («правда выше веры») была ещё страшнее, нежели ересь его деда. Дед Грозного Иван III, «великий князь московский и всея Руси — великий не токмо словом, но и делом», как говорил о нём Пётр I, любил повторять, что «вера дружбе — не помеха». Иван III в вопросах международной политики, Грозный в вопросах международной и внутренней политики ломали старые, ветшавшие традиции средневековой теократии. Иван Грозный и Иван III мастерски строили русское феодальное государство. «Два славных Иоанна» талантливо обеспечивали подъём русской политической мысли, достойной эпохи европейского Ренессанса.

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 129. стр. 26.

ИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ МЮНХЕНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ *

Проф. Ф. Нотович

Безнаказанная оккупация и аннексия Австрии в марте 1938 г., независимость которой была гарантирована мирными договорами 1919—1920 гг. и рядом специальных договоров и протоколов, заключённых в разное время между Австрией и Италией, Францией и Италией, Австрией и Германией в 1936 г., с одной стороны, и договорами об образовании Малой Антанты — с другой, предвещали такую же участь Чехословакии.

Аннексия Австрии совершенно изменила стратегическую и политическую обстановку в Центральной и Юговосточной Европе. Германия сделалась соседом Италии, Югославии и Венгрии и охватила с трёх сторон Чехословакию. Она приблизилась к Балканскому полуострову и получила возможность оказывать политическое давление на государства Дунайского бассейна, где германское экономическое влияние уже и до того было преобладающим. Насилие над Австрией расшатало устойчивость Малой Антанты, оно усилило профашистские и фашистские элементы во всех придунайских странах и реваншистские вожадения в Венгрии и Болгарии и внушило смертельный страх господствующим кругам в странах Малой Антанты, что нашло политическое выражение в стремлении Румынии и Югославии снискать благоволение фашистской Германии покорностью и экономическими уступками, с одной стороны, и в фактическом «самороспуске» Малой Антанты — с другой. В Югославии регент Павел и реакционное правительство Стоядиновича, которые уже с 1935 г. проводили профашистскую политику, окончательно подпали под влияние Германии; Румыния вынуждена была отказаться от ориентации на Францию и Англию, а Чехословакия потеряла двух своих союзниц. Все эти политические изменения в Центральной и Юговосточной Европе подорвали основы политического и экономического влияния Англии и Франции в этих районах Европы и ослабили их стратегическое положение на Адриатике.

Политика непротivления фашистской агрессии в Центральной Европе, проводившаяся Англией и Францией, привела к тем

же плачевным результатам, что и «политика невмешательства» в испанские дела. Фашистские Германия и Италия укрепляли и расширяли свои стратегические, политические и экономические позиции в Центральной и Юговосточной Европе и в восточной и западной частях Средиземного моря в ущерб Англии и Франции.

Последовательно проводившаяся с 1935 г. правящими кругами западных демократических держав политика потворства агрессорам поставила под угрозу независимость и существование малых народов в Европе и ускорила мировое вооружённое столкновение. После захвата Германией Австрии лидер лейбористской партии Эттли с полным основанием обвинил Чемберлена в том, что его реакционная внешняя политика приблизила мировую войну. «Сейчас, — сказал Эттли, — поставлено на карту не только свободное существование народов Испании и Чехословакии, но и всеобщий мир и безопасность нашей страны».

Лишь советское правительство не признало акта грубого насилия над Австрией и выступило с определённой программой обуздания агрессора. Сейчас же после аннексии Австрии оно официально предложило всем правительствам предпринять коллективные действия против нарушителей мира. Советское правительство квалифицировало действия Германии как «международное преступление» и выразило готовность «принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором». Это предложение было публично повторено 17 марта 1938 г. народным комиссаром иностранных дел СССР Литвиновым на приёме советских и иностранных журналистов¹. Однако это предложение, так же как и предыдущие, переданное заинтересованным государствам дипломатическим путём, не было ими принято.

Весть о захвате Австрии вызвала во всём мире взрыв негодования против фашистской Германии. Английское общественное мнение и парламентская оппозиция обвиняли правительство Чемберлена в том, что его политика уступок агрессорам, пренебрежение к Лиге наций и отказ объединить миролюбивые

* Настоящая статья подготовлена задолго до открытия процесса главных немецких военных преступников в Нюрнберге. Поэтому автор не мог использовать в статье разоблачения, сделанные на процессе.

¹ «Правда» от 18 марта 1938 года.

вые державы для организации коллективной безопасности уже привели к захвату Абиссинии и Австрии, отторжению Японией от Китая больших территорий, итало-германской интервенции в Испании и угрожают теперь независимости Чехословакии.

Требования парламентской оппозиции — лейбористов, либералов и части консерваторов (во время дебатов в парламенте 14 марта 1938 г.) — изменить линию внешней политики правительства, сблизиться со всеми государствами, которые хотят защищать мир против его нарушителей; требование Черчилля заключить военную конвенцию с миролюбивыми державами и выработать общий план отпора агрессорам были отвергнуты правительством Чемберлена с довольно вздорной и позаматованной в арсенале германской фашистской пропаганды мотивировкой. Закрывая дебаты в палате общин, канцлер казначейства Джон Саймон заявил от имени правительства, что принятие предложения Черчилля означало бы разделение государств на враждебные блоки держав, которые явились причиной войны 1914 года¹.

Отказываясь от политики коллективной безопасности, коллективного отпора агрессорам под видом «невмешательства», «нейтралитета» и «умиротворения», правительство Чемберлена тем самым проводило политику попустительства агрессии, усиления агрессоров, натравливания агрессоров на Советский Союз. Такой же была и политика правительства Даладье во Франции. После трагической смерти Барту в 1934 г. французское правительство отказалось от независимой внешней политики и во всем следовало за Англией.

В день вторжения германских войск в Австрию 11 марта 1938 г. фельдмаршал Геринг по поручению Гитлера дал заверения чехословацкому посланнику в Берлине Маврий в том, что «Германия не имеет недобрых намерений по отношению к Чехословакии». Это же заверение было повторено тому же посланнику 12 марта Герингом и министром иностранных дел фон Нейратом, оно было доведено также до сведения английского правительства² и, таким образом, получило значение международно-го обязательства.

Как показали последующие события, это были лживые дипломатические трюки гитлеровского правительства, которые служили

маскировкой его истинных, захватнических планов.

Отражая настроения чешского народа и правительства, официоз чехословацкого министерства иностранных дел «Prager Presse» писал в передовой 13 марта в связи с новой политической обстановкой в Центральной Европе: «Перед лицом австрийских событий Чехословакия будет спокойно, но с тем большей решимостью охранять и защищать свою собственную суверенность, независимость и безопасность. Она в состоянии сохранить полное спокойствие, тем более, что положение её совершенно иное, чем положение Австрии, ибо безопасность её и неприкосновенность её границ гарантированы союзными договорами, и сама Германия сознаёт это положение Чехословакии и не пропустила момента, чтобы неоднократно подчеркнуть эту точку зрения»³.

Позиция правительства Чемберлена во время прений в парламенте показала Гитлеру, что он и дальше может действовать столь же безнаказанно, как в вопросе об Австрии, что со стороны Англии, а это значит и со стороны Франции, его агрессия не встретит сопротивления. Судьба Чехословакии, по существу, была предопределена 14 марта — исходом прений в английском парламенте по австрийскому вопросу. Ещё не успело улеяться возбуждение в Европе по поводу аннексии Австрии, как Германия уже поставила на повестку дня судетский вопрос в Чехословакии. Немецко-фашистская печать начала измышлять всякие «ужасы» и «издевательства», которым якобы подвергаются немцы со стороны чехословацких властей.

На состоявшемся 24 апреля 1938 г. в Карлсбаде съезде судетско-немецкой (фашистской) партии Гейнлейна, по указке из Берлина, была принята так называемая карлсбадская программа, суть которой состояла в требовании предоставить Судетской области территориальную и административную автономию в пределах Чехословакии и в изменении внешней политики Чехословакии в смысле её ориентации на Германию⁴. Как показали дальнейшие события, эта программа была лишь средством для начала открытой борьбы. Настоящей же программой гейнлейновцев и стоящей за их спиной Германии была программа расчленения Чехословакии и, в конце концов, захват её Германией.

Германская печать поддержала требования карлсбадской программы и начала распространять сказки о чехословацких «зверствах». Происходившие в мае муниципальные выборы явились своего рода референдумом. Чехословацкий народ высказал свою готовность грудью отстаивать целостность родины. Германское правительство стало угрожать и производить передвижения войск на чехословацкой границе. Чехословакия приняла со своей стороны военные меры предосторожности. К концу мая поло-

¹ «Manchester Guardian» N. 23544, March 25, 1938, p. 14; «Prager Presse», 26 März 1938.

² Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques 1938—1939. Pièces relatives aux événements et aux négociations qui ont précédé l'ouverture des hostilités entre l'Allemagne d'une part, la Pologne, la Grande-Bretagne et la France d'autre part. Paris. Imprimerie nationale. 1939. N. 3 et 4. Ниже этот источник будет обозначаться кратко: «Livre jaune», 1939.

³ «Prager Presse», 13 März 1938.

⁴ «Prager Presse», 25 April 1938.

жение очень обострилось. Именно в это время, как разоблачила позже «Deutsche Allgemeine Zeitung», «в решающих британских инстанциях было вынесено секретное решение об отделении от Чехословакии её национальных меньшинств», о чём тогда же, по утверждению фашистской газеты, высказалась в этом духе «весьма высокая британская инстанция».

7 июня Гейнлейн предъявил чехословацкому правительству требования, сходные с карлсбадскими пунктами. Чехословацкое правительство согласилось на переговоры с гейнлейновцами, но последние, по приказу из Берлина, постепенно повышали свои требования. В конце концов они потребовали выделения Судетской области из состава Чехословакии.

Чехословацкое правительство выработало законопроект по урегулированию прав национальных меньшинств и намеревалось явиться его через парламент. В этот момент гейнлейновцы получили неожиданную политическую поддержку. Английское правительство послало в Прагу особую миссию во главе с лордом Ренсименом для «изучения» вопроса на месте и выполнения функции «посредника» в переговорах между чехословацким правительством и партией Гейнлейна. Это было не только грубое вмешательство во внутренние дела Чехословакии, хотя и прикрытое получением на это согласия правительства, но одновременно и признание партии Гейнлейна «равноправной» стороной с правительством суверенного государства. Чехословацкое правительство вынуждено было безропотно сносить «посредничество» лорда Ренсимена, когда оно вскоре убедилось, что и французское правительство поддерживает чемберленовскую политику «умиротворения» за счёт жизненных интересов чехословацкого народа.

Газета «Times», выражая настроения реакционных руководящих кругов Лондона, пугала Чехословакию тем, что могут возникнуть нежелательные последствия, «если чехословацкое правительство опубликует и попытается провести через парламент неприемлемый для судетских немцев закон о национальных меньшинствах».

Опираясь на политическую и моральную поддержку правительства Чемберлена и реакционной клайвденской клики¹ и на всю мощь фашистской Германии, судетско-немецкая партия Гейнлейна затягивала переговоры, угрожала правительству их разрывом, провоцировала инциденты в разных местах Судетской области, которые затем безмерно раздувались в судетско-немецкой и германской печати и изображались как

«царство марксистского террора» против немецкого национального меньшинства. Гейнлейновская партия дошла до такой дерзости, что выпустила в середине августа воззвание к своим приверженцам с призывом обращаться к оружию, когда будет угрожать опасность их личности и имуществу. Этот призыв к гражданской войне явился своеобразным давлением на чехословацкое правительство и на миссию лорда Ренсимена. Имея определённые директивы из Берлина, гейнлейновцы не разрывали переговоров, но затягивали их до бесконечности и не связывали себе руки никакими обязательствами и соглашениями. А одновременно под прикрытием «переговоров» судетская фашистская партия запасалась оружием, которое она получала в изобилии из Германии, и готовилась к вооружённому мятежу.

К концу августа руководящие круги Англии, наконец, пришли к убеждению, что конфликт между судетскими немцами и чехословацким правительством мог бы быть уже урегулирован на основе предложений Бенеша, если бы судетские немцы были готовы решать, согласно своим интересам, и на них не оказывали влияние извне. Не сущность разногласий между чехами и судетскими немцами, а агрессивная политика Германии против Чехословакии была причиной сильного возбуждения в Центральной Европе и угрожала нарушить мир. Английская печать громко выражала своё недовольство политикой правительства Чемберлена, а оппозиция резко критиковала занятую Чемберленом позицию в чехословацком вопросе. Это обстоятельство и ряд других тревожных моментов заставили руководящую тройку английского кабинета (Чемберлен, Галифакс, Саймон) прервать каникулы и устроить два специальных заседания правительства, на которых была уточнена политическая линия Великобритании в чехословацком вопросе. Из Праги в Лондон был срочно вызван член миссии Ренсимена для доклада о состоянии и перспективах переговоров партии Гейнлейна с чехословацким правительством. На чрезвычайных заседаниях совета министров 24 и 25 августа решено было поручить Джону Саймону выступить 27 августа в Ланарке с большой политической речью и в ней изложить отношение английского правительства к проблемам Центральной Европы и, в частности, к Чехословакии.

Английская печать придавала большое значение выступлению Саймона в Ланарке и утверждала, что оно будет предупреждением по адресу Германии. Газета «Evening Standard» даже писала, что «декларация канцлера казначейства будет такой же знаменательной, как историческое предупреждение, брошенное также канцлером казначейства Ллойд Джорджем в Меншен Хаузе во время агадирского кризиса»².

В результате переговоров Ренсимена с руководством гейнлейновской партии, с одной стороны, и с чехословацким правитель-

¹ К клайвденской клике принадлежали в то время майор Астор, собственник газет «Times» и «Observer», лорд Астор, леди Астор, лорд Лондондери, Нозль Бекстон, главный редактор «Observer» Гарвин, некоторые участники англо-германского сотрудничества, председатель имперской химической компании лорд Лек Говен, лорд Редсдел, лорд Майит Тампл и др.

² «Temps» N. 28108, le 27 août 1938.

ством — с другой, наметились некоторые признаки урегулирования вопроса. Чехословацкое правительство объявило 20 августа, что в ближайшее время будут назначены немцы на руководящие посты в разных министерствах в столице и на местах в Судетской области¹.

Официальное коммюнике чехословацкого правительства характеризовало создавшееся положение как «момент поисков новой базы для переговоров» и вместе с тем заявляло, что правительство намерено радикально разрешить судетский вопрос в форме предоставления действенной защиты интересов немецкого меньшинства в рамках чехословацкого государства².

В интервью, данному премьер-министром Годжа корреспонденту газеты «Daily Telegraph and Morning Post» 25 августа, говорилось, что чехословацкое правительство готово предложить для переговоров новую основу, которая явится приемлемым для обеих сторон компромиссом. Далее, он заявил, что немцы получат фактическое самоуправление, «которое не намного будет отличаться от их собственных притязаний на власть и на расширение власти».

Касаясь формы предстоящего соглашения на «третьей основе», Годжа сказал, что новый компромисс «позволит сохранить единство, целостность и устойчивость нашего государства и делает его в эти беспокойные времена действенным и решающим элементом в европейском равновесии».

Говоря об оказывавшемся на партию Гейнлейна давлении из Германии, Годжа сказал: «Если бы это был только вопрос нашей внутренней политики, не затрагиваемый внешними влияниями и интересами, то наша проблема могла бы быть очень скоро и абсолютно справедливо разрешена... Но мы хорошо сознаём, что наша проблема представляет неделимую составную часть общеевропейской, даже мировой проблемы мира и примирения и что международное значение достижения компромисса требует от нас особого поведения»³.

Гейнлейновцы, исполняя волю Гитлера, отклонили и это предложение чехословацкого правительства, но переговоров не прервали. Используя спровоцированные немецко-судетскими фашистами незначительные местные инциденты, руководство этой партии предложило своим членам при всех столкновениях с чехами прибегать к оружию⁴.

В большой речи в Ланарке Саймон определил английскую внешнюю политику как «положительную и миролюбивую» по отношению ко всем государствам независимо от их социально-политического режима. Перейдя к чехословацкой проблеме, он заявил, что точку зрения английского правительства

по этому вопросу исчерпывающе высказал Чемберлен в своей декларации 24 марта 1938 года⁵. «Эта декларация действительна и сейчас. К её содержанию ничего ни прибавлять, ни изменять». В Берлине её истолковали таким образом, что Англия не будет препятствовать Германии проделать с Чехословакией то же самое, что она уже сделала с Австрией. А во Франции после повторения Саймоном этой декларации гитлеровская агентура открыла яростную кампанию за разрыв франко-чешского союза.

В тот день, когда Саймон выступал в Ланарке, Черчилль выступил в Эссексе с речью, в которой выразил чувства опасения и тревоги критически настроенных людей по отношению к «мироотворческой» деятельности правительства, объективно помогавшей торжеству агрессивных сил. Черчилль заявил, что имеются «сторонние силы», которые мешают разрешению судетского вопроса «в пределах чехословацкой целостности», и призвал Европу и весь мир не допустить расчленения Чехословакии, так как в этом случае Европа должна будет считаться «с внезапным диким и беспощадным нападением национал-социалистской Германии» на маленькую, беззащитную нацию, которую Германия хочет себе покорить. «Такое нападение, — говорил Черчилль, — явится не только простым нападением на Чехословакию: оно будет представлять собой преступление против цивилизации и свободы всего мира. Каждая страна должна будет себя спросить: кто явится очередной жертвой?»

Черчилль, подобно Саймону, считал, что война не обязательно неизбежна, но в отличие от Саймона он полагал, что она будет угрожать миру до тех пор, пока Германия находится в постоянном мобилизационном состоянии. В заключение Черчилль призвал Гитлера, от которого сейчас зависят, сказал он, «наш страх и надежда», к разуму и просил его «не навлекать на германский народ

⁵ «Manchester Guardian» N. 28686, 29 August 1938, p. 12.

⁶ В этой декларации, зачитанной Чемберленом в палате общин, говорилось, что Англия имеет в первую очередь обязательства по отношению к Франции и Бельгии против неспровоцированного на них нападения. Относительно Чехословакии в декларации говорилось: «Английское правительство не может принять заранее такого решения, которое ограничит бы его свободу действий, особенно в районе, где его жизненные интересы не задеваются в такой же степени, как они задеваются во Франции и Бельгии». В декларации, далее, говорилось: «Неумолимый ход событий может оказаться гораздо сильнее, чем формальные декларации, и в этом случае очень вероятно, что другие страны, помимо тех, которые были участниками первоначальной распри, могут быть немедленно втянуты («Manchester Guardian» N. 28553, March 1938, p. 14). Эта фраза должна была прикрыть отмежевание от Чехословакии, именно так она была всюду понята.

¹ «Prager Presse», 20 August 1938.

² «Prager Presse», 21 August 1938.

³ «Daily Telegraph and Morning Post», 26 August 1938; «Prager Presse», 27 August 1938.

⁴ «Temps», N. 28109, le 28 août 1938.

проклятие войны, которая, без сомнения, будет мировой войной»¹.

Военные приготовления Германии заставили французское правительство 27 августа призвать некоторые категории резервистов. 28 августа английское правительство вызвало Невилля Гендерсона, посла в Берлине, для личного доклада по поводу передвижения германских войск на чехословацкой границе. После доклада правительству Гендерсон получил инструкцию сделать германскому правительству личное предложение о позиции Англии в случае вовлечения Франции в войну из-за Чехословакии. Одновременно английский посланник в Праге Ньютон посоветовал Бенешу сделать «немедленно и без оговорок» такие уступки, которые позволили бы очень быстро достигнуть соглашения с судетскими немцами.

Лорду Ренсмену пришла «гениальная» идея посоветовать Гейнлейну отправиться на свидание к Гитлеру. При этом он снабдил Гейнлейна некоторыми документами и личным посланием для передачи фюреру. Таким образом, Германия была официально привлечена к участию в разрешении судетского вопроса. Свидание состоялось 2 сентября в Берхтесгадене в присутствии Риббентропа и продолжалось пять часов. Гейнлейн сделал Гитлеру подробный доклад о положении дел в Судетской области и о состоянии переговоров с чехословацким правительством. В тот же день было опубликовано следующее официальное коммюнике: «Фюрер и канцлер приняли сегодня в Оберзальцберге главу судетских немцев г-на Конрада Гейнлейна, который, согласно желанию лорда Ренсмена, изложил фюреру ход переговоров между пражским правительством и судетскими немцами. Фюрер с величайшим интересом выслушал декларацию г-на Гейнлейна, и в конце беседы они констатировали полную гармонию между их мнениями относительно настоящего положения»². В результате свидания Гитлера с Гейнлейном германская печать выдвинула требование плебисцита для судетских немцев.

В связи с открытием в начале сентября в Нюрнберге съезда национал-социалистской партии туда отправился Невилль Гендерсон, который должен был, по поручению своего правительства, поддерживать постоянный контакт с Риббентропом, Герингом, Геббельсом и другими руководителями рейха. Ему была поручена нелёгкая задача: убедить главарей германского правительства в том, что Англия не останется безучастной к нападению Германии на Чехословакию, чему Гитлер не верил — и не без основания.

«Дружественные» представления английского и французского посланников, частые встречи Ренсмена с Бенешем и иные формы воздействия привели к тому, что чехословацкое правительство сделало новое, оконча-

тельное предложение, известное под названием «четвёртого плана» Бенеша. По этому плану, состоявшему из девяти пунктов, всем национальным меньшинствам в Чехословакии предоставлялось полное равноправие, они допускались к участию в местной и государственной администрации наравне с чехами, пропорционально их количеству; предусматривалась полная реорганизация государства. «Четвёртый план» Бенеша был одобрен Ренсменом, английским и французским правительствами. 7 сентября уполномоченные партии Гейнлейна признали этот план достаточной базой для возобновления переговоров. Появилась надежда на быстрое урегулирование конфликта.

В то время, как английская дипломатия развивала активную деятельность в Праге и добилась максимальных уступок от чехословацкого правительства, а Гендерсон безуспешно пытался убедить окружение Гитлера в том, что английское правительство «твёрдо» решило не выдать Чехословакию Германии, лондонская «Times» 7 сентября поместила передовую, в которой под лицемерным покровом «дружелюбия» к Чехословакии предлагалось передать Судетскую область Германии. В статье отразились взгляды реакционной клайвденской клики, под сильным влиянием которой находился Чемберлен и отчасти лорд Галифакс.

Лондонская газета, высказываясь в пользу издавна рассматривавшей во всём мире как выражение руководящей линии английской политики, требовала от Чехословакии гораздо большего, чем осмеливались до тех пор открыто требовать сами судетские немцы и Гитлер. «Times» первая потребовала расчленения Чехословакии. Статья в «Times» произвела удручающее впечатление на мировое общественное мнение. Она, по существу, предупредила чехословацкое правительство, что судетский вопрос уже решён без его участия и что ему ничего другого не остаётся, как покориться произнесённому лондонским Сити приговору, и одновременно лишний раз сигнализировала Гитлеру, что он может дерзнуть, не опасаясь со стороны официальной Англии никаких неприятностей.

Правда, английское министерство иностранных дел немедленно отмежевалоcь от статьи «Times» и официально заявило, что она не выражает мнения английского правительства. Чехословацкий посланник передал в тот же день, 7 сентября, в Foreign Office формальный протест против передовой газеты «Times», и Foreign Office опубликовал в тот же день второе опровержение, в котором говорилось, что высказанное в утреннем издании газеты «Times» мнение «ни в каком отношении не выражает мнения английского правительства»³.

Однако опровержениям английского правительства и поднятому вокруг него шуму и отмежевываниям от статьи никто всерьёз не поверил. Не поверили этому и в Берлине, где имели информацию, что статья «Times» выражала подлинные намерения руководя-

¹ «Manchester Guardian» N. 28686, 29 August, 1938, p. 12.

² «Temps» N. 28115, le 3 septembre 1938.

³ «Prager Presse», 8 September 1938.

ших английских кругов. Германский корреспондент той же газеты писал спустя несколько дней после официального опровержения: «Передовая статья «Times», в которой чехословацкому правительству рекомендуется не считать исключённой возможность разрешения проблемы путём пересмотра границ, вызвала в Германии величайший интерес. Германские должностные лица вполне отдают себе отчёт в том, что эта статья не представляет официальной точку зрения. Тем не менее они считают, что «Times» в данный момент предлагает выход, о котором и Германия уже давно помышляла, хотя и не высказывали»¹.

События истекших дней наглядно убеждали в том, что словесное противодействие гитлеровским планам в Чехословакии, постоянная суета в резиденции Чемберлена — на Даунинг Стрит, 10,— беспрерывные заседания совета министров, совещания лорда Галифакса с французским послом и посланцами других стран по судетскому вопросу и прочая политическая возня лишь служили прикритием уже состоявшегося решения — предоставить Чехословакию собственной судьбе.

Статья «Times» послужила сигналом к ещё большей активизации стран «оси». В этой связи интересно отметить, что Муссолини поддерживал карлсбадские требования Гейнлейна, но итальянская фашистская печать и официоз «Informazione Diplomatica» ещё 8 сентября писали, что Судетская область должна и впредь принадлежать Чехословакии, и отмежевывались от тех английских и французских кругов, которые предлагали передать её Германии².

Яркий свет на предисторию мюнхенскогоговора проливает это выступление итальянского официоза, уже после появления пресловутой передовицы в газете «Times», с развёрнутым уточнением итальянской точки зрения и его отмежевание от тех кругов, которые требовали отделения Судетской области от Чехословакии. Это выступление показывает, что сам Гитлер в начале кризиса не надеялся, что ему удастся уже на данном этапе добиться захвата Судетской области. Лишь после того, как предложение «Times» сделалось практической линией действия Гитлера и поведения англо-французской дипломатии, Муссолини, как видно из его более поздних выступлений, не желая, повидимому, плестись в хвосте, заговорил совсем другим языком. Надо также подчеркнуть, что лишь через три дня после появления передовицы «Times» Геринг на нюрнбергском съезде поставил открыто вопрос о расчленении Чехословакии.

Мировая печать достойно оценила крайнюю уступчивость чехословацкого президента Бенеша, его благоразумную умеренность, которые нашли выражение в проекте государственного преобразования, позволяющем разрешить острый политический кризис

удовлетворительно для обеих сторон, не нанеся ущерба единству и целостности государства. Даже римская «Giornale d'Italia» писала по поводу «четвёртого плана», что он рассеял тёмные тучи в Центральной Европе³.

Обнародование в печати текста проекта «четвёртого плана» было, однако, использовано судетско-фашистской партией в качестве предлога для отсрочки возобновления переговоров до 10 сентября.

В этот день Бенеш обратился с речью по радио ко всем гражданам республики, но прежде всего «к людям, желающим мира и спокойствия и уважающим в других людях человеческое достоинство». Существо политического кризиса, сказал президент республики, состоит в том, что на протяжении веков сталкиваются неразрешённые национальные вопросы на территории Чехословакии. Правительство теперь приступит к радикальному разрешению национального вопроса на основе демократии и полного политического, экономического и культурного равноправия. «Государству будет дано то, что ему принадлежит, а национальностям то, что им надлежит». Начатые переговоры с судетско-немецкой партией, продолжал Бенеш, будут продолжены с представителями других национальных меньшинств, в результате которых будет преобразована внутренняя жизнь государства и достигнут национальный мир. Чехословакия принесла эту жертву, сознавая, что она будет способствовать сохранению всеобщего мира.

В заключение своей речи Бенеш призвал всех граждан прекратить партийную борьбу, «действовать абсолютно лояльно и солидарно и не затрагивать идеи чехословацкого единства»⁴.

В то время, когда Бенеш выступал по радио в Праге, Геринг выступил на нюрнбергском съезде с необычайно резкой, оскорбительной и полной угроз речью по адресу Чехословакии, Советского Союза и западных демократических государств, обвиняя их в натравливании мирового общественного мнения против Германии и Италии, являющихся якобы «оплотом порядка»⁵.

12 сентября Гитлер выступил на нюрнбергском съезде партии национал-социалистов также с угрозами по адресу Чехословакии и тех государств, которые должны были, по договорным обязательствам, прийти ей на помощь в случае нападения на неё, и потребовал немедленного и безоговорочного удовлетворения всех притязаний судетско-немецкой фашистской партии Гейнлейна, не уточняя их объёма и характера⁶.

Речи Гитлера и Геринга крайне обострили положение. Фашистская Германия вы-

³ «Prager Presse», 8 September 1938.

⁴ «Prager Presse», 11 September 1938.

⁵ «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938. Dokumente, S. 934—937.

⁶ «Völkischer Beobachter», 14 September 1938.

¹ «Известия» от 16 сентября 1938 года.

² См. «Temps» N. 28122, le 10 Septembre 1938.

ступила на авансцену в качестве непосредственного участника распри.

После выступления Гитлера 13 сентября конфликт между судетско-немецкой партией Гейнлейна и чехословацким правительством превратился в конфликт между Германией и Чехословакией, из внутриполитического он стал межгосударственным, вследствие чего приобрёл ещё большую остроту.

Желая дать «законный» повод Германии для вмешательства в защиту «угнетённых» немцев, руководство судетско-немецкой партии начало в ночь на 13 сентября вооружённое выступление в разных районах Судетской области. В десятках местностей были произведены террористические акты, на что чехословацкое правительство ответило введением осадного положения в одиннадцати районах, охваченных вооружёнными беспорядками¹. 13 сентября судетско-немецкая партия передала по телефону чехословацкому премьер-министру Годжа наглый ультиматум, ответ на который чехословацкое правительство должно было дать в течение шести часов. В этом ультиматуме были такие требования: отмена осадного положения; вывод полиции из всех районов, где большинство населения составляют немцы, и передача функций охраны порядка мэрам городов и общин; сокращение численности жандармерии и других органов лиги охраны государства и содержание их в казармах; содержание чехословацких войск в казармах².

Так как вооружённые эксцессы не были прекращены, чехословацкое правительство распустило судетско-фашистскую партию, издало приказ об аресте Гейнлейна и других главарей партии, которые бежали в Германию. Гитлер сбросил маску и начал угрожать Чехословакии военной расправой.

Миссия Ренсимена окончила свою бесславную деятельность. Оказав громадную услугу фашистской Германии, она 16 сентября покинула Чехословакию.

Обстановка менялась с кинематографической быстротой. Чемберлен пустил в дело свои дипломатические «таланты». Он уже давно вынашивал план действий, но держал его про запас, как «последний козырь». Чемберлен решил отправиться лично на свидание с Гитлером. План Чемберлена, как тогда же выяснилось, совпал с таким же планом Даладье. Последний связался 13 сентября ночью с английским премьер-министром и обратил его внимание на предпочтительность замены дипломатических нот и представлений личным общением руководящих государственных деятелей³.

Так родилась идея о сентябрьском паломничестве Чемберлена и Даладье в Берхтесгаден, Годесберг и Мюнхен.

14 сентября Чемберлен сообщил Гитлеру, что он намерен немедленно прилететь к нему в Германию для того, чтобы «найти

мирное разрешение вопроса», и просит его указать время и место встречи. Гитлера не надо было упрашивать: он понимал, что Чемберлен может ему помочь на самом трудном и решающем этапе задуманной им агрессии, и назначил свидание на 15 сентября пополудни в Берхтесгадене.

15 сентября германское информационное бюро распространило по всему миру ложное сообщение главарей судетско-немецкой партии о том, что в Чехословакии якобы начались немецкие погромы⁴.

Германская печать подхватила измышления гейнлейновцев и начала заполнять свои страницы сообщениями об «ужасах», «жестокостях» и «издевательствах», якобы творимых чехословаками над «незвинными» немцами по всей Чехословакии.

Во время свидания Чемберлена с Гитлером последний заявил, что он скорее предпочтёт начать мировую войну, чем отложить разрешение судетской проблемы, и жаловался Чемберлену, что Германия подвергается угрозам со стороны западных держав. На это английский премьер-министр возразил, что следует отличать угрозы от предупреждений. Тем временем началась психическая атака на Чехословакию, Англию и Францию со стороны Италии.

15 сентября Муссолини обратился с открытым письмом к Ренсимену, в котором издевался над чехословацким государством, называя его «крокодилом» и «кишкой», и предлагал его уничтожить, чем будет «ущеранён с европейской карты очаг беспорядка и беспокойства». Дуче впервые поставил публично польскую, венгерскую и словацкую проблемы и советовал Ренсимену предложить Бенешу произвести референдум среди всех национальностей Чехословакии. Если Бенеш не согласится это сделать, то Англия будет вправе отказать Чехословакии в помощи. После выступления Гитлера в Нюрнберге не могло быть речи о компромиссах. «Карлсбад уже изжит», и Ренсимен может совершить нечто такое, «что войдёт в историю», если он убедит своё правительство принять точку зрения Гитлера. «Если Лондон заявит, что он останется непоколебимым, то никто не тронется с места... Игра действительно не стоит свеч»⁵.

Как известно, этот призыв нашёл отклик. Дал ли Ренсимен себя «убедить» доводами Муссолини, или он уже до того был «убеждён» в необходимости разрушения чехословацкого государства, но выводы лорда, изложенные шесть дней спустя в письме к Чемберлену, являлись английским изданием «наказа» дуче. 18 сентября Муссолини опять выступил в Триесте с требованием передачи Судетской области Германии⁶.

В эти же дни министр иностранных дел Чизано сделал, по поручению Муссолини,

⁴ «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938, S. 957, 961.

⁵ «Popolo d'Italia», 15 settembre 1938; «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938. Dokumente, S. 959—961.

⁶ «Frankfurter Zeitung», 19 September 1938.

¹ «Prager Presse», 15 September 1938.

² «Temps» N. 28128, le 16 septembre 1933.

³ «Temps» N. 28147, le 5 octobre 1938.

следующее заявление германскому правительству: «В случае локализации конфликта между Германией и Чехословакией позиция Италии будет ещё раз обсуждена, но если конфликт сделается всеобщим и если антифашистские силы используют его в качестве предлога для создания коалиции идеологического характера против национал-социалистской Германии, тогда для Италии не будет больше никакой альтернативы или сомнения. Италия в этом случае почувствует себя угрожаемой и выступит со всеми своими силами на стороне Германии»¹.

19 сентября «Daily Mail», являвшаяся в то время английским рупором Гитлера, напечатала беседу своего корреспондента Уорда Прайса с фюрером, в которой вся ответственность за созданный Берлином политический кризис была возложена на Чехословакию и... на СССР.

На совещании в Лондоне 18 сентября между Чемберленом, Галифаксом, Даладье и Ённэ были подвергнуты рассмотрению политическая обстановка, результаты беседы в Берхтесгадене и предложения Ренсимена, который был привлечён к обсуждению. Свою точку зрения Ренсимен развил в меморандуме (от 21 сентября на имя Чемберлена), который был неделю спустя опубликован в «Белой книге по чехословацкому вопросу», представленной английским правительством парламенту.

Ренсимен в меморандуме предлагал передать немедленно и без плебисцита Судетскую область Германии, сделать Чехословакию «вечно» нейтральным государством и изменить внутреннюю и внешнюю политику: 1) ограничить действующие по конституции свободы и деятельность партий и лиц, поощрявших политику вражды к соседям Чехословакии; 2) изменить внешнюю политику и дать заверения соседям, т. е. Германии, что она сама не нападёт на них и не будет участвовать в действиях, простирающихся из обязательств по отношению к другим государствам; 3) заключить торговый договор с Германией на принципе преференциальных льгот. Если всё это будет выполнено, то Ренсимен рекомендовал главным державам, «действующим в интересах европейского мира, предоставить Чехословакии гарантии помощи в случае неспровоцированной агрессии против неё»².

В результате совещания ведущих англо-французских министров в Лондоне и консультации лорда Ренсимена английское и французское правительства вручили 19 сентября чехословацкому правительству ноту, в которой был изложен план урегулирования мирным путём конфликта с Германией. Англо-французские министры, говорилось в

этом документе, пришли к заключению, что дальнейшее оставление в пределах Чехословакии судебных районов, населённых немцами, подвергает якобы опасности интересы Чехословакии и европейский мир, а во избежание этого они предлагали передать Судетскую область Германии. Ввиду того, что проведение голосования населения представляет на практике большие трудности, оба правительства предлагали передать Германии территорию, населённую немцами больше чем на 50%, без плебисцита.

В случае принятия этого предложения английское и французское правительства выражали готовность признать право Чехословакии потребовать гарантии своей будущей безопасности. Английское правительство, со своей стороны, выражало готовность присоединиться к международной гарантии новых чехословацких границ.

Чемберлен договорился с Гитлером о том, что переговоры будут возобновлены как можно скорее, поэтому от чехословацкого правительства ждали безотлагательного ответа³.

Принимая решение потребовать от Чехословакии этой жертвы, руководящие министры Англии и Франции были озабочены главным образом тем, чтобы отыскать такое «решение, которое не обязывало бы Францию автоматически начать действия, соответствующие её обязательствам»⁴. Другими словами, они добивались освобождения Франции от её обязательства прийти на помощь Чехословакии и лишиться всякого значения франко-чехословацкий союз.

Решение о расчленении Чехословакии было принято правительством Чемберлена и Даладье в сговоре с Гитлером без ведома и вне Лиги наций, которая была призвана охранять независимость и целостность территории её членов. Как раз в это время происходили заседания ассамблеи Лиги в Женеве, но чехословацкий вопрос вовсе не фигурировал на повестке дня и никем не затрагивался. Однако советское правительство разрушило заговор молчания лондонских и парижских «умиротворителей». Народный комиссар иностранных дел тов. Литвинов заявил на ассамблее Лиги наций 21 сентября: «В момент, когда закладываются фугасы для взрыва организации, с которой были связаны великие надежды многих современников, которая накладывала определённую печать на нашу эпоху международных отношений, в момент, когда, отнюдь не благодаря случайному совпадению, вне Лиги принимаются решения, которые напоминают нам международные сделки довоенного времени и которые должны опрокинуть ныне существующие понятия о международной морали, о международных договорных обязательствах, когда устраиваются, очевидно, жертвоприношения богу агрессии, когда подводится чер-

¹ «Monatshefte für auswärtige Politik», Januar 1938. Dokumente, S. 46.

² «Miscellaneous» N. 7, 1938. Correspondence Respecting Czechoslovakia. September 1938. London, N. 1, 1938, p. 7—8. Ниже этот источник будет обозначен: The White Paper. Correspondence Respecting Czechoslovakia. Cmd. 5847.

³ The White Paper. Correspondence Respecting Czechoslovakia. Cmd. 5847, N. 2, 1938, p. 8—11.

⁴ См. речь Чемберлена в палате общин. «Temps» N. 28142, le 30 septembre 1938.

та под всей послевоенной международной деятельностью единственным выводом, что ничто не удаётся, кроме агрессии,— каждое государство должно определить свою роль и свою ответственность перед современниками, перед историей».

Определяя официальную точку зрения советского правительства к судетской проблеме и к англо-французскому ультиматуму Чехословакии, тов. Литвинов заявил: «Связанный с Чехословакией пактом о взаимной помощи, Советский Союз в дальнейшем воздерживался от всякого вмешательства в переговоры чехословацкого правительства с судето-немцами, считая это внутренним делом чехословацкого правительства. Мы воздерживались от всяких советов чехословацкому правительству, считая недопустимым требовать от него уступок немцам в ущерб государственным интересам, ради избавления нас от необходимости выполнения наших обязательств по пакту. Не давали мы советов также и в обратном направлении. Мы весьма ценили такт чехословацкого правительства, которое до самых последних дней нас даже не запрашивало, выполним ли мы свои обязательства по пакту, ибо оно, очевидно, в этом не сомневалось и не имело оснований сомневаться».

Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я от имени своего правительства дал совершенно чёткий и недвусмысленный ответ: мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом. Независимо от этого мы считали бы, однако, желательным постановку вопроса в Лиге наций пока хоть о статье 11-й с целью, во-первых, мобилизации общественного мнения и, во-вторых, выяснения позиции некоторых других государств, пассивная помощь которых была бы весьма ценной. Необходимо, однако, сперва исчерпать все меры предотвращения вооружённого конфликта, и одной из таких мер мы считаем немедленное совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша.

Вот как гласил наш ответ. Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило советское, готово ли оно, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действительную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ. Я думаю, согласятся, что это был ответ лояльного участника международного соглашения и верного защитника Лиги наций. Не наша вина, если не было

дано хода нашим предложениям, которые, я убеждён, могли дать желательные результаты как в интересах Чехословакии, так и всей Европы и всеобщего мира. К сожалению, были приняты другие меры, которые привели, и не могли не привести, к такой капитуляции, которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия.

Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да ещё ценою удовлетворения appetitов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, не значит действовать в духе пакта Лиги наций. Премировать бражание оружием и обращение к оружию для разрешения международных проблем, иначе говоря, премировать и поощрять наступательный сверхимпериализм в до сих пор неслыханных формах, не значит действовать в духе пакта Келлога—Бриана.

Советское правительство, которое гордится своей непричастностью к такой политике и которое неизменно следовало принципам этих двух пактов, одобренных почти всеми народами мира, не будет и впредь отступать от них, убеждённое в том, что в настоящих условиях невозможно иным путём обеспечить действительный мир и действительную международную справедливость. Вернуться на этот путь оно зовёт и другие правительства¹.

Международное общественное мнение по достоинству оценило поведение советского правительства в европейском кризисе².

Что же происходило в Чехословакии в те дни, когда реакционные руководящие круги Англии и Франции делили её и отдавали злейшему вековому врагу? Чехословацкие народные массы держали себя очень стойко и непоколебимо и не допускали мысли об уступке хотя бы клочка родной территории немецкому захватчику, готовые отдать свою жизнь за сохранение целостности и незави-

¹ «Известия» от 22 сентября 1938 года.

² «New York Sun» писала 21 сентября: «СССР дал согласие оказать поддержку Чехословакии в случае нападения на неё Германией, но Англия и Франция капитулировали перед Гитлером». Швейцарская газета «Travail» писала 23 сентября: «Члены Лиги хотели, чтобы Литвинов определил советскую позицию в чехословацком вопросе. Он сделал это с предельной ясностью... Больше того, неумолимой логикой своего выступления он сорвал ту лживую вуаль, которой капиталистические правители Франции и Англии хотели прикрывать свой преступный и трусливый сговор с агрессорами». «New York Times» писала 25 сентября: «Речь Литвинова не оставляет никаких сомнений в том, что Советский Союз готов оказать помощь Чехословакии, если только Франция выполнит свои обязательства. По существу, Литвинов прилагает все усилия к тому, чтобы добиться от Франции выполнения взятых ею обязательств по франко-чехословацкому пакту взаимопомощи» (цит. по газете «Известия» за 22 и 26 сентября 1938 г.).

симости своей родины. Печать всех демократических политических напраздений защищала эту же точку зрения и призвала к борьбе за независимость. Известный левый публицист Риппка поместил статью в «Лидови новины» под характерным названием «Ни в коем случае». Орган Бенеша «Чешское слово» писал: «Целостность Чехословакии должна быть нерушимой. Чехословакия должна сохранить границы, которые с точки зрения возможно было бы защищать. Наши решения должны основываться на этих двух принципах... Австрийский пример — для нас урок, который призывает нас к защите нашей жизни и нашего государства». Даже центральный орган аграрной правительственной партии «Венков» вынужден был писать, двуручнича: «Границы Чехословакии установлены самой природой. Они утверждены тысячелетней историей. Поэтому народ не хочет и не пойдёт на дискусию о границах»¹.

Такое единодушие печати сохранялось до тех пор, пока она могла высказываться свободно. После первого посещения Чемберленом Гитлера и выдачи им Гитлеру Чехословакии в руководстве аграрной партии и в самом правительстве взяли верх крайние реакционные элементы Берана, которые были связаны с парижскими и лондонскими руководящими реакционными кругами. В Праге, как в Лондоне и Париже, политическую погоду начали делать капитулянты. 17 сентября правительство Годжи ввело чрезвычайное положение во всей стране, запретило устраивать собрания, ввело предвзятую цензуру. Все эти мероприятия мотивировались передвижением немецких войск на границе. На деле же капитулянтские элементы в правительственной партии хотели, наложив намордник на печать, подготовить чехословацкое общественное мнение к капитуляции. Хотя министерству внутренних дел было известно местонахождение складов оружия гейнлейновцев, но оружие почему-то не конфисковалось. Зато стали усердно распространять вздорные слухи о подготовке в Праге коммунистического переворота. В столицу начали стягивать полицию и жандармерию из Судетской области, чем воспользовались гейнлейновцы и устроили в разных местах вооружённые выступления. Предварительная цензура заткнула рот независимой и патристической печати, которая вынуждена была замолчать. Но зато заговорила печать капитулянтов, до сих пор скрывавшая свои истинные настроения. Рупор крупной промышленности «Prager Tageblatt» писал: «Сердца патристически настроенных чехов отнюдь не испытывают горячих чувств к некоторым пограничным районам, как это обычно думают»².

В народе ходили смутные слухи об англо-французском плане, но никто толком не знал, в чём он состоит. Он всё ещё верил в англо-французскую помощь. Народу не говорили о готовности Советского Союза оказать поддержку своему союзнику, но он ни

когда в этом не сомневался, и это укрепляло его решимость бороться. Как только стали просачиваться достоверные сведения об англо-французском плане расчленения страны, народные массы потребовали от правительства оказать противодействие Англии и Франции. Газета «Телеграф», например, писала: «Только два фактора — неприкосновенность территории, составляющей единое хозяйственное целое, и укреплённые границы, охраняемые армией, — есть подлинная гарантия существования нашей республики. Австрия также имела международные гарантии великих держав. Австрия — злоеший пример, который призывает нас к решимости защищать всеми силами и средствами свою жизнь, своё государство и насущные интересы нашего народа»³.

Специальный корреспондент «Petit Parisien» так характеризовал отношение чехословацких народных масс к англо-французскому плану: «Ни криков, ни демонстраций, ни стремительных движений народа, а немая, спокойная, суровая решимость. Экзальтация, сдержанная героическим благоразумием. Народ стиснул зубы. Нет ни одного человека, от самого тёмного до самого образованного, который не был бы готов пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти государство. Из бесед, которые я проводил с видными деятелями и с людьми из народа, ясно вытекает, что никакое посягательство на государственную территорию Чехословакии не будет допущено ни народом, ни руководителями страны»⁴.

При таком настроении народных масс даже капитулянтские элементы в правительстве Годжи не решались без торга и безоговорочно удовлетворить англо-французские требования.

20 сентября чехословацкое правительство предложило передать конфликт на разрешение арбитража, но после повторных демаршей французского и английского посланников в Праге оно приняло 21 сентября англо-французское предложение без оговорок. В тот же день, в 9 часов вечера, пражское правительство передало по радио заявление, существенная часть которого гласила: «Великий кризис, который переживает в продолжение нескольких лет Европа, достиг в последнее время вокруг нас в Центральной Европе наивысшей точки. После 20 лет спокойствия, порядка и мира наше демократическое государство тяжело задето последними европейскими политическими течениями из соседнего государства наше государство поставлено под угрозу... Мы оказались перед угрозой войны... Президенту республики совместно с правительством ничего другого не оставалось, как принять предложение обеих великих держав в качестве основы для дальнейших переговоров. Нам ничего другого не оставалось, так как мы были одни»⁵.

В правительственном сообщении ничего не было сказано о положительном ответе

³ См. «Известия» от 20 сентября 1938 года.

⁴ «Le Petit Parisien» le 19 septembre 1938.

⁵ «Prager Presse», 22 September 1938.

¹ См. «Известия» от 26 сентября 1938 года.

² Там же.

советского правительства. Наоборот, правительство агентству подхватило и распространяло клевету, пушенную в ход в тот же день печатью аграрной партии, что на помощь Советского Союза надеяться нечего. Излагая сообщение советского правительства о готовности его выполнить свои обязательства по советско-чехословацкому пакту и как члена Лиги наций, агентство от себя добавило: «Такая процедура при нынешнем положении в Женеве — дело безнадежное».

Весть о капитуляции правительства вызвала возмущение народных масс во всей стране. Десятки тысяч рабочих, служащих, учащихся вышли 21 сентября вечером на улицы Праги и двинулись ко дворцу президента Бенеша с возгласами: «Дайте нам оружие, сделанное нашими руками!», «Мы не хотим сдаваться!», «Мы хотим сохранить наши границы!».

Ночью прибыли в Прагу представители от разных городов республики для передачи правительству протеста против капитуляции перед пособниками агрессоров — Англией и Францией. Утром 22 сентября в стране стихийно началось всеобщая стачка. Рабочие приходили на заводы и предприятия, строились в колонны и отправлялись к зданию парламента и президенту, а в провинции — к правительственным зданиям. У парламента собралось больше 100 тыс. демонстрантов. Мимо здания народного представительства и дворца президента проходили десятки тысяч возмущенных демонстрантов с песнями национального гимна и лозунгами: «Требуем власти военными!», «Да здравствует СССР!». На многочисленных митингах на площадях Праги выступали Готвальд — от коммунистической партии, Сташек — от партии чешских католиков, Рашич — от «Народче съедночене», ораторы от чешских социалистов, от союза легионеров, начальник пражского гарнизона генерал Вобратилек и др., требовавшие отпора пособникам агрессора. Ораторы аграрной партии не осмелились появиться на трибуне. Митинг избрал делегацию из представителей всех партий, за исключением аграрной, поручив ей потребовать у президента образования правительства из партий, стоящих на страже интересов страны и готовых защищать целостность республики. Количество демонстрантов в Праге 22 сентября доходило до 500 тыс. человек. Такие же народные демонстрации-протесты происходили в тот же день в Пильзене, Брно, Моравска Острава, Турнове и других промышленных городах. Народная волна всеобщего негодования смела правительство Годжи, после чего всеобщая стачка по призыву коммунистической партии и профессиональных союзов была прекращена во вторую половину дня 22 сентября. Но новое правительство было поручено сформировать главному инспектору чехословацкой армии генералу Сыровы¹, который, как это выяснилось впоследствии, оказался предателем.

Корреспондент «Daily Telegraph and Morning Post» следующим образом характери-

зовал народное движение 22 сентября в защиту независимости и целостности республики: «Эти демонстрации по количеству участников и энтузиазму можно сравнить лишь с теми, которые происходили в 1918 г. во время воссоздания Чехословацкой республики. Чехословацкий народ снова вздохнул полной грудью. Казалось, будто овациям в честь армии и в честь защитников границ отечества не будет конца»².

Весть об отставке правительства Годжи была встречена неописываемым энтузиазмом народных масс. Корреспондент фашистской «Frankfurter Zeitung» с озлоблением сообщал своей газете, что вся улица перед зданием парламента, запруженная народом, «гремела от аплодисментов при объявлении об отставке».

Корреспондент «United Press» в Праге писал по поводу событий тех дней, что когда народ узнал о капитуляции правительства под нажимом английского и французского правительств, то негодование сейчас же вылилось в очень бурные формы: «Население тем более было уверено всё время в помощи со стороны Франции и Англии, что газеты вследствие вмешательства цензуры не имели ни малейшей возможности затронуть вопрос о подлинном поведении западных держав. Разочарование широких слоев населения англо-французским планом привело к столь сильному озлоблению по отношению к обоим державам, что пражские представители английской и французской печати предпочли спешно снять с петлиц свои национальные значки»³.

Начальник французской военной миссии в Чехословакии генерал Фоше, возмущенный поведением своего правительства, демонстративно вышел в знак протеста из французского гражданства и подал заявление о переходе в чехословацкое гражданство.

Здесь не место описывать взрыв международного негодования против англо-французско-германского плана разчленения демократической страны в Центральной Европе и то мощное движение солидарности, сочувствия и готовности оказать помощь чехословацкому народу, столь ярко проявившееся в печати, петициях, митингах, собраниях десятков и сотен организаций в Англии, США, Франции и других странах. Рабочие, интеллигенция, парламентарии и даже некоторые церковники в один голос протестовали против совершаемого насилия и требовали призвать агрессора и пособников к порядку. Движение было настолько мощным, что даже капитулянтские элементы в Англии и Франции и их печать вынуждены были некоторое время двурезничать и выступать в «защиту» Чехословакии.

Несмотря на ясное и категорическое заявление советского правительства о своем отношении к чехословацкому вопросу, оно всё же было истолковано заинтересованными реакционными пособниками германскому агрессору как нежелание Советского Союза прийти на помощь Чехословакии, что на-

² См. «Известия» от 28 сентября 1938 года.

³ См. «Известия» от 26 сентября 1938 года.

¹ «Известия» от 22, 23 и 24 сентября 1938 года.

шло даже отклики и в сообщении чехословацкого агентства. Эти клеветнические наветы побудили советское правительство выступить с вторичным заявлением. 23 сентября тов. Литвинов на заседании 6-й политической комиссии Лиги наций огласил следующую декларацию: «После заявления, сделанного мной в ассамблее об отношении советского правительства к чехословацкой проблеме, мне приходилось слышать замечания, что, поскольку советское правительство ставит условием своей помощи Чехословакии такую же помощь со стороны Франции, оно как будто также нарушает советско-чехословацкий пакт о взаимной помощи. Люди, которые делают такие замечания, очевидно, не знают или делают вид, что не знают, что советско-французский и советско-чехословацкий пакты о взаимной помощи явились результатом акции в пользу создания регионального пакта о взаимной помощи с участием Германии и Польши, основанного на коллективной помощи. Вследствие отказа этих двух стран, Франция и Чехословакия предложили вместо одного советско-франко-чехословацкого пакта заключить два двусторонних пакта. Как раз чехословацкое правительство при этом настаивало на том, чтобы советско-чехословацкая взаимная помощь была обусловлена помощью Франции, что нашло себе выражение в соответствующем договоре. Таким образом, советское правительство свободно от всяких обязательств перед Чехословакией в случае безучастного отношения Франции к нападению на неё. В этом смысле советское правительство может прийти на помощь Чехословакии лишь в порядке добровольного решения, либо в силу постановления Лиги наций, но никто не вправе этой помощи требовать по праву, и, действительно, чехословацкое правительство не ставило вопроса о нашей помощи независимо от французской и не только по формальным, но и по практическим соображениям. Уже после принятия им германо-англо-французского ультиматума оно запросило советское правительство, какова будет позиция последнего, иначе говоря, будет ли оно ещё считать себя связанным чехословацко-советским пактом в случае предъявления Германией новых требований и неудачи англо-германских переговоров и решения Чехословакии защищать свои границы с оружием в руках.

Этот вторичный запрос вполне понятен, ибо после принятия Чехословакией ультиматума, включающего эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта, советское правительство, несомненно, имело моральное право также немедленно отказаться от этого пакта. Тем не менее советское правительство, не ищущее предлогов, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий пакт.

Я позволил себе это отступление по тем соображениям, что выступать здесь, как я это делаю, может лишь представитель правительства, имеющего чистую совесть и чистые руки в области выполнения междуна-

родных обязательств. Я должен прежде всего отвести от советского правительства всякие несправедливые, основанные на незнании или злостные упреки»¹.

Хотя народная волна негодования смела правительство Годжи, но содеянное им предательство национальных интересов осталось в силе. И новое правительство Сыровый не отменило рокового принципиального соглашения на отделение Судетской области, которое таяло страну в бездну.

Получив согласие хотя и свергнутого уже чехословацкого правительства, английский премьер-министр вновь полетел к Гитлеру, для того чтобы сообщить ему радостную весть о достигнутом принципиальном соглашении. Оставалось лишь, по мнению Чемберлена, договориться с Германией по ряду важных, но всё же второстепенных практических вопросов.

Новая встреча Чемберлена с Гитлером состоялась 22—23 сентября в Годесберге. Гитлер выставил совершенно новые требования, представлявшие собой ультиматум, какой предъявлял побеждённой стране. Он требовал, чтобы Чехословакия немедленно вывела свои войска, жандармерию, полицию и пограничную стражу с уступаемой Германии территории и оставила в полной неприкосновенности и в неповреждённом виде всё движимое и недвижимое государственное и частное имущество, военные сооружения, укрепления, фабрики и заводы, железные дороги и иные пути сообщения, средства связи и т. д.²

Гитлер потребовал передачи Германии территории, на которой жило, по переписи 1930 г., 3 736 037 чел., из которых 2 823 247 немцев и 816 359 чехов. Причём на этой территории находился район с преимущественно чешским населением (434 тыс.). Гитлер постоянно говорил о том, что он требует для немцев только права на самоопределение. В Годесберге он сорвал с себя маску и потребовал передачи Германии района, в котором жило около миллиона чехов. Передача Германии намеченных Гитлером районов лишала Чехословакию значительной части её промышленности, важных горных и сельскохозяйственных округов и главных путей сообщения. Германия захватывала долговременную железобетонную систему укреплений, построенную по образцу «линии Мажино», со всем её вооружением. К Германии должна была перейти часть чехословацких лесов, являвшихся основой бумажной и деревообделочной промышленности Чехословакии, часть металлургической, текстильной, стекольной, керамической, химической, вся дрожжевая (хмель) промышленности и т. д.³.

23 сентября Чемберлен известил Гитлера письмом о том, что он готов передать Чехословакии гитлеровский план проведения временной границы, но что он не согласен рекомендовать ей принять этот план, так как он противоречит духу берхтесгаденского соглашения, которое Франция и Англия на-

¹ «Известия» от 24 сентября 1938 года.

² «Manchester Guardian» N. 28713, 29 September 1938, p. 4; «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938, S. 969—970.

³ «Prager «Presse», 27 September 1938.

стойчиво советовали чехословацкому правительству принять и которое оно действительно приняло. Чемберлена мало занимал вопрос о том, что такое требование Гитлера превосходило во многом его предыдущее предложение; его беспокоило то обстоятельство, что его нельзя будет провести в жизнь без особых трений.

Чемберлен признавался Гитлеру, что он не может подписаться под новым требованием, так как не убежден в том, что оно будет одобрено общественным мнением Англии, Франции и всего мира и признано планом, который может быть проведен в жизнь мирным путем и без угрозы применения насилия.

Чемберлен не возражал против немедленной оккупации Судетской области по существу. Его смущало лишь то, что поспешная оккупация Судетской области будет всюду оценена «как ненужная демонстрация проявления силы» и вынудит чехословацкое правительство оказать вторичный германским войскам вооруженное сопротивление, которое, в свою очередь, писал он Гитлеру, приведет «к разрушению основы, о которой мы с вами договорились неделю назад, а именно, что урегулирование этого вопроса произойдет в спокойной обстановке и в полном порядке».

Чемберлен просил Гитлера сделать некоторую уступку в вопросе о порядке передачи Судетской области, которая облегчила бы Чехословакию эту передачу. Чемберлен сообщил, что уже накануне он передал пражскому правительству совет обеспечить порядок в Судетах в «переходное время». Со своей стороны, он советовал Гитлеру не вводить пока войска в Судетскую область и предложил поручить судетским немцам организовать охрану порядка под контролем иностранных наблюдателей¹.

Однако Гитлер не внял бесплодным мольбам Чемберлена. В длинном письме демагогического характера он отклонил предложение Чемберлена, отверг его соображения и заявил, «что нет международной силы или международного соглашения, которые имели бы право поставить себя выше германского права», а последнее требует занятия германскими войсками Судетской области не позже 1 октября².

Во втором письме, от 23 сентября, Чемберлен известил Гитлера, что его, Чемберлена, обязанность «как посредника» ограничивается передачей его новых предложений Чехословакии. В связи с этим Чемберлен просил снабдить его документом, в котором эти предложения были бы сформулированы и обозначены на карте. В заключение он просил Гитлера сохранить в силе соглашение от 15 сентября и не предпринимать вооруженных действий в Судетской области, пока продолжается посредничество³.

Как это письмо, так и новая трёхчасовая беседа Чемберлена с Гитлером 23 сентября в Годесберге не могли привести ни к чему иному, кроме как к укреплению позиций гитлеровской Германии.

Выходя из самолета по возвращении из Годесберга, Чемберлен имел бесстыдство заявить: «Теперь дело за Чехословакией». Этого не могла стерпеть даже благосклонно относившаяся к политике Чемберлена консервативная печать: «Вся ответственность лежит на Гитлере. Если начнется мировая война, то этому виновником будет он»⁴. И прогермански настроенный в то время Гривин писал в воскресном «Observer»: «Британский премьер-министр совершил две неприятные поездки в Германию, получив два ультиматума, но не добился уступок... Если мы в настоящее время вынуждены будем взяться за оружие, не имея иного исхода, кроме как быть поработенными, то пусть знают, что мы никогда не пойдем на это»⁵.

24 сентября двести адвокатов отправили в Foreign Office депутацию с требованием твердо сопротивляться шантажу. 30 консерваторов, членов парламента, с генералом Спирс отправили Галифаксу письмо с угрозой голосовать против правительства, если будут требовать дальнейших уступок от Чехословакии⁶.

Во время свиданий в Берхтесгадене и Годесберге затрагивался также и колониальный вопрос. Гитлер заявил английскому премьеру, что этот трудный вопрос «не послужит причиной для войны». Германию занимает в первую очередь, заверял Гитлер Чемберлена, судетский вопрос, и что «это его последнее территориальное требование в Европе». Обмен колоний, в которых был заинтересован англо-французский империализм, на Судетскую область, повидимому, сыграл не последнюю роль в действиях Чемберлена и Даладье. Политический смысл заверений Гитлера о мирном урегулировании колониальных претензий Германии и о «последних» территориальных требованиях в Европе состоял в следующем: Чемберлен должен помочь Германии получить Судеты «мирным» путем, а он, Гитлер, будет снисходителен при разрешении колониального вопроса. Взяв политика Чемберлена и Даладье — Бонна до, во время и после судетского кризиса вплоть до аннексии в марте 1939 г. Чехословакии свидетельствует о том, что англо-французские реакционные руководящие круги строили на упомянутых выше заверениях Гитлера свои расчеты, что Германия направит свою агрессию против Советской России.

Между тем во время пребывания Чемберлена в Годесберге английское министерство иностранных дел, некоторые руководящие работники которого не были согласны с политикой Чемберлена, посоветовало чехословацкому правительству произвести мобили-

¹ The White Paper. Correspondence Respecting Czechoslovakia. Cmd. 5847, N. 3, 1938, p. 10—11.

² Das Diktat von Versailles. Herausgegeben von Prof. Dr Fritz Berber, N. 575, S. 1670—1602. Essen. 1939.

³ The White Paper. Correspondence Respecting Czechoslovakia. Cmd. 5847, N. 3, 1938, p. 14.

⁴ «Sunday Times», 25 September 1938.

⁵ «Observer», 25 September 1938.

⁶ См. «Известия» от 26 сентября 1938 года.

зацию. 23 сентября, в 23 часа 30 минут, Бенеш издал приказ о всеобщей мобилизации. Все военнообязанные до 40 лет должны были явиться на призывные пункты через шесть часов. Бенеш обратился по радио к народу со следующей речью: «Сограждане! Наступил самый серьезный, решающий момент. Успех зависит от каждого из вас. Знайте, что ваша защита, охрана жизни и интересов ваших семей, родины и свободы могут быть обеспечены только в том случае, если каждый из вас выполнит свой долг и предоставит в распоряжение государства свои силы. Наша борьба — справедливая борьба. Единным фронтом за свободу нашей родины!»

Чехословацкий народ ответил на объявление мобилизации и призыв президента небывалым патриотическим подъемом. Через 15—20 минут после приказа о мобилизации из центральной площади Праги состоялась мощная демонстрация под лозунгами: «Своей территории не отдадим!», «Будем бороться за родину до последнего человека!» Через 40 минут после объявления мобилизации с пражских вокзалов начали отправляться через каждые 5—6 минут эшелоны мобилизованных. Мобилизация прошла в образцовом порядке в Чехии, Словакии и Карпатской Украине, не исключая Судетской области¹.

После первой встречи с английским премьер-министром, 22 сентября, Гитлер известил Муссолини, что положение обострится. Италия приступила к подготовительным военным мероприятиям. 25 сентября состоялась встреча между специальным уполномоченным Гитлера и Муссолини в Венеции. Через два дня после этого Италия произвела частичную мобилизацию, увеличив состав армии в два с половиной раза. Армия на французской границе, авиация и морской флот в Средиземном море были приведены в боевую готовность и заняли исходные позиции².

Годесбергский ультиматум ещё больше обострил политическую обстановку в Европе. Германия не только угрожала, но и готовилась к решительным действиям. 24 сентября Франция приняла кое-какие меры оборонительного характера, призвав некоторые категории запасных. В воздухе запахло порохом.

В этот критический момент Гитлеру пришли на помощь панская Польша и магнатская Венгрия. В начале возникновения судетского кризиса, в конце мая 1938 г., польское правительство поставило в известность английское, французское и пражское правительства, что Тешинский округ должен получить такие же права, какие получит немецкое национальное меньшинство в Судетской области. Если немцы получат автономию, право на самоопределение или же добьются выделения Судетской области из состава Чехословакии, то и поляки в Тешине должны получить то же самое.

17 сентября польская дипломатия вновь поставила этот вопрос в Париже, Лондоне и Праге, а спустя несколько дней настойчиво повторила своё требование. 21 сентября польское правительство денонсировало договор с Чехословакией 1925 г. о нацменьшинствах и концентрировало свои войска на её границе. Не желая создавать новый конфликт с Польшей после того, как чехословацкое правительство приняло англо-французский план «умиротворения» агрессора (от 19 сентября), Бенеш вынужден был уступить Польше Тешин, о чём он извещил личным письмом президента Мосцкого. Польша не унималась и угрожала вторжением в Словакию. На это советское правительство ответило угрозой денонсировать советско-польский договор о ненападении. Эта угроза и военные приготовления во Франции на время отрезвили воинственные польские руководящие круги, и они согласились начать переговоры с Прагой.

Венгерское правительство не оставалось молчаливым зрителем развивавшейся драмы в Чехословакии. Оно также предъявило в Париже, Лондоне и Праге претензию на уступку Венгрии значительной части Словакии и Карпатской Украины. Регент Хорти, премьер-министр Имреди, министр иностранных дел Кания и начальник генерального штаба Керестеш-Фишер отправились в Германию и были с почестями приняты 20 и 21 сентября Герингом в Альт-Стернберге и Гитлером в Берхтесгадене, где получили определённые обещания³.

Таким образом, после свидания в Годесберге к «оси» Берлин — Рим присоединились ещё два хищника средней величины: возникло товарищество на паях для ограбления и расчленения Чехословакии.

25 сентября чехословацкое правительство передало английскому и французскому правительствам ноту, в которой заявляло, что Чехословакия приняла «жестокие условия так называемого англо-французского плана» об уступке Германии части своей территории, полагая, что это является последним требованием и что Англия и Франция «возьмут на себя ответственность за наши уменьшенные границы».

Но английский посланник передал чехословацкому правительству новое гитлеровское предложение, вернее, ультиматум, вручённый немцами Чемберлену в Годесберге, заявив при этом, «что английское правительство действует как посредник и ни в коем случае не хочет советовать или оказывать давление на чехословацкое правительство».

Констатируя недостойное поведение английского правительства, чехословацкое правительство в ответной ноте заявило, что требования Гитлера «абсолютно и безусловно неприемлемы» и что оно считает себя обязанным «оказать энергичное сопротивление» этим притязаниям, ибо чехословацкий народ «никогда не делается нацией рабов».

В заключение чехословацкое правительство заявляло: «Мы надеемся, что обе вели-

¹ «Правда» от 25 сентября 1938 года.

² «Monatshette für auswärtige Politik», Januar 1939. Dokumente, S. 46—47.

³ «Temps» N. 28134, le 22 septembre 1938.

кие державы, чьи пожелания мы обещали выполнить в основной части, вопреки велению нашего разума, поддержат нас в час испытания»¹.

В день вручения чехословацкой ноты Даладе и Бонне находились в Лондоне и снова обсуждали с Чемберленом и Галифаксом создавшееся после свидания в Годесберге положение. Из Берлина официально сообщали, что 26 сентября, вечером, Гитлер выступит с речью, в которой объявит своё последнее решение, после чего отступление делается невозможным. Казалось, европейская война становилась неминуемой.

Английское правительство приняло ряд чужих подготовительных мер военного характера, привело флот в боевую готовность, развило большую шумиху по организации противовоздушной обороны. Такие же шаги предприняло французское правительство. Однако ни английские, ни французское правительства не думали всерьёз оказать сопротивление Гитлеру, и ему это было хорошо известно.

26 сентября Чемберлен послал к Гитлеру своего личного секретаря Хораса Вильсона с письмом, в котором сообщал об отказе чехословацкого правительства принять годесбергский меморандум и об отрицательном отношении к нему английского общественного мнения. Далее, ссылаясь на то, что оба они — Чемберлен и Гитлер — сходятся-ле в мнении о необходимости сохранения европейского мира, а чехословацкое правительство и теперь не отказывается передать Германии Судетскую область, Чемберлен предлагал урегулировать вопрос о методах передачи области путём двусторонних германо-чехословацких переговоров в присутствии английского наблюдателя.

Этим предложением Чемберлен сделал Гитлеру капитальную уступку, которая имела очень важные политические последствия. Он признал точку зрения Гитлера и германской пропаганды о том, что между берхтесгаденскими и годесбергскими требованиями якобы нет различия по существу и что между чехословацким принципиальным согласием уступить Судетскую область и германским требованием немедленно её уступить в указанных Германией рамках и без всяких условий имеется расхождение не по существу, а только по вопросу о процедуре передачи территории. Сделав эту уступку и солидаризировавшись с Гитлером в этом вопросе, Чемберлен в дальнейшем представил дело в таком виде, что весь конфликт, грозящий европейской войной, сводится якобы к формальным и несуществующим разногласиям. Оставалось убедить в этом общественное мнение Англии, которое придерживалось на этот счёт противоположной точки зрения, о чём свидетельствовали высказывания печати всех направлений и заявления крупных политических и государственных деятелей.

26 сентября, в день отправления Хораса Вильсона с письмом к Гитлеру, лидер лейбористской партии Эттли обратился к Чемберлену с письмом, в котором он, между

прочим, писал: «Текст меморандума Гитлера, по моему мнению, вызвал глубокое возмущение в британском общественном мнении. Чехословацкое правительство ничего другого не может сделать, как отклонить подобные требования, принятие которых означало бы уничтожение чехословацкого государства. Хочу вам напомнить, что три руководящих органа лейбористского движения приняли 8 сентября резолюцию, в которой говорится, что британское правительство не должно оставить германское правительство в сомнении относительно того, что оно объединит свои усилия с французским и советским русским правительством для совместного выступления против любого нападения на Чехословакию. Лейбористское движение требует, чтобы британское правительство следовало этой политической линии, и питает уверенность, что подобная политика будет поддержана британским народом»².

Ллойд-Джордж в тот же день заявил в печати, что Англия допустила в июле 1914 г. ошибку, не предупредив Германию, что она выступит со всеми своими силами против неё, если Германия нападёт на Бельгию. Обращаясь к правительству, Ллойд-Джордж сказал: «Не повторяйте этой трагической ошибки»³.

Ещё более определённо выступал Черчилль, призывая правительство занять твёрдую позицию по отношению к Германии. В опубликованном им 26 сентября, утром, заявлении говорилось: «Британское, французское и советское русское правительства должны передать германскому имперскому правительству либо совместно либо одновременно ноту, содержащую торжественное предупреждение, что вторжение в Чехословакию в нынешней обстановке будет рассматриваться как военное действие против этих держав»⁴.

Резко отрицательно отнеслось к германским требованиям и американское общественное мнение, всячески выражая свои симпатии чехословацкому народу и явное недовольство уступчивой политикой Чемберлена.

Чемберлен решил прикрыть свою «примиренческую» деятельность решительным жестом. 26 сентября, вечером, в Лондоне было опубликовано следующее правительственное сообщение: «В официальных кругах заявляют, что в течение последней недели господин Чемберлен прилагал усилия найти с имперским канцлером метод мирного урегулирования чехословацкого вопроса. Ещё можно этого достигнуть путём переговоров. Германское требование передачи судетских районов уже было удовлетворено французским, британским и чехословацким правительствами. Однако если вопреки всем усилиям английского премьер-министра Чехословакия делается предметом германского нападения, то непосредственным результатом этого явится то, что Франция вынуждена будет прийти ей на помощь, а Великобритания

² «Manchester Guardian» N. 28711, September 27 1938, p. 12.

³ «Prager Presse», 28 September 1938.

⁴ «Prager Presse», 27 September 1938.

¹ «Prager Presse», 29 September 1938.

заявляя и Россия будут, конечно, на стороне Франции. Ещё не поздно положить конец этой великой трагедии и для того, чтобы все народы выступили в пользу урегулирования вопроса путём добровольных и свободных переговоров»¹.

Решительных действий требовали от английского и французского правительств все демократические элементы, а также печать обеих стран. Со всех сторон поступали требования организовать отпор странам «оси» Берлин—Рим и прекратить политику пособничества Гитлеру. Если бы лондонское и парижское правительства с самого начала действовали решительно, то Чехословакия была бы спасена. Советское правительство неоднократно заявляло чехословацкому и французскому правительствам дипломатическим путём и, как показано выше, публично, что оно без колебаний придёт им на помощь, если Франция выполнит свои обязательства по отношению к Чехословакии, как это предусмотрено в протоколе к советско-чехословацкому договору о взаимопомощи 1935 года.

Однако опубликование лондонского коммюнике, в котором эти требования частично получили своё отражение, лишь на очень короткое время ободрило противников политики «умиротворения». Лондонское коммюнике оказалось величайшим обманом, предназначенным для успокоения и введения в заблуждение английского и мирового общественного мнения. Оно преследовало определённые цели: притупить бдительность общественного мнения и тем временем дать возможность Чемберлену и Даладье договориться с Гитлером и Муссолини о «безболезненной» выдаче связанной по рукам и ногам Чехословакии её палачу. Лондонское коммюнике должно было прикрыть противоречивые с виду маневры Чемберлена и Даладье 26—28 сентября, выразившиеся в послатке Хораса Вильсона в Берлин с письмом к Гитлеру, в мобилизации английского флота и усилении противовоздушной обороны, в раздаче населению противогазов с целью создать впечатление о неизбежности войны, в переговорах с Муссолини и предложении созыва конференции без участия СССР для урегулирования вопроса о передаче Германии Судетской области.

26 сентября, ещё до известного выступления Гитлера по радио, к нему обратился Франклин Рузвельт с личным посланием, в котором заклинал Гитлера во имя разума и гуманности согласиться на мирное разрешение конфликта. Война, писал Рузвельт, приведёт к катастрофе весь цивилизованный мир. «Лучше заключить мир до, чем после войны», — писал Рузвельт. Он обращал внимание Гитлера на то, что Германия, как и другие государства, подписала договор Бриана — Келлога, запрещающий прибегать к насилию при разрешении межгосударственных конфликтов.

«Фюрер» получил письмо Чемберлена и послание Рузвельта за несколько часов до своего выступления в Спортпаласе, но они не оказали на него никакого влияния. Он в течение часа кривлялся, паясничал перед тысячами гаулейтеров, штурмовиков и национал-социалистских извергов и головорезов, собранных со всех концов Германии в берлинском Спортпаласе.

Речь Гитлера, в которой он превозносил своё «миролюбие» и «терпение» и угрожал войной Чехословакии, показала, что он в будущем намерен использовать польские и венгерские меньшинства, а также словацкий вопрос в качестве предлога для уничтожения Чехословакии, как он до сих пор использовал немецкий вопрос для её расчленения.

В письме Чемберлену от 27 сентября Гитлер отвергал непосредственные переговоры с Чехословакией, ссылаясь на недоверие к чехословацкому правительству и на то, что переговоры с ним затянут кризис.

В тот же день Гитлер ответил Рузвельту на его послание длинным и блудливым телеграфным письмом на тему о послевоенном развитии Европы. Письмо это — нагромождение исторических выдумок и новых клеветнических утверждений по адресу Чехословакии. Отклонение Бенешем годесбергского меморандума, по словам Гитлера, исчерпало все возможности мирного разрешения вопроса, за что Гитлер возлагал ответственность на Чехословакию².

Вслед за этим германское правительство заявило, что оно будет ждать до 14 часов 28 сентября. Если к этому моменту Чехословакия не покорится, то Германия объявит мобилизацию, за которой последует насильственное вторжение в пределы Чехословакии, так как, по традиции германского генерального штаба, мобилизация равносильна объявлению войны. Гитлер хорошо знал, что ни Франция, ни Англия не придут на помощь Чехословакии. Когда война казалась уже неотвратимой, Чемберлен выступил 27 сентября с речью по радио к английскому народу, в которой он, между прочим, заявил: «Как это ужасно, фантастически и невероятно, что мы здесь должны рыть окопы и надевать противогазы, потому что в отдалённой от нас стране возник конфликт между людьми, о которых мы ничего не знаем!» Чемберлен, далее, заявил, что невероятно, чтобы возникла война из-за конфликта, который в принципе уже разрешён, но он не потерял ещё надежды спасти мир, что он готов полететь третий раз к Гитлеру, лишь бы это только принесло пользу. Говоря о военных мероприятиях английского правительства, Чемберлен пояснил, что они вовсе не означают, что Англия решила воевать или же что война уже сейчас неизбежна: «Как ни велики наши симпатии к маленькому народу, противостоящему великому и могущественному соседу, мы всё же не можем один ради него втянуть при всех обстоятельствах в войну всю нашу империю. Если нам нужно будет

¹ «Manchester Guardian N. 28711, September 27 1938, p. 9; «Temps» N. 28140, le 28 septembre 1938.

² «Monatshefte für auswärtige Politik», Oktober 1938. Dokumente, S. 985—988.

воевать, то ради более крупного, чем это, дела»¹. Эта оговорка не оставляла сомнения в том, что Чехословакия обречена. И всё же 27 сентября весь мир находился в ожидании взрыва мировой войны — настолько была накалена атмосфера.

28 сентября правительство США обратилось к советскому правительству с просьбой, чтобы советское правительство обратило внимание Германии и Чехословакии на «чрезвычайную важность отказа от применения силы при урегулировании между ними конфликта». Такое обращение, по мнению Рузвельта, могло бы оказать влияние на сохранение мира. Заместитель народного комиссара иностранных дел В. П. Потёмкин в тот же день дал положительный ответ от имени советского правительства, в котором, между прочим, говорилось: «В настоящее время в Центральной Европе развёртываются события, грозящие перерасти в новую мировую войну. В этот ответственный момент правительство СССР не может не оценить выступления президента США с призывом к мирному разрешению возникшего конфликта. Правительство СССР сочувственно принимает обращённое к нему предложение правительства США оказать содействие предупреждению войны и мирному разрешению кризиса. Констатируя наличие препятствий для англо-французского посредничества между Чехословацкой республикой и Германией, несмотря на проявленную Чехословацкой готовность принести в жертву свои жизненные интересы во имя общего мира, правительство СССР наиболее эффективное средство для предупреждения новой мировой войны видит в немедленном созыве международной конференции». Указав в заключение на предложение советского правительства в марте созвать международную конференцию с целью изыскания практических мер для противодействия агрессии и «предупреждения дальнейших и опаснейших международных осложнений», оно выразило готовность «и в настоящий момент поддерживать выдвигаемое правительством США предложение о созыве международной конференции и принять в последней активное участие»².

Отказавшись в самом начале идти по этому пути, Чемберлен и Даладьё пошли своим путём. Что же происходило в это время за кулисами большой политики? Беспристрастные документы изображают события между 28 и 29 сентября таким образом: нагнав смертельный страх на общественное мнение Англии и Франции угрозой, что обе страны могут быть втянуты в войну за чуждые им интересы, Чемберлен в Лондоне, а Даладьё и Бонне в Париже прилагали последние усилия к «умиротворению» Гитлера. Чемберлен нашёл в ответном письме Гитлера лишь ему одному казавшееся отступление от годесбергского меморандума и сделал вид, что поверил каждому его слову о гарантии целостности Чехословакии. Он притворился, будто нашёл, что и речь и письмо «фюрера»

не закрывают путей для дальнейших переговоров, и поэтому решил сделать ещё одну попытку сговориться с ним. Даладьё был одного мнения с Чемберленом и действовал в том же направлении.

Французское правительство поручило 27 сентября, ночью, своему послу Франсуа Понсэ получить аудиенцию у Гитлера и одновременно своему послу в Лондоне Корбену — добиться у Галифакса, чтобы тот поручил английскому послу в Риме лорду Перту просить Муссолини поддержать идею созыва конференции. 28 сентября, в 11 часов 15 минут, Гитлер принял Франсуа Понсэ, который сделал ему предложение от имени французского правительства созвать конференцию четырёх премьеров для безотлагательного и окончательного разрешения конфликта мирным путём. Гитлер не отклонил, но и не принял предложения и обещал дать письменный ответ»³.

Тем временем Чемберлен 28 сентября, утром, обратился с личными посланиями к Гитлеру и Муссолини. Английский премьер-министр писал Гитлеру: «После прочтения нашего письма я уверен, что вы можете безстагательно получить всё существенное без войны. Я готов немедленно прибыть в Берлин и обсудить с вами и представителями чехословацкого правительства, а если вы того захотите, то совместно с представителями Франции и Италии, процедуру передачи Судетской области». Чемберлен выражал уверенность, что всё это можно будет сделать в течение одной недели. Учитывая, что Гитлер не доверяет чехословацкому правительству, Чемберлен от имени Англии и Франции дал гарантии в том, что Чехословакия в точности выполнит в срок принятые на конференции решения»⁴.

В послании к Муссолини Чемберлен информировал его о сделанном Гитлеру предложении и просил его поддержки⁵. Получив послание Чемберлена, Муссолини тотчас лично поручил итальянскому послу в Берлине Аттолио немедленно отправиться к Гитлеру и заявить ему, что он, Муссолини, при всех обстоятельствах будет действовать совместно с ним, но вместе с тем он предлагает отсрочить начало военных операций на 24 часа, с тем чтобы попытаться найти средства и пути для мирного разрешения проблемы⁶. Для всякого было ясно, что главный смысл ответа заключается в первой части фразы, а просьба об отсрочке на 24 часа военных операций не имела никакого значения, кроме демагогического жеста миролюбия.

Английский посол в Италии Перт вторично явился к Чиано и от имени своего правительства предложил созвать конференцию представителей четырёх держав — Германии, Италии, Англии и Франции. Перт просил,

³ «Temps» N. 28147, le 5 octobre 1938.

⁴ «Miscellaneous» N. 8. 1938. Further Documents Respecting Czechoslovakia Including the Agreement Concluded at Munich on September 29, 1938. Cmd. 5848. N. 1. 1938, p. 2. London.

⁵ Ibidem. N. 2, p. 3.

⁶ «Monatshefte für auswärtige Politik», Januar 1939. Dokumente, S. 49—50.

¹ «Manchester Guardian» N. 28712, September 28 1938, p. 9.

² «Известия» от 29 сентября 1938 года.

чтобы итальянское правительство поддерживало это предложение перед Гитлером.

28 сентября, в 15 часов, Аттолико сообщил Муссолини, что фюрер принял его предложение, однако при условии, что дуче «как единственный гарант успеха», будет участвовать в конференции. Что касается места конференции, то Гитлер предложил на выбор Мюнхен или Франкфурт на Майне. Муссолини согласился принять участие в конференции, которая была назначена на 29 сентября, в 11 часов, в Мюнхене, но без участия Чехословакии.

После этого Гитлер разослал всем участникам конференции приглашение и 28 сентября опубликовал коммюнике, в котором говорилось: «Фюрер пригласил на совещание (Aussprache) итальянского главу правительства Бенито Муссолини, английского премьер-министра Невилла Чемберлена, как и французского премьер-министра Даладье. Государственные деятели приняли приглашение. Совещание состоится в Мюнхене 29 сентября до полудня».

Упрости Гитлера вызвать конференцию четырёх держав с целью оформления в международном акте разбойничьей агрессии. Чемберлен созвал во второй половине дня 28 сентября чрезвычайную сессию палаты общин, на которой сделал доклад об истории развития судетского кризиса. Чемберлен заявил, что мир находится в таком же положении, в каком он находился в июле 1914 года. Английское правительство оказалось в большом затруднении: «Во-первых, мы могли бы угрожать Германии войной, если она нападет на Чехословакию; во-вторых, мы могли бы остаться в стороне и предоставить событиям развиваться по-своему; мы могли, наконец, попытаться найти мирное разрешение путём посредничества». Добиваясь соглашения, сказал далее Чемберлен, «мы приняли решение в пользу третьего образа действий — посредничества».

Чемберлен изложил все перипетии развития кризиса, подчёркивая возможность войны якобы из-за пустых, формальных причин¹.

Чемберлен полетел в третий раз в течение двух недель к Гитлеру. В тот же день, 28 сентября, в 18 часов, выехал в Мюнхен Муссолини. Он был встречен Гитлером в Куфштейне, и в поезде рейхсканцлера оба диктатора, обсудив военное положение и степень подготовки обеих стран к войне, решили добиться быстрого решения. С этой целью между ними был согласован проект предложений, которые должны были быть переданы Чемберлену и Даладье, уже ожидавшим их в Мюнхене².

Таким образом, документ, получивший через сутки название мюнхенского соглашения, был выработан в поезде Гитлера на пути из Куфштейна в Мюнхен, а Чемберлен и Даладье потрудились только поставить под ним свои подписи.

По мюнхенскому соглашению, подписан-

ному в ночь на 30 сентября Чемберленом, Гитлером, Даладье и Муссолини, Судетская область в предложенных Гитлером границах отрывалась от Чехословакии и передавалась Германии в десятидневный срок. «Каждый из участников настоящего соглашения, — говорилось в его вводной части, — объявляет себя ответственным за проведение необходимых мероприятий для его выполнения».

Великобритания, Франция и Италия гарантировали, что при эвакуации Судетской области Чехословакия оставит неприкосновенными все военные сооружения, промышленные постройки, живой и мёртвый инвентарь, находящиеся на её территории. Подробности эвакуации должна была установить международная комиссия из представителей Англии, Франции, Германии, Италии и Чехословакии. Четыре зоны, точно определённые на приложенной к мюнхенскому соглашению карте, с преобладающим немецким населением должны были быть заняты германскими войсками до 7 октября. Остальные районы (зона V) должна была «определить упомянутая выше международная комиссия. Эти районы подлежали занятию германскими войсками не позже 10 октября. Эта же комиссия должна была установить окончательные границы Чехословакии».

Кроме того, правительства четырёх стран обязали Чехословакию удовлетворить в течение трёх месяцев польские и венгерские территориальные требования³.

Объединённому фронту четырёх могущественных держав Чехословакия сопротивляться не могла. Это была капитуляция реакционных клик двух демократических государств перед фашистской Германией, капитуляция, явившаяся результатом долготейшей политики поощрения германской агрессии.

Для оправдания этой политики перед народными массами, которые требовали отпора фашистской Германии, парижские и лондонские «умиротворители» пустили в оборот лживую легенду о «слабости» советской авиации и о наличии якобы колебаний у советского правительства в вопросе о предоставлении помощи Чехословакии. Так как эта ложь не была убедительна, то из официального французского источника было распространено сообщение, будто советское правительство информировано французским и английским правительствами о ходе переговоров с Гитлером, что оно якобы уполномочило Даладье выступить в Мюнхене от его имени и поэтому пакт четырёх является, по сути дела, пактом пяти. Советское правительство немедленно опровергло эту и другие злостные выдумки, имевшие целью поссорить чехословацкий народ с советским народом. В опровержении ТАСС было указано, что с советским правительством не консультировались, что оно не давало никаких полномочий Даладье и поэтому «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к её решениям»⁴. Так как

¹ «Manchester Guardian» N. 28713. September 29, 1938, p. 4—5.

² «Monatshefte für auswärtige Politik», Januar 1939. Dokumente, S. 49—50.

³ «Temps» N 28143, le 1 octobre 1938; The White Paper, Further Documents Respecting Czechoslovakia, Cmd. 5848 N. 4, 1938, p. 3—6.

⁴ «Известия» от 2 октября 1938 года.

лжесы не унимались, то советское правительство поместило 4 октября второе опровержение вздорных и антисоветских слухов¹.

После отъезда Муссолини и Даладье из Мюнхена 30 сентября состоялась ещё одна встреча между Чемберленом и Гитлером. В результате этой встречи ими была подписана декларация, в которой признавалось, что англо-германские отношения являются вопросом первостепенной важности для обеих стран и Европы в целом; что англо-германское морское соглашение 1935 г. и декларация представляют собой символ «желания обоих народов никогда не воевать друг против друга». Заключительная часть декларации выражала пожелание, чтобы впредь все вопросы, имеющие отношение к Германии и Англии, разрешались путём консультации и чтобы оба государства «этим путём способствовали укреплению мира в Европе»².

Декларация, таким образом, заявляла претензии на совместное англо-германское руководство судьбами Европы, но она не накладывала никаких ограничений на оба правительства в случае возникновения нового конфликта. Подписывая англо-германскую декларацию, о которой Даладье понятия не имел, Гитлер намеревался вбить клин в англо-французскую дружбу. Когда этот документ был опубликован, он вызвал большие опасения за дальнейшую судьбу англо-французского союза.

Мюнхенское соглашение и англо-германская декларация вызвали всеобщий восторг у английских и французских капитулянтов «умиротворителей», противников политики коллективной безопасности и участия Советского Союза в разрешении крупных европейских вопросов. Мюнхенское соглашение означало признание Англией и Францией господства фашистской Германии в Центральной и Восточной Европе, поощрение её агрессии против СССР с целью расширения немецкого «жизненного пространства» и уничтожения советского государства.

Реакционные круги английского и французского финансового капитала, представителями которых являлись Чемберлен, Саймон, Хор, Даладье и Бонне, охотно толкали гитлеровскую Германию на поход против СССР, обещая ей «нейтралитет» западных демократических государств, политическую и экономическую помощь в надежде, что Германия надолго завязнет в восточных делах и будет нуждаться в мире на Западе. Эти круги полагали, что Мюнхен им даст длительное спокойствие и избавит их от ненавистного им Советского Союза. Защищаясь от упреков в том, что английское правительство согласилось на мюнхенскую конференцию без участия в ней СССР, Галифакс ответил, что Чемберлен полетел в Мюнхен для укрепления мира, но не для развязывания войны, и что Гитлер отказывался сидеть за одним столом с советским представителем, поэтому английское прави-

тельство не могло настаивать на приглашении советского правительства³.

Реакционная «Sunday Times» открыто выражала 2 октября 1938 г. свою радость по поводу антисоветского острия мюнхенской политики. Для изоляции СССР газета требовала расторжения франко-советского договора о взаимопомощи. «Наиболее примечательным в мюнхенском соглашении, — писал в этой газете Скрутейтор, — является то, что оно полностью игнорирует Россию. Но какие плоды может принести это соглашение, если Франция остаётся связанной с советским правительством, которое Германия решила исключить от всяких консультаций, касающихся будущего того, что осталось от некогда существовавшей Австро-Венгерской империи?»⁴

Антисоветское острие мюнхенского соглашения даже не считали нужным скрывать. Об этом писали все немецкая фашистская печать, все реакционные органы французской и английской печати, об этом говорил в завуалированной форме сам Чемберлен. «Я хочу вам сказать, — заявил Чемберлен толпе, встречавшей его 30 сентября на аэродроме, — что урегулирование чехословацкой проблемы является для меня лишь прелюдией к более широкому урегулированию вопросов, которое обеспечит мир Европе»⁵. Поскольку и Чемберлен не собирался уступать и пяди колоний Германии, а этого не собирался делать и Даладье, то колониальный и другие вопросы могли быть решены за счёт СССР. Последующая деятельность правительства Чемберлена и после мюнхенская политика Гитлера в Центральной и Восточной Европе являются яркой иллюстрацией к истинному значению мюнхенского договора реакционных сил Европы.

После расчленения единственной демократической страны в Центральной Европе все участники этого международного преступления, так же как и причастные к нему, были довольны и считали себя «победителями». Чемберлен и Даладье долго ещё продолжали получать поздравления и адреса, ценные подарки и всякие иные знаки благодарности от капитулянтов за якобы спасённый ими мир. Реакционные поклонники называли их «спасителями» мира и требовали присуждения им нобелевской премии мира. Однако очень быстро настала пора тяжёлого похмелья. Мюнхенская капитуляция оставила у всех, кто не был ослеплён в Англии и Франции, горькое сознание, что их страны потеряли позорное политическое и дипломатическое поражение, что две демократические державы, передав своего верного союзника связанным по рукам и ногам в руки фашистского насильника, ценой измены купили себе позорный временный мир, усилив Германию для предстоящей агрессии.

Но в первые недели после Мюнхена такие голоса ещё заглушались шумным хором мюнхенской прессы, превозносившей «блага» мюнхенского «мира». Реакционные круги в обеих демократических странах заявляли, что в Мюнхене не было побеждённых, что

¹ См. «Известия» от 4 октября 1938 года.

² «Temps» N. 28143, le 1 octobre 1938.

³ «Temps» N. 28144, le 2 octobre 1938.

⁴ «Temps» N. 28147, le 5 octobre 1938.

все участники конференции вернулись домой «победителями». Не только Германия и Италия, утверждали мюнхенцы, но и Англия и Франция выиграли в Мюнхене. Англия оказалась в «выигрыше», потому что она не хотела быть втянутой в войну из-за Чехословакии. Купленный в Мюнхене мир, говорили они, позволит ей усилить воздушную оборону и лучше подготовиться к будущим схваткам. Франция выиграла в Мюнхене, радостно заявляли французские реакционеры, потому, что мюнхенская капитуляция привела к разрыву народного фронта во Франции, к краху Лиги наций и избавлению от Бенеша и версальской Чехословакии, которая, по их мнению, занимала непропорционально большое место в Лиге наций и в европейской политике, и к фактическому аннулированию франко-советского договора о взаимопомощи¹.

Чемберлен располагал подавляющим большинством в палате общин, но страна не одобряла его капитулянтской политики. Ряд видных парламентариев и государственных деятелей резко осуждал мюнхенскую капитуляцию.

Оппозицию мюнхенцам в Англии возглавляли: Черчилль, Иден, Дафф Купер — среди консерваторов; Эттли, Гринвуд и Моррисон — у лейбористов; Синклер и Ллойд Джордж — у либералов. В происходивших в начале октября и в начале ноября бурных прениях в английской палате общин оппозиция резко критиковала капитулянтскую политику Чемберлена и требовала установления дружественных отношений с Советским Союзом и объединения усилий всех миролюбивых держав для сопротивления фашистским агрессорам.

В происходивших 4 октября прениях по вопросу внешней политики во французской палате депутатов все буржуазные и социалистические партии одобрили мюнхенскую политику Даладе и Бонне. Только коммунистическая фракция (73 депутата), независимый правый республиканец де Кериллис критиковали политическую линию правительства и голосовали против выражения ему доверия.

Реакционные круги английской и французской буржуазии мюнхенской капитуляцией хотели купить себе некоторую видимость покоя, но они добились обратного: Мюнхен ухудшил политическое и военное положение Франции и Англии и ещё больше разжёг аппетиты Гитлера. Нацисты истолковали мюнхенскую капитуляцию как слабость противника и предоставление Германии полной свободы распоряжаться по своему усмотрению в Центральной и Восточной Европе. Поведение английского и французского правительств на второй день после Мюнхена давало Гитлеру основание к такому толкованию соглашения. Они ничего не предприняли для предотвращения угрозы нападения Германии на Чехословакию, чем вынудили её уступить насилию и передать

Польше Тешинскую промышленную область; они поддержали все германские требования при проведении новой границы с Чехословакией, в результате чего Германия получила гораздо больше, чем Гитлер требовал в Годесберге и Мюнхене; они совершенно устранились от участия в урегулировании чехословацко-венгерских территориальных споров.

В оставленной своими западными союзниками и друзьями Чехословакии чешские реакционные элементы и словацкие фашисты, поддерживаемые извне, сделали хозяевами положения. 5 октября Бенеш вынужден был выйти в отставку и покинуть страну с твёрдым намерением бороться за благо своего народа за её пределами и всюду, где позволят обстоятельства. Новое правительство генерала Сыроны, которое оставалось у власти до избрания в конце ноября нового президента республики — Гаха, — поставило перед собой задачу приспособления внутренней, внешней, социальной и экономической политики к идеологии и потребностям Германии. Все сторонники Бенеша были удалены из правительства. Словакия и Карпатская Украина при помощи Гитлера отделились от Чехословакии, образовали свои отдельные правительства в Братиславе и Ужгороде и под флагом «автономии» стали вассалами Гитлера. В центральном пражском правительстве играл первую роль доверенный Гитлера и Муссолини министр иностранных дел Хвалковский. Чехословакия постепенно фашизировалась. Коммунистическая партия была распушена. Реакционные элементы аграрной партии управляли страной по директивам из Берлина до её аннексии. В Чехословакии были введены антисемитские законы, а немецкое меньшинство получило право иметь свои особые, как в фашистской Германии, организации, которые подчинялись Берлину и оттуда управлялись. Немцы в Чехословакии получили назначенных в Берлине местных «фюреров», которые на пражских министрах входили в автономные правительства.

Проводя политику «примирения», английское и французское правительства сейчас же после Мюнхена признали захват Абиссинии и назначили послов при итальянском короле (он же «абиссинский император»). На вакантный в продолжение полутора лет пост французского посла в Италии был назначен посол в Берлине Франсуа Понсэ. Английский парламент, который отказывался ратифицировать англо-итальянское соглашение до тех пор, пока Италия не выведет своих «добровольцев» из Испании, ратифицировал его, по предложению Чемберлена, в начале ноября вопреки протестам всей оппозиции. Гражданская война в Испании была этим окончательно решена в пользу Франко.

Мюнхенское соглашение ослабило политическое и стратегическое положение Англии и Франции в Центральной Европе и в Средиземном море, развязало державам «оси» руки и ускорило развязывание второй мировой войны.

¹ Comte de Fels. Les gagnants de Munich. «Revue de Paris», le 15 novembre 1938.

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ КАК ИСТОРИК *

Е. Гутнова

Томас Карлейль, английский историк и публицист, — одна из оригинальнейших фигур в истории английской культуры. Он родился в 1795 г. в семье небогатого фермера в Северной Англии и умер в 1881 г. в Лондоне. Карлейль посвятил всю свою жизнь литературной работе.

Начало литературной деятельности Карлейля относится к 20-м годам XIX века. Выступив тогда как бунтарь-одиночка с критикой современного ему капиталистического общества, он был встречен недоумевающе-враждебно признанными идеологами этого общества. В конце своей долгой жизни — в 60-х и 70-х годах XIX в. — Карлейль становится одним из популярнейших и любимейших авторов английской буржуазии, которая признаёт его своим идейным вождем.

Перу Карлейля принадлежат самые разнообразные произведения: острые политические памфлеты: «Чартизм» («Chartism») (1839), «Прошлое и настоящее» («Past and present») (1843), «Современные памфлеты» («Letter day pamphlets»), вышедшие в 1850 г., философский роман «Sartor Resartus» (1831), знаменитые лекции «Герои и почитание героев в истории» («Heroes and Heroworship in the history») (1840). Кроме того им выпущен ряд исторических работ — несколько небольших историко-биографических очерков о Вольтере (1829), Дидро (1832), Мирабо (1832), этюд «Бриллиантовое ожерелье» (посвящённый скандальной истории с ожерельем Марпи-Антуанетты)¹; трёхтомная история французской революции, написанная в 1837 г., «Письма и речи Оливера Кромвеля» («Oliver Cromwell's letters and speeches») — сборник документов Кромвеля, извлечённых из архивов и изданных Карлейлем с подробными комментариями в 1845 г.; наконец, многотомная «История Фридриха II Прусского», начатая им в 1853 и законченная в 1865 году.

Как историк, Карлейль примыкал к романтической школе, которая имела в Англии мало представителей. Исторический романтизм Карлейль был обусловлен его отношением к общественно-политической действительности Англии первой половины XIX века. Поэтому, чтобы понять характерные чер-

ты Карлейля-историка, следует обратиться к деятельности Карлейля-публициста 30—40—50-х годов XIX века.

Карлейль начинал свою литературную деятельность в эпоху быстрого развития капитализма в Англии. Он был свидетелем того, как массы ремесленников, разоряясь, пополняли ряды рабочего класса, подвергавшегося жестокой эксплуатации. Карлейль собственными глазами видел то, что описал Энгельс в своей замечательной работе «Положение рабочего класса в Англии»:

Выходец из мелкобуржуазной среды, Карлейль с тревогой наблюдал эти общественные сдвиги. Жажда наживы, царившая в среде буржуазии, вызывала в нём отвращение, а действия трудящихся масс пробуждали горячее сочувствие к рабочим. Вместе с тем растущее недовольство пролетариата, начинавшееся широкое рабочее движение пугали Карлейля перспективой революционных потрясений: в этом движении ему чудилось чуть ли не повторение Французской революции 1789 г. на английской почве.

В своих первых памфлетах — «Чартизм» и «Прошлое и настоящее» — Карлейль резко критиковал господствующий при капитализме принцип личной наживы, безудержную свободу эксплуатации, которую он называл законом *laissez faire, laissez passer*. Он обличал буржуазный парламентаризм за его бессилие урегулировать отношения между трудом и капиталом и едко высмеивал религию «респектабельных английских буржуа» — утилитаризм и рационализм, в которых он видел идеологическое выражение законов капиталистического общества. Однако в критике капитализма Карлейль выступал не с революционных позиций, на которые становился в это время молодой пролетариат Европы, но с позиций, на которых стояли остатки разбитой и экономически обессиленной феодальной аристократии, а также часть мелкой буржуазии, разоряемой развитием капитализма и не находящей себе места в новом общественном строе.

Критика Карлейля никогда не затрагивала принципа частной собственности. Она сопровождалась апологией безвозвратно минувшего средневекового феодализма с его земельно-владельческой аристократией и крепостничеством, в котором Карлейль видел более гуманную форму эксплуатации. Поэтому по своим социально-политическим воззрениям Карлейль был очень близок к тому направ-

* Статья представляет автореферат кандидатской диссертации, защищённой Т. Гутновой в МГУ.

¹ Все эти работы вместе составляют сборник «Историческо-критические очерки», имеющийся в русском издании 1898 года.

лению, которое «Коммунистический манифест» определил как феодальный социализм¹.

На этом фундаменте строится всё историческое мировоззрение Карлейля — его идеалистическое понимание исторического процесса как протест против материализма XVIII в., его культ героев как протест против буржуазных теорий XVIII в. о прирождённом равенстве людей, наконец, его восторженная апология средневековья, в котором он видел антитезу современному буржуазному обществу.

В этих своих основных положениях он сходил с общим направлением романтической школы историков, широко распространённой в 20—30-х годах XIX в. в других странах Европы, особенно в Германии. Не случайно поэтом Карлейль был последователем и пропагандистом немецкой идеалистической философии Канта, Фихте и Шеллинга и откровенно признавал себя учеником немецких романтиков-историков и писателей — Новалиса, Шлегеля, Тике, — чьи произведения он с увлечением переводил на английский язык.

Однако было бы неверно прямо отождествлять Карлейля с немецкими историками-романтиками, как это делают многие, особенно немецкие биографы Карлейля.

Присущий ему оптимизм, вера в постоянный прогресс человеческого общества позволяла Карлейлю, несмотря на его увлечение эпохой средневековья, более объективно оценивать и последующие периоды европейской истории — реформацию, английскую и французскую революции, в которых немецкие романтики начала века видели лишь великое бедствие человечества, начало падения европейской культуры. По широте своего исторического кругозора, по своему таланту воплощать события и личности прошедших времён в живых, художественных образах Карлейль стоял неизмеримо выше своих немецких учителей.

Эту двойственность исторического мировоззрения Карлейля отметил ещё Энгельс в своей рецензии на «Современные памфлеты» Карлейля в 1850 г., когда он писал: «Томасу Карлейлю принадлежит та заслуга, что он выступил в литературе против буржуазии в эпоху, когда её взгляды, вкусы и идеи заполнили всю официальную английскую литературу; причём выступления его носили иногда даже революционный характер. Это относится к его истории французской революции, к его апологии Кроуфелля, памфлету о чартизме, к «Past and present». Но во всех этих произведениях критика на-

стоящего тесно связана с удивительно неисторическим апофеозом средневековья»².

Это общее, исходное противоречие Карлейля-историка составляет одну из характерных черт его творчества и резко бросается в глаза при изучении исторического наследия Карлейля.

Философия истории Карлейля имеет своим фундаментом его философский идеализм. Карлейль рассматривает исторический процесс как осуществление божественных предначертаний, хотя при анализе конкретных исторических событий он часто забывает о существовании бога и изображает историю человечества как саморазвивающийся сложный органический процесс.

Основной формой существования людей Карлейль считает человеческое общество, родившееся вместе с человечеством и претерпевавшее время от времени изменения. Оно постоянно является в новом виде для того, чтобы затем вновь постареть и сменить свой наряд. Эта перемена общественных «одежд» (выражение Карлейля), т. е. форм общественного устройства, протекает как сложный органический и диалектический процесс, в котором «творение и разрушение совершаются совместно; пока развевается лепесток старого, таинственно прядутся элементы нового»³.

В этом вечном движении всё великое, созданное человеческим духом, сохраняется и переходит к новому обществу, облегчая его движение вперёд⁴. Глубокая вера в прогресс человечества составляет характернейшую черту исторических взглядов Карлейля. «Взгляни на человечество, — говорит он, — ты всегда увидишь его в прогрессе более скором или более медленном»⁵.

Карлейль говорит, что прогрессивное развитие общества происходит путём борьбы. Но, по его мнению, борются в истории не классы, которые Карлейль как бы вычёркивает из своих философско-исторических представлений, но извечно противоположные начала — добро и зло или вера и неверие. Плодотворные и счастливые эпохи веры сменяются мрачными периодами безверия, всеобщей лжи и разложения. Однако в эпохах безверия, в самом их отрицательном характере заложены положительные элементы, так как они подготавливают почву для новых эпох веры. Переход от эпохи безверия к эпохе веры нередко происходит в форме революции, которая является как бы очистительной жертвой за ложь предыдущей эпохи. Поэтому Карлейль принимает революцию как одну из форм исторического развития, которая иногда бывает необходима. Такими исторически необходимыми революциями он считал завоевания варварами Римской империи, английскую революцию 1640—1660 гг. и особенно Французскую революцию 1789 года. Вместе с тем к революции как к факту

¹ «Так возник феодальный социализм, частью жалоба, частью пaskвиль, частью отголосок прошлого, частью угроза будущего, по временам метко поражающий буржуазию горьким, острозумным и едким суждением, но всегда производящий комическое впечатление полную неспособностью понять ход новейшей истории» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 503).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 281.

³ Carlyle, Sartor Resertus, p. 21.

⁴ Ibidem, p. 24.

⁵ Ibidem, p. 263.

он относился скорее отрицательно, видя в ней катастрофу, нечто враждебное естественному стремлению человека к порядку, лишь неизбежное зло.

Такое отрицательное отношение особенно заметно у него в оценке революции 1848 года. Впрочем, даже и эту революцию он признавал очистительной, ниспровергающей ложь.

Огромную роль в ходе прогрессивного исторического развития Карлейль отводит труду, в котором он видит великого воспитателя и учителя людей, залог успехов и спасения человечества. По словам Карлейля, «человек есть животное, владеющее орудием». «Нигде не найдёте вы его без орудий, без орудий он ничто, с орудием всё»¹.

Под трудом Карлейль понимает не только физический труд, но всякую полезную деятельность, направленную на совершенствование мира; в этом смысле он не делает никакой принципиальной разницы между трудом рабочего, художника, мыслителя или поэта.

Существенной особенностью общечеловеческих взглядов Карлейля было то, что он рассматривал историю как общечеловеческий процесс, обнимающий, наравне с европейскими народами, арабов, евреев, турок; характерна его мысль о том, что каждая нация сделала свой вклад в историю человечества.

Горячий патриот Англии, гордившийся её славой и могуществом в современной ему Европе, Карлейль порицал и высмеивал многие стороны английской жизни и истории и умел отдавать должное другим народам — участникам бесконечно многообразного процесса общечеловеческого развития.

Центральным пунктом всей исторической концепции Карлейля является его «культ героев». По представлению Карлейля, великие личности, «герои», составляют основную движущую силу исторического процесса. Эта идея появляется уже в самых ранних исторических работах Карлейля и неизменно отражается во всех его произведениях. Но особенно ясно и полно она воплощена в его лекциях «Герои и почитание героев в истории» и в «Прошлом и настоящем».

С философской точки зрения культ героев Карлейля основывался на учении немецкого философа-идеалиста Фихте об активном субъекте как единственной реальности и творческом начале мира. Для Карлейля почитание героев являлось протестом против теории всеобщего прирождённого равенства людей, выдвинутой буржуазными философами XVIII века.

По справедливому замечанию Энгельса, «культ героев» должен был прикрыть неверие Карлейля в творческие возможности человечества. «Если бы он постиг человека как человека, во всей его бесконечности, он не пришёл бы к мысли снова делить человечество на два стада — овец и козлиц, правящих и управляемых, аристократов и чернь,

господ и дураков», — писал Энгельс ещё в 1843 г. в своей рецензии на «Прошлое и настоящее»².

В лекциях о героях эта идея Карлейля выступает в общей отвлечённой форме. Уже в первой лекции мы читаем: «Всемирная история, всё, что человек совершил в этом мире, есть, по моему разумению, в сущности история великих людей, потрудившихся здесь на земле»³. Он откровенно направляет это своё положение против тех историков, которые видят основную движущую силу истории в «бездельных массах». По мнению самого Карлейля, напротив, эти бездельные массы составляют лишь фон, на котором творят историю герои. Герои бывают разных видов в зависимости от исторической эпохи, и равным образом каждая эпоха имеет свою, особую форму почитания героев. Каждая из лекций Карлейля посвящена особой форме героизма: герой-бог (Один), герой-пророк (Магомет), герой-поэт (Данте и Шекспир), герой-пастор (Лютер и Нокс), герой-писатель (Руссо, Джонсон, Бёрнс) и, наконец, герой-вождь — гех (Кромвель и Наполеон), в котором Карлейль видит высшее воплощение героизма.

В таком отвлечённом толковании герои Карлейля выступают лишь как крупные индивидуальности. Они являются сознательными носителями и исполнителями божественного провидения в отличие от рядовых людей, которые служат лишь пассивным орудием в руках бога.

Но в «Прошлом и настоящем» отвлечённые герои Карлейля приобретают более реальную основу. Они выступают перед нами как «аристократия талантов», как «мудрые», призванные руководить «глупцами». Поясняя, кто из людей может считаться мудрым, Карлейль говорит: «Более мудрые, более мужественные они всегда и везде — аристократия в возможности, — во всех обществах, достигших какого-либо определённого устройства, развиваются в правящий класс, в аристократию в действительности с установленными приёмами действия; то, что мы называли законами, и даже частными законами или привилегиями»⁴.

Таким образом, в сложившихся обществах различия между героями и толпой выступают в форме сословного или классового деления на «аристократов и чернь».

В таком обществе, в период его расцвета, между героями и толпой существуют гармония интересов, патриархальные отношения, характерные для всякой эпохи веры. Но в эпохи безверия эта патриархальная гармония нарушается. Герои-аристократы забывают свои обязанности по отношению к «тол-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. II. стр. 345.

³ Карлейль. Герои и почитание героев в истории, стр. 24. Русское изд. 1898.

⁴ Карлейль. Прошлое и настоящее, стр. 344. Русское изд. 1906.

¹ Carlyle. Sartor Resartus, стр. 43—44. Русское изд. 1904.

ле», становятся лжегероями. В таких случаях Карлейль признаёт за «толпой» право восстания, осуществляемое в революциях.

Этим объясняется тот любопытный парадокс, что в исторических работах Карлейля в качестве героев обычно выступают отнюдь не представители господствующей в данном обществе аристократии, а революционные вожди — Кромвель, Мирабо, Дантон или, во всяком случае, ниспровергатели старого — Лютер, Нокс, отчасти Наполеон Бонапарт. Однако эти допускаемые Карлейлем восстания «толпы» против лжегероев должны быть направлены вовсе не на уничтожение аристократии вообще, но лишь на смену прежних, изоглавшихся аристократов новыми, исполненными мудрости и веры.

Таким образом, своим учением о толпе и героях Карлейль в конечном итоге оправдывает классовое господство как извечный и неизбывный порядок. «Культ героев» представляет собою одну из многочисленных разновидностей субъективного метода в истории и социологии, столь блестяще раскритикованного в своё время Лениным в его работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и Плехановым в его работе «К вопросу о развятии монистического взгляда на историю».

Таков в общих чертах своеобразный исторический романтизм Карлейля. Его основными особенностями наряду с «культом героев» являются идея прогрессивности исторического процесса и признание революции одной из неизбежных форм его развития, идеи, чуждые многим другим представителям романтической школы начала XIX века.

На основе этих общеисторических взглядов Карлейль строит своё представление об европейском развитии истории. Однако там, где он стоит на конкретно исторической почве, несмотря на явную неправильность своих общих выводов, он часто в силу блестящей исторической интуиции, живого ощущения описываемой эпохи, даёт интересное и иногда правильное объяснение отдельных фактов. Поэтому его первые исторические работы не лишены блеска исторической мысли и весьма интересны.

Историю Европы эпохи средневековья и нового времени Карлейль рассматривал как единый прогрессивный процесс. Начало современного европейского общества он возводит к эпохе падения Римской империи в результате варварских вторжений. Европейское средневековье Карлейль, как указывалось выше, идеализировал, постоянно привлекая примеры из этой эпохи в качестве антитезы для характеристики современного общества. На этой антитезе построен его памфлет «Прошлое и настоящее». Здесь резкая критика буржуазного общества сопровождается восторженной апологией средневековья, воплощённого в образе аббата Симсона, английского монаха XII в., в котором Карлейль видит подлинного героя, руководителя «безгласной толпы»¹. Средневековье

для Карлейля — это классическая «эпоха веры», проникнутая гармонией между управляющими и управляемыми. Выражение этой гармонии он видел в том, что люди той эпохи сумели создать свою подлинную аристократию, которую Карлейль определяет так: «Самые мужественные люди, которые в общем суть также самые мудрые, самые сильные, во всех отношениях лучшие, были ими (людьми той эпохи. — Е. Г.) выбраны с замечательной степенью точности; посажены каждый на своём клочке земли, который был сперва ему предоставлен на время, а потом постепенно и совсем отдан, чтобы он мог править им»².

Эта «мудрая» земельная аристократия идеально осуществляла свои обязанности правителей и вождей по отношению к своим крепостным, которые, хотя «кажется, получали удары так же часто, как свиньи потроха, если нехорошо вели себя»³, но зато были избавлены от невыносимого господства закона *laissez faire, laissez passer* буржуазного общества. Поэтому Карлейля восхищает в истории средних веков абсолютно всё. Он восторженно и некритически комментирует монастырскую хронику Иоселина Брекляндского, излагающую деяния аббата Симсона. По ней он хочет воссоздать живой образ счастливой, по его мнению, средневековой эпохи.

Однако, верный своей идее постоянного прогрессивного развития человечества, Карлейль не мог считать средние века идеалом для всех времён и народов: он рассматривал этот период как определённую историческую эпоху. Как бы она ни была хороша, она была подвержена разложению и упадку, как и все другие формы общества. Поэтому хотя он и считал, что будущее совершенное общество должно воспринять и некоторые стороны средневекового общественного строя, но никогда не думал о возможности полного возврата к этой навеки минувшей эпохе.

Ещё в 1840 г. в своих лекциях о героях он говорил: «Я несколько не сомневаюсь в том, что наш мир находится на пути к единению, на пути к духовной и материальной организации, гораздо более высокой, чем всякое папство и феодализм в их лучшую пору»⁴. Эта позиция, резко отличная от позиции реакционных романтиков начала века, безоговорочно считавших возврат к средневековью благом для современного человечества, позволила Карлейлю оценивать всю последующую европейскую историю гораздо правильнее, чем это делали они. Признавая, что к середине XV в. средневековая Германия совершенно разложилась, он приветствовал зарю нового общества, которую видел в последовательных ударах, наносимых старому,

² Там же, стр. 348.

³ Там же.

⁴ Carlyle. Heroes and Heroworship, p. 109.

¹ Карлейль. Прошлое и настоящее. Часть 2-я. Русское изд. 1906.

«изоглашшемуся» феодальному строю реформацией в Германии, английской революцией 1640—1660 гг. и Французской революцией 1789 года. Реформацию он считал первым этапом этой многовековой борьбы, этапом, который означал восстание против ложных церковных авторитетов, т. е. против католицизма, превратившегося к этому времени в сочетание догматов, лишённых всякого внутреннего содержания. Поэтому Лютер был одним из его любимых героев, в нём он видел борца за счастье человечества.

Эпоху реформации Карлейль считал одним из плодотворнейших периодов европейской истории, когда были заложены первые элементы нового, более совершенного общества.

Однако для идеалиста Карлейля оставался скрытым подлинный смысл реформации как буржуазного движения. Поэтому, давая оценку Лютеру, он совершенно игнорировал его позицию в отношении крестьянских движений. И вообще всё движение реформации в Германии воплощалось для Карлейля в лице одного героя — Лютера.

Вторым этапом борьбы за новое общество, по мнению Карлейля, была английская революция 1640—1660 гг., которую он называет «восстанием против светских авторитетов». Её истории он посвятил пять томов «Писем и речей Оливера Кромвеля», вернее — свои подробнейшие комментарии к ним. В этих комментариях, в сущности говоря, Карлейль даёт историю всей революции. По его собственному признанию, целью этой работы была реабилитация Кромвеля как человека и политика. Он хотел «снять с виселицы труп Кромвеля», вздёрнутый на неё историками XVIII века. Верный «культу героев», Карлейль всю революцию рассматривает как воплощение деятельности «героя» Кромвеля и даже называет её «кромвелядой». Верный своему идеализму, он видит весь смысл революции в попытке установления на земле подлинного божественного закона и подлинной аристократии героев. «Вся Англия должна была превратиться в церковь, если вам угодно так назвать это, в церковь под руководством не бесстыдных, но верных, посвящённых богу»¹, — говорит он, определяя цели революции. Расценивая всю революцию как «кромвеляду», Карлейль естественно относится ко всем её событиям с точки зрения своего героя. Он приветствует все его мероприятия и осуждает действия всех его противников.

Но именно в силу этого он принимает в революции очень многое из того, что отвергалось и порицалось не только историками реставрации, но и некоторыми современными Карлейлю буржуазными историками. Так, он всецело на стороне индependентов в их борьбе с пресвитерианами. Он приветствует казнь Карла I, называя её «самым смелым актом в истории, совершённым группой лю-

дей (body of men) с полным сознанием того, что они делают»².

С другой стороны, Карлейль отрицательно относится к левеллерам и Джону Лильборну, считая, что они мешали Оливеру проводить в жизнь его планы. Он всецело оправдывает террористическую политику Кромвеля в Ирландии, доказывая, что иначе Кромвель не мог и не должен был поступить. Кульминационным пунктом революции он считает разгон «охвостя» и затем установление протектората, так как народ сумел этим актом, наконец, избрать себе подлинного вождя-героя.

Такая трактовка революции, основанная, с одной стороны, на идеалистическом понимании Карлейлем её движущих сил, а с другой стороны, на сознательном возвышении Кромвеля как её единственного героя, суживает социальное и историческое значение этого величайшего в истории Англии события и совершенно лишает его социально-экономического обоснования.

Однако в общей оценке английской революции у Карлейля интересно и положительно то, что он правильно видит в ней не случайный мятеж, но начало современной ему Англии и поэтому принимает её в целом как положительный факт. Героем своим он избирает не Карла I, как это сделал бы всякий реакционер, и не Вильгельма III, героя «славной революции», которого превозносили до небес английские буржуазные историки, современники Карлейля: его героем в революции является Оливер Кромвель, вождь революционной английской буржуазии XVII в., памяти которого боялись многие непомнящие родства «респектабельные» буржуа XIX века. И этот выбор делает честь Карлейлю-историку. При этом его «Письма и речи», помимо их историографического интереса, имеют очень большую историко-научную ценность. Это было первое издание документов Кромвеля, необходимых для каждого историка революции, издание, которое до сих пор не утратило в этом смысле своего значения.

Французская революция 1789 г. была, по мнению Карлейля, третьим актом ниспровержения старого — восстанием против светских и духовных авторитетов. Её истории Карлейль посвятил лучшее из всех своих произведений — «Историю французской революции», — которое, по справедливому определению историка Фроуда, является «поэзией в прозе».

Характерно, что эта лучшая из его книг, по существу, отрицает «культ героев», ибо в ней нет единого героя. По собственному признанию Карлейля, «никогда ни одно великое дело не было исполнено более мелкими людьми, чем французская революция»³.

Хотя он и пытается сконцентрировать ход революции вокруг трёх героев — Мирабо,

² Carlyle. Oliver Cromwell's letters and speeches. Vol. II, p. 93.

³ Карлейль. Историческо-критические очерки. Мирабо, стр. 26.

¹ Carlyle. Oliver Cromwell's letters and speeches. Vol. I, p. 70.

Дантона и Наполеона Бонапарта, — но это ему не удаётся, и в его изображении эти герои воспринимаются не как творцы и инициаторы событий, но как люди, захваченные потоком революции и вынесенные на гребень её волны. Всю революцию в целом Карлейль рассматривает как ниспровержение накопившейся лжи — «власти испорченной и обветшавшей». Поэтому он воспринимает её как бесспорно положительный факт, как одновременное разрушение старого и формирование нового общества. Символом этого разрушающе-созидательного процесса он считает «санкюлотизм». «Не сторонитесь санкюлотизма, а признайте его тем, что он есть, — неизбежным концом старого и началом нового»¹, — говорит Карлейль. Но, кроме этого общего объяснения, он приводит и более конкретные причины революции. Это, во-первых, разложение принципа монархии, аристократии и католицизма, начавшееся после конца царствования Людовика XIV, а во-вторых, тяжёлое экономическое положение трудящихся, главным образом крестьянства.

Не доходя до понимания революции как буржуазной, так как он не выделяет буржуазию из общего понятия «народ», Карлейль ощущал её как широкое народное движение, направленное против политических и идеологических основ разлагающегося феодализма. «Для феодализма это последний день соборования»², — замечает он, описывая день открытия Генеральных штатов. Стихийное развитие народной революции, проявившееся в событиях 14 июля и 6 октября 1789 г., в празднике федерации, в революции 10 августа 1792 г., Карлейль противопоставляет как истинную революцию тому, что происходило в палатах короля и в Учредительном собрании. Поэтому конституцию 1791 г. он считает химерой и предвидит неизбежность раскола между Учредительным собранием и народом, раскола, который и приводит к революции 10 августа 1792 года.

Относясь с ужасом к сентябрьскому террору 1792 г., Карлейль в то же время считает его неизбежным и поэтому в конце концов оправдывает его точно так же, как и казнь Людовика XVI, которая была, по его мнению, необходимой в создавшихся условиях.

Анализируя затем причины борьбы между жирондистами и якобинцами, он в общем правильно раскрывает её социальный смысл, видя в ней борьбу между буржуазией и народом.

Идеалом жирондистов, говорит он, была «респектабельная республика для средних классов»³, которая была неосуществима в период разрушения всех авторитетов: «Ведь главным двигателем французской револю-

ции, как это всегда будет при подобных революциях, был голод, невзгоды и кошмарное угнетение 25 миллионов существ, а вовсе не ссорблённое самолюбие или спорные воззрения философов, богатых лавочников и земельного дворянства»⁴.

Якобинцы, которые понимали это, одержали верх над жирондистами, так как первых поддерживал народ. Так в данном конкретном анализе Карлейль вовсе сбрасывает со счетов развитие идей и даёт вполне материалистическое объяснение исторического факта. Среди якобинцев героем Карлейля является Дантон. К Робеспьеру и Марату он относится отрицательно. Поэтому весь период якобинской диктатуры после казни Дантона он считает мрачным царством террора. Тем не менее он в конечном итоге признаёт положительное историческое значение этого периода, когда в заключительной главе книги замечает: «История с грустью признаёт, что нельзя найти такого периода времени, в который бы все 25 миллионов французского народа страдали меньше чем в тот период, который называется царством террора»⁵.

В этих словах, в сущности, заключается моральное оправдание революции от начала до конца, включая диктатуру якобинцев. И это было написано в 1837 г., когда сама революция и её деятели всё ещё пригвождались к позорному столбу, а многим историкам она всё ещё казалась безумием, овладевшим умами человечества.

В Наполеоне Бонапарте Карлейль видел завершителя революции. Однако он ставил Наполеона гораздо ниже Кромвеля. Он считал, что принятие императорского титула и конкордат с папой были результатом непомерного личного честолюбия Наполеона, которое шло в ущерб его обязанности истинного героя-вождя. В общем несмотря на неправомерность исходных историко-философских позиций Карлейля, его «История французской революции» явилась смелым выпадом против господствовавшего в европейской историографии того времени враждебного отношения к этому величайшему историческому событию. Эта страстная, исполненная пафоса книга до сих пор является пламенной защитительной речью в пользу французского революционного народа и памятником его героизма в буржуазной революции XVIII века.

В эту общую концепцию истории Европы, завершающуюся апофеозом французской буржуазной революции, никак не может быть включён последний исторический труд Карлейля — «История Фридриха II». В этом самом обширном и самом неудачном из всех его произведений Карлейль задался неблагодарной целью возвеличить в качестве героя коронованного прусского юнкера, о котором

¹ Карлейль. История французской революции. Т. I, стр. 300.

² Там же. Глава «Процессия».

³ Карлейль. История французской революции. Т. II. Кн. 3-я, гл. «Жирондисты».

⁴ Там же. Гл. «Люди в штанах и санкюлоты».

⁵ Карлейль. История французской революции. Т. III. Кн. 8-я. Глава V.

Маркс писал: «Всемирная история не знает короля, цели которого были бы так ничтожны».

13 томов этой работы посвящены всемерному восхвалению Фридриха II как политика, философа и человека, хотя приводимые Карлейлем в изобилии архивные документы рисуют Фридриха II вероломным, жестоким и фальшивым человеком и мелким политиком. Эти неудачные попытки Карлейля имеют вполне определённую цель. В образе Фридриха II он видит патриархального государя в стиле столь любезных его сердцу средневековых феодалов-аристократов. Фридрих II является для Карлейля воплощением Пруссии, государственный строй которой он противопоставляет государственному строю Англии и Франции XVIII века.

В прусском государственном строе его умиляют патриархально-юнкерский уклад и господство военной муштры, которую он считает обязательным атрибутом всякого правильно организованного государства¹. Это «идеальное» прусское государственное устройство есть, по мнению Карлейля, результат того, что прусский народ всегда правильно умел выбирать и почитать своих героев.

Фридрих II в изображении Карлейля противопоставит как оплот мира и порядка бушующей вокруг него стихии разлагающегося XVIII в. — этой эпохи безверия, исполненной скепсиса и отрицания. Он «настоящий» король в отличие от распутного Людовика XV и ничтожного Георга I. Но Фридрих II противопоставит не только своим современникам. Карлейль хочет противопоставить его и дурным вождям Европы XIX века. «Я считаю не слишком неосуществимыми мои надежды при изображении этого последнего из королей показать в нём пример современникам»², — откровенно говорит он.

Почитатель Кромвеля, Мирабо, Дантона и Наполеона в 60-х годах XIX в. возводит в герои Фридриха II, излюбленную фигуру германской шовинистической историографии всех времён.

Как объяснить это бытие в глаза противоречие между первыми работами Карлейля и его последней работой? Обычно это объясняют влиянием революции 1848 г., которая, как известно, вызвала резкий поворот вправо у многих буржуазных историков той эпохи (Гизо, Тьерри).

Влияние этого важнейшего политического события и на Карлейля совершенно очевидно. Страх перед революцией, охвативший одновременно почти все крупнейшие государства Европы, заставил проявиться в политических взглядах Карлейля те элементы, которые прежде терялись в его бунтарских тирадах против капитализма. В своих «современных памфлетах», которые явились прямым откликом на революцию 1848 г., Карлейль не столько критикует буржуазное общество, сколько сетует на всеобщее пре-

зрение к авторитетам и на победоносное шествие демократии. В революции 1848 г. он видит лишь разгул анархии и поэтому призывает представителей буржуазии занять руководящее место в европейских правительствах, с тем чтобы в случае необходимости расправиться с рабочим движением террористическими методами. Очевидно, это изменение в политических воззрениях Карлейля отразилось и на его исторических взглядах, результатом чего и явилась апология признанного вождя реакционного пруссачества, сменившего его прежних героев — революционных вождей. Однако дело тут далеко не в одном влиянии революции 1848 года.

Противоречия между взглядами, высказанными Карлейлем в «Истории французской революции» и «Истории Фридриха II», возникли ещё задолго до 1848 г. и нашли своё выражение в противоречии между его первыми «революционными выступлениями» и «неисторической апологией средневековья», отмеченном ещё в вышеуказанной статье Энгельса. Оно коренится в том, что «революционизм» Карлейля, проявившийся в его первых работах, был результатом не подлинной революционности, а лишь своеобразной формой критики капитализма с «феодално-социалистических» позиций.

Все основные положения его общен исторической концепции, на которых Карлейль строил своё восхваление Фридриха II и свои «Современные памфлеты», имеются уже в самых ранних его произведениях. И это прежде всего его «культ героев», который раньше служил ему для возвеличения революций прошлого, а потом стал служить для проповеди «порядка» и «военной муштры» в качестве руководящего начала для современности.

В этой смене героев ярче всего отразилась порочность всей общен исторической концепции Карлейля, допускающей предельно субъективное толкование истории.

По мере дальнейшего развития капитализма в Англии положение трудящихся несколько улучшилось в связи с начавшимся подкупом рабочего класса метрополии и некоторым расширением его политических прав. Английская буржуазия, ловко лавируя, столкнула рабочих с пути широкой политической борьбы на путь тредюнионизма. Страшный призрак рабочего движения, казалось, потонул в море капиталистического «благополучия». И Карлейль перестал «потрясать нищенской сумой пролетариев»³ и превратился в одного из признанных и любимейших идеологов английской буржуазии.

Таков противоречивый и сложный образ Карлейля-историка. Его противоречивость является причиной того, что для современного читателя исторические работы Карлейля имеют далеко не одинаковую ценность. Его первые работы — «История французской революции», «Письма и речи Оливера Кром-

¹ Carlyle. History of Friedrich II. Vol. I, p. 12—13.

² Ibidem, p. 13.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 503.

зеля» и ранние историко-биографические очерки—до сих пор читаются с интересом и, несмотря на неправильность исходных позиций автора, дают яркую характеристику описываемых периодов. Но его поздние работы — «Современные памфлеты» и «История Фридриха II» — справедливо забыты и теперь представляют лишь чисто историографический интерес.

Популярности исторического наследия Карлейля способствует исключительное своеобразие его исторического метода и литературного стиля. Подобно большинству историков-романтиков, Карлейль стремился дать читателю не столько научное объяснение событий, сколько ощущение «духа» исторических периодов. Он всегда старался прежде всего воспроизвести прошедшее во всей его непосредственности и колорите, что как нельзя больше соответствовало характеру его литературного дарования, его любви к метафоре, символу, литературному портрету. Его стремление всегда ставить в центре своих исторических работ одного главного героя также облегчало ему задачу образного воплощения прошедших времён.

По справедливому замечанию одного из его биографов — Фроуда, «у Карлейля был особый талант вызывать к жизни умерших людей и прошедшие события, превращать прошедшее в настоящее»¹.

Поэтому, избегая в своих работах исторических обобщений, Карлейль концентрировал всё своё внимание на обрисовке образов, на красочном изложении событий, которые он

не скупился иллюстрировать огромным количеством приводимых в тексте документов.

Но эта конкретная образность в конечном итоге должна была всегда подтверждать его личное отношение к данной эпохе или герою. Поэтому его исторические работы всегда проникнуты определённой идеей и по своей общей направленности чрезвычайно субъективны. Отсюда страстность и стремительность его изложения, которые нередко, особенно в «Истории французской революции», захватывают читателя и как бы вводят его в гущу происходящих событий.

К участникам описываемых событий Карлейль относится, как к своим хорошим знакомым. Он даёт им фамильярные клички (Кромвель — «Оливер», Робеспьер — «Зелёный», Фридрих II — «Фриц» и т. д.), сопровождает их действия одобрительными или возмущёнными возгласами.

Частям и главам он даёт фантастические, символические названия, то и дело делает «лирические отступления» и в момент особенно напряжённых событий переходит в своём повествовании с третьего лица на первое, как бы вступая в круг действующих лиц. При всём том все его исторические работы построены на очень большом и тщательно проработанном материале источников, и он, безусловно, всегда прекрасно знает ту эпоху, о которой пишет.

Всё это сообщает историческим работам Карлейля яркость и динамичность. Они воспринимаются очень легко и оставляют у читателя живые образы описываемой исторической эпохи и её деятелей.

---

¹ Froude. Thomas Carlyle's life, p. 292. 1887.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ В КИТАЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ *

Проф. Го Мо-жо

За 8 лет войны с Японией Китай потерял немало территорий, лишился немалых культурных ценностей, и различные объективные условия (частые эвакуации, отсутствие справочных материалов, недостаточность типографского оборудования, бумаги и т. д.) оказали серьёзное влияние на китайскую науку и создали огромные трудности для научной работы. Эти трудности в равной мере относятся и к исторической науке. Получить необходимые исторические материалы сплошь да рядом представлялось невозможным. Чтобы уберечь книжные и рукописные фонды от бомбардировки вражеской авиации, пришлось наиболее ценные книги изъять из библиотек и книгохранилищ и разослать по различным местам. Если в результате исследовательской работы имелись определённые успехи, то издание этих работ встречалось со множеством новых трудностей. По всем этим причинам деятельность китайской исторической науки во время войны значительно отличается от довоенной по своей активности. Однако невзирая на эти трудности китайские историки за годы войны не прекращали своей работы, не опускали рук.

Китайская историческая наука располагает огромным количеством материалов. Это обилие материалов настолько велико, что порою кажется невозможным привести их в систему. Большая часть этих материалов представляет собой описание абсолютистских правлений императоров и князей или же описание многочисленных войн. Китайские историки в прошлом относили на самый последний план вопросы общественного строя, народного быта, прогресса культуры и науки; материалы по этим вопросам встречаются в работах прошлых историков столь же редко, как песчинки золота в пустыне. Раньше в Китае говорили: «Истории 24 династий — не что иное, как хронология семейной жизни императоров и князей», или же — «24 истории — книги о взаимных распрях», и эти утверждения нисколько не преувеличены.

В Китае ещё нет ни одной хорошей общей истории. На протяжении последних 30 лет умы китайских историков заняты решением основного вопроса, как найти в китай-

ских исторических материалах законы исторического развития и на основе этих законов показать на переднем плане народ, культуру, науку и искусство различных исторических периодов, заново создав на этой базе историю Китая.

Эта проблема за последние один—два года усилиями китайских учёных постепенно разрешается. Недавно появились в свет две заслуживающие внимания общие истории Китая. Это является выдающимся событием в исследовании истории Китая. Одна книга называется «Курс лекций по китайской истории». Она написана совместно аньаньскими историками Фан Вэнь-ланем, Люй Чжэнь-юем и Инь Ци-мином. Она частично опубликована в Чунцине в журнале «Цюньчжун» («Массы»). Достоинства этой книги не только в том, что китайская история приведена в систему, но и в том, что она написана весьма популярно. Изложение книги очень доходчивое и понятное, выделены наиболее актуальные места; цель этой книги — дать возможность широким народным массам — рабочим, крестьянам, солдатам — ознакомиться с историей Китая. Книге совершенно чужда схоластика, присущая почти всем китайским научным книгам.

Другая книга — работа Цзянь Бо-чжана — «Очерк истории Китая». Хотя она и называется очерком, но на самом деле это большой труд. Книга ещё полностью не закончена, и в свет вышел лишь первый том, в котором разбирается период до империи Цинь. Второй том, содержащий исследование периода династий Цинь, Хань и «Трёх княжеств», находится в печати. По завершенности книга должна состоять из шести томов. Автор — мой друг — живёт в деревне недалеко от Чунцина в крайне тяжёлых материальных условиях. Цзянь Бо-чжан пользуется исключительным уважением и авторитетом у китайской учащейся молодёжи. Когда я покидал Чунцин, он сказал мне, что рассчитывает в этом году завершить свою работу над книгой. Я уверен, что это так и будет, но печатание книги встретит огромные трудности.

Эти две книги по методам использования материалов в целом похожи одна на другую. Авторам в обоих случаях удалось из китайских исторических материалов вывести определённые исторические тенденции, систематизировать самые материалы и показать, что китайское общество прошло длинный путь развития от первобытного коммунизма, через рабовладельческую, а затем че-

* Сокращённое изложение доклада проф. Го Мо-жо на историко-философской секции ВОКС 3 августа 1945 года. Перевёл с китайского С. Тихвинский.

рез феодальную формацию к его современному состоянию. В периодизации развития китайского общества взгляды авторов обеих работ не расходятся: период до династии Ся они относят к первобытному коммунизму, период династий Ся и Инь считают периодом рабовладельческого общества, период до династии Чжоу и далее — периодом феодального общества. Однако сразу же после опубликования обеих книг среди китайских историков возникла большая дискуссия в отношении рабовладельческого общества. Вообще вопрос о рабовладельческой формации в Китае дискутировался ещё десять с лишним лет тому назад, но теперь дискуссия разгорелась вновь и вступила в новую фазу.

О том, что в Китае в прошлом также существовало рабовладельческое общество, я пришёл к выводу ещё в 1929 г. в своей книге «Исследования древнекитайского общества».

В то время я отнёс иньский период к первобытно-коммунистическому обществу, а период Чжоу считал основным периодом рабовладельческого общества. Авторы вышеуказанных работ — Люй Чжэн-юй, Цзинь Бо-чжан и др. — тогда возражали против моей теории и критиковали её. Тем не менее я продолжал свои исследования, в ходе которых внёс некоторые исправления в свою теорию и признал, что в иньский период Китай уже вступил в рабовладельческую формацию и что этот рабовладельческий строй начал распадаться в середине периода «Чуньцю», а со времени династии Цинь-Хань в Китае установился феодальный строй. По поводу этих новых своих взглядов я опубликовал статью «Мои критические замечания об исследовании древних династий» в журнале «Цюньчжун» («Мас-сы») 31 октября 1944 года. Текст этой статьи был полностью опубликован в яньаньской газете «Цзефанжибао» («Освобождение»). Судя по всему, остальные китайские историки на этот раз согласны с моими доводами.

К сожалению, я лишён возможности привести сегодня всю ту аргументацию, которая была мною выдвинута в этой статье, но кратко всё же изложу мои основные доводы.

В период Инь мы с достоверностью можем проследить разделение труда — отделение ремесла от земледелия. Земледельцы стали называться «чжунжэнь» или же «чжун». В первые годы династии Чжоу ещё употреблялось это наименование, а затем земледельцы стали называться «шунин» или просто «мин». Это-то как раз и были рабы в сельском хозяйстве. Но этот вид рабов, ввиду того что они были связаны с земледелием, в отличие от рабов, занятых в ремесле и торговле, пользовался относительно большей свободой. Поэтому неверны утверждения о том, что в древности под термином «жэньмин» понимались свободные люди.

Освобождение сельскохозяйственных рабов — «жэньмин» — произошло в связи с крушением системы «цзиньтянь» (государственных полей). Рабовладельцы того периода, узурпируя прибавочный труд сельскохозяйственных рабов, использовали их для обра-

ботки свободных земель вне «цзиньтянь» и превращали эти земли в свои «частные поля», или владения. Постепенно количество «частных полей» и помещиков возрастало, их стало больше, чем «общественных полей» (частная собственность по объёму стала превышать государственную), и политическая власть постепенно стала переходить из рук высших общественных слоёв — императоров и князей — к более низким, к помещикам. Так возникала феодальная система помещичьего землевладения. Этот процесс постепенно происходил в период Чуньцю и Чжаньго (VII—III вв. до н. э.).

Параллельно с изменением в способе сельскохозяйственного производства произошло изменение также и в ремесленном производстве. В период династий Инь и Чжоу людей, занятых в ремесле, называли «бай-гун». Это были толпы рабов, принадлежавших государству и занимавшихся всеми видами работ. Существовал специальный институт надсмотрщиков для наблюдения за ними. Такое положение не претерпело никаких значительных изменений до середины эпохи Чуньцю. Во времена царствования Ци Хуан-гуна его премьер-министр Гуань Чжун говорил: «Управлять рабами-ремесленниками и есть «политика» («Ремесленники, как стадо, пасутся чиновниками»).

Во времена Цинь Вень-гуна из княжества Цинь встречается такое изречение: «Ремесленники и торговцы кормятся от правительства» (т. е. правительство кормит пищей ремесленников и торговцев). Всё это достаточно ясно свидетельствует о природе ремесленников и торговцев (они тогда были рабами). Во второй год правления князя Чэнь-гун, в 589 г. до н. э., на княжество Лу напало княжество Чу, и княжество Лу отдало в качестве контрибуции рабов-ремесленников — ткачей, портных, столяров и т. д. — всего 100 человек. Эти ремесленники не имели совершенно никакой личной свободы. Начиная с последних лет существования княжества Западного Чжоу, чиновники, ведавшие работами ремесленных рабов, также присваивали себе их прибавочный труд путём производства различных предметов и проведения работ сверх установленной правительством программы. Эту продукцию они обменивали на сельскохозяйственную у вновь появившихся помещиков. Таким образом, в городах возникли частные цеховые мастерские. Создание помещичьего землевладения в сельском хозяйстве и частных мастерских ускорило развитие торговли. В период Чжань-Го в Китае было выпущено множество различных типов монет, что подтверждает высказанную выше мысль.

Все приведённые мною доводы свидетельствуют о том, что на стыке Чжоу и Цинь произошёл поворот от рабовладельческого общества к феодальному. Личь согласившись с этим, можно понять, почему этот период Чжоу — Цинь дал такой могучий подъём в области идеологии. Сейчас в Китае стало весьма популярным исследование различных философских школ эпохи Чжоу — Цинь в свете этой социально-исторической теории. Эти исследования отличаются от прежних

исследований философских школ Конфуция, Моцзя, Фацзя и др., изложенных в работах Ху Ши, Лянь Ци-чао, Фан Ю-ланя и др. Я недавно написал на эту тему сборник «Десять критических статей», но до моего отъезда из Чунцина он ещё не вышел из печати.

Наиболее видное место среди китайских историков, изучающих вопросы философии и прочие идеологические формы этого периода, занимает Хоу Вай-лу. Недавно он опубликовал свои работы «Китайское античное общество» и «История древнекитайской идеологии». Он считает, что период династий Инь и Чжоу был рабовладельческим, и в этом его взгляды совпадают с моими, но в вопросах истории идеологии этого периода между нами имеются существенные расхождения.

Я считаю, что конфуцианская школа до периода Цинь (в особенности же сам Конфуций и Мынцзы) брала за отправную точку народ. Они призывали к распространению образования среди народа, выступали против аристократических привилегий. Конфуцианцы уважали историю, искали в ней примеры, достойные подражания, использовали эти примеры для своей агитации; особенно часто обращались они к личностям императоров Яо и Шуня, популяризируя их как авторов и проводников подлинно демократической политики. Конфуцианцы провели в то время большую работу по распространению культуры и искусства среди народа.

Философская же школа «моцзя» ставила на первое место императора, властителя. К периоду «Чунью», воспользовавшись распространением среди народа религиозных верований в «верховного небесного владыку», они стали придавать издревне распространённому в Китае среди народа натуралистическим верованиям канонизированную религиозную форму. Их главными философскими терминами были: цзеньай (альтруизм) и фэйчун (пацифизм). Но альтруизм истолковывался ими не как любовь к народу, а как уважение к частной собственности и людям, ею обладавшим; он означал на практике: ты уважай мою частную собственность, а я буду уважать твою собственность. Принцип пацифизма означал: ты не должен узурпировать мою собственность, я не буду посягать на твою частную собственность. В глазах представителей философской школы «моцзя» положение народа ничем не отличалось от положения скота или земли, так как и скот, и народ, и земля в одинаковой степени являлись частной собственностью императора или князя. Эта школа была антинародной, и нет ничего удивительного, что она быстро прекратила своё существование.

Философская теория даосизма брала за основу индивидуум. Даосы требовали сохранения индивидуализма. Они выступали против религии и суеверий, и с этой точки зрения они были прогрессивны. Но в целом их доктрина была антинародной, так как имела дело с одним человеком, игнорировала общество, призывала одиночек к уходу от общества, к отшельничеству. Поэтому в их практической деятельности они ничем не от-

личались от сторонников школы «моцзя», так как считали народ глупым и возражали против распространения просвещения, культуры и искусства среди народа.

Что касается школы «фацзя», которая возникла позже, то она синтезировала философию даосизма и взгляды школы «моцзя», т. е. соединила вместе принцип индивидуализма и принцип безраздельной императорской власти. Известные представители школы «фацзя» Шэнь Бу-хай и Хань Фэй-цзы создали теорию, согласно которой индивидуальностью мог быть наделён один лишь император. Эта теория была ультраабсолютистской.

В Китае после династии Цинь-Хань каждый князь или император внешне придерживался философии конфуцианства, на деле же их философией была философией «фацзя». Помещичий класс и интеллигенция внешне также придерживались конфуцианства, в действительности же они следовали даосской доктрине. Это положение в равной мере относится и к конфуцианству Сунской и Минской эпох.

Взгляды на историю древнекитайской идеологии, высказанные мною выше, существенным образом отличаются не только от взглядов Ху Ши, Фан Ю-ланя, но и от взглядов современных историков, как Хоу Вай-лу, Фань Вень-ланя, Цзянь Бо-чжана и др. Я признаю, что моя теория может быть во многом ещё не доработана, и продолжу свою работу над ней. У Хоу Вай-лу значительно больше возможностей для изучения идеологических вопросов. Помимо работ о древнекитайской идеологии перу Хоу Вай-лу принадлежит большая работа «История современной китайской идеологии», и успехи Хоу Вай-лу в этом направлении весьма велики.

Среди вопросов, над которыми работают китайские историки, есть вопрос, привлекающий всеобщее внимание, а именно: почему период феодального общества в Китае так длителен? Почему Китай сам не смог перейти от феодализма к капитализму? Это тоже старый вопрос, но сейчас он приобрёл новую остроту. За последние несколько лет был выдвинут ряд теорий, отвечающих на этот вопрос по-разному. В связи с этим учёными-историками было начато изучение крестьянских революций, имевших место на протяжении всей китайской истории. История Китая полна непрерывными крупными крестьянскими революциями. Почему же крестьянские революции всякий раз терпели поражение, а в случае победы не изменяли социальных основ общества? Это две стороны одного и того же вопроса. Вопрос о том, почему в Китае крестьянские революции не одержали победы, и есть вопрос о том, почему в Китае феодализм не породил спонтанно капитализма.

На этот вопрос китайские историки ещё не дали определённого ответа, но большинство склоняется к следующим пяти пунктам изложенным мною.

1. Китай — большая сельскохозяйственная страна, расположенная в тёплой климатической зоне. Так как его территория была обширной, то сельскохозяйственное производство феодального строя постепенно продвиг-

гальсь с севера на юг и не могло никак исчерпать своей активности.

2. Непрерывные войны, имевшие место на всём протяжении истории Китая, наносили большой ущерб крестьянству, крестьяне погибали сотнями тысяч; как говорит древняя китайская поговорка, «кровь покрывала тысячи ли». На огромных пространствах нельзя было найти ни одного дымящегося очага, поля заросли сорняками, затем их постепенно вновь заселяли и обрабатывали теми же старыми способами.

3. Система наследования имущества препятствовала первоначальному накоплению капитала. В китайской семье не была известна система майората, все сыновья наследовали определённую долю имущества отца после его смерти. Таким образом, накопленное имущество дробилось. Поэтому-то в Китае и появилась поговорка: «Одна семья не бывает богатой в трёх поколениях». Ещё Мынцзы говорил: «Род богачей не сохранит своё богатство в течение пяти поколений». При выдаче дочерей замуж на приданое им также шла определённая доля имущества.

4. Горы и пустыни на западе Китая служили препятствием для общения Китая с Западом и мешали развитию торговых связей.

5. Соседей Китая вполне удовлетворяла его промышленная продукция, так как их

собственный уровень производства и их потребности были ещё более низкими, чем в Китае. Поэтому Китай не имел стимула для развития своей промышленности.

Вот по этим-то причинам, повидимому, китайское производство застыло, стало стабильным. Поэтому китайские крестьянские революции не могли создать нового способа производства, поэтому и идеологические надстройки — политика, культура и т. д. — также застыли. Основная причина того, что китайское общество не изменилось, заключается в том, что не изменился способ производства.

Сейчас одно из основных препятствий для развития Китая — неравноправные договоры — уничтожено.

Старый, феодальный способ производства уже давно полностью себя исчерпал и наносит вред современному обществу. Воздушные, сухопутные, морские сообщения стали достижением всего человечества, и уже нет более препятствий для торговли и промышленного развития Китая. Китай должен модернизироваться, индустриализироваться — это историческая необходимость, на которую нам указывает историческая наука. Народ проснулся. Китайская история вступает из периода «семейных хроник императоров» в период «истории народа».

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ СССР В КАЛИФОРНИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В США

За последнюю четверть века развитие исторической науки получило в США очень большой размах. Широко разрабатывается не только отечественная история, но и история зарубежных стран. Несомненный интерес проявляют американские учёные и к истории СССР, но пока ещё там очень немного сделано в этой области.

Поэтому та работа по русской истории, которая развернулась в последние годы в Калифорнийском университете, представляет для нас немалый интерес, тем более что мы имеем здесь дело с научными произведениями, объединёнными общностью тематики и единством руководящей идеи. Калифорнийские учёные ставят своей задачей дать систематическое построение нашей истории с историко-географической точки зрения¹.

Научным главою работников Калифорнийского университета, изучающих историю нашей родины, является проф. Р. Дж. Кернер, специалист по истории Восточной Европы, чл.-корр. ряда научных организаций Чехословакии, Югославии и Румынии, автор трудов по истории Чехословакии и балканских стран², а также обширных работ библиографического характера³.

Проф. Р. Дж. Кернер предпринял, как он сам об этом говорит в предисловии к его книге, попытку дать новый синтез русского исторического процесса и истолкование причин движения русского народа на восток. Эту задачу должен разрешить ряд монографий, часть из которых собирается написать сам проф. Кернер, часть — его ученики.

Проф. Кернер пока опубликовал первую из намеченных им монографий, которая должна служить кратким предварительным из-

ложением некоторой части его основных идей. Её заглавие — «Стремление к морю. Курс русской истории. Роль, рек, волоков, острогов, монастырей и мехов»⁴. Автор посвящает книгу «памяти Сергея Михайловича Соловьёва, блестящего русского историка, который первый подчеркнул историческую значимость факторов, изучаемых в данной работе»⁵.

Из трудов учеников проф. Кернера мы располагаем двумя монографиями, напечатанными в 1943 г.: Ланцева Г. В. «Сибирь в XVII в. Очерк колониальной администрации»⁶ и Фишера Р. Г. «Русская торговля мехами в 1560—1700 гг.»⁷. Исследования проф. Кернера и его учеников изданы Калифорнийским университетом.

Книга проф. Кернера состоит из шести глав основного исследования, шести приложений и двадцати карт. В предисловии к своему труду автор кратко формулирует задачи работы. «Для историков, а в сущности, и для большинства специалистов по социальным наукам, — пишет он, — расширение (expansion) России и создание русским народом обширной Евразийской империи является историческим процессом большой важности. Какие силы, географические или экономические, политические или социальные, материальные или духовные, действовали в том стремлении к морю, которое было основным (prime) фактором русской экспансии на пространстве трёх материков? При помощи ка-

⁴ «The Urge to the Sea. The Course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs» by Robert J. Kerner. University of California Press. Berkeley — Los Angeles.

⁵ Посвящение на особом листе. Непонятно, почему проф. Кернер полагает, что С. М. Соловьёву осталась неизвестной работа Холаковского «Пути сообщения в древней России». У Соловьёва есть ссылка на эту работу (см. «История России». Т. I, стр. 16, 2-е изд. т-ва «Общественная польза»).

⁶ «Siberia in the Seventeenth Century. A Study in Colonial Administration» by George V. Lantzeff. University California Publ. History, Vol. 30, Berkeley — Los Angeles. 1943.

⁷ «The Russian Fur Trade, 1550—1700» by Raymond H. Fisher. University California Publ. History. Vol. 31, p. 275, Berkeley — Los Angeles. 1943.

¹ О постановке данной проблемы в нашей литературе см. Яцунский В. Предмет и задачи исторической географии. «Историк-марксист» № 5 за 1941 г., стр. 14—15.

² «The Yugoslav Movement». 1918. «Social Sciences in the Balkans and Turkey». 1930. «Bohemia in the 18 Century». 1932. «The Balkan Conferences and the Balkan Entente». 1935 (в соавторстве с Н. Howard).

³ «The Foundations of Slavic Bibliography». 1916; «Slavic Europe (Selected Bibliography)». 1918; «Russian Expansion to America, its Bibliographical Foundations». «The Papers of the Bibliographical Society of America». Vol. XXV. 1931; «Northeastern Asia. Selected Bibliography». 1939.

ких средств и какими путями эти силы действовали? И что они несут для будущего, если их активность получила направление? Эти и многие другие вопросы возникают, если мы рассматриваем данную проблему и длительной перспективе.

Правильные ответы на эти вопросы дал бы много для понимания не только всего хода русской истории, но, возможно, также и истории Европы и Азии. В данной монографии анализируется значение рек, волоков, острогов, монастырей и торговли мехами, указывается их относительная роль в этом полном интереса историческом процессе. Здесь география и история, экономика и политика, религия и социальная жизнь были только составными частями или помощниками одной могущественной силы, которая влекла народ от истоков больших рек к величественным морям, в которые они впадают».

Автор, далее, указывает, что перечисленные им факторы «составляли ведущую силу и механизм экспансии». Он утверждает также, что «изучение этих факторов в русской истории с самых ранних времён указывает, что они действовали на всём протяжении исторического развития России и во всех направлениях к морям».

В первой, вводной главе автор даёт краткую характеристику Валдайской возвышенности как района, где сходятся истоки главных рек русской равнины. Проф. Кернер указывает далее, что верховья рек бассейнов Камы и Печоры сближаются с верховьями рек бассейна Оби, и таким образом, принимая во внимание волоки, получается самая большая в мире сеть речных путей. Валдайский район является как бы «главным волоком мира» («the key portage of the World»).

Изложение данной темы иллюстрируется двумя картами. На первой из них, названной автором «ключевой» картой («key map») русской системы рек и волоков, дана схема главных рек и основных волоков между ними европейской и азиатской частей СССР. Вторая карта даёт детальную картину речных путей и волоков Валдайской возвышенности и прилегающих к ней районов. «Последовательное владичество над этим (т. е. Валдайским) районом, который включает в себя истоки Волги, Днепра, Западной Двины и Ловати, скандинавов, Киевского государства, Новгорода и Московского государства, — пишет автор, — открыло его обладателям тайну господства над Восточной Европой. Говоря коротко, эта тайна заключается в господстве над речными системами и контроле над волоками между ними при помощи острогов и укрепленных монастырей».

Из товаров, передвигающихся по этим путям, по мнению проф. Кернера, в течение ряда веков наиболее крупное значение имели меха.

«Валдайская возвышенность, на которой эти большие реки берут своё начало, — говорит автор, заканчивая вводную главу, — играла в судьбах Восточной Европы и Азии совершенно исключительную роль (a role

beyond all imagination). Отсюда шло русское стремление к морю. Здесь зародилась русская колониальная экспансия. Отсюда пошла Русская империя, которая одно время простиралась на протяжении трёх материков».

Вторая глава посвящена пути «из варяг в греки» и так называемому киевскому периоду нашей истории с небольшими экскурсами в историю XIII столетия, а частично и в историю более позднего времени. Вместе с описанием пути «из варяг в греки» автор приводит картину этого пути. Проф. Кернер указывает здесь, что в этом периоде нашей истории реки были основными путями восточнославянской колонизации, а водоразделы между реками и озёрами обычно играли роль территориальных и политических рубежей, «были, так сказать, горами на обширных равнинах России» (стр. 15). Интересно отметить, что такой выдающийся знаток исторической географии нашей родины, как покойный акад. М. К. Любавский, оспаривая традиционное мнение историков об отсутствии в большей части нашей страны естественных преград, разоблачивших население, очень убедительно показал, что в домонгольский период нашей истории население размещалось вдоль рек оазисами среди труднопроходимых лесов и болот. «Наши дремучие леса и болотные трясины, тянувшиеся по водоразделам, или, как говорилось в старину, волокам, в не меньшей степени разоблачали различные группы русского населения, раскидавшиеся по стране, чем делали это пресловутые греческие горы с населением их долин», — говорит М. Любавский в своём «Курсе исторической географии России»¹, читанном им в Московском университете в 1908—1909 году.

Р. Дж. Кернер останавливается также на борьбе за волоки и на совместном владении волоками Новгорода и Твери.

Особое внимание автор уделяет роли Смоленска на пути «из варяг в греки» и экономической характеристике этого города. Белло проследив исторические судьбы пути «из варяг в греки», автор приходит к выводу, что роль этого пути в истории Киевской Руси была исключительно велика. С X по XIII в. он был, по мнению проф. Кернера, основной торговой артерией Восточной Европы. Внешняя торговля, основным предметом которой были меха, и стратегическое значение пути «из варяг в греки» определяли ход русской истории в течение четырёх столетий. Главные города Киевской Руси возникли как укрепленные остроги на этом пути. Этот путь был главной осью Киевского государства. Когда в XII, а в особенности в начале XIII в., после четвертого крестового похода, в связи с упадком торгового значения Константинополя и перемещением торговых путей, эта ось сломалась, Киевское государство распалось. Разрушение Киева татарами в 1240 г. завер-

¹ Литографированное издание Общества взаимопомощи студентов-филологов, стр. 86.

шило судьбу южной части великого водного пути.

Однако, говоря о распаде Киевского государства, проф. Кернер совершенно не касается внутренних экономических и социальных причин, которые, по мнению исследователей, писавших на эту тему ещё до Октябрьской социалистической революции, играли решающую роль в упадке Киевской Руси. В нашей современной научной литературе эти вопросы детально разработаны, например, в известном труде акад. Б. Д. Грекова «Киевская Русь».

Непонятным недоразумением данной главы является фраза автора: «Смоленск и Новгород сделали членами Ганзейского союза» (стр. 21).

Третья глава посвящена новгородской колонизации и новгородской внешней торговле. Р. Дж. Кернер указывает, что из Новгорода выходило значительное количество колонистов ещё во времена Киевского государства: «В девятом, десятом, одиннадцатом и двенадцатом столетиях его богатые бояре, смелые купцы и крестьяне начинают проникать в соседние районы в двух направлениях: на северо-восток и на юго-восток» (стр. 26). На северо-восток шли за мехами. Новгородская экспансия в этом направлении сделала Новгород центром меховой торговли Европы. Новгород монополично распоряжался пушными богатствами не только своей территории, но и всей России. Автор называет новгородские владения империей, построенной «на мехах» при помощи «использования рек и волоков».

Описание этих рек и волоков сопровождается картой торговых путей новгородцев на северо-восток (до Оби включительно) с указанием рек, волоков, городов и некоторых монастырей. Автор описывает также пути из Новгорода в Верхнее Поволжье, подчёркивает потребность Новгорода в привозном хлебе, описывает конфликты Новгорода с низовыми князьями, борьбу с ними за Двинскую землю. Описание этой борьбы иллюстрируется картой.

Четвёртая глава является центральной в книге. Она посвящена возникновению и росту Московского княжества, территориальному расширению Московского государства и в конечном итоге к завоеванию Россией берегов Балтийского и Чёрного морей в XVIII веке. Автор начинает с характеристики стратегического положения Москвы, указывая, что она расположена «в сердце русского Двуречья», и подчёркивая её положение в системе водных путей. Потом он переходит к описанию территориального роста Московского княжества. Он опирается здесь на данные наших летописей, истолковывая их материал в духе взглядов В. О. Ключевского и отчасти А. Е. Преснякова. Судя по характеру изложения и по отсутствию ссылок на М. К. Любавского, ценный труд последнего «Образование основной государственной территории Великорусской народности. Заселение и объединение центра», повидимому, остался Р. Дж. Кернеру неизвестным. Далее автор описывает утверждение москов-

ского владительства на пространстве от Каспийского до Балтийского морей.

О завоевании Казанского и Астраханского ханств Р. Дж. Кернер говорит бегло, сосредоточив внимание на присоединении Новгорода и на борьбе за обладание побережьем Балтийского моря. Он использует здесь не только данные наших исторических источников и научной литературы (в особенности труды Г. В. Форстена, ценность которых он отмечает в примечании), но и работы шведских учёных.

Автор, в частности, стремится проследить использование водных путей и волоков русскими в Северной войне 1700—1721 годов. На специальной карте он сопоставляет русско-шведские границы 1618, 1721, 1743 гг. и советско-финские границы 1920 и 1940 годов. Он отмечает почти полное совпадение русско-шведской границы, которую удалось установить в 1721 г. Петру Великому, «с новой границей, установленной в 1940 г. между Советской Россией и Финляндией» (стр. 53). Границу, проведённую в 1721 г., он считает доказательством понимания Петром Великим проблемы безопасности России в данном районе.

Опираясь на территорию от Каспийского до Балтийского моря, Россия, по мнению Р. Дж. Кернера, была в состоянии построить империю, протянувшуюся через три материка.

Рассмотрение процесса дальнейшего территориального роста России (он называет это превращением России в мировую империю) автор начинает с изучения продвижения России к Чёрному морю.

Указав вкратце, что наступление на степь было для русского народа жизненной необходимостью, так как оно было средством защиты от татарских набегов и кроме того делало возможным освоение плодородных земель, Р. Дж. Кернер сначала даёт характеристику татарских шляхов, а потом переходит к описанию тех укреплённых линий, которые строило Московское государство.

Исходя из своих руководящих идей, автор останавливается здесь на роли рек, как оборонительных рубежей, и речных водоразделов, как мест, по которым шли татарские дороги на Русь и которые московское правительство старалось преградить острогами. Мельком он упоминает и о засаках между острогами. Укреплённые линии на южной окраине Московского государства XVI в. описаны по В. О. Ключевскому и по атласу Кудряшёва. Книга А. И. Яковлева «Засечная черта в Московском государстве XVII века» осталась неиспользованной автором.

Создание линий передовых крепостей от Алатыря до Путивля, которую В. О. Ключевский называет построенной в царствование Грозного второй линией обороны, проф. Кернер ошибочно считает результатом работ комиссии боярина князя М. И. Воротынского и даёт ей имя «линии обороны 1571 г.».

Из укреплённых линий XVII в. описана белгородская черта (без употребления самого названия). О продвижении к Чёрному морю в XVIII в. сказано очень бегло.

Заканчивается четвёртая глава анализом продвижения Московского государства к Тихому океану. Начиная рассмотрение завоевания Сибири, Р. Дж. Кернер подчёркивает, что здесь историк встречается с теми же основными элементами, которые он уже мог наблюдать в истории Европейской России, — реками, волоками, острогами, монастырями и мехами. «Сибирь с её совокупностью речных бассейнов и лёгкими волоками от притоков Печоры и Камы в Европу через Обь, Енисей, Лену и Амур к Тихому океану, — говорит Р. Дж. Кернер, — представляла чрезвычайно благоприятную обстановку для приложения некоего опыта. Сибирь до сих пор остаётся самым большим в мире источником снабжения мехами. Здесь более отчётливо, чем в Европейской России, мы видим, что продвижение вперёд было результатом относительного истощения пушных богатств в легкодоступных местах. Степень истощения определяла быстроту экспансии. Торговля сибирскими мехами в шестнадцатом и семнадцатом столетиях, как мы знаем, была одним из самых лучших источников дохода русского государства и наиболее крупной статей в его внешней торговле» (стр. 67).

Опираясь на материал источников и данные нашей научной литературы, Р. Дж. Кернер прослеживает ход завоевания Сибири, тщательно отмечая реки и волоки, по которым двигались казаки и войска, остроги и зимовья, которые они ставили. Продвижение русских в Сибирь иллюстрирует четыре карты: бассейнов Оби, Енисея, Лены и Амра. На картах указаны пути продвижения русских, основанные ими остроги, зимовья, монастыри. Автор говорит и о путешествии Дежнева, присоединяясь к критическим замечаниям Л. С. Берга¹, показавшего ошибочность взглядов американского учёного Ф. А. Гольдера на роль Дежнева².

Автор отмечает роль правительственных распоряжений и частной инициативы промышленников и служилых людей в деле завоевания Сибири, говорит о сборе ясака, о торговле мехами и политике московского правительства по отношению к туземцам. В нескольких словах он касается роли духовенства и монастырей в Сибири в период завоевания, замечая при этом, что «роль русской православной церкви и её монастырей в истории русской экспансии, особенно в экономическом и военном отношениях, до сих пор ждёт тщательного исследования» (стр. 86). Роль монастырей в колонизации севера и северо-востока Европейской России неоднократно отмечалась нашими историками (В. О. Ключевским, С. Ф. Платоновым, М. М. Богословским и др.). М. К. Любавский в своём курсе «Исторической географии России в связи с колонизацией» отводит специ-

альные главы колонизационной деятельности монастырей, но это, конечно, лишь главы лекционного курса. Научному исследованию подверглась колонизационная деятельность отдельных крупных монастырей, например Кирилло-Белозерского³, Соловецкого⁴, по специальной сводной работы на эту тему не опубликовано. На военное значение русских монастырей обратил внимание историк проф. И. И. Полосин докладом «Монастырские походы Ивана Грозного. Страницы из военной истории монастырей и военно-оборонной политики московского правительства XVI века», прочитанным в марте 1921 г. в историческом обществе при Московском университете⁵. Таким образом, данные замечания Р. Дж. Кернера являются правильными. В конце главы содержится несколько замечаний о русских колониях в Северной Америке.

Пятая глава, очень небольшая по объёму, посвящена путям сообщения XIX—XX вв., главным образом каналам. «Каналы, железные дороги, грунтовые большие дороги, по мнению автора, подчёркивают важность факторов, которые были предметом анализа в предшествующих главах этого труда. Можно считать установленным, что, как правило, железные дороги прошли вдоль рек и по водам, что каналы обычно прорезали волоки и что много важных дорожных артерий как древних, так и новых были проложены вдоль водоразделов на волоках» (стр. 89).

Для доказательств этого тезиса Р. Дж. Кернер прослеживает строительство каналов в нашей стране, начиная с постройки Вышневолоцкого канала при Петре Великом и кончая строительством каналов Беломорско-Балтийского и Москва—Волга в годы сталинских пятилеток.

Для железных дорог Р. Дж. Кернер ограничивается несколькими примерами. Он указывает, что линия Москва—Смоленск проложена вдоль старой смоленской дороги, которая в свою очередь прошла через главные волоки между этими городами, что железные дороги Москва—Ленинград и Москва—Ржев прошли через древние волоки — Вышний Волочёк и Волоколамск. Даже Сибирскую дорогу он считает проходящей через волоки между сибирскими реками.

В шестой главе автор кратко излагает основные выводы своего труда. В основном они совпадают с положениями, развитыми им в предисловии. Несмотря на смену на тер-

³ Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397—1625). СПб. 1897—1910.

⁴ Ключевский В. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае; Савич А. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь. 1927.

⁵ Ещё в 1858 г. Ласковский отметил военное значение стен Соловецкого, Печерского и Троице-Сергиева монастырей. «Материалы для истории инженерного искусства в России». Т. I, стр. 133. Доклад И. И. Полосина остался ненапечатанным.

¹ См. Берг Л. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742 гг. Л. 1935.

² Golder F. Russian Expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland. 1914. Гольдер отрицал открытие Дежневым пролива между Азией и Америкой. Л. Берг показал ошибочность его аргументов.

ритории России различных типов общества, указывает Р. Дж. Кернер, через всю более чем тысячулетнюю историю страны проходит один процесс, «элементами которого являются народ, реки и волоки, остроги, монастыри и меха». Каналы, железные и автомобильные дороги прошли по направлениям, ранее намеченным реками и волоками. Своё выражение этот процесс находит в стремлении к миру. Взаимодействие природы и человека выковало на территории страны постоянно действующие силы, которые «создают её географическое, экономическое и функциональное единство».

Заканчивая своё изложение, автор подчёркивает, что он не претендует на объяснение всего русского исторического процесса, но полагает, что его анализ помогает многое понять в ходе русской истории.

Первое приложение представляет собой весьма подробный, на 45 страницах, тщательно составленный список важнейших русских речных систем и их волоков. Список составлен на основании трудов ряда историков, в особенности работ Н. П. Барсова, С. В. Бахрушина, Д. Ходаковского, а отчасти по данным первоисточников.

К сожалению, автору, очевидно, остался неизвестным весьма важный в данном случае труд Н. П. Загоскина «Русские водные пути и судовое дело в допетровской России» с приложением атласа карт. Как текст исследования, так и карты Н. П. Загоскина дают очень много материала о водных путях России с древнейших времён до XVII в. включительно. Отсутствуют в списке также ссылки на книгу Большого чертежа.

Во втором, третьем и четвёртом приложениях даны переводы на английский язык некоторых связанных с темой автора исторических документов. Пятое приложение представляет собой «список более значительных монастырей в их отношении к речным системам и острогам». Судя по многочисленным ссылкам, автор потратил очень много труда на составление этого списка. Однако если бы он использовал фундаментальный труд В. В. Зверинского «Материалы для историко-топографического исследования православных монастырей в Российской империи», работа могла бы быть выполнена с минимальной затратой времени и с любой степенью полноты. Могла бы быть полезной в данном случае и работа Л. Н. Денисова «Православные монастыри Российской империи» (с картой монастырей).

В шестом приложении дан список значительных сибирских острогов. Список составлен по работам историков Сибири, в особенности С. В. Бахрушина, Г. Ф. Миллера, И. Э. Фишера и В. И. Огородникова, отчасти по данным первоисточников.

Работы учеников проф. Кернера — Р. Г. Фишера и Г. В. Ланцева¹ — посвящены разработке отдельных, частных вопросов нашей истории, изучение которых важно с точки зрения дальнейшей разработки выдвинутой проф. Кернером концепции, полностью разделяемой обоими. По содержанию эти рабо-

ты имеют много общего и часто являются как бы взаимодополняющими одна другую некоторые проблемы, кратко рассмотренные Р. Г. Фишером, подробно изучаются Г. В. Ланцевым, и наоборот. Источники и литература, привлечённые обоими авторами, тоже имеют в себе много общего.

Авторами привлечены как дореволюционные издания актов («Акты исторические» и «Дополнения» к ним, «Русская историческая библиотека» «Акты археографической экспедиции», собрание Государственных грамот и договоров, Полное собрание законов и др.), так и советские публикации (например «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.» и др.).

Оба автора, в особенности Г. В. Ланцев, чрезвычайно широко используют как источник те краткие пересказы содержания некоторых документов, которые имеются в известном «Обзрении столбцов и книг Сибирского приказа» Н. Н. Оглобина.

Приложенные к обоим книгам указатели использованных источников показывают, что литература темы их в основном известна. Пробелов можно указать немного. Вот несколько примеров. Из библиографических пособий авторам, повидимому, остались неизвестными «Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI—XVIII вв.», изданные Академией наук СССР в 1933 году.

Вероятно, в силу условий военного времени не успел дойти до США ценный источниковедческий труд А. И. Андреева «Очерки по источниковедению Сибири XVII века», напечатанный в 1943 году. Авторы высоко ценят труды С. В. Бахрушина, которого С. Фишер характеризует как «one of the foremost present day historians of Siberia»² (стр. 242), но не все статьи С. В. Бахрушина по истории Сибири вошли в списки использованной авторами литературы.

Книга Р. Фишера изучает историю нашего пушного дела и торговли мехами за полтора века (1550—1700)³, но первая глава книги посвящена «ранней русской торговле мехами» — от времён Киевской Руси до XVI века. Эта глава должна служить введением к основному исследованию. Ряд положений этой небольшой главы, повидимому, сложился у автора под влиянием взглядов наших историков конца XIX в., взглядов, ныне уже устаревших. Положения эти высказаны автором, возможно в силу краткости изложения, в категорической и несколько упрощённой форме, вследствие чего они особен-

² «Одного из самых выдающихся современных историков Сибири».

³ Р. Г. Фишер указывает, что ему известны две работы, посвящённые истории русской меховой торговли: очерк Н. Ф. Яницкого о «Торговля пушным товаром в XVII веке» («Киевские университетские известия» № 97 за 1912 г.) и книга Klein'a «Der Sibirische Pelzhandel». Кроме названных работ можно указать ещё отдел, посвящённый истории русской меховой торговли («Geschichte des Russischen Rauchwarenhandels» в первом томе сочинения Brass Emil «Aus dem Reiche der Pelze», 2. Aufl. Berlin. 1925).

¹ Названия работ см. выше.

но противоречит современным воззрениям наших учёных. Так, срезывая экономику Северо-восточной Руси XIII и последующих столетий с хозяйством Киевской Руси предшествующего периода, автор пишет: «Не обладая более избытком мехов, русские перешли от менового хозяйства к земледелию и к отсутствующему ему феодализму, чтобы иметь средства существования» (стр. 3). Это высказывание явно представляет собой сильно упрощённый и несколько модифицированный пересказ взгляда В. О. Ключевского на различие между «Русью Днепровского, городского, торгового» и «Русью Верхневолжской, удельно-княжеской, вольно-земледельческой». Модернизация здесь выразилась в замене понятия «вольное земледельческий» понятием «феодально-земледельческий».

Соображения автора об исторической роли истощения пушных ресурсов района Днепра также нельзя признать правильными. «Основной экономической жизни Новгорода» Р. Фишер считает «хищническую эксплуатацию промысловых угодий» (*the exhausting exploitation of natural resources*) (стр. 4). Такого рода эксплуатация, конечно, играла очень крупную роль в народном хозяйстве Новгорода, питала его внешнюю торговлю с Ганзой, но основой экономической жизни населения новгородских пятин, этой коренной новгородской территории, где была сосредоточена главная масса жителей Новгородской республики, было, конечно, сельское хозяйство. Новгородские писцовые книги ясно показывают это.

Говоря о мехах как денежных знаках, автор, повидимому, не представляет себе всей спорности этого вопроса. Вполне понятно, что молодой учёный, недостаточно опытный в исследовании сложных проблем истории отдалённой страны, допустил ряд погрешностей в вопросах, лежавших вне его непосредственной темы. Остальные главы его работы написаны на значительно более высоком уровне.

Вторая глава под заглавием «Торговля мехами и открытие Сибири» начинается сопоставлением западноевропейской колониальной экспансии XVI в. с русской колониальной экспансией в Сибири. Ту роль стимула к колониальной экспансии, которую для Испании XVI в. играли драгоценные металлы, для России того же времени, по мнению автора, играли меха.

В завоевании Сибири автор видит в то же время продолжение старого колонизационного движения русского народа. Основное содержание данной главы состоит в изложении сношений русских с Сибирью до завоевания, в описании роста русской торговли мехами в XVI в. и характеристике экономической деятельности Строгановых.

В третьей главе говорится о завоевании Сибири и продвижении русских по её территории. Указывая, что продвижение русских в Сибирь вызвано не только стремлением государства и частных лиц к приобретению мехов, но и другими причинами, в частности усилением крепостничества в центре страны, которое выталкивало крестьян на окраи-

ны, автор подчёркивает, что меха всё же играли ведущую роль.

Между прочим, автор считает, что способ завоевания Сибири не является её исторической особенностью. Большая часть Соединённых Штатов и Канады были исследованы и покорены европейцами подобным же образом. Основное различие заключается в том, что русское правительство взимало с туземцев подати мехами, чего не было в Америке.

Ссылаясь на Р. Дж. Кернера, автор подчёркивает, что продвижение русских в глубь Сибири совершалось по рекам и волокам, а их власть над страной закреплялась при помощи постройки острогов в стратегически важных пунктах. Эти остроги служили также центрами сбора мехов государством.

Последующие главы (с IV по XI включительно), занимающие большую часть книги (стр. 78—230), посвящены меховой торговле Московского государства. Автор начинает с указания той ведущей роли, которую играло в меховой торговле правительство. Стремясь объяснить это, он прибегает, между прочим, к рискованному утверждению, что «не существовало разницы между царём как правителем и царём как торговцем» (стр. 48).

Р. Г. Фишер и посвящает своё основное внимание государственной торговле мехами и мероприятиям государства, связанным с этим меховым делом. Прежде всего он даёт характеристику тех каналов, по которым московское правительство получало меха, т. е. ясак, способов его раскладки и взимания, поминок, десятины, взимаемой с русских промышленников, приобретения правительства мехов покупкою.

В связи с этими вопросами автор отводит отдельную главу тем мероприятиям правительства, при помощи которых оно стремилось обеспечить поступление мехов в казну в достаточном количестве. Здесь он характеризует политику правительства по отношению к туземцам, излагает правительственные постановления, регулировавшие деятельность русских промышленников и торговцев, описывает мероприятия правительства по борьбе с разного рода злоупотреблениями со стороны администрации, собиравшей ясак.

Особо останавливается Р. Г. Фишер на истощении пушных ресурсов Сибири в XVII в., исследуя причины этого явления, его темпы и размеры.

Изучая доход московского правительства от эксплуатации сибирских пушных богатств, автор собрал цифровой материал как из литературных источников, так и из данных документов, частично прибег даже к приблизительным исчислениям. Получилась интересная сводка. По данным автора, до середины XVII в. пушной доход правительства возрастал, в середине века рост его остановился, а в последнем десятилетии доход начал уменьшаться. Главным источником получения мехов был ясак (от 65 до 80%), второе место занимала десятина (15—30%), на остальные источники приходилось не более 5%.

Роль пушного дохода в государственном бюджете с 3,75% в конце XVI в. увеличилась до 7—10% в XVII веке. С ростом бюд-

жета при Петре Великом она сразу же упала, составив 2,5% в 1701 году¹.

Сопоставляя весь доход, получаемый в Сибири как мехами, так и деньгами, с расходами правительства в Сибири, Р. Г. Фишер приходит к выводу, что Сибирь не только вполне покрывала производимые в ней расходы, но и давала значительную прибыль в московский бюджет.

Р. Г. Фишер подробно говорит о способах реализации мехов правительством и о разнообразном их использовании для целей неторгового характера, в качестве подарков при дипломатических сношениях с иностранными государствами, для наград внутри страны, на жалованье служилым людям и т. п.

Специальная глава посвящена частной торговле мехами. Автор выясняет категории лиц, занятых в меховой торговле, способы приобретения ими мехов, пути торговли мехами, даёт подробную характеристику торговых центров в Московском государстве, сопровождая её специальной картой путей и центров меховой торговли.

В оценке роли в пушной торговле Великого Устюга и Соли Вычегодской автор следует К. В. Базилевичу². Недавно опубликованная посмертная работа И. С. Макарова о пушном рынке Соли Вычегодской в XVIII в.³, как вышедшая в 1945 г., конечно, не могла быть им использована. Р. Г. Фишер описывает, далее, как перевозились меха, и определяет тем самым скорость оборота капитала в меховой торговле. Сопоставляя объём государственной торговли мехами с размерами «десятой пошлины» с мехов, автор приходит к выводу, что по своему объёму частная торговля мехами значительно превосходила государственную.

С большим вниманием останавливается Р. Г. Фишер на вывозе мехов из России, посвящая отдельные главы экспорту в Европу и в Азию. Он, между прочим, привлёк немецкую литературу и изучил роль русских мехов на ярмарках Лейпцига в XVII веке.

В последней, заключительной главе Р. Г. Фишер даёт оценку значения пушного дела в историческом развитии России. Подобно первой, вводной главе и в противоположность основным эта глава не всегда опирается на источники, и далеко не все её положения соответствуют историческим фактам.

Р. Г. Фишер повторяет здесь высказанные им в первой главе неправильные утверждения об охоте, как основном занятии населения Киевской и Новгородской Руси. Он ут-

верждает, далее, что только в период господства Москвы пушное дело уступило сельскому хозяйству первое место в экономической деятельности русского народа, сохраняя второе место в народном хозяйстве страны вплоть до конца XVII века.

Цифровые данные для определения удельного веса мехов в экспорте Московского государства XVII в. в Западную Европу мы имеем в «Донесениях» де Родеса⁴.

В других источниках мы имеем лишь описательный материал для характеристики отдельных статей русского вывоза XVII века. «Донесение» де Родеса датировано 1653 г. и даёт данные по вывозу через Архангельск. Таким образом, цифры относятся к десятилетиям, когда пушное дело в Сибири было в расцвете, и следовательно, у нас нет оснований предполагать, что данные де Родеса преуменьшают вывоз мехов. По этим данным, на долю мехов падает 8,4% всего архангельского экспорта. По размерам экспорта меха очень сильно уступают коже (31,8%), немного — салу (10%) и поташу (10,3%). Продукты земледелия и скотоводства в сумме составляют свыше 70% всего вывоза.

В торговле с Ираном⁵ и Китаем роль мехов гораздо больше, но самые размеры вывоза мехов в эти страны значительно меньше, чем в Западную Европу.

Кроме данных об экспорте мехов Р. Г. Фишер приводит лишь данные де Родеса по вывозу кожи, опуская остальной его материал. При помощи очень краткой аргументации он пытается доказать, что вывоз мехов играл ведущую роль в русском экспорте XVI—XVII веков. Цифры де Родеса очень хорошо согласуются как с остальными источниками описательного характера о внешней торговле Московского государства, так и со всем, что мы знаем о характере его народного хозяйства⁶. Все эти данные противоречат утверждению о ведущей роли мехов во внешней торговле Московского государства.

Пушное дело, по мнению Р. Г. Фишера, имело также крупное значение для внутренней жизни Московского государства: оно способствовало росту торговли, и им было вызвано завоевание Сибири.

Эти утверждения, конечно, вряд ли можно оспаривать, хотя всё же роль торговли мехами для роста московской торговой буржуазии не надо преувеличивать.

⁴ Курц Б. Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям де Родеса. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете». Кн. 2-я. 1915.

⁵ См. «Русская историческая библиотека». Т. XXIII.

⁶ Не надо забывать, что экспортируемые в XVII в. меха были главным образом сибирского происхождения, а остальной вывоз составляли продукты Европейской России. Население Сибири по сравнению с населением Московского государства было очень невелико. Это, с одной стороны, показывает значение Сибири, а с другой стороны, подчёркивает сельскохозяйственный характер экономики Московского государства.

¹ Из производимых Р. Г. Фишером прикладок роли пушного дохода в общей системе государственных доходов более обоснованными являются исчисления (для 1680 г. — 6,8% и 1701 г. — 2,5%), основанные на данных Милюкова («Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформы Петра Великого») о бюджетах 1680 и 1701 годов.

² Базилевич К. Торговля Великого Устюга в половине XVII в. «Учёные записки» Института истории РАНИОН. Т. IV. М. 1929.

³ «Исторические записки» № 14 за 1945 г. М.

Книга Г. В. Ланцева, как он сам указывает в предисловии, имеет своей задачей «показать организацию ранней русской колониальной администрации и политику центральной власти и местной власти в Сибири». Он начинает своё исследование с характеристики Сибирского приказа, описывая его возникновение, функции, его положение в системе органов московского правительства, политику приказа в сибирских делах.

Далее, автор исследует организацию административно-территориального деления Сибири, уделяя особое внимание сибирским разрядам. Г. В. Ланцев, между прочим, отвергает признание за Тобольском роли столицы Сибири XVII века. Статья С. В. Бахрушина «Воеводы Тобольского разряда в XVII в.»¹, где приведены документальные данные, доказывающие, что власть тобольского воеводы распространялась за пределами Тобольского разряда, повидимому, осталась Г. В. Ланцеву неизвестной. Ряд глав посвящён автором характеристике сибирской администрации. Начиная с воевод, автор описывает должности сибирской администрации, порядок их замещения, служебные обязанности и фактическое их выполнение. Подробно говорит он здесь о категориях служилых людей в Сибири, описывает их положение, рассказывает о волнениях сибирских служилых людей. Между прочим, он резко возражает против той односторонне отрицательной характеристики, которую даёт сибирским служилым людям Ф. А. Гольдер, первый американский учёный, занявшийся изучением истории Сибири.²

Характеристике системы управления туземцами автор предпосылает описание методов завоевания русскими Сибири. Ссылаясь на книгу Р. Дж. Кернера, он подчёркивает роль рек, по которым продвигались русские, и острогов, при помощи которых они закрепляли свою власть над туземцами.

Описывая организацию управления туземным населением, Г. В. Ланцев останавливается на отношении русской власти к верховному туземному обществу, на системе заложинок, выясняет отношение правительства к обращению туземцев в холопство служилыми людьми, к крещению туземцев. Автор доказывает, что центральное московское правительство, стремясь к охране туземцев как плательщиков ясака, относилось к ним в общем доброжелательно и покровительственно, стараясь бороться с злоупотреблениями местной администрации. Отношение же к туземцам местной власти, руководившей чаще своими личными интересами, далеко не всегда соответствовало инструкциям центра.

Большим вниманием автора пользуется финансовое хозяйство Сибири XVII века. Он анализирует состав финансовой администрации в Сибири, принципы обложения туземцев ясаком, его величину, технику его раскладки и взимания. Он изучает также обложение

русского населения, в особенности интересуясь таможенными сборами.

Автор вносит поправку к утверждению П. А. Словцова³ о том, что в Сибири не взимались ямские и полонянные деньги. «Упоминание о ямских деньгах», — говорит он, — встречается в некоторых документах.

Автор говорит также о государственной торговле, в частности о торговле вином, и о других сторонах хозяйственной деятельности сибирской администрации. Не оставлены в стороне и расходы правительства в Сибири.

Заканчивая главу о финансах, автор приходит к выводу, что точные данные о доходах, которые давала Сибирь московскому правительству, можно получить только путём дальнейшего архивного исследования.

Заселение Сибири русскими автор исследует с точки зрения своей темы, почему соответствующая глава его работы и носит название «Государственная колонизация Сибири». Автор исследует здесь правительственные мероприятия по сельскохозяйственной и несельскохозяйственной колонизации Сибири. В начале главы высказано несколько общих соображений о ходе русской колонизации. Г. В. Ланцев развивает ту мысль, что до усиления Москвы колонизация русскими восточноевропейской равнины развивалась, в особенности велика была деятельность Новгородской республики по колонизации северо-востока. Образование и рост Московского государства с его централизаторской политикой задержали население на старых местах; открытие Сибири вновь оживило колонизационное движение.

С изложенной мыслью Г. В. Ланцева нельзя согласиться: в XVI—XVII вв. колонизационное движение русского и украинского народов на юг и юго-восток в пределах Европы было, конечно, гораздо больше по своим размерам, чем движение русских в Сибирь, и началось движение на юг и юго-восток раньше, чем в Сибирь.

Последняя проблема, которую подвергает исследованию автор, — это церковь в Сибири. Автор подробно рассматривает как отдельные стороны её деятельности, так и взаимоотношения органов светской власти и духовенства в Сибири.

Автор высоко оценивает деятельность церкви в Сибири, считая, что она содействовала завоеванию, организации управления и заселению страны, а также сдерживала злоупотребления местной администрации.

Насколько соответствует историческим фактам общая концепция проф. Кернера, изложенная выше, и как оценивать с научной точки зрения его книгу и книги его учеников?

Несмотря на то что книга Р. Дж. Кернера имеет подзаголовок «Курс русской истории», изложенное мной выше введение, где автор кратко формулирует свои основные положения, и самое содержание книги ясно показывают, что курсом нашей истории она не является. Автор не ставил себе цели дать в данной книге характеристику развития русского исторического процесса: его цели значительно уже.

¹ Напечатана в «Учёных записках» Института истории РАН. Т. II. М. 1927.

² Golder F. Russian Expansion on the Pacific 1641—1850.

³ Словцов П. Историческое обозрение Сибири. Т. I, стр. 153. 1886.

Основная задача, которую ставил себе проф. Р. Дж. Кернер, — это объяснить, почему и каким образом русский народ создал обширное государство, раскинувшееся на пространстве двух материков — Европы и Азии. Подзаголовок — «Курс русской истории», — очевидно, поставлен, чтобы подчеркнуть значение изучаемых им явлений в развитии русского исторического процесса. Очевидно и в нашей оценке его общей концепции мы должны определить, насколько она пригодна для объяснения именно процесса территориального формирования нашего государства, и не требовать от неё большего.

Как видно из предшествующего изложения, в основу своей концепции Р. Дж. Кернер кладёт роль внутренних водных путей сообщения, т. е. роль фактора географического порядка. Р. Дж. Кернер не развивает своих теоретических взглядов на роль географической среды в историческом процессе, но ссылки на научные труды, которые он делает при самой постановке проблемы, указывают, что теоретически он стоит в этом вопросе на позициях французской географической школы и, в частности, является последователем воззрений, которые развивает проф. Lucien Febvre, в книге «La terre et l'évolution humaine, introduction géographique à l'histoire»¹, изданной под редакцией известного французского историка-социолога Анри Берра, редактора журнала «Revue de synthèse historique» в составе серии «Bibliothèque de synthèse historique. L'évolution de l'humanité».

Французская географическая школа, основоположником которой считается проф. Vidal de la Blache, занимает весьма видное место в современной географической науке. В своих теоретических воззрениях на роль географической среды эта школа далека от географического детерминизма предшествовавших ей географов, как например известного немецкого географа Фридриха Ратцеля или писавшего на французском языке русского учёного Льва Мечникова², взгляды которых на роль географической среды в развитии человеческого общества получили широкую известность в СССР.

Анри Берр в своём предисловии к названной выше работе Февра справедливо противопоставляет географический «поссибилизм»³ Vidal de la Blache'a географическому детерминизму Ратцеля. Февр подчёркивает, что географическая среда отнюдь не определяет развития общества, — она лишь предо-

ставляет возможности, использование или неиспользование которых определяется самой географической средой, а историческими условиями развития того человеческого общества, которое окружено данной географической средой.

«Необходимости нет нигде, — пишет Февр, — возможности имеются везде, и человек, хозяин возможностей (maître des possibilités), решает вопрос об их использовании; поэтому его надо поставить на первый план и тем, в силу необходимости, ниспровергнуть господствующее мнение: на первом плане человек, но не земля, как то было раньше, не влияние климата, не определяющие условия местности»⁴ (l'homme et non plus la terre, ni les influences du climat, ni les conditions déterminantes des lieux).

Февр резко возражает против утверждений о том, что степь создаёт кочевников, а болота — свайные постройки, что островное положение Англии заставило её создать и поддержать первоклассный флот.

«Разрушить это заблуждение — это вовсе не значит вести смешную борьбу с ветряными мельницами, превратившимися в войны», — пишет он. «Власть привычек, сила рутины, непреодолимая леньность критического суждения таковы, что каждый день можно констатировать у опытных географов совершенно неожиданные противоречия»⁵.

Далее, Февр в качестве примера ссылается на то, что крупнейший югославский географ Цвиич⁶ в своём труде по географии Балканского полуострова сначала указывает, что благоприятные для мореплавания условия Адриатики не сделали югославов мореходами, а потом говорит, что природа Дунайского бассейна сделала земледельцами населения его народы.

К сожалению, на практике в своих географических работах представители французской географической школы тоже нередко не следуют тому учению о роли географической среды в развитии человеческого общества, фундамент которого заложил основатель школы Vidal de la Blache и которое развил Февр.

Р. Дж. Кернер указывает, что он «не имеет никакого желания выдвигать какое-либо детерминистическое объяснение русской истории или претендовать на полную разработку роли данной группы факторов в деталях для каждой эпохи и каждого района». Он подчёркивает, что его задачей было лишь «указать, как действовали основ-

¹ «Земля и эволюция человечества, географическое введение в историю». Р. Дж. Кернер ссылается на английский перевод этой книги. В дальнейшем я цитирую по французскому оригиналу.

² Брат знаменитого микробиолога. Свои взгляды Лев Мечников изложил в книге «La civilisation et les grands fleuves historiques», получившей большую известность и переведённой на русский язык.

³ Поссибилизм от слова «possibilité» — возможность.

⁴ Febvre Lucien. Op. cit., p. 284.

⁵ Ibidem, p. 284—285.

⁶ Цвиич (правильная сербская транскрипция фамилии — Цвијух) получил широкую европейскую известность, как исследователь геоморфологии Балканского полуострова, в особенности карстовых явлений, был президентом Сербской Академии наук. В данном случае речь идёт о его работе «La péninsule balcanique, géographie humaine». Paris. 1918.

ные факторы, указать главное направление, характер и результаты их активности».

Но, не желая давать детерминистического объяснения процесса территориального формирования нашего государства, Р. Дж. Кернер фактически дал именно такое объяснение. Географический фактор — направление естественных водных путей Восточной Европы и Северной Азии — оказался у него не только основной могущественной силой, сформировавшей территорию нашего государства, но и силой, неизменно и одинаковым образом действовавшей на всём протяжении более чем тысячелетней истории страны «несмотря на смену на территории России различных типов общества» (см. выше, стр. 189—190).

Почему так получилось? Так получилось потому, что Р. Дж. Кернер, вместо того чтобы положить в основу исследования смену социально-экономических формаций, или, выражаясь его терминологией, «смену различных типов общества на территории России», и рассматривать процесс территориального формирования нашего государства в конкретной исторической обстановке, учитывая, какова на каждом этапе была роль природных условий, рассматривает формирование территории нашего государства в отрыве от тех социальных сил, которые были деятелями этого процесса. Мельком упоминая в заключительной главе о народе как одном из элементов изучаемого им процесса наряду с реками и водами, острогами, монастырями и мехами, он в самом исследовании именно этот фактор — народ, который является творцом истории, — игнорирует, а то, что является или продуктом деятельности этого народа (остроги, монастыри) или элементами географической среды, в которой этот народ живёт (реки, волоки), кладёт в основу изучения.

При таком методе исследования, очевидно, не может получиться в качестве результата этого исследования исторически правильной картины изучаемого процесса. Чтобы наглядно показать это, попытаемся, насколько возможно в рамках данной статьи, наметить основные линии процесса территориального формирования нашего государства¹.

Процесс создания территории Русского государства имеет сходство (это сходство не должно закрывать от нас и весьма существенных различий) с процессом создания территории США. В обоих случаях рука об

руку идут два процесса: процесс расширения политических границ государства, главным образом за счёт территорий, не занятых или очень редко населённых другими народами², и процесс заселения и хозяйственного освоения этих новых территорий. Явление, аналогичное тому, которое в истории США обозначается термином *frontier*³, существовало и в нашей истории. Этим процессом создания территории Русского государства отличается от процесса создания территории Французского государства, где имело место лишь политическое объединение французского народа⁴, или от процесса создания территории прежней Австрии, где имели место захват населённых территорий и политическое их подчинение, без заселения их господствующей национальностью.

Указанные две стороны процесса создания территории нашего государства непременно надо иметь в виду при исследовании истории территориального роста России.

При самом изучении этого процесса перед историком прежде всего встаёт вопрос, какие силы в стране и из каких побуждений, в каких целях, сознательных или бессознательных, были участниками территориального роста.

Освоение новых земель осуществляло население. Говоря о населении, конечно, нельзя представлять себе его как социально однородную массу, с одинаковыми стремлениями и интересами. На протяжении большей части нашей истории мы должны различать в этом отношении две основные группы: крестьян и феодалов — как светских, так и духовных (в территориальных устремлениях этих двух групп феодалов было и сходство и различие); духовные феодалы, в первую очередь, — это монастыри.

В некоторых местах страны в некоторые периоды нашей истории надо принять во внимание и городскую буржуазию, но, конечно, её роль была второстепенной.

После исследования Б. Д. Грекова «Киевская Русь» можно считать окончательно установленным, что уже в киевский период нашей истории основным занятием восточных славян было сельское хозяйство. Произведённая Б. Д. Грековым тщательная сводка как данных письменных источников, так в особенности данных археологии убедительно свидетельствует об этом. Труд Б. Д. Грекова доказывает также и наличие уже тогда феодальных отношений. Конечно, указание источников на наличие, а подчас на серьёзную роль бортничества, рыболовства и охоты ни в коем случае нельзя не учиты-

¹ В развёрнутом виде, со всеми необходимыми ссылками на источники и историческую литературу, этот процесс излагается мной в подготовляемом к печати «Курсе лекций по исторической географии СССР».

² Расширение Русского государства частично происходило и за счёт территорий, достаточно заселённых, которые не подвергались заселению русскими, например Закавказье, но таких территорий было гораздо меньше, и их включение в состав России имело место преимущественно в XIX и отчасти в XVIII вв. и лишь в небольшой степени раньше.

³ В русских переводах американских исторических сочинений этот термин, означавший передний край вновь осваиваемой приграничной территории (по западной границе США), часто неточно переводится словом «граница». См. Фолкнер. История народного хозяйства США. Гл. XVIII. М. 1932.

⁴ В нашей истории этот процесс тоже имел место, но он сочетался с процессом включения в состав страны новых территорий, не заселённых ранее русским народом.

вать, но всё же это были дополнительные к земледелию занятия.

Поэтому восточнославянская, а позднее русская и украинская крестьянская колонизация в основном была земледельческо-промысловой, а часто и только земледельческой колонизацией при натуральном строе хозяйства. Конечно, в Поморье промысловые интересы были выражены сильнее, чем в других районах.

Что побуждало крестьян к переселению и к освоению новых земель? Во-первых,—это относится преимущественно ко времени с половины XVI в. и позднее—качество почвы новых территорий: чернозём всегда манил к себе нашего крестьянина. Во-вторых, при экстенсивном характере сельского хозяйства земледелец часто стремится вовлекать в обработку новые, неистощённые земли. В-третьих, надо иметь в виду своеобразную роль в этом отношении крепостного права: с одной стороны, оно привязывало крестьянина к земле, на которой он жил, а, с другой стороны, крепостной гнёт побуждал его уходить на окраины, где была надежда избежать этого гнёта. Соотношение между степенью феодальной эксплуатации, в особенности в моменты её обострения, с одной стороны, и возможностью для феодала найти и вернуть беглого крестьянина (она по мере исторического развития возрастала), с другой стороны, определяло для каждой местности роль крепостного права как силы, выталкивавшей крестьянство из центра на окраины. В-четвёртых, до XVI в. весьма часто население уходило, спасаясь от набегов кочевников, предпочитая в таких случаях часто худшие, но расположенные в более безопасных местах земли лучшим, но опасно расположенным.

Роль набегов кочевников в передвижении населения из лесостепи общеизвестна. Менее известна роль татарских опустошений Ростово-Суздальской земли для сгущения населения в Московском княжестве во второй половине XIII и первой половине XIV века. Это хорошо показал М. К. Любавский в своей названной выше работе¹.

Феодалы были прежде всего эксплуататорами крестьянского сельскохозяйственного труда, и, естественно, они стремились задерживать крестьян в своих поместьях и вотчинах. Но, как сельские хозяева, они не хуже крестьянина понимали толк в хорошей земле. В этом отношении показателен отзыв князя Курбского о сельскохозяйственных богатствах Казанского ханства².

Поэтому в освоении новых земель принимали участие и феодалы. Роль различных категорий феодалов в колонизационном процессе неодинакова; существовали в этом отношении и крупные районные различия.

¹ Любавский М. Образование основной государственной территории Велико-русской народности. Заселение и объединение центра. Л. 1929.

² Курбский А. История о великом князе московском, стр. 30. Изд. Археологической комиссии. СПб. 1913.

На юге Московского государства передовым отрядом колонистов были мелкие служилые люди, которых селило здесь правительство, но, «по мере того как те или другие территории оказывались прочно освоенными, начиналось распространение в них крупного крепостнического землевладения»³. Крупные землевладельцы переселяли сюда часть своих крестьян из центральных уездов. Карта распространения крепостного права в Российской империи⁴, на которой процент крепостного населения уменьшается от центра к югу и востоку, наглядно показывает описанное явление.

На севере во времена Новгородской республики колонизация осуществлялась новгородскими боярами и монастырями и была промыслово-земледельческой. Под властью Москвы боярское землевладение в бывших новгородских владениях было ликвидировано. Колонизация осуществлялась уже крестьянством и монастырями. Исключением была колонизационная деятельность именитых людей Строгановых на северо-востоке. Конечно, и на юге феодалы не пренебрегали промысловыми угодьями, но не эти угодья были здесь основной ценностью.

Государственная власть вела борьбу за расширение границ государства. Мотивы, ею руководившие, конечно, не были одинаковыми на протяжении ряда столетий. В XIV—XV вв. здесь имели место по преимуществу династические соображения московских князей. В XVI—XVIII вв. наступление государства на степь было продиктовано не только соображениями обороны от набегов кочевников, но и стремлением господствующих классов включить в состав государства ценные в хозяйственном отношении территории. В XVIII в. к этому присоединилось стремление овладеть побережьем Чёрного моря.

Продвигая в XVI—XVII вв. в Сибирь государственную границу на восток, московское правительство стремилось к приобретению мягкой рухляди, но в следующем, XVIII в., присоединяя к Российской империи юг Сибири, петербургское правительство было озабочено приобретением месторождений полезных ископаемых⁵.

Борьба за берега Балтийского моря и при Иване Грозном и при Петре Великом была борьбой за торговые пути в Западную Европу. Присоединяя в XIX в. Закавказье и

³ Новосельский А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVIII в. «Исторические записки» № 4 за 1938 год.

⁴ См., например, карту, приложенную к работе А. Троицкого «Крепостное население в России по 10-й народной переписи». СПб. 1861. Для XVIII в. аналогичная карта составлена мной по данным пятой ревизии. «Наглядные пособия по истории народного хозяйства России в XVIII веке». Вып. II. М. 1923.

⁵ Бахрушин С. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 172.

Среднюю Азию, правительство, с одной стороны, видело в расширении территории и приобретении новых подданных усиление мощи государства, с другой стороны, — получение новых рынков сырья и сбыта для промышленности центра.

Расширяя границы государства, московское, а позже петербургское правительство строило на окраинах укрепления. Особенно большое значение в этом отношении имели укрепленные линии, которые были в одних случаях средствами обороны, в других — средствами наступления. Старая засечная черта, Белгородская, Симбирская, Закамская черта, Украинская, Днепровская линии, укрепленные линии в Казахстане и на Кавказе — все они имели крупное военно-политическое и колонизационное значение.

Что определило направление процесса территориального расширения России или тех государственных образований, которые потом вошли в состав Московского государства? Что придало этому процессу расширения такой большой территориальный размах, в результате которого Россия раскинулась на пространстве двух материков?

До середины XVI в. территория, занятая сначала русскими княжествами, а потом Московским государством на юге и юговостоке, или сокращалась или была стабильной¹. На севере и северовостоке она росла. Основной причиной отступления на юге и юговостоке был напор кочевников (печенегов, половцев, татар). Продвижение на север и северо-восток облегчалось неосвоенностью территории и немногочисленностью и очень слабым сопротивлением финских племён.

С XVI в. отступление сменяется наступлением на юг и восток. Казанские, а в гораздо большей степени крымские татары были весьма серьёзным препятствием. Но они не занимали и не освоили тех обширных пространств, заселить которые они препятствовали русским и украинцам.

В Сибири сопротивление было незначительным, её просторы немногочисленными туземцами освоены не были. Таким образом, слабость сопротивления, а главное, наличие к северу, северо-востоку, югу и востоку от мест первоначальных поселений восточных славян огромных неосвоенных территорий, а также возrastавшая численность русского и украинского народов, достаточная, чтобы эти пространства освоить, — вот что определило и направление и размах процесса территориального расширения Русского государства.

Равнинный характер рельефа Восточной Европы и Западной Сибири, на который часто ссылаются историки, имел в данном случае второстепенное значение².

¹ В VIII—IX вв. имело место временное продвижение восточных славян на юго-восток, в бассейн Дона, потом ликвидированное напором кочевников. См. Третьяков в П. Восточнославянские племена накануне образования Киевского государства. «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т. II, № 3. 1945.

Восточная Сибирь по устройству поверхности резко отличается от Западной, но темпы продвижения там русской власти были не меньше, чем в Западной Сибири. На Амуре продвижение было задержано почти на два века не рельефом, а войсками Китайской империи.

Прибалтика и Польша были связаны с Русью речными путями, они лежали на той же Восточноевропейской равнине, что и Московское государство, рядом с ним, гораздо ближе, чем отдалённая Восточная Сибирь, но включены в состав России они были гораздо позже, чем отдалённая Восточная Сибирь с её нагорьями и горными хребтами.

Какими путями осуществлялось продвижение русского населения и Русского государства на север, юг и восток? Здесь мы подходим к вопросу о видах путей сообщения в прошлом нашей страны и об их исторической роли.

В домонгольский период нашей истории реки и волоки между речными бассейнами были основными и почти единственными путями сообщения в Восточной Европе того времени. Однако уже и тогда сухопутные пути — это не только пути по волокам между реками: соль Киев получал из Галича двумя путями — водными по рекам Стири, Припяти и Днепру и сухим на Теремовль, Межибожье³; торговый путь из Киева в Регенсбург через Краков и Прагу был сухопутным путём⁴. Таким образом, кроме коротких сухопутных путей по волокам, были уже тогда более длинные сухопутные пути, так сказать, самостоятельного значения. То же самое можно отметить и для Новгорода XIII—XIV веков. В 1301 г. Новгород предоставляет купцам «латинского языка» четыре пути для проезда в Новгород — «три пути горнии, а четвёртый в речках»⁵. Иноземные гости в Новгороде разделялись на «летних» и «зимних». Последние, само собой разумеется, пользовались сухопутными дорогами⁶. Но, конечно, в домонгольский период водные пути резко преобладали.

В Московском государстве роль сухопутных дорог уже гораздо больше. Поверхностная

² Для передвижений кочевников равнинный характер местности в соединении со степным ландшафтом имел очень большое значение.

³ Спицын А. Торговые пути Киевской Руси, стр. 242 (в сборнике статей, посвящённом С. Ф. Платонову. СПб. 1911).

⁴ Васильевский В. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. «Журнал министерства народного просвещения», июль 1888 г.; Шайтан М. Германия и Киев в XI в. «Летопись занятий постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г.», Вып. I (34). Л. 1927.

⁵ «Русско-ливонские акты», стр. 25. СПб. 1863.

⁶ Бережков полагает, что «немцы в позднейшее время предпочитали сухопутные дороги из лифляндских городов: Риги, Пернова и Ревеля» («О торговле Руси с Ганзой до конца XV в.», стр. 155).

книга Ямского приказа, отрывки из которой изданы А. С. Лаппо-Данилевским, указывает, что из Москвы во все стороны расходилось девять дорог: на Вологду через Троице-Сергиев монастырь, Переяславль-Залесский, Ростов, Ярославль; на Нижний Новгород через Владимир, Вязники; на Рязань через Коломну и далее, на Тамбов; на Харьков через Серпухов, Тулу, Орёл, Курск, Белгород; на Киев через Малоярославец, Калугу, Брянск; на Великие Луки через Волоколамск, Ржев; на Смоленск через Можайск, Вязьму, Дорогобуж; на Новгород через Клину, Тверь, Торжок; на Углич через Дмитров¹.

Если сравнить эти направления с направлениями дорог первой половины XIX в.², то мы увидим полное совпадение. Это уже не вспомогательные пути по отношению к рекам — это система сухопутных путей самостоятельного значения.

Но всё же в Московском государстве, в особенности для перевозки товаров, водные пути ещё, безусловно, сохраняли преобладание, хотя по некоторым сухопутным путям в зимнее время существовало чрезвычайно оживлённое товарное движение, например по дороге Москва — Вологда³.

В Российской империи накануне эры железнодорожного строительства роль сухопутных дорог значительно выше, чем в Московском государстве. В пассажирском движении за ними первенство. В товарных перевозках перевес всё же остаётся ещё на стороне водных путей.

С проведением железных дорог преобладание перешло к сухопутным путям. Железные дороги прошли в основном по тем направлениям, по каким до них проходили сухопутные тракты. Направление железных дорог Московского узла это наглядно подтверждает.

Мнение Р. Дж. Кернера о том, что, «как правило, железные дороги прошли вдоль рек», особенно наглядно опровергается примером Волги, этого главного нашего водного пути: только совсем недавно, в годы Отечественной войны, по мотивам оборонного порядка была выстроена железная дорога Свияжск—Сызрань—Саратов—Иловля⁴. До её постройки железные дороги пересекали во многих местах Волгу, но не шли вдоль неё.

Развитие сухопутных сообщений ликвидировало использование мелких, неудобных для судоходства, водных путей, с которых перевозки переходили на сухопутные дороги, но одновременно оно увеличивало движение по крупным рекам. Это особенно ярко выразилось в век железных дорог⁵, но это имело место и раньше.

Чрезвычайно показательна, с точки зрения

анализа причин, определявших в нашей стране направление и характер путей сообщения, история транспорта Сибири, на которой Р. Дж. Кернер внимательно останавливается, подчёркивая исключительно роль рэк. Из первоначальных путей русских в Сибирь в начале завоевания края основной дорогой был путь через Чердынью по Вишеру (приток Камы), с Вишеры волоком через Уральский хребет в Лозьву, принадлежавшую уже к бассейну Оби⁶. Уже в 1597 г. стали ездить от Соли Камской сухим путём (обычно зимой) до Верхотурья и оттуда водой по Туре, принадлежавшей к бассейну Оби. Путь прошёл южнее, стал короче, но сухопутный участок его (Соль Камская — Верхотурье) значительно удлинился⁷. Начиная с Верхотурья, путь шёл по рекам и волокам между ними через всю Сибирь.

Чем дальше шло заселение Южной Сибири, тем сильнее ощущались неудобства и продолжительность одного пути, проходившего через таёжный, очень редко населённый север Сибири. Уже к концу XVII в. существовало сухопутное сообщение от Тобольска на Тару, Томск⁸. Но основной дорогой оставался водный путь.

Перемена происходит в следующем, XVIII столетии, когда границы Сибири продвинулись в южном направлении, и юг Сибири стал сосредоточивать её население.

С 1763 г. начинается устройство сухопутной дороги через всю Сибирь, дороги, получившей название Московского тракта⁹. Этот тракт первоначально проходил от Кунгура через Екатеринбург на Тюмень—Тобольск—Тару—Томск—Красноярск—Иркутск. Ещё в XVIII в. на участке Тобольск—Томск направление тракта изменилось: он прошёл южнее, чем раньше, оставив в стороне Тару. В 1825 г. произошёл дальнейшее сокращение западной части тракта и резкое смещение его к югу. Оставив в стороне Тобольск, западная часть тракта пошла от Тюмени че-

⁴ См. карту железных дорог СССР, изданную НКПС в 1944 году.

⁵ Например проведение железной дороги от Орла к Москве почти ликвидировало роль Орла как хлебной пристани. С другой стороны, несмотря на то что за 30 лет, с 80-х годов XIX в. до первой мировой войны, железнодорожная сеть утроилась, а длина речных путей не увеличилась, в распределении грузооборота между водными и железнодорожными путями существовала очень большая устойчивость — около 70% всех перевозок шло по железной дороге и около 30% — по воде (см. Яценский В. Транспорт СССР. История его развития и современное состояние, стр. 36—37 и 65. М. 1926).

⁶ Бахрушин С. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв., стр. 88—89.

⁷ Там же, стр. 90.

⁸ Григорьев А. Устройство и заселение московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. «Известия Института исследования Сибири» № 6.

⁹ Там же.

¹ Лаппо-Данилевский А. Повёрстная и указная книги Ямского приказа. СПб. 1890.

² См. «Почтовый дорожник Российской империи по высочайшему повелению, изданный почтовым департаментом». СПб. 1852.

³ См., например, «Донесения» де Родеса.

рез. Ялуторовск, Ишим на Омск, а от Омска через Каинск, Колывань к Томску. На сухопутный тракт перешло с прежнего водного пути как пассажирское, так и товарное движение. В «Статистическом обозрении Сибири» Гаггеймейстера, вышедшем в свет в 1854 г., говорится, что в Сибири судоходства по рекам «почти не существует»¹, но «было однакож время, когда реки сибирские были более теперешнего оживлены и всё передвижение по неустройству дорог делалось водными путями»².

Сибирская железная дорога прошла от Челябинска через Курган, Петропавловск, Омск к реке Оби в том месте, где после её проведения возник город Новониколаевск (ныне Новосибирск), и оттуда к Красноярску. Тюмень³, Ялуторовск, Ишим, Томск остались в стороне. Главная транспортная магистраль Сибири ещё передвинулась на юг. Таким образом, пока русское владычество в Сибири распространялось з её редко населённой северной таёжной полосе с целью овладения её пушными богатствами, путями сообщения были реки и волоки. Когда Сибирь заселилась русскими земледельцами, поселившимися преимущественно в её южной части, транспортное движение вследствие неудобств сибирских водных путей перешло на сухопутные дороги, причём основная трасса всё более и более смещалась к югу вместе с земледельческим населением края.

Колонизационное и военно-политическое продвижение России в Европе и в Азии, конечно, в каждую эпоху использовало характерные для данного времени пути сообщения.

Сопоставление концепции проф. Р. Дж. Кернера с только что изложенными фактами наглядно показывает, что она с этими фактами решительно не согласуется.

Проф. Р. Дж. Кернер оставил без внимания такой важный факт, как наличие к северу, северо-востоку, югу и востоку от мест первоначальных поселений восточных славян огромных неосвоенных или очень слабо освоенных территорий.

Он не учёл сельскохозяйственного характера нашей колонизации в историческом прошлом и натурального или почти натурального хозяйства деревни в течение многих веков, чрезвычайно пресувеличил роль меховой торговли. То, что справедливо для Сибири XVII в. и Поморья времён новгородского владычества, он распространил на всю нашу историю.

Наконец, как уже указано выше, Р. Дж. Кернер рассматривает расширение нашего государства в отрыве от анализа роли тех классовых сил, которые осуществляли это расширение.

¹ Гаггеймейстер. Указ. соч. Т. II, стр. 647.

² Там же, стр. 648.

³ Тюмень была соединена железной дорогой с Омском только в 1913 г., с Екатеринбургом же ещё в 1885 г., т. е. до постройки Сибирской железной дороги. См. «Статистический сборник министерства путей сообщения». Вып. 141. Петроград. 1916.

Роль водных путей в нашей истории им также преувеличена. Но если общая концепция проф. Р. Дж. Кернера и вызывает серьёзные возражения, то всё же его труд представляет большой интерес для советского читателя. Он ставит важную проблему: ведь продвижение к морю — это очень крупное явление в нашей истории. Констатируемое им географическое и экономическое единство нашей страны является несомненным фактом. Он собрал большой и разнообразный материал. Двадцать карт, приложенных к книге, представляют значительную ценность.

Что касается работ обоих его учеников, то обе книги являются добросовестной сводкой всех тех данных, которые авторы, каждый по своей теме, могли извлечь из опубликованных исторических документов и научной литературы, дореволюционной и советской; при этом руководящую роль для них при изучении истории Сибири играли работы современных советских историков, в особенности труды С. В. Бахрушина. Необходимые критические замечания по обеим работам уже были сделаны выше.

Конечно, как это чувствуют и сами авторы, работа по истории Сибири XVII в. требует архивных изысканий. Но, безусловно, нельзя им ставить в упрек того, что этой возможности они не имели. Надо отметить широкое знакомство всех трёх авторов с нашей исторической литературой. Пробелы, отмеченные мной, вполне понятны, если учесть плохое состояние нашей исторической библиографии. Факт, на который не раз уже указывалось в нашей научной литературе⁴. К сожалению, в области исторической библиографии мы можем позавидовать американцам⁵.

Следует указать также на хорошее знание авторами русского языка и исторической терминологии. Наши исторические термины обычно правильно переводятся на английский язык, например предлагаемый Г. В. Ланцевым перевод «Русская Правда» через «Russian Law», безусловно, лучше традиционно в англо-американской литературе «Russian Truth».

Лишь в немногих случаях можно возразить против передачи некоторых наших исторических терминов. Например Р. Г. Фишер и Г. В. Ланцев переводят «слобода» через «suburb»; для слобод Сибири такой перевод особенно не подходит: лучше было бы

⁴ См., например, Толстихина А. Научно-библиографическая и справочная работа Государственной публичной исторической библиотеки. «Историческая литература. Библиографический бюллетень советских и иностранных книг и статей». Т. II. Вып. I, стр. 182. 1941; Ахун М. Обзор русской исторической библиографии. «Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей. Изд. Института истории Академии наук СССР. М. и Л. 1937.

⁵ См. мою статью «Развитие исторической науки в США». «Исторический журнал» № 12 за 1944 год.

дать этот термин без перевода, как это сделано для таких слов, как «промышленник», «поминки», объяснив значение слова в специальной сноске.

Новгородцы называли места по Верхней Волге «Низом», так как они лежали вниз по течению тех рек, по которым новгородцы туда плавали. Древнерусский термин «низ» из связан в данном случае с представлением о низменности. Поэтому перевод Р. Дж. Кернером этого слова через «lowlands» представляется неточным. Р. Дж. Кернер не раз-

граничивает понятий «Киевское государство» и «Киевская Русь» (стр. 13)— «The first Russian state», «known as Kievan Russia»).

В заключение надо признать желательным перевод всех трёх книг на русский язык. Это ознакомило бы широкие круги советских историков с работой их американских коллег по истории нашей родины и ввело бы в наш научный обиход интересные в научном отношении труды

В. Яцунский

MOLNAR ERIK. *A magyar tatarsadalom története an őshortól ar Árpád-horig*. Budapest. 1945, Srikra kiadás. 352 p.

МОЛЬНАР Э. *История венгерского общества от древних времён до века Арпадов*.

Автор книги — видный венгерский учёный, занимающийся в настоящее время во временном национальном правительстве Венгрии пост министра социального обеспечения. Книга эта является результатом многолетних исследований автора по вопросу о происхождении и ранней истории венгров. Вопросы эти всегда стояли в центре внимания венгерской исторической науки, но их правильной трактовке и, тем более, их разрешению до сих пор мешали следующие обстоятельства. Ранняя история угорской группы народов, из которой вышли и венгры, связана с территорией азиатской части СССР; но серьёзных исследований на этой территории венгерские историки не могли производить, да они и не стремились к этому; имевшиеся же в прошлом некоторые исследования русских учёных по этим вопросам оставались большей частью вне поля зрения венгерских историков. Реакционная, шовинистическая политика венгерских правительств, на службе которой, сознательно или бессознательно, состояли венгерские историки, побудила их восполнить пробелы, имевшиеся в познаниях об исторических фактах, с помощью реконструирования истории в желательном для венгерских господствующих классов направлении, путём выставления всяких теорий, гипотез и предположений, имевших своей целью оправдание исторического прошлого и настоящего этих классов, захвата венграми территорий ряда славянских и других народов, угнетения и эксплуатации этих народов правящей верхушкой. Таким образом, возникла та венгерская историческая «мифология», которая заменяла в венгерской литературе — а в значительной части и в венгерской исторической науке — место венгерской прαιстории.

Следует отметить также, что развитию венгерской науки о ранней истории венгров мешало полное отсутствие у венгерских историков правильной, марксистской методологии.

Книга Э. Мольнара представляет собой новое слово в венгерской исторической науке. Автор подходит ко всему комплексу во-

просов венгерской истории и, в частности, предистории, вооружённый подлинно научной методологией. Опираясь на эту методологию и на своё знакомство с общими закономерностями исторического развития, он ставит себе задачей: осмыслить и проанализировать некоторые, хотя и немногочисленные, но достоверные исторические факты и из них, с учётом общих законов исторического развития, установить наиболее вероятный ход окончательно ещё не выяснённых исторических процессов. Само собой разумеется, автор не претендует этой своей работой на полное выяснение и разрешение вопросов венгерской предистории. Его книга является скорее своего рода подготовительной работой к развёртыванию новой фазы исторического исследования. Сам автор в предисловии к своей книге высказывает мнение, что продвинуть венгерскую историческую науку на этом столь важном, но вместе с тем столь отсталом участке сможет только ознакомление венгерских историков с результатами новейших исследований советских историков, этнографов и археологов в этой области и что, следовательно, разрешение вопросов этногенеза и ранней истории венгров может и должно явиться результатом увязки исследовательских работ советских и венгерских учёных, результатом их дружной совместной дальнейшей работы над этими проблемами.

Соответственно этой установке автор даёт в книге своего рода сводку, с одной стороны, известных фактов и, с другой стороны, существующих теорий, гипотез и предположений, подвергая их строго научной критической проверке как с фактической стороны, так и с точки зрения методологии.

Работа Мольнара делится на шесть основных частей: эпоха охотничества — старое, бесклассовое общество; эпоха пастбищства — разложение бесклассового общества; географическая основа венгерской истории; славянское общество в Венгрии в период захвата страны венграми; эпоха перехода к земледелию — возникновение классового строя; варварский феодализм.

Следует особенно отметить то исключи-

тельное внимание, которое автор уделяет показу появившихся уже при бесклассовом строе зародышей классовых отношений и их дальнейшему развитию в эпоху перехода к классовому строю.

Далее следует подчеркнуть правильную трактовку автором вопроса о взаимоотношениях венгров и славян (гл. IV «Славянское общество в Венгрии в период захвата страны венграми»; гл. V, подгл. 9 «Венгры и славяне»). Разоблачая всякие искажения и легенды, издавна получившие право гражданства в венгерской исторической литературе (о культурной отсталости славянских народов и о превосходстве венгров над ними, о неспособности некоторых славянских народов к созданию государственности и т. п.), автор на конкретных исторических фактах показывает огромное положительное влияние, которое оказывали на венгров окружающие их, а также и покорённые ими славянские народы как в области хозяйства, культуры и языка, так и в области развития государственности. На основе всего имеющегося фактического материала автор приходит к следующему выводу:

«С их (славян) помощью венгры подняли своё земледелие, скотоводство и промышленность на более высокую ступень. От них происходит государственная организация венгров, а также и основы их церковной организации, как и все другие основные учреждения их нового классового строя.

Дальше мы увидим, что семейная жизнь венгров также не избежала славянского влияния. Влияние славян на венгров было вообще значительно сильнее, чем это обычно признаётся в нашей исторической литературе. Славянским влиянием насквозь была пропитана и вся повседневная жизнь и деятельность венгров, о чём определённо свидетельствуют славянские слова, вошедшие в наш язык» (стр. 170).

Из самого характера работы вытекает, что в книге имеется, конечно, и много спорного. Некоторые из утверждений автора будут встречены созетскими исследователями с сомнением или вызовут с их стороны даже резкие возражения. В качестве примера достаточно указать, что автор принимает как факт явно неправильное предположение о том, будто первоначальная родина угорского пранзрода лежала в восточной части Европейской России, между реками Вяткой и Камой, нижним течением р. Белой, Среднеуральскими горами и верхним течением р. Камы. Но отдельные сомнительные или неправильные предположения и выводы автора ни в какой мере не умаляют большого положительного значения всей его работы в целом.

Следует пожалеть, что автор не счёл нужным дать в книге подробные указания и перечисления имеющихся литературных и других источников.

Проф. А. Шийк

«Исторически преглед». №№ 1, 2—3 и 4. Година първа. София. 1945.

Научно-популярный журнал Болгарского исторического общества «Исторически преглед» («Историческое обозрение») ярко отражает те глубокие политические и общественные сдвиги, которые произошли в Болгарии после её освобождения от фашистско-немецкого гнёта.

В небольшой передовой статье редакция нового журнала отмечает, что в течение десятилетий болгарская историческая наука была поставлена в зависимость от германской политики на Балканах. Некоторые болгарские учёные и профессора проявляли великое усердие, чтобы заслужить доверие своих немецких господ. Например продвигались «теории» о неславянском происхождении болгар, имевшие целью внести вражду и разногласия между славянскими народами. Журнал ставит своей задачей борьбу за истинную, историческую науку, против великоболгарского шовинизма и великоболгарской идеологии, «за которыми скрывалась хищническая, гегемонистическая политика немецкого империализма».

Вышедшие номера журналов (1, 2—3 и 4) состоят из статей, обзоров и библиографии. Основное место занимают статьи; некоторые из них принадлежат нашим, советским учёным.

Статьи, помещённые в журнале, отражают новые течения болгарской исторической

мысли, возникшие после памятных событий 9 сентября. В центре внимания авторов стоят вопросы социально-политического характера, из которых многие до сих пор не находили почти никакого отклика в болгарской исторической литературе. Таковы статьи Велчева, Пастухова, Натана, Мавродинова по социальной истории Болгарии. Велчо Велчев (№ 2—3) написал интересную статью о социальной структуре Болгарии X в., основанную на «Беседе пресвитера Козьмы». На основании этого интереснейшего памятника автор рисует общественную структуру Болгарии в X в., аргументируя свои построения подробными ссылками на источник. Как известно, «Беседа пресвитера Козьмы» направлена против ереси богомилов, в учении которых наряду с мистическими представлениями о вселенной необыкновенно ярко проявлялся общественный протест болгарских народных масс против социального неравенства и угнетения. В своих попытках разоблачить богомилов пресвитер Козьма невольно вынужден был говорить об особенностях их учения, объясняя успехи богомильской пропаганды. Эта особенность беседы делает её ценнейшим источником по социальной истории Болгарии в X столетии. Нельзя, впрочем, не отметить, что далеко не все выводы В. Велчева могут быть признаны бесспор-

ными. Прежде всего бросается в глаза, что В. Велчев разбирает беседу Козьмы несколько оторванно от других памятников болгарской истории. Отсутствие сравнений с другими памятниками, которые могли бы подтвердить комментарий В. Велчева к тексту беседы, особенно чувствуется там, где автор пытается установить категории болгарского общества. Так, выпады богомилов против старейшин («ругаются старейшины», «насилие от старейшин») приводят автора к мысли, что под наименованием старейшин скрывается определённая общественная категория (стр. 142). Другую такую же категорию В. Велчев находит в термине «властели земные» (стр. 144). Думается, что это вывод поспешный и мало убедительный, так как термины «старейшины» и «властели» нередко употребляются в древнеславянских памятниках для обозначения вообще высших кругов общества, а не отдельных общественных категорий.

Близка по теме к статье В. Велчева и статья Ив. Пастухова, посвящённая вековой борьбе за социальную справедливость в Болгарии в древнее время и средневековье. Она имеет свой интерес для широких кругов болгарской общественности, хотя, по собственным словам автора, не претендует на оригинальность или полноту.

Интересный вопрос затронут Н. Мавродиновым в статье о влиянии государственных форм западного феодализма на второе Болгарское царство. Небольшие размеры статьи не позволили автору развернуть подробный анализ государственного устройства Болгарии XIII—XIV вв., но самая постановка вопроса о влиянии западноевропейского феодализма на Болгарию представляется плодотворной. Следует только отметить, что речь должна идти о формах феодального устройства. Феодализм вырос и развивался в Болгарии времён второго царства самостоятельно, на основе экономического и социального роста страны, а не был занесён со стороны.

Классам и классовым отношениям в эпоху болгарского возрождения посвящена статья Жака Натана. В этой небольшой статье дан анализ классового состава болгарского общества в XVIII и первой половине XIX века. Особенно интересные замечания автора о Чорбаджийстве, которое составляло большую социальную группу землевладельцев и представителей ростовщического капитала в сёлах и городах.

Несколько статей в журнале отвечено вопросам всеобщей истории. Таковы, например, статьи доцента Хр. Гандева о европейском ренессансе. «Исторически преглед» живо отозвался на вопросы борьбы славянства с немецкой агрессией. Этому посвящены статьи И. Митева о вековой борьбе славян с немецкими завоевателями и редакторская статья во 2—3 номере «Победа над гитлеровской Германией».

В обзорах и библиографии даны сведения о научных исторических новостях и книгах, напечатанных в славянских странах. Эти

отделы журнала, дающие представление о живой научной деятельности в Болгарии, очень полезны для наших советских историков. Достаточно указать список докладов, прочитанных в Болгарском историческом обществе: «Взгляд на историческое развитие Болгарии в средневековье» (доц. А. Бурмов), «Австрийская политика на Балканах в 1912—1913 гг.» (доц. Панайотов), «О происхождении так называемых праболгарских земельных валов» (доц. Крънджалов), «Богомильство» (асс. Ангелов), «Народность св. Кирилла и Мефодия» (В. Киселькова), «Сношения Рыльского монастыря с Русью в XVI—XIX веках» (Н. Дилевский), «Поголовная дань Османской империи в болгарских землях» (Б. Недков) и др. Очень интересны и ценны заметки об архиве освободительного движения в Болгарии и научном институте Христо Ботева в Софии.

Наконец, нельзя пройти мимо ещё одной волнующей особенности нового болгарского журнала,— мы имеем в виду глубокий и жизненный интерес болгарских читательских кругов к советской исторической науке.

Работы акад. Н. С. Державина по истории Болгарии были по праву оценены болгарской исторической наукой как новое слово в области изучения древнеболгарской истории. Академик Н. С. Державин, пишет А. Бурмов о советском учёном, ответил на многие вопросы, «которые были неразрешимы для прежней болгарской исторической науки вследствие её методологической замкнутости». На страницах болгарского журнала мы найдём ряд имён советских учёных (акад. Б. Д. Греков, акад. Н. И. Новосадский, проф. С. Д. Сказкин и др.). Особая статья посвящена работам сектора славяноведения Института истории Академии наук СССР во главе с его руководителем чл.-корр. АН СССР В. И. Пячета.

Четвёртая книжка журнала «Исторически преглед» завершает собой номера журнала за первый год издания. Она открывается статьёй В. Коларова о борьбе болгарского народа за новую Болгарию («Българският народ в борбата му за нова България»). Эта статья имеет громадный интерес как для болгарских, так и для советских читателей: она даёт яркую картину борьбы народных масс Болгарии против ненавистного режима фашистской болгарской правящей клики, отпавшей на гитлеровскую Германию. Статья В. Коларова особенно своевременна ввиду попыток реакционных элементов опорочить политику правительства Отечественного фронта. Особенно действенно звучат заключительные слова автора о том, что развитие новой, демократической и независимой Болгарии опирается на братский союз Болгарии с народами Югославии, на нерушимую дружбу с Советским Союзом и со всеми свободолюбивыми, демократическими народами.

В этом же номере журнала помещены статьи Д. Ангелова и П. Зарева. Статья Д. Ангелова рассматривает вопрос о зе-

мельных отношениях в средневековье в Болгарии и Византии. Небольшие размеры статьи не позволили автору развить поставленную тему в полном объеме, но общий вывод Д. Ангелова о крупном значении аграрной проблемы для объяснения слабости Болгарии в борьбе с турецким завоеванием заслуживает всяческого внимания. Статья П. Зарева посвящена политическим партиям Болгарии в период после её освобождения. Советским читателям приятно видеть в 4-м номере болгарского журнала статью акад. В. П. Волгина «Диалектический материализм и историческая наука», доклад, прочитанный на заседании Отделения истории и философии Академии наук СССР 18 июня 1945 года. На последней странице опубликована краткая программа журнала на 1945—1946 г. (година II). Журнал ставит своей задачей помещать статьи научно-популярного характера по истории Болгарии и всеобщей истории, разоблачать неправильное и ненаучное объяснение исторических событий, осведомлять читателей о достижениях исторической науки в Болгарии, во всем мире и особенно в славянских странах

и СССР, давать оценку книгам и статьям по истории.

Перед нами только первые номера журнала. Не всё ещё стоит полностью на месте; строгая критика может указать на ряд недостатков, в особенности пожелать большей равномерности в освещении болгарской истории (например, почти отсутствуют статьи по истории Болгарии XIV—XVIII вв.), но в целом нельзя не приветствовать хорошего почина болгарских историков. Этот почин надо развивать и углублять. И права редакция журнала «Исторически преглед», когда она пишет, что героические усилия болгарской армии, действовавшей плечом к плечу с Красной Армией и народно-освободительными войсками маршала Тито, создали в ходе общей борьбы против фашизма боевое единство и братство между армиями и народами Болгарии, великого Советского Союза и Югославии. Пожелаем журналу «Исторически преглед» полного успеха в его ценной и полезной деятельности на пользу исторической науки.

Проф. М. Тихомиров

ХРОНИКА

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

Всесоюзное совещание руководителей кафедр общественных наук

На состоявшемся в августе 1945 г. 4-м всесоюзном совещании руководителей кафедр общественных наук участники его — работники кафедр истории СССР — впервые организовали самостоятельную секцию.

В работе секции приняли участие 82 делегата, в том числе 19 профессоров (из них 3 члена-корреспондента АН СССР и 13 докторов исторических наук) и 46 доцентов — кандидатов исторических наук. На заседаниях секции были заслушаны 17 лекций и 2 доклада об опыте работы кафедр истории (Ленинградского университета и Иркутского педагогического института). Кроме того был обсуждён проект программы общего курса истории СССР для исторических факультетов университетов и педагогических институтов, а также проект программы семинарских занятий на I—III курсах исторических факультетов.

Три доклада: профессора Е. Н. Городецкого, членов-корреспондентов АН СССР И. И. Минца и А. М. Панкратовой — были заслушаны на объединённых заседаниях секций основ марксизма-ленинизма и истории СССР.

Проф. Городецкий в своём докладе «Россия — родина ленинизма», посвящённом вопросу об исторических корнях ленинизма, поставил своей задачей выяснить историческую закономерность перемещения центра революционной борьбы с запада на восток — в Россию. Докладчик подчеркнул значение открытого В. И. Лениным закона о неравномерности экономического и политического развития народов и государств в условиях капитализма и обострения этой неравномерности в условиях империализма.

Выясняя исторические судьбы России, докладчик показал, что русский рабочий класс, возглавивший борьбу с царизмом, изменил прежнее положение царской России как центра реакции и жандарма Европы. В начале XX в. Россия оказалась в экономической и политической зависимости от западноевропейского империализма; западноевропейские империалистические государства, поддерживавшие русский царизм, стали наряду с царской Россией оплотом всемирной реакции.

Проанализировав взаимоотношения рабочего класса с крестьянством, буржуазией и народами России, проф. Городецкий показал,

что в результате всего хода исторического развития русский пролетариат стал передовым борцом и гегемоном общенационального революционного движения и создал ту передовую революционную теорию — ленинизм, — под знаменем которой он одержал всемирноисторическую победу над крепостничеством и капитализмом в России.

Доклад члена-корреспондента АН СССР И. И. Минца «Первые шаги советской дипломатии» был посвящён определению места и значения советской дипломатии в первый период борьбы советского государства за мир, после победы Октябрьской социалистической революции. Проф. Минц показал особенности дипломатической деятельности советского правительства, направляемой гением Ленина и Сталина, подчеркнув, что в основе этой деятельности лежит строго научный анализ, базой которого является теория марксизма-ленинизма. Советская дипломатия как дипломатия социалистическая вела борьбу за передовые и прогрессивные цели, совпадавшие с жизненными интересами народных масс не только нашей страны, но и всего передового человечества. Вот почему она пользовалась и пользуется уважением, признанием и поддержкой народных масс во всём мире.

Доклад члена-корреспондента АН СССР А. М. Панкратовой «Сорокалетие первой русской революции и её международное значение» был посвящён теме, до сих пор не получившей должного освещения в обширной литературе о первой русской революции.

Международное значение революционной инициативы русского пролетариата как борца за подлинно народную демократию в 1905 г. заключается в том, что им (пролетариатом) в союзе с крестьянством создан новый тип демократии, содержание и формы которой сохранили своё значение и для настоящего времени. Проф. Панкратова отметила черты, отличающие революцию 1905 г. от ранних буржуазных революций, а также охарактеризовала влияние русской революции на революционное движение в странах Запада и Востока.

Историческая секция начала свою работу лекцией проф. К. В. Базилевича на тему «Образование русского централизованного госу-

дарства в XV—XVI веках». Подчеркнув, что образование русского национального государства оказало огромное влияние не только на последующую жизнь русского народа, но и на жизнь окружающих стран Запада и Востока, проф. Базилевич изложил историографию этого вопроса. Отметив, что основы этой проблемы разрешены марксистско-ленинской наукой, докладчик сделал обстоятельный обзор конкретных исторических условий, создавшихся к моменту образования русского централизованного государства.

Член-корреспондент АН СССР В. И. Пичета прочёл интересную лекцию о роли русского народа в исторических судьбах славянских народов (XVIII—XIX вв.). Он указал, что на протяжении всей своей многовековой истории славянские народы вели борьбу за свою независимость и свободу. С первых дней выступления славянства на мировую арену восточные славяне подвергались нападениям со стороны гуннов, венгров, аваров, печенегов, половцев, затем — турок, а с XII в. им начали угрожать франко-германские племена. Опасность, грозившая славянам со стороны тюркско-монгольских народов, была ликвидирована в результате борьбы русского народа; опасность же с запада с каждым столетием возрастала до тех пор, пока на Чудском озере и под Грюнвальдом не был положен предел агрессии немецких феодалов. Эта многовековая борьба закончилась историческим разгромом немецко-фашистских империалистов, строивших бредовые планы уничтожения славянства, экономического и политического порабощения всех народов Восточной Европы, в первую очередь — русского народа.

Далее В. И. Пичета рассмотрел отношения к славянам тюркско-татарских народов и индо-германцев, а затем обрисовал конкретные исторические условия, в которых протекала борьба славянских народов. Проф. Пичета показал, что русский народ возглавлял борьбу славян за свободу и независимость.

В борьбе с гитлеризмом демократия славянских государств поняла и оценила освободительную миссию Красной Армии и Советского Союза. Ныне славянские народы пришли от военного содружества под руководством русского народа к подлинной дружбе и мирному сотрудничеству.

Лекция проф. А. И. Казаченко об освободительной войне украинского народа против польских захватчиков в середине XVII в., а также лекция доцента Ленинградского университета К. М. Косачевской «Карпатские опришки в борьбе за независимость» вызвали большой интерес. В обсуждении вопросов, поднятых в этих докладах, особенно активное участие приняли украинские историки, поделившиеся выводами из своих исследований.

С новыми материалами о древнерусских городах (X—XIII вв.) выступил проф. М. Н. Тихомиров. Его лекция, являющаяся результатом пятнадцатилетней научно-исследовательской работы, была выслушана историками с исключительным вниманием. Вопрос о русских городах в историографии мало раз-

работан, и исследование проф. Тихомирова является первой сводной работой по истории древнерусского города до монгольского нашествия. Лектор дал яркую картину внутреннего устройства городов, характеристику городского населения, в частности ремесленников, купцов, духовенства, обрисовал внешний облик древнерусских городов, дал описание архитектуры и т. д.

М. Н. Тихомиров отметил, что изучение города представляет собой необходимый элемент в изучении русской культуры и государства.

Лекция проф. В. И. Лебедева об антифеодальных крестьянских войнах в России (XVII—XVIII вв.) была посвящена вопросу об участии нерусских народов Поволжья в крестьянских войнах под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачёва.

Большой интерес вызвала лекция проф. Н. М. Дружинина на тему «Влияние русской культуры на культуру братских народов в XIX веке».

Прежде чем подойти к изложению основной идеи лекции, Н. М. Дружинин остановил внимание слушателей на раскрытии ленинского понимания термина «просветительство», а также дал очерк русской культуры XIX века. Культура братских народов развивалась под влиянием мировой и прежде всего русской цивилизации XIX в., когда были созданы величайшие творения общественной мысли, художественной литературы, науки и искусства, получившие мировое признание. Далее проф. Дружинин остановился на вопросе, какими путями русская культура распространялась среди братских народов и какое значение имело её влияние на их культурное и социально-экономическое развитие.

Проф. Н. Л. Рубинштейн прочёл лекцию на тему «Развитие русской исторической мысли» (XVIII—XIX вв.), в которой уточнил и дополнил некоторые положения, выдвинутые в его книге «Русская историография».

Проф. Н. М. Коробков прочёл лекцию на тему «Русское военное искусство в XVIII и начале XIX века». В лекции были отмечены основные линии развития русского военного искусства, начиная от времён Петра I. Лектор подчеркнул, что полководческий талант Кутузова наиболее ярко проявился в его стратегии, причём в этом направлении им были проявлены две особенности: умение овладевать обстановкой и одерживать победу «малой кровью».

Проф. Коробков закончил свою лекцию указанием на то, что на оснрвах исторического прошлого выросло и военное искусство Красной Армии. Образы Суворова и Кутузова живут в сознании каждого бойца Красной Армии. Продолжая традиции прошлого, сталинское гениальное военное искусство нашло новые формы, обеспечившие победу над шаблонной стратегией гитлеризма.

Докторант Института истории Академии наук СССР А. Л. Нарочницкий прочёл лекцию на тему «Товарищ Сталин о статье Энгельса «Внешняя политика русского цариз-

ма». Лектор охарактеризовал ряд задач, вытекающих из письма товарища Сталина и имеющих существенное значение для исследований, внешней политики царской России и внешней политики Советского Союза.

С большим интересом была прослушана лекция проф. А. Л. Сидорова о русско-японской войне. Лектор дал глубокое освещение ряда вопросов, связанных с возникновением и ходом, а также с последствиями войны. К таким вопросам относятся: дипломатическая история русско-японской войны, влияние русско-японской войны на развитие революции 1905 г., отношение к войне различных классов и партий в России.

Проф. Сидоров коснулся и чисто военных вопросов, в частности вопроса об оценке русских вооружённых сил на Дальнем Востоке. Учитывая, что, как отмечал Ленин, русская Первая тихоокеанская эскадра не уступала японским соединённым морским силам, Япония предельски, из-за угла, напала на неё, когда она стояла на военном рейде Порт-Артура.

Проф. Э. Б. Генкина в лекции «Образование СССР» подчеркнула, что образование Советского Союза является одним из важнейших этапов в истории нашей страны, завершившим относительно длительный процесс образования многонационального советского государства, построенного на дружбе народов.

Остановившись на узловых моментах истории советского периода и прежде всего на условиях подготовки образования Советского Союза, лектор подчеркнул три момента: идею дружбы народов, государственную власть как организатора многонационального советского государства и роль русского народа в создании СССР. В лекции был дан анализ работы Наркомата национальностей и показана его роль в подготовке образования СССР.

Секцией был проведён семинар по вопросам развития отдельных нерусских народов СССР. На этом семинаре кандидат исторических наук доц. Ф. А. Кудрявцев прочёл доклад об основных проблемах в изучении истории бурят-монгольского народа, а кандидат исторических наук Б. В. Раскин — о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве Туркмении в XIX и начале XX века.

После работы над теоретическими вопросами секция истории СССР обсудила ряд учебно-методических и практических вопросов. Были заслушаны доклады руководителя кафедры Ленинградского университета проф. В. В. Мавродина и руководителя кафедры Иркутского педагогического института доц. М. А. Гудосникова об опыте преподавания курса истории СССР.

Доклады вызвали широкое обсуждение. Выступавшие в прениях единодушно отметили, что программа высших учебных заве-

дений по курсу истории нашей родины не отвечает уровню развития истории СССР как науки — она устарела.

Вторым существенным недостатком в преподавании истории является слабая организация семинарских занятий и спецсеминаров. Преподаватели в недостаточной мере используют время, не всегда умело подбирают темы и литературу для самостоятельной работы студентов.

Было также отмечено несовершенство учебного плана по истории СССР.

В своём докладе о проекте новой программы И. И. Минц указал, что в ней перестроена периодизация истории СССР с учётом смены общественно-экономических формаций и этапов их развития.

Второе отличие проекта программы — её новые разделы по истории внешней политики и дипломатии. Великая Отечественная война советского народа против гитлеризма показала, что в преподавании истории мы оставили в стороне чрезвычайно важный вопрос — историю дипломатии. Новая программа построена так, что студенты получат полное представление по этому разделу истории.

Третье отличие заключается в более широком отражении истории нашей национальной культуры.

В программу внесены поправки по истории военного искусства. Эта часть программы расширена, в ней подчёркивается национальный характер военного искусства, отмечаются выдающиеся военные события и полководцы.

Разделы программы, посвящённые общегосударственной истории, не претерпели сокращения.

Новая программа доводит изучение истории до 1945 г. и включает раздел «Великая отечественная война».

Секция одобрила программу и рекомендовала ускорить её издание.

Историками была обсуждена также подготовленная Комитетом программа семинарских занятий по истории СССР на I, II и III курсах исторических факультетов пединститутов. Программа разработана впервые и имеет целью упорядочить организацию семинарских занятий и централизовать контроль над самостоятельной работой студентов по истории.

Секция приняла предложение о перестройке учебного плана по истории СССР в следующем виде: лекционный курс — 350 час., в том числе I курс (до конца XVIII в.) — 140 час., II курс (XIX и XX вв. до февральской революции) — 140 час. и III курс (советский период) — 70 часов. Для работы семинаров (по 2 часа в неделю в течение трёх лет) отводится по 70 час. ежегодно. На IV курсе вводится обязательный (альтернативный) спецсеминар как подготовка курсовой работы для конкурса в аспирантуру.

Е. Плотнокова

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Баевский Д.— Из истории советского крестьянства (1918—1920 годы)	3
Иванов Л.— Революция 1905 года на Украине	23
Кафенгауз Б.— Строительство первых уральских заводов	44
Греков Б., акад.— Монастырские детёныши	74
Семёнов В., проф.— Политика Кромвеля в Ирландии 1649—1650 годов	85
Гуковский М., проф.— Итальянское Возрождение в трудах русских учёных XIX века	97
Заходер Б., проф.— Хорасан и образование государства сельджуков	119

СООБЩЕНИЯ, ПУБЛИКАЦИИ, ЗАМЕТКИ

Полосин И., проф.— Споры об «опричнине» па польских сеймах XVI века (1569—1582)	142
Нотович Ф., проф.— Из дипломатической истории мюнхенского соглашения . . .	154
Гутнова Е.— Томас Карлейль как историк	174
Го Мо-жо, проф.— Изучение истории в Китае во время войны	182

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Яцунский В.— Изучение истории СССР в Калифорнийском университете в США .	186
Шийк А., проф.— Мольнар Э. История венгерского общества от древних времён до века Арпадов. Molnar Erik. A magyar tatarsadalom története an őshortol Agraahoriny	200
Тихомиров М., проф.— «Исторически преглед» №№ 1, 2-3 и 4, година първа . .	201

ХРОНИКА

Историческая наука в СССР

Плотникова Е.— Всесоюзное совещание руководителей кафедр общественных наук	204
--	-----

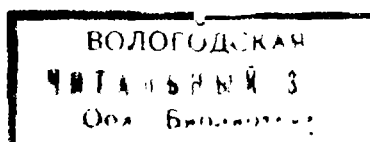

CONTENTS

ARTICLES: Bayevsky D. — From the History of Soviet Peasantry
Ivanov L. — The 1905 Revolution in the Ukraine. Kafenhauß B. —
Construction of the First Urals Plants. Grekov B., Acad. — Monastery
„Dietyonishi“. Semyonov V., Prof. — Cromwell's Policy with Regard to
Ireland during the Years 1649—1650. Gukovsky M., Prof. — The Italian
Renaissance in the Works of Russian Scientists of the 19th Century.
Zakhoder B., Prof. — Khorasan and the Formation of the State of Seldjaks.
INFORMATION, PUBLICATIONS, NOTES: Polosin I., Prof. — Arguments
on the Question of „Oprichnina“ in the Polish Seim of the 16th Century
(1569—1582). Notovich F., Prof. — From the Diplomatic History of the
München Agreement. Gutnova E. — Thomas Carlyle as a Historian.
Go-Mo-o-geo. The Study of History in China during the War. CRITICISM
AND BIBLIOGRAPHY. CALENDAR OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Baevski D. — Contribution à l'histoire de la paysannerie
soviétique. Ivanov L. — La révolution de 1905 en Ukraine. Kafenhauß B. —
Construction des premières usines dans l'Oural. Grékov B., académ. —
Les „dietionychi“ des monastères. Semenov V., prof. — La politique de
Cromwell en Irlande (1649-1650). Goukovski M., prof. — La Renaissance
en Italie vue par les savants russes du XIXe siècle. Zakhoder B., prof. —
Khorassan et la formation de l'Etat Seldjoucite. COMMUNICATIONS,
PUBLICATIONS, NOTES. Polossine I., prof. — Les débats sur „opri-
tchnina“ dans les Diètes polonaises au XVIe siècle (1569-1582). Not-
vitch F., prof. — Histoire diplomatique de l'accord de Munich. Gout-
nova E. — Thomas Carlyle, historien. Go-Mo-jo. L'étude de l'histoire
en Chine pendant la guerre. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. CHRONIQUE

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (ответственный редактор), Е. Н. Городецкий,
Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский,
И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова
С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Д 3-31-04.

А — 01931.

Изд. № 931

Заказ № 2670.

Тираж 33 200.

Подписано к печати 18/II 46 г.

13 печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.